

Национальный бестселлер Британии

Sunday Times Bestseller

Amazon Bestseller

В С Я

Я р о с т ь

К а р а
Х а н т е р

В Великобритании продан
1 000 000 книг об инспекторе Фаули

Annotation

«Еще одна дура-студентка, – подумал водитель такси, – наакалась дешевого сидра и бредет среди ночи домой». Но затем он увидел ее лицо...

Фейт Эпплфорд похитили, надели на голову пластиковый пакет, связали руки проволокой и увезли в уединенное место. Чудом ей удалось спастись. Полицейская команда инспектора Адама Фаули сразу понимает – девушка знает, кто напал на нее. Однако та настаивает: «Просто розыгрыш зашел слишком далеко». И отказывается выдвигать обвинения. Но вскоре детективы убеждаются, что она скрывает гораздо больше. Оказывается, Фейт – вовсе не Фейт...

- [Кара Хантер](#)
  -
  - [Пролог](#)
  -
  - [Эпилог](#)
  - [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)

- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)

- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

Кара Хантер

Вся ярость

Посвящается моему брату Марку

Cara Hunter

ALL THE RAGE

Copyright © Cara Hunter, 2020

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Ночь такая теплая, что окно у нее открыто; тюлевые занавески лениво трепещут от едва ощутимого дуновения летнего зноя. В квартире горит свет, но только в гостиной: вот откуда он узнал, что она одна. И еще играет музыка. Негромко, но он совсем рядом и потому слышит ее. Сначала это его пугало – то, что он может выдать себя, если подойдет слишком близко. Но теперь он спокоен: даже в светлое время суток повсюду стоят такие фургоны, как у него. Их перестали замечать. Даже люди наблюдательные. Такие, как она.

Он еще чуточку открывает окно. Должно быть, она собирается куда-то идти, потому что музыка быстрая, энергичная, бодрая, а не тот ленивый джаз, который она обыкновенно предпочитает. Он закрывает глаза, стараясь представить себе, что она собирается надеть, что она как раз сейчас натягивает на свою кожу – еще влажную после душа, который, как он слышал, только что приняла. Не черное платье с бисером, такое облегающее, что он может мысленно представить себе все изгибы ее тела: если б она собиралась поужинать со своим никчемным дружкой, то не стала бы слушать такую мусорную музыку. И не со своими родителями: если б те приехали в Оксфорд, он увидел бы их машину. Нет, этот вечер она собирается провести с подругами. Из чего следует, что она выберет что-нибудь менее откровенное – что-нибудь сдержанное, вежливо намекающее на недоступность. Возможно, синее, с широкими рукавами. Из ткани, которую называют газом. Раньше он этого не знал. Красивое платье. Нейтральное. И одно из ее любимых.

Ничего этого она ему не говорила. Он сам все узнал. И сделать это оказалось совсем нетрудно. Достаточно только наблюдать. Наблюдать, ждать и делать выводы. Иногда достаточно всего нескольких дней, однако такие случаи редко приносят удовлетворение. Это же дело тянется больше трех недель, но он любит, когда все развивается медленно. И что-то подсказывает ему, что она будет того стоить. Как утверждается в рекламе шампуня, которым она пользуется. И в любом случае он убедился на собственном опыте, что торопить такие вещи нельзя. Именно тогда совершаются ошибки. Именно тогда все идет наперекосяк.

Кто-то идет. Он слышит стук каблуков по асфальту. Шпильки. Хихиканье. Он чуть перемещается, чтобы лучше видеть, и пластик сиденья скрипит под ним. На противоположной стороне улицы показываются две

девицы. В этой парочке нет ничего сдержанного, это уж точно. Платья с блестками, ярко накрашенные губы, ковыляют на высоченных шпильках, словно шлюхи; дуручки уже здорово навеселе. Раньше он их не видел, но это точно ее подружки, потому что они останавливаются перед ее домом и начинают рыться в сумочках. Одна достает что-то и торжествующе размахивает этим, громко заявляя: «Вот она!» Яркая розовая лента, на которой написано что-то блестящими буквами, но он не может прочитать что. Впрочем, это ему и не нужно. Он прищуривается – такое дерьмо он уже видел. Это девичник. Долбаный девичник! С каких это пор ее интересует подобная дрянь? Девицы нагнулись друг к другу, и в их смехе и перешептываниях есть что-то такое, от чего у него по спине пробегают мурашки беспокойства. Господи, это не ее девичник! Этого не может быть... он обязательно знал бы... у нее даже нет кольца... он бы увидел...

Он подается вперед, стараясь рассмотреть получше. Одна из девиц жмет на кнопку звонка так долго, что наверху распахивается окно.

– Обязательно нужно так шуметь?

Она пытается выразить недовольство, однако в ее голосе звучит смех. Она свешивается в окно, и прядь длинных темных волос спадает на плечо. Волосы еще влажные после душа. У него пересыхает в горле.

Одна из девиц смотрит вверх и торжествующе вскидывает руки. В одной она держит пластмассовую корону, а в другой – розовый пояс.

– Эй! Смотри, что у нас есть!

Девушка в окне качает головой.

– Хло, ты же обещала – абсолютно никаких тряпок и никаких диадем!

Две девицы внизу заливаются хохотом.

– Вообще-то этот *чрезвычайно* изысканный декоративный головной убор мой, а не твой, – слегка заплетающимся языком говорит вторая девица. – А для тебя у нас вот *эта* штучка...

Она роется в сумочке и достает что-то, и когда на это падает свет фонаря, он получает возможность хорошенько рассмотреть: ярко-розовая заколка для волос с выложенным блестками словом «ЗАНЯТА».

Девушка в окне снова качает головой.

– Ну чем я провинилась, что заслужила таких подруг, а?

Она ныряет в комнату, слышится жужжание домофона, и две девицы вваливаются в дом, продолжая хихикать.

Мужчина открывает бардачок. Этой сучке повезло, что он не займется ею прямо здесь и сейчас, – это положило бы конец их мерзкой бабской вечеринке. Но он этого не сделает. Ему нужно приятное возбуждение ожидания – он хочет этого даже сейчас. Утонченное предвкушение, где

важна каждая мелочь: как от нее будет пахнуть, какая она будет на вкус, какие у нее будут волосы... А также сознание того, что он может получить все это, когда пожелает, – и единственное, что его останавливает, это собственная сдержанность...

Он сидит какое-то время, сжимая и разжимая кулаки, позволяя своему сердцу замедлить ход. Затем вставляет ключ в замок зажигания и заводит двигатель.

* * *

Будильник звонит в семь, но Фейт Эпплфорд вот уже час как встала. Прическа, одежда, туфли, косметика – все это требует времени. В настоящий момент она сидит перед зеркалом, накладывает последние штрихи туши, подводя брови. Слышит, как мать окликает из кухни:

– Надин, ты еще валяешься в кровати? Если хочешь, чтобы тебя подвезли, ты должна через десять минут спуститься вниз.

Из соседней комнаты доносится недовольный стон, и Фейт мысленно представляет себе, как сестра переворачивается на другой бок и накрывает голову подушкой. Постоянно одно и то же, по утрам Надин просто безнадежна. В отличие от Фейт. Та всегда готова заблаговременно. Всегда полностью собрана.

Фейт снова поворачивается к зеркалу и крутит головой вправо и влево, проверяя углы, подергивая прядь волос, поправляя ворот свитера. Красивая. И это не просто показная красота. Она действительно красивая. Очень красивая.

Фейт поднимается на ноги и выбирает сумочку из нескольких висящих на двери. Замшевую. Ну, на самом деле это не настоящая замша, но нужно присмотреться очень внимательно, чтобы это разглядеть. Зато цвет – как раз то что надо, особенно вместе с этим жакетом. Идеальный оттенок синего.

* * *

Адам Фаули
1 апреля 2018 года
09:15

– Нормально? Не холодно?

Я почувствовал, как Алекс вздрогнула, когда прибор прикоснулся к ее коже, однако она поспешно качает головой и улыбается.

– Нет, все в порядке.

Медсестра отворачивается к монитору и стучит по клавиатуре. В палате все приглушено. Свет неяркий, звук глухой, словно под водой. Вокруг бурлит своей жизнью больница, однако здесь, прямо сейчас, время замедлилось до сердцебиения.

– Ну, вот и готово, – наконец говорит медсестра и с улыбкой разворачивает монитор к нам.

Изображение на экране оживает. Головка, носик, крошечный кулачок, поднятый словно в приветствии. Движение. Жизнь. Алекс сжимает мне руку, однако ее взгляд прикован к ребенку.

– Вы видите это впервые, мистер Фаули, да? – продолжает медсестра. – По-моему, во время первого осмотра вас здесь не было...

Несмотря на жизнерадостный тон, в ее голосе сквозит осуждение.

– Понимаете, Адам тут ни при чем, – спешит вмешаться Алекс. – Это я... я страшно боялась, вдруг случится что-то неладное... не хотела сглазить...

Я крепче сжимаю ей руку. Мы это уже обсудили. Почему Алекс ничего мне не сказала, почему не могла даже жить со мной до тех пор, пока не узнала точно. Пока не узнала наверняка.

– Все в порядке, – говорю. – Главное – то, что сейчас я здесь. И у ребенка все отлично.

– Ну, сердечко стучит ровно, сильно, – говорит медсестра, снова стуча по клавиатуре. – Развивается малыш нормально, сейчас он именно такой, каким и должен быть на двадцать второй неделе. Я не вижу никаких причин для беспокойства.

Ловлю себя на том, что выдыхаю, – я даже не заметил, что перестал дышать. Мы – родители в возрасте, мы прочитали все брошюры, сдали все тесты, и все-таки...

– Вы абсолютно уверены? – спрашивает Алекс. – Потому что я совсем не хочу, чтобы со мной случился амнио...

Медсестра снова улыбается, тепло, искренне.

– Все в полном порядке, миссис Фаули. Вам не о чем беспокоиться.

Алекс поворачивается ко мне со слезами на глазах.

– Все хорошо, – шепчет она. – Все будет хорошо.

На экране ребенок внезапно кувыркается – крошечный дельфин, резвящийся в серебристой темноте.

– И так, – говорит медсестра, снова беря прибор, – вы хотите узнать пол?

* * *

Фиона Блейк ставит перед дочерью тарелку с хлопьями, но Саша ничего не замечает. Она не отрывает взгляда от телефона с тех самых пор, как спустилась вниз, и Фиона едва сдерживается, чтобы не высказаться. В этом доме не принято приходить в обеденный зал с телефоном. Не потому, что Фиона так приказала; они договорились, мать и дочь, что так делать не надо. Фиона отворачивается, чтобы налить в чайник воды, но когда возвращается к столу, Саша по-прежнему таращится на этот чертов экран.

– Неприятности? – спрашивает Фиона, стараясь скрыть в своем голосе раздражение.

Саша отрывается от телефона и качает головой.

– Извини, просто Пэтс сказала, что сегодня не пойдет в школу. Ее выворачивало всю ночь.

Фиона строит гримасу.

– Зимняя рвота^[1]?

Саша кивает, затем отодвигает телефон.

– Похоже на то. Вроде ей совсем плохо.

Фиона придирчиво рассматривает дочь: у Саши горят глаза, щеки слегка покраснелись. Если задуматься, она такая уже целую неделю.

– Саша, ты хорошо себя чувствуешь? Выглядишь так, словно у тебя температура.

Она удивленно раскрывает глаза.

– У меня? Я себя чувствую хорошо. Честное слово, мам, я в полном порядке. И умираю от голода.

Саша улыбается матери и тянется за ложкой.

* * *

В дежурной комнате полицейского участка Сент-Олдейт констебль Энтони Асанти пытается улыбнуться. Выражение лица сержанта Гислингхэма позволяет предположить, что получается это у него не очень хорошо. И дело не в том, что Асанти лишен чувства юмора, просто юмор его не из серии кремowych тортов и банановой кожуры. Вот почему ему

никак не удастся найти что-либо смешное в перевернутом вверх дном стакане с водой у себя на столе. И еще он злится на себя за то, что забыл, какой сегодня день, и почему, черт возьми, не проявил должной осторожности. Ему следовало бы разглядеть нечто подобное за целую милю: самый молодой член команды, только что закончил учебу, прямым из Мет^[2]. С таким же успехом он мог бы написать большими буквами у себя на лбу: «Мишень для шуток». И вот теперь все стоят вокруг, смотрят на него и ждут, как он себя поведет, покажет, что он «парень что надо» или же просто «так себе» (как считает констебль Куинн, судя по презрительной усмешке, которую тот даже не пытается скрыть, хотя Асанти так и подмывает спросить, чью роль, горшка или котла, играет в этом сам Куинн^[3]). Собравшись с духом, Асанти растягивает улыбку чуть шире. В конце концов, могло быть и хуже. Один придурок в первый день службы Асанти в Брикстоне оставил у него на столе связку бананов.

– Так, ребята, – говорит Энтони, обводя помещение взглядом, в котором, как он надеется, в должной пропорции сочетаются мрачная ирония и «все это я уже видел», – очень забавно.

Гислингхэм сияет, испытывая нескрываемое облегчение. В конце концов, шутка есть шутка, а в этом ремесле нужно принимать шутки и самому подкалывать своих товарищей, но все-таки он еще не вполне освоился со своим новым положением, обусловленным сержантскими лычками, и не хочет, чтобы его видели насмехающимся над кем бы то ни было. И в первую очередь над единственным чернокожим членом команды. Гислингхэм треплет Асанти по плечу со словами: «Молодец, Тони», после чего решает, что ему, пожалуй, лучше на этом закончить, и направляется к кофеварке.

* * *

Адам Фаули
1 апреля 2018 года
10:25

– Ну, и как все будет дальше?

Алекс медленно усаживается на диван и закидывает ноги вверх. Я протягиваю ей кружку, и она обхватывает ее пальцами.

– Это ты о чем? – говорит Алекс, притворяясь простодушной, но с хитрым выражением на лице.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, – о той мелочи, что я пол не знаю, а ты знаешь.

Алекс дует на чай, затем поднимает взгляд на меня – сама невинность.

– И почему с этим должны возникнуть какие-либо проблемы?

Я отодвигаю подушку и подсаживаюсь к ней.

– Как ты собираешься сохранить это в тайне? Рано или поздно ты обязательно проговоришься.

Она улыбается.

– Ну, до тех пор, пока ты не прибегнешь к своей печально знаменитой технике ведения допросов, полагаю, я уж как-нибудь смогу. – Увидев мое лицо, Алекс смеется. – Слушай, я обещаю держать в уме два списка возможных имен...

– Хорошо, но...

– И не покупать ничего голубого.

Прежде чем я успеваю раскрыть рот, она снова улыбается и легонько толкает меня ногой.

– И розового.

Я качаю головой, неубедительно изображая неодобрение.

– Я сдаюсь!

– Нет, неправда, – говорит Алекс, уже совершенно серьезно. – Ты никогда не сдаешься. Ни при каких обстоятельствах.

И оба мы понимаем, что она имеет в виду не только мою работу.

Я встаю.

– Постарайся сегодня отдохнуть, хорошо? Без поднятия тяжестей и прочих глупостей.

Алекс вопросительно поднимает брови.

– А я как раз собиралась поколоть дрова, придется это отложить...
Черт!

– И если тебе что-нибудь понадобится в магазине, дай мне знать по «мылу».

Шутливо козырнув, Алекс снова пихает меня ногой.

– Ступай! Ты уже опоздал. А я уже проходила через все это, не забывай. Обои в комнате Джейка я клеила, когда живот у меня был вдвое больше, чем сейчас.

Алекс улыбается мне, а я вдруг ловлю себя на том, что не могу вспомнить, когда она в последний раз так говорила. Все эти месяцы после смерти Джейка Алекс воспринимала материнство лишь как горечь утраты. Не только скорбь по сыну, но и отчаяние от невозможности иметь других детей. Все это время она могла говорить о нашем сыне лишь с болью. Но

сейчас, возможно, ей наконец удастся воскресить и ту радость, которую он дарил. Этот ребенок никогда не сможет стать заменой Джейку, даже если бы мы того захотели, но, быть может, он – или она – все-таки сможет стать искуплением...

И только подойдя к двери, я оборачиваюсь.

– Какая еще печально знаменитая техника ведения допросов?

Смех Алекс провожает меня всю дорогу до калитки.

* * *

Времени уже 10:45, а Эрика Сомер все еще стоит в заторе на шоссе А33. Она собиралась вернуться домой из Гемпшира еще вчера вечером, однако каким-то образом прогулка по берегу моря перешла в ужин, а ужин перешел в лишний выпитый бокал, и в половине десятого они с Джайлсом согласились, что за руль ей лучше не садиться. Поэтому новый план заключался в том, чтобы встать в пять утра и опередить понедельничный утренний час пик, но почему-то и этого также не случилось, и было уже девять с минутами, когда Сомер наконец смогла выехать. Однако она не жалуется. Она улыбается, кожа ее до сих пор приятно зудит, несмотря на горячий душ и холодную машину. Хотя это означает, что ей не во что переодеться и она не успеет заскочить домой. Телефон пищит, и Эрика смотрит на экран. Сообщение от Джайлса. Читая его, Сомер снова улыбается; ее так и подмывает написать лукавый ответ насчет того, что сказал бы суперинтендант, если бы Джайлс по ошибке отправил *такое ему*, однако машина впереди наконец трогается. Джайлсу – в кои-то веки – придется подождать.

* * *

Увидев девушку, водитель такси сначала решил, что она пьяна. «Еще одна дура-студентка, – подумал он, – накалаась дешевого сидра и бредет среди ночи домой». Девушка была в доброй сотне ярдов впереди, но таксист видел, как ее мотает из стороны в сторону. И только подъехав ближе, он сообразил, что на самом деле она хромает. Девушка была в туфлях, но на одной сломался каблук-шпилька. Именно это заставило таксиста сбросить скорость. Это, а также то, где все это происходило. На пустынной Марстон-Ферри-роуд, за много миль до чего бы то ни было. Но

в то же время Оксфорд где-то неподалеку. Посигналив, таксист свернул на обочину к девушке, по-прежнему полагая, что она пьяна.

Но затем он увидел ее лицо.

* * *

Когда поступает звонок, во всем участке, можно сказать, никого нет. Куинн где-то гуляет, Фаули должен появиться не раньше обеда, а Гислингхэм на учебе. Что-то связанное с управлением людьми, как объясняет Бакстер. После чего криво усмехается и замечает, что не понимает, зачем сержант тратит на это время: все, что нужно знать на этот счет, Гис может получить от своей собственной жены.

Сомер только что вернулась с салатом и кофе для всех, и тут звонит телефон. Эверетт снимает трубку и зажимает ее плечом, продолжая набирать текстовое сообщение на компьютере.

– Извините? – внезапно восклицает она и, забыв про электронную почту, сжимает трубку. – Вы можете повторить еще раз? Вы уверены? И когда это произошло? – Хватает ручку и что-то черкает на листе бумаги. – Передайте: мы будем на месте через двадцать минут.

Сомер оглядывается по сторонам, что-то ей подсказывает, что салату придется подождать. Опять. Горячие блюда она уже давно перестала покупать.

Эверетт кладет трубку.

– На Марстон-Ферри-роуд обнаружена девушка.

– Обнаружена? Что значит «обнаружена»?

– В состоянии шока, на запястьях следы от веревок, которыми она была связана.

– *Связана? Она была связана?*

Лицо Эверетт мрачное.

– Боюсь, все гораздо хуже.

* * *

Адам Фаули

1 апреля 2018 года

12:35

Когда мне звонит Эверетт, я все еще на кольцевой дороге.

– Сэр! Мы с Сомер направляемся в Лейкс. Примерно десять минут назад поступил звонок – на Марстон-Ферри-роуд обнаружили девушку в невменяемом состоянии. Судя по всему, на нее напали.

Включив поворотник, я съезжаю с шоссе на стоянку и беру телефон.

– Сексуальное нападение?

– Точно мы этого не знаем. Но, если честно, пока что мы мало что знаем точно.

Я чувствую, что дело серьезное, по одному только ее голосу. А если я что-то и знаю об Эв, так это то, что у нее великолепное чутье. Великолепное чутье и недостаточно уверенности, чтобы полагаться на него. И на себя саму. Гислингхэму нужно будет этим заняться, когда он вернется со своих курсов по отношениям между людьми.

– Тебя что-то беспокоит, ведь так?

– Одежда на ней разорвана и перепачкана, на руках следы от веревок...

– Господи!..

– Понимаю. Судя по всему, девушка находилась в ужасном состоянии, но все дело в том, что она наотрез отказалась обратиться в полицию или к врачу. Она попросила обнаружившего ее водителя такси отвезти ее прямоком домой и ничего не заявлять в полицию. К счастью, последней просьбе тот не внял.

Я роюсь в бардачке в поисках бумаги и прошу Эв повторить мне адрес в Лейкс. И если вы недоумеваете, как не заметили все эти водные пространства^[4] во время обзорной экскурсии по Оксфорду, знайте: на самом деле на многие мили вокруг здесь нет ничего крупнее пруда. Лейкс – это жилой район в Марстоне, который начал застраиваться в 1930-е годы. Называют его так потому, что многие улицы здесь названы в честь озер: Дервент, Конистон, Грасмер, Райдал. Мне хочется думать, что давным-давно какой-то архитектор скучал по родным долинам на севере Англии, на что Алекс говорит, что я неисправимый романтик.

– Нам известно имя девушки?

– Мы полагаем, ее могут звать Фейт^[5]. Таксист сказал, что на ней было ожерелье с этим именем. Хотя, возможно, ожерелье было из серии «Вера, Любовь, Жизнь»... Вы наверняка такие видели.

Видел. Но уж точно не на Эв. Что же касается таксиста, он, похоже, оказался не просто великодушным, но и наблюдательным. Чудесное совпадение.

– Судя по спискам избирателей, по этому адресу проживает некая

Диана Эпплфорд, – продолжает Эв. – Она переехала сюда около года назад, никаких неприятностей с законом за ней не числится, нигде себя не проявила. А вот никакого мистера Эпплфорда нет – по крайней мере, проживающего вместе с ней.

– Хорошо, мне ехать минут десять.

– Мы сейчас как раз сворачиваем на Райдал-уэй, но можем подождать вас.

* * *

Дом Дианы Эпплфорд – опрятный домик, примыкающий одной стеной к соседнему, с вымощенным двориком, обнесенным невысокой стеной из белого кирпича, разделенного прожилками цемента. Когда я был маленьким, точно такой же забор был у наших соседей. В сочетании с кружевными занавесками на окнах это придает дому такой вид, будто он застрял году этак в 1976-м.

Я вижу, как Сомер и Эверетт выходят из машины и направляются ко мне. Эверетт в своем стандартном сочетании белой блузки, темной юбки и чувственного макияжа, хотя ярко-алый шарф определенно придает ей бунтарский вид. Сомер – разительный контраст – в черных джинсах, кожаной куртке и полусапожках на высоком каблуке с бахромой сзади. Обыкновенно она на работу так не одевается, поэтому я решаю, что она провела выходные у своего ухажера и не заезжала домой. Увидев меня, Сомер слегка краснеет, что подтверждает справедливость моего предположения. С ним она познакомилась, когда мы занимались делом Майкла Эсмонта. Я имею в виду ухажера. Джайлс Сомарес. Он тоже коп. И я до сих пор не решил, хорошо это или плохо.

– Добрый день, сэр, – говорит Эверетт, поправляя ремешок сумочки на плече.

Я сую руку в карман за мятной конфеткой. Теперь я постоянно ношу их с собой горстями. Бросать курить – страшное испытание, однако это не обсуждается. Под этим я подразумеваю – не обсуждается с самим собой, у Алекс я не спрашивал.

– Хорошо ли это? – спрашивает Сомер, глядя на конфетку. – Я хочу сказать, для зубов.

Я хмурюсь, затем вспоминаю, что сам сказал им, где буду сегодня утром. У зубного. Самая предпочтительная универсальная ложь во спасение. И не то чтобы ребенок – это какая-то тайна, в свое время все всё

узнают. Но просто... понимаете... не сейчас.

– Как оказалось, у меня все в порядке, – говорю я. – Врач мне ничего не лечил. – Поворачиваюсь к Эв. – Итак, скажете что-нибудь еще, прежде чем мы нагрянем в дом?

Она качает головой.

– Вы знаете столько же, сколько знаем мы.

* * *

У женщины, которая открывает дверь, выцветшие светлые волосы, на ней белые спортивные штаны и белая футболка с надписью «Так себе мамаша». На вид ей сорок с небольшим. Выглядит она уставшей. Уставшей и раздраженной.

– Миссис Эпплфорд?

Женщина смотрит на меня, затем на моих спутниц.

– Да. А вы кто такие?

– Я инспектор Адам Фаули. Это констебль Эверетт и констебль Сомер. Женщина крепче стискивает ручку двери.

– Фейт же ясно выразилась: она не хочет вмешивать полицию. Вам незачем...

– Фейт – это ваша дочь?

Женщина колеблется мгновение, словно подтверждение даже этого очевидного факта станет предательством.

– Да. Фейт моя дочь.

– Водитель, подобравший ее, был крайне обеспокоен ее состоянием. Как и мы, разумеется.

Сомер трогает меня за плечо и указывает назад. Но мне даже не нужно оборачиваться. Я буквально слышу шелест раздвигаемых занавесок.

– Миссис Эпплфорд, мы можем войти? Всего на одну минуту. Говорить в доме гораздо удобнее.

Женщина бросает взгляд на противоположную сторону улицы, она также замечает любопытных соседей.

– Ладно. Но только на одну минуту, хорошо?

* * *

Гостиная выкрашена в бледно-лиловый цвет, диван и кресла, очевидно,

подбирались в тон, однако краски настолько холодные, что это действует на нервы. И, пожалуй, для такого помещения мебель чересчур громоздкая. Меня постоянно ставит в тупик, почему люди не измеряют свои комнаты, прежде чем покупать мебель. Чувствуется сильный запах освежителя воздуха. Лаванда. Кто бы сомневался.

Хозяйка не предлагает нам сесть, поэтому мы неловко переминаемся на узкой полоске ковра между диваном и кофейным столиком со стеклянной столешницей.

– Миссис Эпплфорд, ваша дочь вчера ночью была здесь?

Женщина молча кивает.

– Она провела дома всю ночь?

– Да. Она никуда не выходила.

– Значит, вы видели ее за завтраком.

Еще один кивок.

– Когда это случилось? – спрашивает Сомер, украдкой доставая из куртки записную книжку.

Женщина обхватывает себя руками. Я стараюсь не делать заключений из языка ее жестов, однако это непросто.

– Полагаю, где-то без четверти восемь. Мы с Надин вышли ровно в восемь, но Фейт сегодня утром не торопилась. Она ушла около девяти, чтобы успеть на автобус.

Значит, на самом деле она *не знает*, чем сегодня утром занималась ее дочь. От того, что какое-то событие постоянно происходит так, еще не следует, что и сегодня было так же.

– Надин – это тоже ваша дочь? – спрашивает Сомер.

Женщина кивает.

– Я отвожу ее в школу по дороге на работу. Я секретарша у одного врача в Саммертауне.

– А Фейт?

– Она учится в колледже дальнейшего образования^[6] в Хедингтоне. Вот почему она ездит на автобусе. Это в противоположную сторону.

– Сегодня в течение дня вы общались с Фейт?

– Я отправила ей сообщение насчет тенниса, но она не ответила. Это была просто ссылка на статью про Меган Маркл. Сами понимаете, свадьба. Платье. Фейт интересуется всем этим. Она учится на модельера. У нее настоящий талант.

– И это было необычно – я имею в виду, то, что она не ответила?

Женщина задумывается, затем пожимает плечами.

– Да, наверное.

Снова моя очередь.

– У Фейт есть парень?

Женщина чуть прищуривается.

– Нет. В настоящий момент нет.

– Но она бы вам сказала, если б он был?

Она бросает на меня неприязненный взгляд.

– У Фейт нет от меня никаких секретов, если вы к этому клоните.

– Не сомневаюсь в этом, – примирительно говорит Сомер. – Мы просто стараемся выяснить, кто это сделал. Если это был кто-либо из тех, кого ваша дочь знает...

– Парня у нее нет. Она *не хочет* заводить парня.

Пауза.

Сомер бросает взгляд на Эв: «Почему бы тебе не попробовать?»

– Вы были дома, – говорит Эв, – когда таксист привез вашу дочь?

Женщина смотрит на нее, затем кивает.

– Вообще-то меня не должно было быть. Но я забыла дома очки и вернулась за ними.

Эв и Сомер снова переглядываются. Кажется, я знаю, о чем они подумали: если б миссис Эпплфорд случайно не оказалось дома, вполне вероятно, девушка попыталась бы скрыть случившееся и от матери. Что же касается меня, я все больше и больше убеждаюсь в том, что Эв права: тут определенно что-то не так.

Я делаю шаг вперед.

– Миссис Эпплфорд, вы знаете, почему Фейт решила не говорить с нами?

Она встает на дыбы.

– Она не обязана! И этого достаточно, ведь так?

– Но если ваша дочь была изнасилована...

– Она *не была* изнасилована. – Тон категоричный. Непреклонный.

– Почему вы так уверены?

Ее лицо становится жестким.

– Она мне сказала. Фейт мне сказала. А моя дочь *не лжет!*

– Я это и не говорю. Ни в коей мере. – Теперь женщина не смотрит на меня. – Послушайте, я понимаю, что расследование дела об изнасиловании может причинить психологическую травму – я ни за что не стану винить того, кого пугает такая перспектива, – но сейчас все обстоит совсем не так, как было раньше. У нас есть сотрудники, прошедшие соответствующее обучение, например, констебль Эверетт...

– Никакого изнасилования не было!

– Я очень рад это слышать, но, возможно, мы по-прежнему имеем дело с серьезным преступлением. Оскорбление действием, нанесение телесных повреждений...

– Сколько вам повторять? Никакого преступления *не было*, и Фейт *не собирается* писать заявление в полицию. Так что, пожалуйста, просто оставьте нас в покое.

Женщина обводит нас взглядом, одного за другим. Она хочет, чтобы мы направились к выходу, сказав, что, если Фейт передумает, она может связаться с нами. Но мы не уходим. Я не уйду.

– Ваша дочь отсутствовала в течение двух часов, – мягко говорит Эв. – С девяти до одиннадцати, когда мистер Маллинс увидел ее бредущей вдоль Марстон-Ферри-роуд, в ужасном состоянии – вся в слезах, одежда перепачкана и разорвана, у одной туфли сломан каблук... *Что-то* произошло.

Миссис Эпплфорд вспыхивает.

– Я так понимаю, это была какая-то глупая первоапрельская шутка. Зашедшая слишком далеко.

Однако никто из присутствующих в это не верит. В том числе и она сама.

– Если это действительно был розыгрыш, – наконец говорю я, – тогда мне хотелось бы, чтобы Фейт лично это подтвердила, пожалуйста. Но если это был *не* розыгрыш, тот, кто поступил так с вашей дочерью, может сделать это снова. И другая девушка пострадает так, как только что пострадала Фейт. Я не могу поверить, что вы этого хотите. Ни вы, ни ваша дочь.

Миссис Эпплфорд смотрит мне в лицо. Это еще не мат, но я хочу сделать так, что отказаться ей будет чертовски нелегко.

– Насколько я понимаю, Фейт сейчас дома?

– Да, – наконец говорит женщина. – Она в саду.

Подышать свежим воздухом? Покурить? Просто уйти подальше от всех этих мерзких людей? Если честно, я согласен с ней по всем трем пунктам.

Миссис Эпплфорд глубоко вздыхает.

– Послушайте, я схожу и спрошу, хочет ли она говорить с вами, но принуждать ее не буду. Если Фейт откажется, значит, таково ее решение.

Это лучше, чем ничего.

– Справедливо. Мы подождем здесь.

Как только за ней закрывается дверь, я начинаю расхаживать по комнате. Картины импрессионистов. В основном Моне. Пруды, лилии и все

такое. Называйте меня циником, но я подозреваю, что только у них, скорее всего, и был нужный оттенок бледно-лилового цвета.

– Мне бы хотелось побывать там, – говорит Эв, указывая на пейзаж с мостом в Живерни. – Это на первом месте в списке того, что я сделаю, если выиграю в лотерею. И найду, с кем туда поехать. – Она строит гримасу. – А также в этом списке Тадж-Махал и Бора-Бора^[7], разумеется.

Сомер оборачивается и улыбается; она у каминной полки, изучает семейные фотографии.

– И в моем тоже. По крайней мере Бора-Бора.

Я вижу, как Эв бросает многозначительный взгляд на Сомер, отчего та снова улыбается, но, увидев, что я все вижу, поспешно отводит взгляд.

Эв поворачивается ко мне.

– Кажется, сейчас самое время заглянуть в туалет. Надеюсь, вы понимаете, куда я клоню...

Я киваю, и она быстро выскальзывает из комнаты. И практически сразу же в коридоре звучат шаги и возвращается Диана Эпплфорд.

– Она готова говорить...

– Спасибо.

– Но только с женщиной, – продолжает она. – Не с *вами*.

Я бросаю взгляд на Сомер, и та кивает.

– Все в порядке, сэр.

Я поворачиваюсь к женщине и изображаю свою самую очаровательную улыбку под названием «готов вам служить».

– Прекрасно понимаю, миссис Эпплфорд. Я подожду своих коллег в машине.

* * *

Эв останавливается наверху лестницы. Слева от нее – открытая дверь в ванную. Белый кафель, толстая пластиковая занавеска душа и сильный запах отбеливателя. Полотенца, замечает Эв (аккуратно сложенные, не так, как дома у нее самой), того же самого бледно-лилового цвета, что и гостиная на первом этаже. Это уже *что-то*.

Перед Эв еще три двери, две из них открыты. Спальни хозяйки дома, кровать застелена атласным покрывалом (приза тому, кто угадал цвет, не будет), и, решает Эв, младшей дочери. Куча одежды и обуви, валяющейся там, где ее бросили. Небрежно свисающее на пол пуховое одеяло, разбросанные мягкие игрушки, косметичка. Эв как можно бесшумнее

подходит к закрытой третьей двери, мысленно благодаря толщину ковра. У себя дома она ничего подобного иметь не может – кот мигом все слопает на завтрак. Он обожает все обдирать и рвать в клочья.

Открывшаяся перед Эв комната представляет собой полную противоположность комнате второй сестры. Шкафы аккуратно закрыты, из ящичков комода ничего не сбежало. Даже модные журналы сложены в аккуратную стопку. Однако Эв смотрит не на это, на это в комнате не будет смотреть никто. Господствует в помещении доска, протянувшаяся вдоль всей противоположной стены, сверху донизу увешанная гирляндами фотографий из глянцевых журналов, маленькими пластиковыми пакетиками с пестрыми бусинками и пуговицами, мотками пряжи, кусками тканей, обрезками кружев и искусственного меха, заметками, написанными толстым красным фломастером на листках самоклеящейся бумаги, и среди всего этого наброски, судя по всему, сделанные самой Фейт. Эверетт едва ли относится к тем, кто разбирается в одежде, но даже она видит в некоторых работах признак вкуса. Фейт брала какую-нибудь маленькую деталь и строила на ней весь наряд – форма каблука, изгиб плеча, линия рукава...

– В одном ее мать определенно права, – тихо произносит Эв, – у девчонки талант.

– Какого черта, – произносит голос у нее за спиной. – А вы кто такая?

* * *

– Это Фейт.

Девушка проходит мимо матери к свету. Сомер сразу же видит, что она очень привлекательная. Даже забранные в растрепанный хвостик волосы и смазанная тушь на ресницах не могут скрыть утонченные черты ее лица. При этом Фейт тощая, как палка, – огромный свитер, в который она завернулась словно в одеяло, только подчеркивает ее худобу. Похоже, этот свитер у нее уже много лет: шерсть местами протерлась до дыр, рукава обтрепались.

Сомер делает шаг навстречу.

– Давайте сядем. Вы ничего не хотите? Может быть, чаю? Воды?

Поколебавшись мгновение, девушка качает головой. Она медленно проходит к дивану, рукой ощупывая перед собой дорогу, словно старуха.

Эрика хмурится.

– Вам больно?

Девушка снова лишь качает головой. Она до сих пор так и не заговорила.

Мать садится рядом с ней и сжимает ей руку.

– Меня зовут Эрика, – говорит Сомер, усаживаясь в кресло напротив. – Я понимаю, как вам трудно, но мы лишь хотим помочь.

Девушка на мгновение поднимает взгляд. На комках туши на кончиках ресниц все еще висят слезы.

– Вы можете рассказать, что с вами произошло? – мягко спрашивает Эрика. – Мистер Маллинс, мужчина, который вас обнаружил, говорит, что вы были в очень плохом состоянии.

Фейт делает глубокий судорожный вдох. У нее снова начинают течь слезы, но она даже не пытается их вытереть. Мать сжимает ей руку.

– Все хорошо, дорогая. Успокойся.

Девушка бросает на нее взгляд и снова роняет голову, пряча руки в рукава свитера. Однако Сомер успевает заметить ссадины на костяшках пальцев и следы на запястьях. И хотя ногти ухожены, один сломан: зазубренное острие, которое до крови раздерет кожу. Девушка дома уже несколько часов и до сих пор не обработала его. И это, больше чем что-либо другое, поскольку речь идет о такой аккуратной девушке, говорит Сомер, что случилось что-то очень серьезное.

– Ваша мама рассказала, что вы учитесь на модельера, – продолжает она. – Вам это нравится? Создавать одежду?

Девушка поднимает на нее взгляд.

– Обувь, – дрогнувшим голосом произносит она. – Я хочу делать обувь.

Сомер улыбается.

– Это и моя слабость. – Она указывает на свои сапожки. – Как будто вы сами не догадались.

Девушка не то чтобы улыбается, но напряженность несколько спадает. Пусть самую малость. И тут вдруг ее охватывает дрожь. Даже несмотря на то, что в гостиной тепло – слишком тепло.

– Думаю, – говорит Эрика, поворачиваясь к миссис Эпплфорд, – чашка чаю не помешает.

Женщина хмурится.

– Фейт же сказала, что ничего не...

– Миссис Эпплфорд, у меня большой опыт общения с людьми, пережившими стресс. Не знаю, что случилось с вашей дочерью, но в настоящий момент ей нужен горячий чай и много сахара.

Диана Эпплфорд колеблется, затем поворачивается к дочери.

– Ты побудешь здесь одна пять минут? – тихо спрашивает она. – Можешь прогнать ее в любой момент.

Фейт поспешно кивает.

– Все в порядке, мама. Чай будет кстати.

Сомер ждет, когда женщина выйдет из комнаты. Фейт неподвижно сидит на краешке дивана, зажав ладони коленями.

– Вам повезло, что у вас такая заботливая мать, – говорит Сомер. – Я вам даже немного завидую.

Девушка поднимает на нее взгляд и слабо улыбается.

– Мама беспокоится обо мне, только и всего.

– Для этого и созданы матери.

Фейт пожимает плечами.

– Наверное.

– Но иногда это мешает поговорить откровенно. Особенно о серьезных проблемах. Потому что чем сильнее родные любят нас, тем труднее сказать им что-то такое, что, как мы понимаем, их расстроит.

На лице девушки появляется краска – два красных пятна на бледных щеках.

– Итак, Фейт, – говорит Эрика, чуть подаваясь вперед, – пока мы вдвоем, ты расскажешь мне, что с тобой произошло?

* * *

Порывисто обернувшись, Эв оказывается лицом к лицу с девушкой с сальными темными волосами, в джинсах с дырами на коленях. Ростом чуть ниже Эв, чуть более плотная. И у нее в голове возникает непрошенная фраза: «не писаная красавица». Так однажды сказала про Эверетт ее собственная мать, думая, что дочь ее не слышит. Эв тогда было не больше десяти лет. До того она даже не задумывалась о своей внешности, но после того, как удар был нанесен, обратной дороги уже не было. Эв начала обращать внимание на то, как люди реагируют на девочек более привлекательных, чем она. Ее начало беспокоить то, как она одета, ей стало казаться, что к ней относятся хуже из-за ее внешности. И вот теперь она сама думает так про кого-то другого... Эв чувствует, как заливается краской, словно высказала свои мысли вслух. Неужели она так же в точности оценивала и Фейт, сама того не замечая?

Девушка продолжает угрюмо смотреть на нее.

– Извини, – поспешно говорит Эверетт. – Ты Надин, да?

Девушка не удосуживается ответить.

– Фейт разрешила вам заходить сюда? Разве вам не нужен ордер, чтобы совать свой нос в чужие вещи?

– Я никуда не совала свой нос – я искала туалет, дверь была открыта и...

– Неправда. Фейт *никогда* не оставляет открытой дверь в свою комнату. Повторяю, *никогда*.

На это ответить нечего.

Надин отступает в сторону, и Эверетт проходит мимо нее, теперь уже смущенная вдвойне. Лгать она никогда не умела.

* * *

А внизу в гостиной Сомер поднимается с дивана и убирает записную книжку в куртку. Увидев Эв, едва заметно качает головой. Похоже, разговор с Фейт тоже завершился.

Диана Эпплфорд обнимает старшую дочь за плечо.

– Я оставила вас наедине с ней всего на пять минут, а вы устроили ей допрос с пристрастием!

– Нет, – говорит Сомер, – нет, честное слово...

– Я уже вам говорила, – перебивает ее женщина, – Фейт сказала, что никто на нее не нападал. И то же самое она повторила вам, правильно?

– Да, но...

Щеки у Фейт горят, она уставилась в пол.

– В таком случае я прошу вас уйти. Всех. Не сомневаюсь, у вас есть более неотложные дела. Такие, как расследование *настоящих* преступлений.

В дверях появляется Надин.

– Дорогая, ты можешь проводить полицейских? – говорит Диана Эпплфорд. – Они уже уходят.

Проходя мимо Фейт, Сомер смотрит ей в лицо.

– Ты знаешь, где меня найти. Если захочешь поговорить.

Девушка прикусывает губу и едва заметно кивает.

* * *

Фаули ждет на улице у своей машины, глядя на лист бумаги размером

с фотографию. Но, увидев приближающихся женщин, поспешно его убирает.

– Судя по вашим лицам, далеко вперед мы не продвинулись.

Сомер качает головой.

– Сожалею, сэр. Только я чуть-чуть наладила контакт, как вернулась с чаем мать и решила, что я слишком «назойливая». Не знаю, как бы я смогла разговорить Фейт, не будучи хотя бы *немного* назойливой, такова наша работа. – Она пожимает плечами.

– Но кое-что есть, сэр, – добавляет Эверетт. – Эрика кое-что заметила.

Вопросительно подняв брови, Фаули поворачивается к Сомер.

– Вот как?

– Когда мы уже уходили, – говорит та, – я обратила внимание на волосы Фейт. Она в таком состоянии, что до того я ничего не замечала, но когда мы остались одни, я обратила внимание, что она постоянно их тербит. Справа. Стопроцентной уверенности у меня нет, но, думаю, части волос не хватает.

* * *

Адам Фаули

1 апреля 2018 года

14:15

– Так что мы должны делать? – спрашивает Бакстер.

Времени два с небольшим, и Эверетт докладывает остальным членам команды о деле Эпплфорд. Точнее, о происшествии с Эпплфорд, каковым все это и останется, если только у нас не появится гораздо больше материала для работы. О чем я и напоминаю.

– Мы мало что *можем* сделать. Фейт утверждает, что это просто недоразумение. Первоапрельская шутка, которая «зашла слишком далеко».

– Весьма отвратительная первоапрельская шутка, – угрюмо замечает Куинн, сплетя руки на груди. – И разве сейчас выдиранье волос без согласия их хозяина не считается нанесением телесных повреждений?

– Волосы могли отрезать, – вставляет Сомер. – Я не разглядела.

– В любом случае Куинн прав, – вмешиваюсь я. – Это нанесение телесных повреждений. Но мы по-прежнему строим догадки. Фейт ведь так и *не сказала*, что с ней произошло. И если добавить, что она отказывается говорить, кто-то из ее друзей может быть замешан...

– Те еще дружки, если хотите знать мое мнение. Сделать подобную гадость...

Это снова Куинн. И я, похоже, не единственный, кого несколько удивил этот неожиданный всплеск сочувствия с его стороны. Я замечаю, как Эв вопросительно поднимает брови, но, к счастью, вслух никто ничего не говорит. Я не хочу, чтобы эту многообещающую новую линию задушили в зародыше.

– Хотя это *должен* был быть один из ее знакомых, разве не так? – говорит кто-то из констеблей. – Я хочу сказать, первоапрельскую шутку не станешь ведь разыгрывать с совершенно посторонним человеком, правильно?

– Однако совершенно посторонний человек может изнасиловать, – негромко замечает Асанти.

Наступает молчание, затем Бакстер повторяет свой вопрос. Невозмутимость на первом месте, на последнем и на всех остальных.

– Так что же мы должны *делать*?

Он хмурится, и, если честно, я с ним солидарен. Все это запросто может вылиться в одну огромную пустую трату времени. С другой стороны, если такое повторится снова...

– Если завтра на нас свалится какое-нибудь большое дело, все работы сворачиваются, но пока что, думаю, стоит немного покопать. Покопать *осторожно*. Позвольте выразиться ясно: Фейт не совершила ничего противозаконного, и мне бы не хотелось, чтобы все выглядело так, будто мы разрабатываем жертву, – но существует возможность того, что было совершено преступление, и я не хочу, чтобы виновному это сошло с рук лишь потому, что Фейт боится разговаривать с нами, это понятно? Так что давайте начнем с того, что еще раз поговорим с этим таксистом – с Маллинсом. Он дал официальные показания?

– Нет, сэр, – говорит Сомерс. – Но у нас есть все его данные. Мы можем с ним связаться.

– Хорошо. И проверьте записи камер видеонаблюдения вдоль Марстон-Ферри-роуд – посмотрите, можно ли установить, откуда Фейт появилась на дороге и был ли с ней кто-нибудь до того, как ее подобрал Маллинс. И еще попросите на заправке, на круговой развязке, чтобы там тоже показали записи со своих камер.

– Ее могли подбросить, – замечает Сомерс. – Маллинс сказал, что у нее на одной туфле был отломан каблук. В таком виде она не смогла бы пройти далеко. И быстро.

Один из констеблей указывает на ее сапожки.

– Ты там была и занималась этим, Сомер? – с усмешкой говорит он.

Я жду, пока затихнет смех.

– И еще поговорим с людьми в этом колледже. Посмотрим, можно ли установить личности кого-либо из подруг Фейт. И выяснить, не было ли у нее проблем с кем-либо.

– Такие привлекательные девушки редко пользуются всеобщей любовью, – замечает Эв.

– Тут может быть замешан парень, – соглашается Куинн. – Даже если постоянного ухажера у Фейт нет, кто-то мог проявлять к ней чересчур большой интерес. Я хочу сказать, если она и впрямь такая шикарная красотка, как вы все утверждаете.

Он проводит рукой по волосам. Вероятно, даже не отдаёт себе в этом отчет, хотя можно не говорить, что это не остается незамеченным. Куинн всегда рассматривает внешнюю привлекательность через призму собственного «я». Эв открывает было рот, собираясь что-то сказать, но в самый последний момент за счет сверхчеловеческого усилия ей удается сдержаться. Но от меня не укрывается усмешка Сомер.

Тем временем все мысли Бакстера полностью сосредоточены на деле.

– Я могу поискать ее в Сети. Полагаю, нетрудно будет проследить, с кем она общается.

– Хорошая мысль – займись этим. Асанти, ты поговоришь с Маллинсом, а ты, Сомер, – я хочу, чтобы вы с Куинном занялись колледжем.

Эрика чем-то обеспокоена.

– Нам нужно действовать очень осторожно – вы же знаете, какая обстановка в подобных заведениях. Как там распространяются слухи.

– Уверен, вы что-нибудь придумаете. Упирайте на безопасность на улицах, если все остальное не поможет. И еще, Сомер, – поезжай туда в таком наряде.

Она широко раскрывает глаза.

– Хорошо, если вы считаете, что так будет лучше.

Я сухо улыбаюсь.

– Я *считаю*, что подружки Фейт, можно поспорить, также учатся на модельеров.

Ну а если это не сработает, всегда останется не слишком утонченное очарование детектива-констебля Гарета Куинна.

Колледж дальнейшего образования напоминает Сомер школу, в которой она преподавала в течение нескольких месяцев перед тем, как перешла в полицию. Та же самая глыба бетона и стекла, та же вытоптанная трава и те же ободранные кусты, те же самые усталые старые машины, по сравнению с которыми сверкающий «Ауди» Куинна выглядит породистым скакуном на ослиных скачках. Когда у них еще был роман, Сомер как-то решила подначить его, прокрутив известную песню про парня, который целует на ночь свою машину, но нисколько не удивилась, когда он совершенно не понял шутки. В настоящий момент Куинн устраивает целое представление, паркуясь рядом с помятым старым «Саабом», после чего тратит неуместно много времени, запирая машину. Сомер обращает внимание на то, какими взглядами достаивают их учащиеся, примерно поровну распределенными между машиной (парни) и водителем (в основном девушки, но не только). И тут также нет ничего удивительного. Куинн высокий, атлетического телосложения и очень красивый, и он буквально излучает самоуверенность. Даже сейчас, несмотря на то, как дерьмово он вел себя по отношению к ней после разрыва, Эрика по-прежнему чувствует притяжение. Хотя, если быть честным, Куинн в конце концов все-таки выдал из себя что-то похожее на извинение, что для него, вероятно, явилось настоящим подвигом. И в последнее время до Сомер стали доходить слухи о его новой подруге.

Наконец Куинн заканчивает возиться с ключами от машины и, обойдя вокруг нее, присоединяется к Эрике.

– Итак, как ты собираешься разыграть эту партию?

– Я как раз думала об этом. Как насчет того, что мы начнем с директрисы, чтобы выяснить общий фон, и если она согласится, дальше мы скажем учащимся, что хотим поговорить о должной осторожности на улице. Как и предлагал Фаули.

Куинн корчит гримасу. Фаули ему нравится, Эрика это знает, и инспектор уже не раз его прикрывал, но у Куинна небывало сильный дух соперничества, и он предпочел бы предложить что-нибудь свое. Что-нибудь получше. Как будто это не понятно без слов.

– Как насчет того, если мы спросим у нее? – говорит он. – Посмотрим, не случилось ли в последнее время что-либо такое, что может оправдать внезапный визит криминальной полиции... Наркотики или что-нибудь такое.

И Сомер вынуждена признать, что это предложение действительно лучше.

Она оглядывается, ища указатели к кабинетам, но Куинн ее

останавливает.

– Не волнуйся, – говорит он. – Я у кого-нибудь спрошу.

Пять минут спустя Эрика следом за Куинном и учащейся поднимается по лестнице в кабинет директрисы. Они воспользовались лестницей, поскольку это займет больше времени; учащаяся, к которой Куинн обратился за помощью, демонстрирует длинные светлые волосы, очень короткую юбку и практически безграничную готовность слушать с огромным интересом все, что говорит Куинн. Он уже поведал ей о двух расследованиях убийств, в которых, как достоверно известно Сомер, практически не принимал участия, но она не собирается разоблачать его обман. Она только надеется, что его новая подруга знает, во что ввязалась.

* * *

Протокол допроса Нила Маллинса, произведенного в
полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд

1 апреля 2018 года, 16:15

Допрос провел детектив-констебль А^[8]. Асанти

А.А.: Спасибо за то, что пришли, мистер Маллинс. Надеюсь, это займет совсем немного времени.

Н.М.: Все в порядке. Мне как раз по пути домой. Как она – эта девушка?

А.А.: Она пережила сильное потрясение. Мы все еще не выяснили, что же произошло. Поэтому и решили снова поговорить с вами. Мы хотим уточнить, не вспомнили ли вы еще что-нибудь. Что-нибудь такое, о чем прежде не упомянули.

Н.М.: Да я даже не знаю... Все было так, как я сказал по телефону: я увидел ее впереди, она шла по обочине. Ну, не шла – скорее, ковыляла. Вот почему я решил, что она пьяна.

А.А.: Она находилась к вам спиной?

Н.М.: Верно. Я ехал в сторону Марстона, а она была у поворота к тому пабу – «Гербу Виктории».

А.А.: Это же вдали от жилых домов, не так ли? Вам не показалось это странным?

Н.М.: Точно. Наверное, показалось. Вот почему я сбросил скорость. И только тогда заметил...

А.А.: Что заметили?

Н.М.: То, в каком она была состоянии. Плакала, косметика размазана по лицу, одежда порвана... Сначала я подумал, что она вся в крови, но затем понял, что это просто грязь. Перепачкала всю машину, черт возьми.

А.А.: Во что она была одета?

Н.М.: А разве вы в таких случаях не забираете одежду? По телику показывают, так всегда делают.

А.А.: Это исключительно для протокола, мистер Маллинс. Вы же понимаете, таков порядок.

Н.М.: Можете не рассказывать. Я сам полжизни занимался проклятыми бумагами – вот почему и подался в таксисты...

А.А.: Так что насчет одежды, мистер Маллинс?

Н.М.: Ах да, конечно. Извините... Ну, какая-то синяя куртка. Кажется, джинсовая. Под ней белая блузка, но, если честно, я ее совсем не рассмотрел. Потом эти туфли, как я уже говорил. И короткая черная юбка.

А.А.: У нее была дамская сумочка – вообще какая-нибудь сумка?

Н.М.: Нет. Однозначно – никакой сумки.

А.А.: Что произошло после того, как вы остановились?

Н.М.: Я высунулся в окно и спросил, все ли в порядке – не нужна ли ей помощь. Совершенно глупый вопрос, черт возьми, – я хочу сказать, разумеется, все было плохо...

А.А.: Что она ответила?

Н.М.: Ну, она доковыляла до машины и спросила, не отвезу ли я ее домой.

А.А.: Но она не возражала против того, чтобы сесть к вам в машину? Она вас не испугалась?

Н.М.: Наверное, поскольку это было такси и все такое, она решила, что все нормально. И, если честно, по-моему, ее больше беспокоило, как бы поскорее убраться отсюда ко всем чертям. Хотя она не села рядом со мной спереди – согласилась сесть только сзади. И опустила стекло до самого конца, хотя холодрыга была страшная.

А.А.: Значит, если б девушка захотела, она могла бы попросить о помощи?

Н.М.: Пожалуй, да. Вообще-то я об этом не задумывался...

А.А.: Она что-нибудь говорила о том, что произошло?

Н.М.: Нет. Я имею в виду, я не хотел... ну, понимаете...

допытываться. Я сказал, что отвезу ее напрямиком в полицейский участок, но тут она перепугалась и заявила, что не хочет иметь никаких дел с полицией. Тогда я предложил «скорую помощь», но в больницу она ехать также отказалась. Поэтому я просто отвез ее туда, куда она сказала.

А.А.: Райдал-уэй?

Н.М.: Верно. Потом я подумал, что, наверное, именно поэтому она шла в ту сторону. Она хотела попасть к себе домой.

А.А.: Когда вы туда приехали, там кто-нибудь был? Я имею в виду, дома?

Н.М.: Понятия не имею. Она зашла с черного входа.

А.А.: Вы это не уточняли.

Н.М.: Извините. Не придал этому значения.

А.А.: Вы говорили, что никакой сумки у девушки не было. Она могла держать ключи в кармане?

Н.М.: Наверное. Если честно, я об этом не задумывался.

А.А.: Но вы точно уверены в том, что она смогла войти в дом?

Н.М.: О да. Она сказала, что если я подожду, она сходит в дом и принесет деньги, но я сказал, что пусть не заморачивается. Может не платить. Выходя из машины, она плакала. Бедная девочка!..

* * *

Саша Блейк откладывает ручку и закрывает записную книжку. Она сидит на кровати, закинув ногу на ногу, на заднем плане звучит негромкая музыка. В ручку воткнуто птичье перо, записная книжка бледно-голубая, с рассыпавшимися по обложке белыми цветами. Саше нравится гляцевый блеск страниц, нравится ощущение записной книжки в руке, однако на самом деле она выбрала ее потому, что маленькая книжка помещается в сумочке. Саша знает, что оставлять ее где попало никак нельзя. Она любит свою маму, очень любит, и знает, что та не станет сознательно шарить в ее вещах; но ни одна мать на свете не обладает той силой воли, которая требуется, чтобы, наткнувшись случайно на записную книжку, не прочитать то, что внутри. Изабель выкручивается, используя шифр, а Патси держит все в своем телефоне, но Саше нравится все записывать. Так ей легче разобраться в собственных мыслях – это помогает определить, что

делать. Но мама этого не поймет. Она вообразит, что в записной книжке все истинная правда. И в каком-то смысле это действительно так. Однако мама все истолкует превратно...

Снизу доносится шум, Саша поспешно протягивает руку и засовывает записную книжку в кармашек своей розовой косметички, после чего откидывается назад и берет томик Китса^[9].

– Как дела, Саша? – спрашивает мама, толкая дверь в комнату. В руках у нее наглаженное белье.

Саша отрывается от книги.

– Все в порядке, корплю над домашним заданием.

Фиона Блейк улыбается.

– Не переусердствуй. Ты же знаешь, что нужно хотя бы изредка получать от жизни удовольствие.

Она кладет белье на комод и, уходя, закрывает за собой дверь. Саша снова открывает книгу. «Дышать, имея вечность впереди, ловить в томленьи каждый нежный вдох...»^[10] Она вздыхает. Только представьте себе, что кто-то говорит вам такие слова.

* * *

– Значит, вы понимаете, почему мы встревожены.

Сомер откидывается на спинку стула. За все время ее рассказа директриса колледжа не промолвила ни слова. Она просто сидела, хмурясь, теребя в руках резинку, глядя в окно. На улице потемнело. Похоже, надвигается дождь, и Сомер ругает себя последними словами. У нее нет ни куртки, ни зонта, а обувь ее самая неподходящая.

Директриса по-прежнему так ничего и не сказала. Сомер бросает взгляд на Куинна, тот пожимает плечами.

– Миссис Маккенна, – говорит она, слегка повышая голос, – как вы думаете, нет ли чего-нибудь такого, о чем нам следует знать? Вы не знаете, у Фейт в последнее время были конфликты с другими учащимися?

Женщина поворачивается к ней лицом.

– Нет. Я ни о чем таком не знаю. Фейт очень популярна среди своих одноклассников.

– Вы не знаете, кто мог сыграть с ней такую первоапрельскую шутку? Вам на ум ничего не приходит?

Директриса снова хмурится.

– Надеюсь, вы не хотите предположить, что это дело рук одного из наших учащихся...

– Ни в коем случае. Но мы знаем, что семья Фейт переехала сюда только летом прошлого года, поэтому, вероятно, за пределами колледжа у нее друзей мало.

Маккенна снова принимается теревить резинку. Сомер на волоске от того, чтобы вырвать резинку у нее из рук.

– Миссис Маккенна, это очень серьезно...

Директриса резко поворачивается к ней и подается вперед. Казалось, щелкнули выключателем. Теперь она внимательная, деловитая, резкая.

– Боюсь, я не могу ничего рассказать вам о личной жизни Фейт и о том, чем она занимается за воротами колледжа. *Могу* вам сказать то, что она талантливая и трудолюбивая ученица, и я имею все основания ожидать, что она добьется успеха в своей профессии.

– Но у нее есть товарищи, так? – Это уже Куинн. – И у вас *должны* быть кое-какие мысли насчет того, кто они. – Его тон предельно близок к сарказму.

– Вы хотите допросить моих учеников? – Директриса опять хмурится.

– Не *допросить*, нет, – поспешно говорит Сомер. – Мы надеялись устроить все неофициально. Просто пообщаться с одноклассниками Фейт и постараться выяснить, какие могут быть подводные течения – имеет ли место чувство неприязни...

Маккенна поднимает брови.

– В таком случае могу сказать, что я не стану вас останавливать. Но я попросила бы вас проявить больше деликатности и не действовать грубо, чем славится полиция.

– Не было ли у вас в последнее время каких-либо происшествий, которые оправдали бы наше появление? Может быть, проблемы со спиртным?

– Нет.

– Наркотики?

– Категорически нет.

Сомер чувствует реакцию Куинна, но не осмеливается взглянуть на него.

– Хорошо, – ровным тоном произносит она. – В таком случае мы остановимся на чем-нибудь общем вроде личной безопасности.

– Неплохая мысль, – быстро соглашается Маккенна. – На этой неделе ко мне уже обращались две ученицы, которым показалось, будто их преследовали на Иффли-роуд. И очень прискорбно, что ваш полицейский

участок видит во всех подобных проблемах лишь дымовую завесу, скрывающую нечто такое, что вы, очевидно, считаете *гораздо* более важным.

– Твою мать, кем она себя считает? – бормочет Куинн, и довольно громко, когда они через пять минут спускаются по лестнице. – Так задирает нос, блин – она глава какого-то заштатного колледжа дальнейшего образования, а можно подумать, что она ректор Бейлиола^[11]!

В настоящий момент Бейлиол действительно возглавляет женщина. Но Сомер не собирается на это указывать.

* * *

– Тебе нужно переодеться, – замечает Бакстер. – Нет ничего хорошего в том, чтобы сидеть с мокрыми ногами.

Сомер опускает взгляд. Если муссон, налетевший как раз тогда, когда они с Куинном шли через стоянку к машине, не погубил сапожки полностью, это будет чудом. Джинсы промокли насквозь до колен, а о волосах она даже не хочет думать.

– Я серьезно, – продолжает Бакстер. – Если у тебя в организме затаился какой-нибудь дремлющий вирус простуды...

– Все в порядке, – быстро останавливает его Сомер. – Честное слово. Меня больше интересует то, что ты нашел.

Бакстер бросает на нее взгляд, густо пропитанный «ну, потом не приходи ко мне вся в слезах», и отворачивается к экрану компьютера.

– Так, начнем с того, что Фейт Эпплфорд ведет видеоблог, посвященный моде, выходящий где-то раз в две недели. Она называет его: «Ты должна иметь».

– Очень тонко, – улыбается Сомер.

Бакстер хмурится.

– Не понял?

– Ну как же – «Ты должна иметь веру». Как в песне Джорджа Майкла^[12].

У Бакстера на лице по-прежнему недоумение.

– Не бери в голову. Продолжай.

– Хорошо. Так. Значит, она завела его осенью прошлого года, предположительно, когда поступила в колледж. На самом деле все сделано чертовски профессионально. Я имею в виду, в техническом плане. Вот, –

говорит он, поворачиваясь к экрану, – взгляни.

ты должна иметь

Подписаться

155 постов 19500 подписчиков 324 подписок

ФЕЙТ

Мода | Красота | Стиль

Делюсь увлечением, учусь любить себя

Выложено 06 февраля 2018 года, 18:46

(Крупным планом лицо, обращено к камере.)

Всем привет! Добро пожаловать на мой канал, посвященный моде, красоте и стилю. Многие спрашивают у меня, как я создаю свой образ. Точнее, как я выбираю те вещи, которые объединяю вместе. Не только одежду, но и сумки, обувь и все остальное, потому что, как известно, именно детали создают разницу между тем, чтобы выглядеть хорошо, и тем, чтобы выглядеть потрясающе. Именно об этом я и собираюсь поговорить сегодня.

Все не перестают повторять мне, что не верят, что большинство вещей, которые я ношу, куплены в обычных магазинах, но я неизменно отвечаю: дело не в том, сколько ты тратишь, а в том, чтобы очень грамотно сделать свой выбор.

(Кадр в полный рост, у гардероба.)

Я всегда начинаю с так называемого «ключевого элемента». Что я под этим подразумеваю? Ну, все очень просто: ключевой элемент – это та вещь, вокруг которой строится ваш образ. Это могут быть восхитительные туфли – как, например, вот эти. *(Показывает туфли).*

(Крупным планом лицо, на заднем плане подборка обуви.)

Это мои любимые для вечернего выхода – они от

«Иррегуляр чойс», и они просто шикарные: потрясающий цвет и очень выразительные благодаря этой очаровательной отделке серебром. Сразу отвечаю на ваш вопрос: да, они проделали существенную дыру в моих финансах, но они прослужат много лет, и они придают «неповторимую изюминку» остальному моему наряду.

(Кадр в полный рост, в руке платье на плечиках.)

Итак, вот что я имею в виду. Это платье от «Зара», и я купила его пару месяцев назад за 39,99. Мне очень нравится его покрой, и ткань весьма неплохая, если учесть, что оно довольно дешевое. По сути своей, это обыкновенное черное платье, дополненное вот этими складками сзади.

(Кадр в полный рост, демонстрирует платье и туфли.)

Теперь вы видите, как оно смотрится на мне. Смотрите – при движениях эти складки красиво колышутся. А если добавить туфли, все действительно начинает соединяться вместе. Серебро на туфлях подхватывают серебряные блески на горловине платья, что в целом придает шарм. А что никогда не выходит из моды, так это шарм.

(Кадр в полный рост, демонстрирует платье, туфли и аксессуары.)

И наконец, аксессуары. Знаю, вы слышите об этом от меня часто, но это крайне важно. Я просто обожаю эту сумочку – я купила ее в «АСОС», и она у меня уже целую вечность. Больше всего мне нравятся вот эти кисточки, а ремешок можно отстегнуть, если вы хотите использовать сумочку как клатч. Серьги от «Аксессуарайз», и они тоже в виде кисточек. Прикольно, правда? И, как вы, вероятно, уже знаете, что касается украшений, я считаю, что чем меньше, тем лучше; вот почему я, создавая этот образ, не надела бусы – поскольку на горловине и так уже есть серебро, бусы были бы лишними и, наверное, смотрелись бы аляповато, вы согласны?

(Лицо крупным планом, как в начале.)

Итак, на сегодня все. Надеюсь, вам понравилось это видео, и в следующий раз я покажу, как сделала макияж, который был на мне сегодня. А вы, если еще не сделали этого, подписывайтесь на мой канал.

С вами была Фейт. Как всегда, заканчиваю тем же пожеланием: выглядите хорошо, будьте добрыми и любите себя такими, какие вы есть.

– Теперь понимаешь, что я имел в виду? – говорит Бакстер, останавливая воспроизведение.

Сомер кивает, и на нее произвела впечатление не только техническая сторона презентации. У этой девчонки уверенности в себе больше, чем у многих, кто вдвое ее старше.

– А что насчет личной жизни? Социальные сети? Подруги, друзья? Враги?

Бакстер качает головой.

– Никаких парней я найти не смог. Она много выкладывает в «Инстаграм», но по большей части это лишь шикарные фотографии и сотни чертовых хештегов.

Сомер улыбается, мысленно представив себе, как Бакстер просматривает один за другим снимки модной обуви и накрашенных бровей. Она не может припомнить, когда последний раз при ней произносили слово «шикарный».

Тем временем Бакстер продолжает говорить:

– Но, похоже, в «Твиттере» ее совсем нет, а страничка в «Фейсбуке» практически пустая. Судя по всему, эта девица предпочитает вещать, а не вести диалог.

Сомер кивает.

– Такое же впечатление мы составили в колледже. Все ее знают, но никто не знает ее хорошо. Одна ученица описала Фейт как «приятную, но очень-очень замкнутую». Я просто не представляю себе, как она могла разозлить кого-либо настолько, что с ней разыграли шутку – особенно такую утонченную и жестокую.

Лицо Бакстера остается угрюмым.

– Если это действительно была просто шутка. Мне кажется, тут что-то гораздо хуже.

Эрика кивает.

– Понимаю.

– Но если действительно имело место насилие сексуального характера, почему, черт возьми, она не хочет об этом заявить?

Сомер вздыхает.

– Тут она не первая. Далеко не первая.

Какое-то время они сидят, разглядывая лицо девушки на экране. Фейт застыла в полуулыбке, уверенная в себе, счастливая. Эрика с трудом узнает в ней ту девушку, которую видела сегодня утром.

– Один момент кажется мне немного странным, – наконец нарушает молчание Бакстер.

– И какой же?

– Все странички Фейт в соцсетях – в «Инстаграме», в «Фейсбуке», – все они созданы только в прошлом году.

Сомер удивленно смотрит на него.

– До этого ничего?

– Не думаю, – Бакстер качает головой. – Но я ничего не смог найти.

Эрика хмурится: тут что-то не так.

– Как ты можешь это объяснить?

Он пожимает плечами.

– Никак. Но что я знаю о подростках?

Сомер снова поворачивается к экрану. Судя по всему, видео снималось в спальне Фейт. Эрика видит доску с вырезками, о которой говорила Эв, а под ней белый столик с коробочками, флаконами косметических средств и полдюжиной фотографий в рамках.

– Можешь увеличить вот это? – вдруг спрашивает она.

Бакстер бросает на нее вопросительный взгляд, но ничего не говорит. Он стучит по клавиатуре, и фотографии увеличиваются во весь экран.

– Это же просто старые семейные фото, – говорит Бакстер, откидываясь на спинку кресла. – Фейт даже нет на них.

Но Сомер уже подалась вперед, сидит на краешке стула, прильнув к экрану. Когда она оборачивается к Бакстеру, у нее горят глаза.

– Вот именно. Фейт на них *нет*.

* * *

Саша лежит на спине на кровати, уставившись в потолок. Много лет назад, когда она была маленькой, мама наклеила на нем маленькие серебряные звездочки, светящиеся в темноте. И, будучи такой, какая есть, она не просто приклеила их абы как; составила созвездия – Большую

Медведицу, Кассиопею и Плеяды. Эту идею мама почерпнула в какой-то телепередаче про Большой центральный вокзал в Нью-Йорке. С годами некоторые звездочки отвалились, и теперь Орион вынужден обходиться без головы, но Саша по-прежнему очень любит потолок в своей комнате. Она дала себе слово как-нибудь приехать в Нью-Йорк и увидеть оригинал. Это в списке обязательных дел, на последней странице записной книжки, вместе с...

Пищит телефон, Саша перекачивается на живот и подбирает его с пола. Патси. Селфи, на котором она засовывает себе в рот два пальца, затем фотография сковородки, полной нарезанной кубиками моркови.

Саша набирает: «Прикольно» – и получает в ответ цепочку отвратительных зеленых рожниц.

«Ты завтра идешь в школу?» – пишет она.

Телефон тотчас же пищит снова. «А ну ее в задницу! Лучше позырю телик». И фотография ее ног в мягких шлепанцах, закинутых на подушку. На заднем плане телевизор с «Шоу Джереми Кайла»^[13]. Здоровенный охранник разнимает двух девиц-подростков, пытающихся выцарапать друг другу глаза. Субтитры внизу гласят: «Ты переспала с моим парнем, и я это докажу!»

«Только посмотри на этих глупых кобыл», – пишет Патси.

Саша смеется и печатает в ответ: «Идиотки!»

Следует пауза, и она уже начинает думать, что Патси переключилась, но тут появляется новое послание. «Здесь снова этот чертов Ли, – гласит оно. – Опять ходит полуголый, трясет своими мерзкими сиськами». Еще одна строчка отвратительных рожниц. «Хорошо бы мать проснулась и прибила этого кретина».

Саша хмурится.

«Ты одна?»

«Мать скоро вернется».

«Не знаю, что она нашла в этом извращенце, – пишет Саша. – Патси, ты точно ОК?»

Появляются алые губки, затем: «О-о-о, ты лучше всех! Я послала его к такой-то матери. Увидимся завтра, малыш. Ххх^[14]».

Звезды у Саши над головой начинают светиться, она встает, подходит к окну и задергивает занавески. Напротив, на той стороне улицы, стоит белый фургон. В кабине сидит мужчина, но Саша не может разглядеть его лицо.

– Ты понимаешь, что я имею в виду? – говорит Сомер. – Фейт нет ни на одной из этих фотографий, и ее также не было ни на одной из тех, что я видела в гостиной Эпплфордов.

– И?.. – Бакстер хмурится.

– Там были фотографии матери и еще какой-то темноволосой девочки, но это определенно Надин, а не Фейт.

– Я по-прежнему не совсем понимаю, к чему ты клонишь. Может быть, Фейт просто не любит свои фотографии. Бывают такие люди. Особенно детские снимки, черт возьми. У меня рожа была определенно, как у Шрэка.

Сомер с трудом сдерживает улыбку.

– Но возможна и другая причина, почему Фейт нет на фотографиях. Что, если ее удочерили?

Бакстер пожимает плечами.

– Но если и так, какая разница? Кому придет в голову нападать на нее только потому...

– Ты можешь запросить данные из Главного регистрационного управления?

Бакстер тяжело вздыхает, однако ему уже приходилось видеть на лице у Сомер это выражение. Когда она в таком настроении, лучше ей не перечить.

Бакстер нажимает на клавиши, и открывается новое окно. Он поворачивается к Сомер.

– Итак, что ты хочешь знать?

– Мы можем посмотреть свидетельство о рождении Фейт? Ей сейчас восемнадцать, так что родилась она в девяносто девятом или двухтысячном.

Бакстер запускает программу поиска и хмурится.

– Что? В чем дело?

Он указывает на экран.

– Этого же не может быть. Ведь так?

Но Сомер задумчиво кивает.

– Думаю, может. Более того, думаю, это все объясняет.

Времени уже двенадцатый час ночи, когда Эверетт получает от Сомер сообщение по электронной почте, в котором говорится, *что* они нашли. И то только потому, что она забыла отключить телефон перед тем, как свалилась в постель. Громкий писк и вспышка света мгновенно пробуждают ее и заставляют схватить телефон, прежде чем до нее доходит, что она делает. Лежащий в ногах кровати кот ворочается и устраивается поудобнее. Чувствуя гулкие удары сердца, Эверетт берет телефон и смотрит на экран. Такие вот встряски вредны для здоровья.

Затем она снова откидывается на подушку и смотрит на потолок, который не видит. Сердце у нее по-прежнему колотится, но теперь то, что ее разбудили среди ночи, больше не имеет к этому никакого отношения.

* * *

*Адам Фаули
1 апреля 2018 года
23:07*

Я ставлю посуду в посудомоечную машину, когда звонит мой сотовый. Это Сомер. И она даже не приносит извинения. А это, поверьте мне, совсем на нее не похоже.

– Сэр, я отправляю вам кое-что на электронную почту. Вы можете перезвонить, когда получите это?

– Что это?

– Регистрация акта рождения. Тысяча девятьсот девяносто девятого года.

Разговор заканчивается. И тотчас же телефон пищит.

ЗАВЕРЕННАЯ КОПИЯ ЗАПИСИ О РОЖДЕНИИ

выдана ГЛАВНЫМ РЕГИСТРАЦИОННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ

Номер заявления 7U54500TRX

РЕГИСТРАЦИОННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ Беркшир									
1999	г. МЕСТО РОЖД	Уоркингхэм	ОКРУГ	графство Беркшир					

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
№	время и место рождения	имя, если есть	пол	имя и фамилия отца	имя, фамилия и девичья фамилия матери	род занятий отца	заявитель	дата заявления	подпись сотрудника	Имя, полученное по регистрации
	Тридцать первое июля Королевский госпиталь Беркс	Дэннел Джозеф	М	Дуглас Эпплфорд	Диана Эпплфорд, урожденная Блайт	сотрудник муниципалитета	Диана Эпплфорд, мать, Уоркингхэм	десятого августа 1999 г.	Энн Уильямс	сотрудник

ПОДЛИННАЯ копия записи в указанном отделении
 Выдана ГЛАВНЫМ РЕГИСТРАЦИОННЫМ УПРАВЛЕНИЕМ, заверена печатью вышеназванного отдела десятого числа августа 1999 г.

ВНИМАНИЕ: ПОДДЕЛКА СВИДЕТЕЛЬСТВА, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ХРАНЕНИЕ ПОДДЕЛЬНОГО СВИДЕТЕЛЬСТВА КАРАЮТСЯ ЗАКОНОМ
 НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ДОКУМЕНТОМ, УДОСТОВЕРЯЮЩИМ ЛИЧНОСТЬ

– Какие-то проблемы? – спрашивает Алекс, увидев выражение моего лица.

– Пока что не знаю.

Но мне это не нравится. А когда я вижу то, что прислала Сомер, это начинает нравиться еще меньше.

– Пожалуйста, скажи, что это не то, что я подумал.

Я слышу, как Сомер вздыхает.

– Хотелось бы.

– Ты уверена? Мы не могли ошибиться?

– Мы все перепроверили. У Эпплфордов есть еще только один ребенок. Дочь Надин, родившаяся шестого июня две тысячи второго года.

– Значит, Фейт не дочь. А сын.

– Сэр, сама она смотрит на это иначе. Я хочу сказать, да, так записано в свидетельстве о рождении, но, думаю, Фейт скажет, что она всегда считала себя девочкой.

И разумеется, теперь все встает на свое место. Почему Фейт отказалась от осмотра врачом. Почему не хотела говорить с нами, почему даже не захотела заявлять о случившемся. Почему мать так ее защищает.

Возможно, это даже объясняет то, почему Эпплфорды переехали сюда. Они хотели начать все заново; для Дэниела это был шанс оставить все в прошлом и начать новую жизнь. Теперь уже как девушка.

– Есть какие-нибудь записи об изменении имени – было ли обращение о получении свидетельства о смене пола?

– Нет, сэр.

– То есть с юридической точки зрения Фейт по-прежнему остается Дэниелом?

– Вполне возможно. Из чего, вероятно, следует, что Фейт вынуждена была подавать документы в колледж под этим именем. Думаю, вот почему директриса так юлила. Она сказала нам, что «не может ничего рассказать» о личной жизни Фейт. Мы предположили, что директриса ничего *не знает*, но теперь, оглядываясь назад, я прихожу к выводу, что она очень тщательно составила эту фразу.

Я глубоко вздыхаю. Алекс вернулась в гостиную, я слышу звуки телевизора, дождь барабанит по стеклу мансардного окна у меня над головой. Я знаю, что нужно делать, просто у меня нет особого желания этим заниматься.

– Хорошо, Сомер. Остальное предоставь мне. Я позвоню Харрисону и скажу, что мы собираемся переквалифицировать это дело. Возможно, речь идет о преступлении на почве ненависти.

* * *

Эй, кто-нибудь сегодня видел Фейт?
В колледже ее не было и похоже я ее
вообще не видела. Встревожилась когда
сюда заявила полиция

Нет я ее не видела. Спроси у Джесс. Они
типа подруги

Уже пробовала но она сказала нет. У тебя
есть ее мобила?

Извини нет. Попробуй через акк в Инсте

Хорошая мысль. Попробую. Меня парит
что никто ее не видел

* * *

Уже поздно, но нет и речи о том, что Сомер ляжет спать в обозримом будущем. Она берет телефон и колеблется в нерешительности, гадая, не разбудит ли его. Но Эрика знает, что он не ложится спать рано, а сейчас ей очень хочется услышать его голос.

Он отвечает после второго гудка: значит, не спал.

– Привет, я надеялся, что ты позвонишь. Как там оно?

– Ты имеешь в виду дело? Думаю, лучше. Возможно, у нас прорыв.

– У вас или у *тебя*?

Сомер улыбается. Это он умеет: напомнить ей о ее собственных успехах. У нее это как-то не получается – даже сейчас.

– А от тебя ничего не скроешь, да?

Он смеется, у него приятный смех.

– Ну, кажется, у меня есть кое-какая конфиденциальная информация на данное конкретное лицо.

Эрика садится в кресло и подбирает под себя ноги, она слышит на заднем плане тихие неразборчивые голоса.

– Ты смотришь телевизор? – На самом деле это ее не интересует – ей просто хочется поговорить. О чем угодно... ни о чем.

– Ага.

Можно не спрашивать, что именно. Для следователя с более чем десятилетним опытом работы Джайлс сохранил трогательную привязанность к преступлениям. Телевидение, книги, видео, скачанное из Интернета, – у него есть все, свидетельством чему являются диски, которыми теперь завален шкаф Сомер. И она разделяет это увлечение – до определенного предела. Она смотрела вместе с Джайлсом «Подозрения»^[15] и не могла оторваться, но Джайлса интересует весь спектр, от серьезных документальных фильмов до таких поделок, как «Жены с ножами»^[16] и «Жаркие южные преступления»^[17], что Сомер сначала приняла за розыгрыш. Однако с точки зрения Джайлса все это одинаково увлекательно. «Помогает мне понять почему, – ответил он, когда Сомер пристала к нему. – Почему, после десяти тысяч лет развития человеческой цивилизации, мы по-прежнему делаем друг другу такие вопиющие мерзости».

– А у тебя как прошел день?

Эрика слышит, как Джайлс потягивается.

– Нормально. Ничего особенно интересного.

– От девочек слышно что-нибудь насчет лета?

У Сомареса две дочери, живущие вместе с матерью в Ванкувере. Сомер с ними еще не встречалась, но они должны приехать на длинные летние каникулы. Эрика старается изо всех сил не допустить, чтобы эта перспектива свела ее с ума.

– До сих пор жду подтверждения вылета.

Она ищет, что бы еще сказать, но начинает сказываться долгий день.

– Все будет хорошо, – говорит Джайлс, правильно истолковав ее молчание. – Точно. Они отличные девчата. И хотят, чтобы я был счастлив.

«А счастливой меня делаешь ты».

Джайлс не произносит это вслух, но, наверное, в этом и нет нужды.
– Жду не дождусь, когда познакомлюсь с ними, – говорит Сомер, с удивлением и радостью ловя себя на том, что говорит это искренне.

* * *

Адам Фаули
2 апреля 2018 года
09:15

В нашем ремесле бывают разные виды молчания. Есть молчание бессильной ярости, когда у нас есть абсолютная убежденность, но нет абсолютно никаких доказательств, и мы ни черта не можем поделать. Есть молчание сострадания, к людям, которым пришлось перенести ужасное, в том числе – и особенно – от рук тех, кто вроде бы любил их. И есть молчание неудачи и сожаления, когда мы сделали все возможное, однако этого оказалось недостаточно. Но когда Сомер присылает копию свидетельства о рождении Фейт, это молчание совершенно другого вида. В воздухе буквально витает запах страха. К чему все это может привести, чем обернуться?..

– Значит, вы полагаете, что это может быть преступление на почве ненависти? – говорит Гислингхэм, поворачиваясь ко мне.

Я киваю.

– Надеюсь, что это не так. Однако подобная вероятность существует.

Эверетт беспокойно ерзает.

– Но Фейт по-прежнему утверждает, что никакого нападения не было. Как мы можем начать расследование, если она не говорит нам, что произошло на самом деле?

– Нам просто остается надеяться на то, что она передумает, – замечает Бакстер, похоже, взявший на себя прежнюю роль «того, кто указывает всем на очевидное».

Снова молчание. Молчание оценки ситуации. Размышления.

– Итак, как, по-вашему, нам следует разыграть эту партию? – Это уже Куинн.

Я собираюсь с духом.

– Мы начнем с того, что еще раз допросим Фейт. На этот раз официально – и настойчиво. Полагаю, мне не нужно напоминать вам о том, что действовать нужно крайне осторожно, однако от этого никуда не

деться: необходимо выяснить, кому, помимо родных Фейт, известно истинное положение дел.

– Я могу еще раз проверить социальные сети, – предлагает Бакстер. – Посмотреть, есть ли что-нибудь – быть может, она посещает какие-либо форумы подростков-транссвеститов... В первый раз ничего не выскочило, но я особо и не искал.

– Замечательная мысль, Бакстер! – подхватывает Гис, судя по всему, стремящийся применить на практике последнюю тему «Поддержание обратной связи» («будьте позитивными, обращайтесь по имени»; уж я-то должен знать, в свое время меня также посылали на эти проклятые курсы).

– Да, согласен, – говорю я. – И посмотрим, удастся ли проследить отца.

Гис кивает и делает пометку.

Я обвожу всех взглядом. Только один из присутствующих еще ничего не сказал.

– Есть какие-либо мысли, констебль Асанти?

Констебль задумывается, и делает он это не спеша. По крайней мере, молчание его не пугает.

– Нет, – наконец говорит он. – Думаю, мы все предусмотрели.

* * *

Эверет и Сомер сидят в машине напротив дома 36 по Райдал-уэй. Внутри никаких признаков жизни. Пять минут назад в дверь стучал почтальон, но никто не ответил. Констебли еще видят его, он у соседнего дома, разговаривает с пожилой женщиной с чихуахуа, заливающейся истошным лаем у нее под мышкой. Сомер корчит гримасу: такая была у ее бабушки, когда Сомер была маленькой. С тех пор она ненавидит маленьких сварливых собак.

Сомер смотрит на часы.

– В колледже сказали, что Фейт заболела, так что она должна быть дома. И, определенно, мать уже должна была уйти на работу.

– И забрать с собой очаровательную Надин, – тяжело замечает Эв, открывая дверь машины. – Так что давай сплунем через левое плечо и будем надеяться, что нам повезет больше, чем почтарю.

Женщины проходят по дорожке к входной двери. Улица совсем опустела, если не считать двух галок, раздирающих какую-то свежую жертву дороги, определить которую невозможно. Не самый веселый знак.

Эв звонит и ждет. Затем звонит снова, на этот раз дольше.

– Я ничего не слышу.

– Подожди минутку, – говорит Эрика. – Вероятно, она пытается рассмотреть, кто это. На ее месте я поступила бы именно так.

И действительно, вскоре слышатся звуки шагов, и дверь открывается. Но медленно и чуть-чуть.

– Что вам нужно? – Лицо ее отмыто, но глаза по-прежнему красные. Она кутается в тот же самый старый, потрепанный свитер, словно в смирительную рубашку. – Мама дома нет.

– Мы хотели поговорить с тобой, Фейт, – говорит Сомер. – С тобой одной, если ты ничего не имеешь против. Это очень важно.

– А разве мама не должна находиться рядом?

Эв качает головой.

– Вам никто не нужен, если только вы сами этого не хотите. Вы – жертва. Не преступник. Вы не сделали ничего противозаконного.

Она делает упор на последние слова, стараясь заставить девушку посмотреть ей в глаза. «Мы на твоей стороне – мы хотим помочь».

– Мы можем сделать все так, как тебе будет удобнее, – говорит Сомер. – В полицейском участке в присутствии твоей матери или того, кому ты доверяешь, или здесь, без посторонних. Мы решили, что так будет проще, но на самом деле решать тебе. Мы сделаем так, как ты пожелаешь.

Фейт колеблется.

– Я же сказала вам – это была лишь неудачная шутка. – Однако ее взгляд остается настороженным. Потому что она видит что-то на лицах констеблей, что-то такое, чего прежде не было.

Сомер делает шаг вперед.

– Фейт, мы все знаем, – негромко говорит она. – Мы знаем про тебя – про Дэниела.

Девушка кусает губу, ее глаза наполняются слезами.

– Это так несправедливо, – шепчет она. – Я никому не сделала ничего плохого...

– Извини, – говорит Эрика, легонько прикасаясь к ее руке. – Если б я могла, то не трогала бы это. Но ты понимаешь, почему мы встревожены. То, как ты поступаешь со своей собственной жизнью, больше никого не касается, и тут мы полностью на твоей стороне. Но мы не хотим, чтобы это повторилось опять с какой-нибудь другой девушкой. С кем-нибудь еще, оказавшимся в таком положении. Это... это очень плохо. Даже если речь идет просто о «неудачной шутке». А если это была не...

Она не договаривает фразу до конца. Поскольку знает силу молчания.

Молчание – хороший рычаг.

Фейт шмыгает носом и вытирает слезы.

– Хорошо, – наконец говорит она. – Хорошо.

* * *

Тони Асанти сидит в кафе на Литтл-Кларендон-стрит. Это сверхмодное заведение с выставленными на витрине булочками, красивыми пирожными и пирожками из дрожжевого теста. Народу много, и люди в очереди недовольно косятся на двух студентов, разложивших на столе свои компьютеры. Как и на Асанти, но тот, поглощенный своей работой, не замечает ничего вокруг: чашка кофе перед ним давно пуста, но он все сидит, уставившись в экран телефона, примерно раз в минуту перелистывая интернет-странички. Пусть социальные сети были поручены Бакстеру, но тот никогда не сделает то, чем сейчас занимается Асанти. И не попадет туда, куда попал Асанти.

* * *

Фейт проводит женщин на кухню в дальнем конце дома. Эв уже внутренне приготовилась к обилию бледно-лиловых тонов, однако здесь лишь безликие кремовые шкафы и столешницы, с виду гранитные, но на самом деле, скорее всего, пластиковые. Холодильник оброс записками с напоминаниями, закрепленными маленькими веселыми магнитами. Лохматая овечка, эмалированная кошка, три утенка, большое розовое сердечко, утверждающее: «Дочери сначала просто маленькие дети, но, вырастая, становятся подругами», и еще один, квадратный, желтый, с пучком нарциссов: «Просто будь собой. Это само по себе прекрасно».

Сомер чувствует, как к горлу подступает комок. Пусть с полицией Диана Эпплфорд ведет себя резко и агрессивно, когда речь заходит о ее детях, сердце у нее определено там, где нужно. Она будет помогать своим дочерям, кем бы те ни оказались. И Эрика вдруг понимает, что ее муж, вероятно, оказался в конечном счете неспособен на то же самое, – и в этом, скорее всего, причина того, что его больше здесь нет.

– Чаю хочешь? – спрашивает Сомер, подходя к чайнику. – Кофе?

Фейт молча качает головой, однако Эверетт выражает согласие. Она поступила бы так же, если б уже выпила четыре чашки и была бы накачана кофеином; дело не в напитке, а в домашнем уюте, в успокаивающем воздействии обыденных мелочей. В шкафу есть только банка с растворимым, но маленькое помещение наполняется ароматом. На первый

раз неплохо; Сомер недоумевает, почему на запах он неизменно лучше, чем на вкус.

Она придвигает к столу табурет и ставит перед Эв чашку. Женщины ждут, заговорит ли Фейт первой, – им хочется, чтобы она взяла инициативу в свои руки.

– Итак, – начинает Эверетт, растянув процесс добавления в кофе сахара и молока (обыкновенно она не добавляет ни то, ни другое) так долго, как это только в человеческих силах.

– Я поговорю с вами, – наконец говорит Фейт. – Но я не хочу, чтобы это вышло наружу. Я имею в виду широкую огласку. Того, кто я. Какая я.

Женщины переглядываются. Они понимают, как опасно давать подобные обещания. Особенно если это действительно преступление на почве ненависти. Сомер шумно вздыхает и принимает решение.

– До тех пор пока мы не будем знать, *кто* это сделал, мы не узнаем *почему*. Если этот человек поступил так потому, что ты такая, мы предъявим ему обвинение в этом, и тогда уже не удастся полностью исключить упоминание твоего имени.

Фейт начинает было качать головой, но Сомер продолжает:

– *Однако*, если он напал на тебя потому, что ты красивая девушка, а ты *действительно* красивая девушка, тогда это уже другое дело. В любом случае я *обещаю*, что сделаю все возможное, чтобы защитить твою личную жизнь.

Она берет Фейт за руку, заставляя ее посмотреть ей в глаза, поверить ей. Их взгляды встречаются, и девушка медленно выпрямляется и поднимает голову.

– Хорошо. Что вы хотите узнать? – говорит она.

– Почему бы тебе не начать с самого начала? – предлагает Сомер. – Ты позавтракала с мамой и сестрой и отправилась в колледж, так? Начнем отсюда.

Фейт собирается с духом.

– Я вышла из дома ровно в девять и направилась к автобусной остановке на Черуэлл-драйв. Там это и случилось.

– На тебя напали – тебя похитили? Ты это хочешь сказать?

Фейт опускает взгляд и кивает.

– Улица обычно довольно оживленная в это время дня, да? – говорит Эв. Она произносит это как вопрос, в надежде на то, что так в ее словах прозвучит меньше вызова; однако никуда не деться от того факта, что Райдал-уэй – торная дорога, а в то утро не было никаких сообщений о происшествиях. Мысль о том, что молодую девушку могли похитить на

оживленной улице в разгар часа пик, и никто ничего не заметил...

Фейт на мгновение поднимает взгляд.

– Как раз начался дождь. Сильный.

Что, конечно, могло все объяснить. Дорога внезапно оказывается залита водой, окна запотевают, водители больше сосредоточены на том, куда едут, а не на том, что творится вокруг них.

– Я остановилась, чтобы достать зонтик, – продолжает Фейт. – Поставила сумку на стенку и открыла ее. Тут все и произошло. Мне на голову накинули пластиковый пакет и потащили назад. Я попыталась отбиваться от них, но они приставили что-то к спине. Что-то острое. Я решила, что это нож.

– Лица нападавшего ты не видела? – спрашивает Сомер, стараясь сохранить голос спокойным. От этого кошмарного сна она сама просыпается на рассвете. Невозможно дышать, невозможно ничего видеть. – Никто не проходил мимо прямо перед этим? Никто не болтался рядом?

– Я была в наушниках, так что не следила за тем, что происходит вокруг.

– И что было дальше?

– Он потащил меня к гаражам. Я этого не видела, но почувствовала – там щебенка, а не асфальт.

– К гаражам? – спрашивает Эв.

– Да, знаете, в стороне от дороги.

И Эв, задумавшись, признает, что действительно знает. Сейчас такое уже редко встретишь, но на Райдалуэй отдельная территория для гаражей, у самого пересечения с Черуэлл-драйв. И теперь рассказ Фейт становится более правдоподобным: если нападавший затаился там, его не было видно с улицы, и ему потребовалось бы всего несколько секунд, чтобы похитить Фейт.

– И тогда он прижал меня к машине, и я услышала, как он открыл дверь.

– У него была машина?

– О да, – Фейт кивает, – у него была машина. Фургон.

– Что произошло дальше?

– Он толкнул меня, и я упала в кузов. Вот тогда он связал мне руки.

– Спереди или за спиной?

– Спереди.

– И ты уверена, что это был фургон? Может быть, внедорожник? Или какая-нибудь другая машина, открывающаяся сзади?

Фейт качает головой.

– Я ничего не видела, но для внедорожника машина была слишком низкая. И недостаточно большая. Когда мы круто поворачивали, меня швыряло в борта. На полу лежал пластик – я чувствовала, как он ко мне липнет.

Сомер кивает и делает пометку. Какой бы душевной травмой ни сопровождался этот рассказ, теперь, когда Фейт наконец решилась, оказалось, что она на удивление хороший свидетель. Точная, наблюдательная, внимательная к деталям.

Теперь она теревит бусы: те, на которых ее имя.

– Сначала ты сказала «они», – напоминает Сомер. – А потом – «он»...
Может быть, это был не один человек?

Фейт пожимает плечами.

– Я так не думаю. Точно не знаю.

– Но никто ничего тебе не говорил – голосов ты не слышала?

Девушка качает головой.

– За все это время он ничего не сказал. Не произнес ни одного слова.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

11:24

Я уже на полпути домой, когда мне звонят. Увидев, кто это, я чертыхаюсь. Я обещал Алекс присутствовать при визите патронажной сестры, но тешил себя надеждой вернуться в участок до того, как моя команда сообщит, что я в самоволке. Увы моим надеждам...

Соединение начинает разрываться, но я все-таки слышу:

– Сэр! Это Тони Асанти.

Мне следовало бы догадаться, что это окажется он. Асанти с нами уже несколько месяцев, и пока что я не могу ни в чем его упрекнуть. Прилежный, толковый, великолепно подготовленный в техническом плане. Он делает то, что ему говорят, а когда нужно, проявляет инициативу. И все-таки есть в нем что-то такое, за что я никак не могу ухватиться, и, как мне кажется, то же самое могут сказать и все остальные члены команды. Каждый раз, когда я начинаю думать, что наконец вычислил его, ему снова удается поставить меня в тупик. Такое ощущение, будто Асанти играет

роль, выполняет заученные движения, а его истинные цели находятся где-то в другом месте. Алекс говорит, что он, вероятно, просто чрезмерно честолюбив и плохо это скрывает, и я подозреваю, что в чем-то она права. Определенно, это объяснит, почему Куинн сразу же проникся к нему неприязнью, и, взглянем правде в глаза, у него также плохо получается это скрывать. Однако, в отличие от Куинна, Асанти лучше ладит с женской половиной команды, чем с мужской, что в нашем ремесле по-прежнему встречается нечасто. Быть может, дело просто в том, что он, как и они, знает, что такое быть в меньшинстве.

– В чем дело, Асанти?

– Прошу прощения за то, что беспокою вас, сэр. Мне кажется, я кое-что нашел.

Я хмурюсь.

– Что – ты имеешь в виду Дугласа Эпплфорда? Тебе удалось его разыскать?

Небольшая пауза. Смущение или расчет?

– Нет. Другое. Послушайте... будет лучше, если я объясню все при личной встрече. Если вас нет на месте, я могу к вам подъехать.

Разумеется, меня «нет на месте», черт побери. В противном случае он не звонил бы мне на сотовый.

Я слышу на заднем плане шум машин, значит, Асанти на улице.

– Я не в участке. Мне пришлось заехать домой. На минутку.

– Это в Райзингхерсте, правильно? Я могу подъехать туда.

Не знаю, почему меня раздражает то, что ему известен мой адрес, однако это так. Не то чтобы люди с работы не бывали у меня дома, однако это происходило не так часто. И это прекратилось с тех пор, как Алекс забеременела.

– Я буду отсутствовать около часа. Это не может подождать до моего возвращения?

Я слышу вздох.

– Если честно, сэр, не думаю.

* * *

– Мы ехали очень быстро. Но совсем недолго – всего несколько минут. Затем снова остановились, и он вытащил меня из машины. Сначала мы шли по чему-то твердому, затем по траве – земля была неровной, раскисшей от дождя. У меня промокли ноги. А потом он меня куда-то

затолкал, я услышала, как захлопнулась дверь, и стало темно.

– Представляю, как тебе было страшно, – тихо произносит Сомер.

Фейт опускает взгляд, у нее дрожат губы.

– Я подумала, он сейчас меня убьет.

У нее по щекам текут слезы, и Эрика тянется через стол и берет ее руки в свои.

– Ты *невероятно* храбрая. Осталось еще совсем немного, обещаю.

Фейт собирается с духом.

– Он толкнул меня на пол. Я упала на спину. Пол был холодный. В мелких камешках. Я кричала и брыкалась, но он схватил меня за ноги и стащил трусики.

Теперь слезы текут ручьем, щеки стали красными.

Женщины снова переглядываются. Именно этого они и опасались. И теперь у них нет выбора: они должны надавить на девушку.

– Фейт, – мягко говорит Сомер, – сейчас я задам очень деликатный вопрос. Очень личный. Я сожалею, что вынуждена его задавать, и поверь мне, я бы его не задала, если б не крайняя необходимость. – Следует пауза, она крепче сжимает руки девушки. – Ты можешь сказать... тебе делали операцию по изменению пола?

Фейт отводит взгляд. Качает головой.

– Еще нет. Может быть, потом.

– Как ты думаешь, тот, кто это сделал, – по-твоему, он мог знать?

Теперь Фейт поднимает голову и смотрит на них. Она широко раскрывает глаза.

– Вы хотите сказать, был ли он *удивлен*? Вы спрашиваете у меня именно *это*?

Сомер чувствует, что у нее горит лицо.

– Извини, Фейт, я не хотела быть грубой. Но ты должна понять, почему я спрашиваю, – это огромная разница. Мы хотим понять, с каким преступлением имеем дело. Чтобы сузить круг тех, кто мог это сделать.

Фейт вытирает слезы тыльной стороной ладони. Полицейские ждут, не торопят ее. Эрика слышит доносящийся откуда-то с улицы лай. Надрывистый. Обиженный. Вероятно, опять эта проклятая чихуахуа.

– Фейт, кто еще знает о том, что вы – трансвестит? – наконец спрашивает Эверетт. – Помимо ваших родных?

У нее дрожит голос.

– Здесь больше никто. Я никому не говорила.

– Даже своим подругам? Даже своей лучшей подруге?

Фейт отводит взгляд.

– Я не хочу, чтобы на меня смотрели и видели парня, одевшегося девушкой. Таращились, стараясь определить, какие мелочи меня выдают. Я хочу, чтобы все видели *меня*.

– Ну а там, где вы жили раньше? В Бейсингстоке, не так ли? Ты поддерживаешь связь с кем-либо оттуда?

Она пожимает плечами.

– Я хотела начать заново. Оставить все позади.

Ей не нужно объяснять: обе женщины прекрасно представляют себе, на что это было похоже.

Фейт снова принимается теревить бусы, проводя пальцами по буквам своего имени.

– Ты сделала замечательный выбор, – говорит Сомер, указывая на бусы. – Прекрасное имя. Необычное. – Она едва не добавляет «как и ты сама», но останавливается. Эрика хотела сказать комплимент, но, возможно, получилось у нее не совсем то.

Девушка заливается краской.

– Маме больше понравилось бы имя Даниэль. Или Данни, как Данни Миноуг ^[18]. Она говорила, что было бы проще, если б имя изменилось совсем чуть-чуть. Но я *хотела* больших перемен. Хотела, чтобы все стало по-другому. – Теперь у нее на лице гордость. И вызов. – Вот почему я выбрала Фейт. Это имя говорит, кто я на самом деле.

– И во всем Оксфорде нет никого, кто знает правду? – спрашивает Эверетт. – Кто мог бы выбрать вас своей целью из-за вашего прошлого?

Фейт качает головой.

– Нет. Никого.

Констебли стараются не смотреть друг на друга, но обе думают одно и то же. Что, если нападавшего, как и всех прочих, убедила внешность Фейт? Или же он знал ее тайну и именно поэтому выбрал ее? В любом случае, понимает ли Фейт, какая опасность ей угрожала?

Однако лицо девушки отвечает на этот невысказанный вопрос. Она прекрасно все понимает. Она уже давно это поняла. Это реальность, с которой она прожила половину своей жизни.

– Вы можете рассказать нам, что произошло дальше? После того, о чем вы только что рассказали? – Даже Эв, которая уже много лет занимается этим и прошла специальный курс обучения, как вести себя с жертвами сексуальных преступлений, стыдливо бежит от прямого вопроса.

Фейт обвивает себя руками, туже кутаясь в свитер. Руки у нее трясутся.

– Фейт, он тебя обидел? – тихо спрашивает Сомер.

– Нет, этого не было, – та качает головой. – Но я думала, что мне будет плохо. Я почувствовала, как он подошел вплотную – я услышала его дыхание, – затем схватил меня за волосы, и стало очень больно; я почувствовала, как отрывается шиньон, и снова начала брыкаться, но тогда я почувствовала... нож... прижатый к коже... он провел им по моему животу... и...

Она снова плачет.

– Все в порядке, не торопись.

Девушка моргает, прогоняя слезы, вытирает глаза и поднимает взгляд. Губы у нее дрожат, но она не опускает голову.

– Я обмочилась, понимаете? Подумала, что он сделает мне больно... прямо там, внизу... и обмочилась.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

12:17

Алекс наливает мне стакан сока и опирается о столешницу. На тарелке в раковине остатки ее обеда. Салат с курицей: бурый рис, постные белки, сочная зелень – Алекс строго соблюдает диету. Но в тарелке осталось слишком много, и лицо у Алекса осунулось. Мне это не нравится.

– Патронажная сестра только что прислала сообщение, что задержится, так что если этот таинственный мистер Асанти придет вовремя, мы проскочим.

Сейчас Алекс подталкивает меня. Ей любопытно посмотреть на Асанти с тех самых пор, как я впервые упомянул о нем.

– Никакой он не *таинственный*, Алекс. Просто прочитать его совсем непросто. Он совсем не похож на Гислингхэма...

Алекс широко улыбается – Гис ей очень нравится.

– Или на Куинна.

Теперь она морщится.

– Слава богу! На наш маленький городок хватит и одного Куинна.

Я подхожу к чайнику, в настоящее время любимым напитком Алекс является зеленый чай с вишневыми листьями. Наверное, мы полностью обчищаем «Уэйтроуз»^[19].

– Я бы просто предпочел, чтобы никто с работы сейчас не приходил

сюда. Я пока что еще никому не говорил... о ребенке.

Алекс косится на свой живот.

– Ладно, я постараюсь все время сидеть. – Она строит печальное лицо. – Остается только надеяться, что этот Асанти сыщик не ахти.

– Извини – я понимаю, это та еще головная боль, но он настоял на том, чтобы прийти...

Алекс протягивает руку и нежно трогает меня за щеку.

– Не переживай так. Я *пошутила*.

Когда звонят в дверь, Алекс уже свернулась клубком на диване со своим чаем. Она улыбается мне, когда я прохожу мимо, и кладет себе на колени подушку.

На пороге стоит Асанти. Под мышкой у него компьютер. Костюм с иголки, белая сорочка, темно-красный шелковый галстук. Я вижу краешек этикетки – «Берберри»^[20]. Мне вдруг приходит в голову, что неприязнь Куинна – это по большей части лишь зависть щеголя.

Я отступаю в сторону, впуская Асанти, и он учтиво ждет, пока я закрою за ним дверь.

– Мы пройдем на кухню.

Когда проходим мимо Алекс, я упорно отказываюсь смотреть на нее, но улавливаю некоторое замешательство в шагах идущего за мной Асанти, после чего он говорит:

– Прошу прощения за то, что помешал вам.

– Такая уж у вас работа, – говорит Алекс, и я слышу в ее голосе смех.

На кухне Асанти отказывается от чая, но соглашается на воду, и я ловлю себя на том, что достаю из холодильника бутылку, вместо того чтобы просто налить из-под крана. Подозреваю, Асанти часто оказывает на людей подобное действие.

Он ставит компьютер на стол, и на экране появляется та же самая заводская заставка, что сохранилась и на моем. У Гислингхэма его маленький сын в матроске; у Эв ее кот; у Куинна какой-то тропический пляж, на котором, как ему хочется нас убедить, он бывал. Но у Асанти компьютер подчеркнуто безликий. Еще один пункт в мое мысленное досье.

Асанти пододвигает табурет, и внезапно до меня доходит, что я оставил на столе распечатку ультразвукового анализа, всего в каких-нибудь трех шагах от того места, где он устраивается. Я поспешно хватаю распечатку и убираю ее в задний карман. Если Асанти и замечает что-либо, то не подает вида.

Закончив стучать по клавишам, он разворачивает компьютер ко мне. Мне требуется несколько минут, чтобы понять, что я вижу. Но когда до

меня наконец доходит, то осознание похоже на удар стальным прутом по горлу.

* * *

К тому времени как они приезжают на место, ветер снова усиливается. Эверетт оборачивается и смотрит на девушку. Та сидит сзади, уставившись в окно. Она согласилась приехать, однако теперь, когда они здесь, она уже сомневается в том, что поступила правильно. Однако, по крайней мере, здесь почти никого нет; середина дня, и огороды вдоль Марстон-Феррироуд пустынно. Единственным признаком жизни, который видит Эв, являются двое пожилых мужчин в практически одинаковых шапках и свитерах, сидящих с термосом и сигаретами на скамейке у мусорного контейнера.

– Фейт, вы не передумали? – спрашивает она.

– Все в порядке, – поспешно отвечает девушка, распахивая дверь. – Давайте только закончим все побыстрее, пока мама не вернулась, чтобы мне не пришлось объяснять, где я была.

Сомер тем временем вышла из машины и осматривает землю. В нескольких ярдах отчетливые следы покрышек: кто-то быстро тронулся с места. И совсем недавно. Эрика смотрит на тучи – им повезло, что следы все еще на месте, и им потребуется немного везения, чтобы они продержались чуть дольше: криминалисты должны успеть зафиксировать следы до того, как снова начнется дождь. Сомер достает телефон и отходит в сторону, чтобы позвонить Алану Чаллоу. Земля вокруг покрыта красноватой грязью. Ту же самую грязь констебли обнаружили на туфлях, которые в настоящий момент лежат в багажнике машины, запечатанные в пакет для улики.

Фейт смотрит. На перевернутые тачки, на убогие сараи, на голую землю, на чахлые растения. Все выглядит или мертвым, или увядшим.

Внезапно девушка ежится. И ветер тут ни при чем.

– Кажется, я знаю, почему он меня отпустил. Я сейчас вспомнила – слышала сирена... я услышала сирену... она звучала все ближе и ближе. Тут он и ушел.

«Тогда это все объясняет», – думает Эверетт. Здесь, где поблизости нет никого, кто услышал бы и пришел на помощь, просто чудо, что нападавший не довел до конца начатое. Водитель машины чрезвычайной службы случайно оказался героем.

Сомер медленно возвращается к ним, у нее под сапожками хрустит гравий. Она кивком сообщает Эверетт: бригада криминалистов уже в пути.

– И что произошло после того, как вы услышали сирену? – спрашивает Эв.

Фейт поворачивается к ней.

– Я услышала, как он открыл дверь сарая, потом через несколько минут – звук двигателя, и машина уехала. Быстро. Словно с пробуксовкой.

– А потом?

Фейт делает глубокий вдох.

– Я просто начала кричать в надежде на то, что кто-нибудь придет. Я не знала, где нахожусь, не знала, услышит меня кто-нибудь или нет.

Эрика старается не думать, каково это было – лежать здесь, с пакетом на голове, без нижнего белья; приступы паники при каждой попытке сделать судорожный вдох...

– Он был надет не так плотно, – говорит девушка, угадывая ее мысли. Пакет. Она кусает губу. – Я потом думала и решила, что он на самом деле не хотел моей смерти. Раз не стал затягивать пакет.

«А может быть, он просто не хотел, чтобы все закончилось слишком быстро», – думает Эв. Она ловит себя на том, что до боли стиснула зубы. Им во что бы то ни стало нужно найти этого подонка, и как можно быстрее.

– Как вам удалось выбраться отсюда?

– Я каталась по земле, и в конце концов пакет сполз с головы. Тогда я поняла, что нахожусь в сарае. Там был садовый инструмент и всякий инвентарь. Я огляделась по сторонам и нашла секатор. Прижала его к скамейке и попыталась разрезать веревки, но все время его роняла. Мне потребовалась целая вечность.

– Какой это был сарай, Фейт? Вы можете нам показать?

– Вон тот, – говорит девушка, протягивая руку. – Там. Тот, рядом с которым стоит тачка.

– Что насчет пакета – вы не знаете, куда он подевался?

– Наверное, все еще там – я его не брала. Пакет из универмага «Теско». Если это вам поможет.

Сомер надевает перчатки и направляется к сараю.

– Нам необходимо обеспечить сохранность места преступления, – объясняет Эверетт. – Там могут быть образцы ДНК. И отпечатки пальцев.

– Кажется, он был в перчатках, – угрюмо произносит Фейт. – Руки у него на ощупь были какими-то пластиковыми.

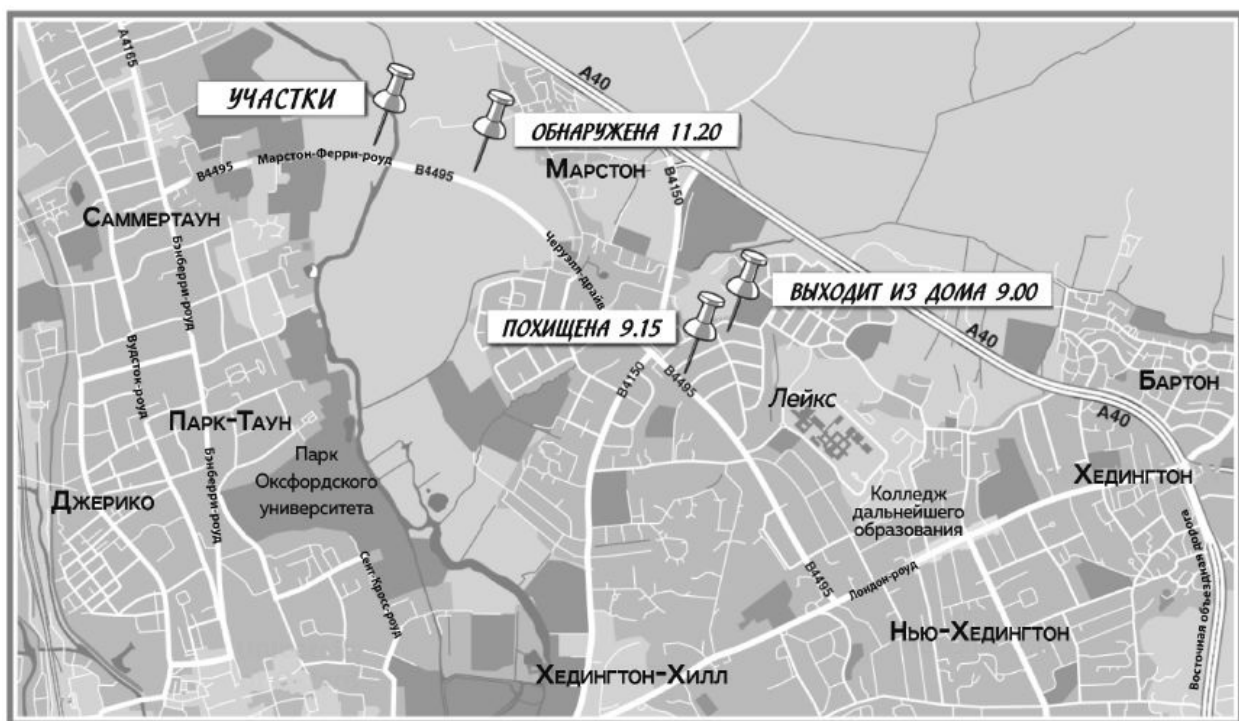
– Вы имеете в виду резиновые перчатки, такие, как для мытья посуды? Девушка качает головой.

– Нет, более толстые. Большие. Может быть, садовые перчатки... – Она вздыхает. – Так что никаких отпечатков пальцев не будет, да?

– Он непременно где-нибудь допустил ошибку, просто не надо спешить. И мы его обязательно поймаем.

– Я все надеялась, что кто-нибудь придет, – тихо произносит девушка. – Но никто не пришел. Никто ведь никогда не приходит, правда? Когда это необходимо. Когда действительно нужна помощь.

* * *

* * *

Адам Фаули
2 апреля 2018 года
14:05

Когда я возвращаюсь в оперативный штаб, на доске висит карта. Кнопки обозначают места, где Фейт живет, где ее похитили, где ее

обнаружили. Без слов, но все понятно.

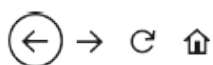
Асанти молча сидит за своим столом. Я попросил его ничего не говорить до моего возвращения, до тех пор пока здесь не соберется вся команда. Но теперь все здесь.

Я киваю Асанти, и тот поднимается на ноги.

– Так, пожалуйста, прошу всеобщего внимания. Нам нужно кое-что посмотреть.

Все поднимают взгляд, отмечают, что констебль подключает свой планшет к проектору. Эв любопытно, Бакстер настроен скептически, Куинн откровенно раздражен и практически не пытается это скрыть.

Асанти включает экран и переходит к нужной страничке. Я не смотрю на нее, в этом нет необходимости. Я ее уже видел. Но я смотрю, как меняются лица присутствующих по мере того, как они осознают, что перед ними.

https://groopz.com/incelsolidarity|

Видели по телику эту сучку? – еще одна подстилка поимела по полной

размещено 2 дня назад **supremegentleman89**
17 комментариев

Хороший фемоид^[21] – мертвый фемоид. Сперва раздвигает ноги затем говорит нет – вот что я имею в виду

размещено 2 дня назад **suckingthatblackpiller**
10 комментариев

Нам нужно навести ужас на этих шлюх – и я имею в виду кислоту в рожу, твою мать

ТЕРРОРИЗИРОВАТЬ долбанных бл...ей
размещено 1 день назад **justyouraveragecumpanzee**
35 комментариев

Эта гребаная игра нечестная с самого начала – 20 % Чедов получают 80 % секса

размещено 1 день назад **proudtobeauowot**
24 комментария

Не скажи мужик – все эти шлюхи и фемонацистки мечтают чтобы их отымели. И мы оказываем им любезность
размещено 17 часов назад **furiousmadomegger**
22 комментария

А еще хуже долбаные мужебабы – они получают по заслугам
размещено 16 часов назад **downwiththegynocracy**
35 комментариев

Без шуток – мой кореш подцепил классную телку но обнаружил у нее член ☹
размещено 9 часов назад **Yeltob Yob**^[22]
6 комментариев

– Проклятье, откуда ты знаешь все это? – спрашивает Гислингхэм. Он с трудом верит своим глазам, и я вас уверяю, не он один.

Асанти пожимает плечами.

– В прошлом году у нас в Брикстоне был один случай. Двадцатитрехлетняя женщина подверглась нападению парня, который пригласил ее на свидание и получил отказ. Это был одиночка, одержимый компьютерными играми, – сами знаете таких. Как выяснилось, потом он на протяжении нескольких недель преследовал ее, вживую и в Сети, и когда мы проверили его компьютер, оказалось, что он был активным участником всех форумов инцелов. Я занимался этим делом, поэтому кое-что узнал о них. Вот как я это обнаружил – я знал, где искать.

Куинн бросает на него взгляд, красноречиво говорящий: «Тоже мне умник», а я бросаю на Куинна взгляд, красноречиво говорящий: «И что тут плохого?»

Тем временем Бакстер хмурится. До сих пор Интернет оставался его безраздельной вотчиной, и он определенно недоволен этим внезапным вторжением.

– Если можно, что такое «инцел»? – спрашивает он.

– «Воздерживающийся поневоле»^[23], – отвечает Асанти. – Это мужчины, которые не могут получить достаточно секса – или вообще не получают секса – и винят женщин в том, что те им его не дают. А также они ненавидят мужчин-мачо, получающих больше, чем положено. Вот что имел в виду тип с этого форума. Инцелы называют таких мужчин «Чедами».

При этих словах Куинн заливается краской, но я подозреваю, что если

в столовой его начнут называть Чедом, он не станет особо жаловаться.

– И разумеется, их собственные жалкие шовинистические закидоны тут совершенно ни при чем, – ядовито замечает Эв.

Ее слова вызывают жидкие натянутые смешки, однако лицо Асанти остается каменным.

– Это уже выходит за рамки обыкновенной половой дискриминации. – Он указывает на экран. – Вот пример того, что там происходит, и, поверьте, если знать, где искать, можно найти кое-что похуже. Провайдеры постоянно закрывают подобные сайты, но те открываются где-нибудь в другом месте.

– Ну как можно не любить Интернет, – с горечью произносит Сомер. – Он помогает психопатам находить новых друзей.

– На самом деле все гораздо хуже, – говорит Асанти, выдержав ее взгляд. – Наш нападавший в Брикстоне – он не просто безобидно изливал душу другим неудачникам. Как и во всех других видах радикальных движений, эти люди заводят друг друга. Каждый последующий круг ответов становится все более разъяренным и жестоким. До тех пор пока однажды этот парень не плеснул девушке в лицо хлоркой, после того как один из его дружков в Сети посоветовал ему: «Сожги эту урну для спермы – посмотрим, кто захочет ее трахать, если у нее не будет рожи».

Сомер бледнеет, Эверетт вскидывает руку к губам. Обе молчат, но им и не нужно ничего говорить.

– И почему ты думаешь, что наш человек причастен к этой мерзости? – говорит Куинн. – Я хочу сказать, это отвратительно и все такое, – поспешно добавляет он, – тут никаких споров. Но сброд, который растрчивает свою жизнь на подобных форумах, – пустые трепачи. Тот рассказ про «кореша» – это же полная брехня. Вовсе не значит, что он действительно что-то сделал...

– О, не знаю, – мрачно говорит Бакстер. – Мне это подозрительно напоминает «попроси друга».

Асанти поворачивается к нему.

– Я видел по крайней мере одну переписку инцелов о том, чтобы похитить женщину и держать ее в неволе, чтобы насиловать и истязать. Сразу же говорю вам: нет, этот человек на самом деле ничего не сделал, однако граница между фантазиями и их воплощением очень тонкая.

Куинн закатывает глаза. Он определенно считает, что граница между хорошо осведомленным коллегой и заносчивым выскочкой-всезнайкой также очень тонкая.

– Так почему ты считаешь, что это совершенно другое дело? –

спрашивает Гислингхэм.

– В том-то все дело, – поспешно говорит Куинн. – Даже если этот задрот и сделал что-то, каковы шансы того, что это была Фейт? Это мог быть абсолютно кто угодно, черт возьми. Мы даже не знаем, где живут эти недоноски...

– Посмотрите на ник последнего пользователя, – тихо говорит Сомер. Все смотрят на нее, затем на экран.

– Что, на этот YeltobYob? – говорит Куинн, так ничего и не поняв.

Бакстер оборачивается к Сомер.

– Это же просто имя, разве не так? Ну, как у того типа с Би-би-си, как там его...

– Алан Йентоб^[24], – подсказывает Эверетт. – Это не одно и то же. Но Сомер качает головой.

– Это вообще не имя, – говорит она. – Его нужно читать задом наперед. «Yob» – это «boy», «мальчик». А «Yeltob» – «Botley», «Ботли», оксфордское местечко.

* * *

В саммертаунской средней школе звонит звонок, возвещающая об окончании урока. В классе рисования вдоль длинного стола, проходящего под окнами, ученики скатывают листы бумаги и убирают краски и кисточки. На улице по серому небу несутся низкие тучи.

Учитель останавливается за спиной у Саши Блейк. Та, похоже, не слышала звонок. А если и слышала, то, в отличие от своих одноклассников, не торопится успеть на следующий урок. Откинувшись назад, она изучает свой натюрморт акварелью, написанный с композиции, размещенной на столе посреди класса. Белая фарфоровая миска со сливами и лимонами и бледно-голубая ваза с веткой форзиции. С краю листа Саша оставила мазки различных оттенков пурпура. Красновато-лиловые, синевато-бордовые; ни один из них не совпадал с цветом фруктов, лежащих в миске и веткой.

– А у тебя неплохо получается, Саша, – говорит учитель.

Ему лет тридцать семь, соломенные волосы слегка начинают редеть, на клетчатой фланели рубашки катышки от долгой носки. Обручального кольца нет.

– У тебя хороший глаз. Тебе следует подумать о том, чтобы сдать экзамен по второму уровню сложности.

Наконец Саша оборачивается и поднимает на него взгляд.

– Есть одна книжица, которая может тебе понравиться, – неуверенно начинает учитель. – «Натюрморт» А. С. Байатта – там есть замечательное место о том, как точно передать цвет слив, как запечатлеть то, что они буквально светятся. Если честно, на самом деле я именно поэтому составил такую композицию...

Он уже собирался перейти к делу, но тут одна из двух девушек, задержавшихся у дверей класса, произносит:

– Во имя всего святого, Саша! Шевелись же!

Саша оборачивается и поспешно встает. Она протягивает руку за сумкой, и ее длинный темный хвостик падает вперед на плечо.

– Простите-простите-простите! – кричит она своим подругам и быстро собирает вещи. – Просто немного отвлеклась!

– Ну да, – усмехается вторая девушка, – как будто раньше *этого* никогда не случалось.

Саша улыбается и закидывает сумку на плечо, бросив на учителя, все еще стоящего за ее стулом, взгляд, наполненный наполовину извинением, наполовину облегчением. За девушками с грохотом захлопывается дверь, но учитель еще слышит их голоса, удаляющиеся по коридору.

– Что, Прыщавый Скотти *действительно* тогда приставал к тебе?

– Ну, это же... это же мерзость! Только представь себе, что он тебя *целует!*

– Да он *полный* урод!

Учитель стоит на месте, щеки у него горят, кулаки стиснуты, а дерзкий молодой смех постепенно затихает вдали.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

14:35

– Ну хорошо, – говорит Куинн, – этот ник *может* означать, что наш тип в Оксфорде. Но *точно* мы этого не знаем. Начнем с того, что наверняка есть и другие места с названием Ботли, так?

– Я нашел еще два, – ровным голосом отвечает Асанти. – Есть деревушка с таким названием недалеко от Чешэма в графстве Бэкингемшир и еще одна в Гемпшире.

Я замечаю, как Сомер вздрагивает, и тогда вспоминаю: ее новый

кавалер служит в полиции Гемпшира.

– Вот именно, – говорит Куинн. – Так что с самого начала шансы два к одному. Но даже если это оксфордский Ботли, мы не знаем, *когда* это произошло, – даже не знаем, произошло ли это *вообще*.

Асанти склоняется над столом и нажимает клавишу. Теперь на экране видны комментарии к последнему сообщению.

– Блин, – бормочет Гислингхэм. – Блин!

* * *

На участках земли, выделенных под огороды, снова начинается дождь. Нина Мукерджи ставит микроавтобус экспертно-криминалистического отдела в дальнем конце стоянки и какое-то время сидит, изучая место. Цепочка компостных куч, доска объявлений с листками, предлагающими саженцы и подержанный садовый инвентарь, мусорные контейнеры с битым кирпичом и кусками шифера. Нина уже столько времени занимается своим ремеслом, что рассматривает любое место как место преступления. Отпечатки пальцев, подтеки, кусочки отшелушившейся кожи, шарики пыли. Особенно мучительно ужинать в гостях: единственная кухня, которая действительно выглядит чистой, – это ее собственная.

Нина открывает дверь и берет с соседнего сиденья свой чемодан. В нескольких ярдах у сарая, за белой с синим лентой, огораживающей место преступления, она видит Клайва Конвея. Лента треплется на ветру, а Клайв поднес руку к голове, чтобы удержать капюшон. Нина надевает мешковатый защитный костюм, после чего так быстро, как только можно в нем, идет к ожидающемуся Клайву. Из криминального отдела никого нет, здесь только двое полицейских в форме, переминающихся с ноги на ногу, чтобы согреться. Нина гадает, кому поручат это дело, – может быть, Тони Асанти. Какое-то время назад они выяснили, что у них есть общие друзья в Мет, и с тех пор Тони два-три раза угощал ее кофе. Нина не может решить: то ли это простая любезность, то ли он действительно заинтересован. И если верно второе, заинтересуется ли она сама. Нине уже приходилось видеть, к каким неприятностям приводят служебные романы, и она предпочитает сохранять и эту сторону своей жизни в чистоте.

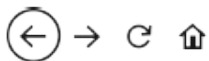
Когда Нина подходит к Клайву, тот не говорит ни слова и лишь распахивает дверь, приглашая ее заглянуть внутрь. Когда Нина была маленькой, у ее дяди был сарай примерно таких же размеров – она помнит окна, затянутые паутиной и липкие от выделений, оставленных слизнями,

на полках в полном беспорядке ржавые железяки, запах затхлый, заплесневелый, отдающий дохлыми насекомыми. Но этот сарай совершенно другой. Он такой опрятный, что в нем можно жить – ну, почти. На полках – ровными рядами лейки и пластмассовые горшки для саженцев, лопаты и вилы висят каждая на своем крючке, на столе два мешка семенной картошки и ровные ряды наполненных землей поддонов для рассады с маленькими белыми картонками с подписями и виднеющимися тут и там крошечными зелеными былинками. Пол подметен, даже в углах, однако темное пятно посредине говорит о другом. Как и запах.

– По-моему, нет никаких сомнений, что это моча. – Клайв опускается на корточки и показывает. – Я также обнаружил волосы. Но без луковиц, насколько я вижу. Больше того, я уверен, что на поверку они окажутся париком.

* * *

Адам Фаули
2 апреля 2018 года
14:43

https://groopz.com/incelsolidarity/

Без шуток – мой кореш подцепил классную телку но обнаружил у нее член ☹

размещено 9 часов назад **Yeltob Yob**

6 комментариев

Серьезно? Что там произошло?

размещено 9 часов назад **downwiththegenocracy**

Без балды. Он говорит, по виду этого не понять. Действительно классная. Сиськи, попка и все ост. До тех пор пока он не стащил с нее трусики, твою мать ☹

размещено 9 часов назад **Yeltob Yob**

Моб твою ять – эти девки с членами хуже всего, блин. Все

такие оттрахай мол меня, а дырки куда засунуть нет
размещено 8 часов назад **letscutthecrappeople7755**

Ты абсолютно прав дружище, твою мать. Мой кореш сказал, что ему следовало сообразить что-то не так когда ее волосы остались у него в руке. Это был лишь долбаный ПАРИК, вот так
размещено 8 часов назад **YeltobYob**

☺ ☺ ☺ сиськи тоже были накладные?
размещено 7 часов назад **KHHVandsowhat88**

Ну и дрянь! Надеюсь он хотя бы заставил ее отсосать
размещено 7 часов назад **suoremegentleman89**

Не получилось. В любом случае кому захочется ободрать себе член щетиной, твою мать. Эти сиськобороды хуже всего
размещено 6 часов назад **YeltobYob**

Кто-то сзади бормочет: «Больные ублюдки», Бакстер качает головой, лицо Гислингхэма стало твердым. В этой работе они всего насмотрелись, однако воспринимать подобную мерзость легче от этого не стало.

– Он прав насчет парика, – говорит Сомер, нарушая молчание. – Мы сами только что это выяснили.

– Но если сделать шаг назад, на самом деле это ничего не доказывает, ведь так? – говорит Гислингхэм. – Как правильно заметил Куинн, этот подонок мог просто насочинять все это, чтобы произвести впечатление на остальных подонков, а додуматься до такого проще простого. Я хочу сказать, многие девушки-трансгендеры носят парики. Но даже если он прав, все равно для случайного совпадения это чересчур. А вы знаете, как я отношусь к случайным совпадениям.

Асанти обводит взглядом присутствующих.

– Теперь вы видите, как все могло получиться: если этот тип похищает ее прямо на улице, не зная, *что* она на самом деле...

Сомер бросает на него гневный взгляд.

– «*Что* она на самом деле»? Пожалуйста, скажи, что ты этого не говорил!

Асанти смущен. С его стороны это первая серьезная оплошность.

– Извините. Я имел в виду лишь ее физическое состояние, только и всего. Для инцела худшее издевательство – это когда своим полом

бахвалятся, однако в сексе отказывают.

– Фейт собой не «бахвалится», – холодно замечает Эрика. – Наоборот, она *всеми силами* старается этого избежать.

Я решаю вмешаться.

– Сомер, Фейт не говорила, в последнее время она ничего подозрительного не замечала? Никого, кто слонялся бы поблизости?

Сомер поворачивается ко мне и качает головой.

– Мы спрашивали у нее, но она сказала, что никого не было. По крайней мере, она ничего не заметила.

Однако только из того, что Фейт никого не заметила, еще не следует, что никого не было. Возможно, нападавший выслеживал ее на протяжении нескольких дней и выбрал именно этот момент и именно это место, поскольку знал, что она проходит здесь примерно в одно и то же время. С другой стороны, нападавший мог просто остановиться у гаражей, чтобы курнуть, и тут случайно показалась Фейт.

Гислингхэм поворачивается к Асанти.

– Мы можем выйти на этого человека по его сообщениям, или я прошу слишком много?

Констебль колеблется.

– У интернет-провайдера, обеспечивающего доступ к форуму, должен храниться IP-адрес, с которого отправлялись эти сообщения, – будем надеяться, что провайдер находится в Великобритании...

– Итак, значит...

– ...Но как я уже объяснил инспектору Фаули, эти форумы не запрашивают не то что адрес электронной почты – даже имя. А наш подозреваемый наверняка выходил в Сеть через Wi-Fi общего доступа, не используя свой IP-адрес. Такие люди пользуются кафе, вокзалами, библиотеками...

– Это не люди, – перебивает Эверетт. – Это подонки. Низкие, мерзкие подонки.

Гислингхэм хмурится.

– То есть ты хочешь сказать, что мы не сможем на него выйти, даже если получим IP-адрес?

Асанти пожимает плечами.

– Если он находился в общественном месте, все будет зависеть от того, есть ли там камеры видеонаблюдения, но даже если они есть...

– Точно, – говорит Гислингхэм. – Так что нам нужно двигаться вперед, черт возьми, и получать ордер.

– Констебль Асанти также следит за этим форумом, – говорю я, – и

YeltobYob не выходил в Сеть с тех самых пор, как разместил эти комментарии.

Асанти обводит взглядом собравшихся.

– Он редко общается на форуме, но я собираюсь проверить его предыдущую переписку – может быть, так удастся что-нибудь о нем разузнать. Для начала что-нибудь такое, что укажет, какой именно Ботли он имеет в виду. Но пока что это лишь желчный женоненавистник, изливающий свою злобу.

– Как насчет зарегистрированных преступлений на почве сексуальной ненависти? – спрашивает Бакстер. – Может быть, нам проверить все эти Ботли, вдруг что-нибудь всплывет?

– Уже сделано, – я качаю головой. – Никаких зацепок.

Наступает молчание.

– Тут дело не только в парике, – тихо произносит Сомер, глядя на экран. – Похоже, этому типу помешали. Как и тому, кто напал на Фейт.

Я поворачиваюсь к Бакстеру.

– Удалось проследить машину спецслужб, которую услышала Фейт?

Тот кивает.

– Это была патрульная машина, сэр. Поступило сообщение об ограблении на Хедингтон-Хай-стрит, и машина застряла на Марстон-Ферри-роуд, где ведутся дорожные работы.

– Но полицейские не заметили, чтобы кто-либо покидал огороды? Никаких подозрительных фургонов?

– Сожалею, сэр. Я разговаривал с этими двумя ребятами, и они ничего не видели. Но я запросил записи с камеры контроля скоростного режима и с камеры видеонаблюдения с заправки на перекрестке с Черуэлл-драйв. А если этот тип уехал в противоположном направлении, он должен был проехать мимо саммертаунской школы, так что его могла заснять видеокамера школы.

– На месте работают Чаллоу и бригада криминалистов, – поспешно говорит Гис. – У нас уже есть куски провода, которыми была связана Фейт, и пластиковый пакет. Также мы опросим тех, кто проживает рядом с тем местом, где она была похищена. Как знать, может быть, кто-нибудь что-то видел...

И не потрудился сообщить о том, что на улице прямо у него под носом была похищена девушка? Слабая надежда. Но в нашем ремесле есть определенные действия, которые нужно выполнить обязательно, и это одно из них.

– И еще также остается вопрос сумочки Фейт, – продолжает Сомер. –

Вчера вечером ее мать прошла мимо гаражей и нашла ее засунутой в урну. Разумеется, все ценное пропало. – Она вздыхает. – Криминалисты проверят сумочку, но, вероятно, нападавший просто оставил ее там, где она упала, а затем кто-то ее подобрал и присвоил деньги и телефон. Однако телефоном с тех пор никто не пользовался. Так что от GPS также никакого толка не будет. Еще один тупик.

– Что насчет самой Фейт?

Сомер корчит гримасу.

– Она не горит желанием подвергнуться обследованию, сэр, по очевидным причинам, – и в любом случае она минимум дважды побывала в душе перед тем, как мы с ней встретились...

– Но что насчет ее одежды? Там может быть слюна... ДНК...

Сомер качает головой.

– Фейт бросила все в стирку. Такая реакция совершенно естественна, однако наша работа многократно усложняется. Единственное, что у нас есть, это ее обувь. Мы ее проверим, но, подозреваю, надежды очень мало.

* * *

Протокол допроса Джеки Даймонд, произведенного по адресу Райдал-уэй, дом 35, г. Оксфорд

2 апреля 2018 года, 16:15

Допрос провела детектив-констебль В. Эверетт

Дж. Д.: Даже не представляю, что вам сказать, я почти не знаю Эпплфордов.

В.Э.: Мы опрашиваем всех соседей, миссис Даймонд. Иногда люди сами не сознают, как много всего замечают.

Дж. Д.: Вы насчет утра в понедельник, да? Меня даже дома тогда не было.

В.Э.: Да, вы уже говорили это. Но меня больше интересует, не замечали ли вы в последние две недели что-нибудь необычное?

Дж. Д.: В каком смысле необычное?

В.Э.: Ну, может быть, здесь бродил кто-то незнакомый? Кто-нибудь расспрашивал вас про Эпплфордов? Заглядывал в их дом? Быть может, кто-то сидел в припаркованном фургоне?

Дж. Д.: Сожалею, деточка. Если бы здесь кто-нибудь

шатался, я непременно сказала бы Диане.

В.Э.: Кажется, вы говорили, что почти незнакомы с ними?

Дж. Д.: Верно. Но она совсем одна, да. Совсем как я. Нет мужика, на которого можно опереться. Если б я заметила здесь какого-нибудь извращенца, то обязательно сказала бы ей.

В.Э.: Вы знаете девочек – Фейт и Надин?

Дж. Д.: Не то чтобы знаю... Мои чуточку помладше, поэтому они почти не пересекаются, если вы понимаете, что я хочу сказать. Фейт всегда очень вежливая. Улыбается и здоровается. И выглядит всегда очаровательно. Мне бы хотелось, чтобы моя Элейн больше следила за собой, но вы знаете, каковы подростки.

В.Э.: А Надин?

Дж. Д.: Если честно, не могу сказать, что я много с ней общалась. Голова всегда опущена. Сутулится. Не подает себя в лучшем виде, понимаете? Должно быть, ей нелегко, вы согласны – ее сестра такая привлекательная, в то время как сама Надин...

В.Э.: На самом деле у меня сложилось ощущение, что сестры близки между собой...

Дж. Д.: Я хочу сказать – внешность у нее не ахти, ведь так?

* * *

К половине пятого вечера Эндрю Бакстер уже больше часа просматривал записи камер видеонаблюдения. На экране перед ним машины проезжают мимо заправки. Пока что он разглядел в плотном потоке родителей, везущих своих детей в школу, шесть фургонов, а также прицеп для перевозки лошадей, винтажный «Харли-Дэвидсон» (Бакстер дважды перематывал запись назад, просто чтобы насладиться им), два грузовика странствующего цирка и несколько внедорожников с молоденькими симпатичными мамашами. Вероятность того, что этот тип попал в объектив, на взгляд Бакстера, ничтожна, но даже если он и есть на записи, как, черт возьми, можно его узнать? Это совершенно бессмысленная трата времени, блин. Бакстер отодвигает кресло и встает, чувствуя в затылке разрастающуюся головную боль. Он приходит к выводу, что виной этому недостаток сахара в крови. В таких вопросах лучше перебдеть, чем недобдеть. К счастью, до автомата с выпечкой всего несколько ярдов по коридору.

Адам Фаули
2 апреля 2018 года
17:25

– Берите стул – если найдете.

Я в кабинете Брайана Гоу. Точнее говоря, в его временном кабинете, поскольку в здании ремонт и отделение психологии ютится в нескольких свободных комнатах отделения физиологии растений. Это внушительное здание пятидесятых годов на Саут-Паркс-роуд с соответствующей отделкой и фурнитурой – деревянная обивка стен, паркетные полы, редкие образчики растительного мира за стеклянными витринами. Впрочем, у большинства сидящих в горшках живых экземпляров такой вид, будто им не помешал бы обильный полив и немного старой, доброй, нежной, любящей заботы.

Судя по книгам, громоздящимся на единственном свободном стуле, нынешний сосед Гоу – эксперт в области психолингвистики, чем бы это ни было, черт возьми. Когда я был здесь в прошлый раз, Гоу не переставал заверять меня, что это всего на несколько месяцев и он ничего не имеет против того, чтобы делить с кем-то кабинет, но меня он не обманет. Поэтому, для человека нет ничего более естественного, чем стремление иметь свое личное пространство. И даже профессиональные психологи не могут убедить себя в обратном.

– Хотел прокрутить вам кое-что, – говорю я. – В понедельник на Черуэлл-драйв была похищена восемнадцатилетняя девушка. Мне нужно знать, кого нам искать.

Гоу поднимает брови, затем снова садится и соединяет вместе кончики пальцев.

– Хорошо. Выкладывайте.

Мне требуется добрых пять минут, чтобы рассказать ему все, но он начинает хмуриться задолго до того, как я закончил. И хмурится еще сильнее, когда я протягиваю ему распечатку форума инцелов.

– И тут нет никаких намеков на то, – наконец говорит Гоу, – что это был кто-то из тех, кого девушка знает?

Я качаю головой.

– Как бы мне ни хотелось получить этот ответ...

– Или кто-то, знающий о ее смене пола?

– Опять же, мы ищем, но пока что мы не нашли никого, кроме

ближайших родственников, кому это известно.

Гоу стучит пальцем по распечатке.

– Значит, вы хотите понять, может ли это быть тот, кто вам нужен.

– А если это не он, то кто.

Гоу встает и, обойдя вокруг письменного стола, подходит к картонным коробкам, нагроможденным друг на друга на столике под окном. Судя по всему, он уложил их гораздо лучше, чем это смог бы я, поскольку ему требуется совсем немного времени, чтобы найти то, что нужно.

– Самые основы, как раз то, что подойдет для неспециалиста, – говорит Гоу, бросая на стол передо мной одну книгу.

«Профили преступлений на сексуальной почве: теория, исследования и практика в области криминальной психологии». Автор – американец, если можно судить о таких вещах по имени.

– И что это должно мне сказать?

Гоу снова садится на свое место.

– Многое из того, что вы уже знаете. Преступления подобного рода – это в первую очередь вопрос власти. Власти и страха. Этот человек хочет доминировать, и он хочет терроризировать. А сексуальное насилие – лишь средство достижения цели.

– Даже несмотря на то, что все форумы инцелов посвящены сексу?

– Они посвящены *отсутствию* секса, – поправляет Гоу, глядя мне прямо в лицо. – И тому, чего такое отсутствие лишает этих людей: статуса, самоуважения, независимости.

Сексуальные насилия как попытка вернуть контроль. Боже милосердный!

– В таком случае, какой типаж нам нужно искать?

– Боюсь, все до нудного предсказуемо. Практически наверняка белый мужчина, скорее, ближе к среднему классу. Интеллектуальные способности по крайней мере средние, возможно, даже чуть выше. – Он берет распечатку. – Он использует такие просторечия, как «кореш», но абсолютно грамотно пишет слово «действительно» и расставляет запятые, где надо. Ему нравится игра слов – «YeltobYob», «сиськобороды»; когда имеешь дело с преступлениями такого рода, подобная лингвистическая ловкость указывает на хорошее образование. – Гоу откладывает распечатку. – Мое предположение: у этого типа есть постоянная работа, однако он ее, скорее всего, считает «недостаточно хорошей» для себя. Возможно, женщина-начальник, которая не продвигает его по службе и не «ценит». По всей вероятности, он живет один и практически наверняка пытается установить какие-нибудь долгосрочные серьезные отношения с женщинами.

Классический неудачник-одиночка. Только этого мне не хватало, блин...

Теперь Гоу смотрит на меня.

– Очень красноречивым является использование в нике «уоб»^[25]. На первый взгляд типичная небрежная грубость в духе «мужчин, ведущих себя плохо», однако я подозреваю, что порождена она глубоким, пусть и не признанным, презрением к самому себе.

– Возраст?

– Несмотря на указание «воу», я думаю, ему скорее за тридцать, а то и за сорок. – Он кивает на книгу. – Почитайте ее. Уверен, она вас захватит.

– А то обстоятельство, что нападение оказалось неудачным, – какие это может иметь последствия?

Гоу вопросительно поднимает бровь.

– Неудачным в каком смысле – в том, что оно было сорвано, или в том, что было расстроено?

– Не знаю. – Я пожимаю плечами. – В обоих.

Он вздыхает. Его лицо мрачнеет.

– Боюсь, это может изрядно усугубить ситуацию. Наш тип был так близок к тому, чтобы получить желаемое, но в самую последнюю минуту желаемое увели у него прямо из-под носа... Теперь он озлоблен. И будет действовать гораздо более решительно.

Я поднимаюсь на ноги. Я уже понимал, с чем мы столкнулись, но теперь у меня в груди неприятный холод, которого раньше не было.

Когда я подхожу к двери, Гоу окликает меня:

– И еще один момент, как сказал бы лейтенант Коломбо. Я бы поручил неизменно надежному Бакстеру изучить схожие преступления. Нисколько не удивлюсь, если окажется, что наш тип в прошлом уже совершал нечто подобное.

* * *

Грэм Скотт гасит свет в классе рисования и сует руку в карман за ключами, затем вспоминает, что забыл выключить проклятый компьютер и ему нужно вернуться. Когда он через пять минут наконец запирает дверь, у него над головой в коридоре по-прежнему мигает лампа дневного света. Она мигает уже по крайней мере целый месяц, а школьный сторож до сих пор не удосужился прийти и посмотреть, в чем дело. Скотту не нужно напоминать о том, что рисование в неофициальной иерархии стоит гораздо

ниже информационных технологий и работы со средствами массовой информации, и все-таки мало кому понравится, когда ему в лицо тычут его неполноценностью.

Скотт засовывает связку ключей обратно в карман и направляется на стоянку. Почти все ученики уже разошлись, лишь несколько человек ждут у ворот, когда их подвезут домой. Два мускулистых парня стоят рядом с группой девиц, среди которых, как только сейчас замечает Скотт, есть подруги Саши Блейк.

Скотт чувствует прильнувшую к лицу краску и мысленно благодарит Бога за то, что он слишком далеко и никто ничего не заметит. Подходит к своей машине, открывает заднюю дверь и начинает торопливо запихивать в салон свои вещи. Теперь он слышит смех, внезапный взрыв грубого хохота. Возможно, это не имеет к нему никакого отношения – просто так случайно совпало, – но мания преследования уже вошла в привычку. Издевательства по поводу его одежды и машины, отвратительное обидное прозвище. Ему жутко не повезло, что его фамилия рифмуется со словом «прыщ»^[26], но у всех юнцов, кто дразнит его, у самих лица в сплошных угрях. Ну, а что касается машины, если у них не хватает зачатков ума понять, что это классика, так это их проблемы. Вот только никуда от них не деться, потому что они опять издеваются над ним, прямо сейчас. Краем глаза Скотт видит парней – один делает вид, будто крутит ручку стартера, а другой издает громкие пердящие звуки. Девушки заливаются истерическим хохотом: Лия Уэддел на головокружительно высоких каблуках и Изабель Паркер, выкрасившая волосы в нелепый цвет. Скотт поражен тому, что директриса это терпит. И еще эта долбаная Патси Уэбб со своим придурочным именем^[27]. Чересчур умна, что рано или поздно непременно выйдет ей боком, мерзкая, мстительная корова. Скотту совсем не нравится, что Саша Блейк общается с Патси и ей подобными. Она достойна лучшего – у нее действительно есть талант, есть *потенциал*...

Скотт отодвигает в сторону коробку с красками, освобождая место для свернутых в трубку рисунков, захлопывает дверь и садится в машину. Какое-то время он сидит, стиснув в руке ключи, и мысленно молит Бога о том, чтобы чертова колымага завелась с первого раза.

* * *

– Меня зовут Джед Миллер, я из компании «Ачернар»,

обеспечивающей доступ к Интернету. Могу я поговорить с констеблем Энтони Асанти?

Асанти вздрагивает и садится прямо – вот оно, вот то, чего все ждали.

– Мой шеф сказал, что вам нужны от нас кое-какие метаданные, правильно? За вчерашний день?

– Совершенно верно.

– Я подготовил все, что вам нужно, хотя не очень понимаю, как это может пригодиться...

– Просто присылайте все, что у вас есть, мистер Миллер, а остальное – это уже наша забота.

* * *

Адам Фаули

2 апреля 2018 года

19:10

Уже перевалило за семь вечера, когда Гислингхэм наконец засовывает голову в мой кабинет.

– Только что поговорил с командой, занимавшейся огородами, босс. По большому счету, ничего.

Так постоянно говорил Куинн в бытность свою сержантом; я надеюсь, Гислингхэм отучится от этой привычки до того, как мне придется бить его головой о стену.

– Похоже, наши ребята только разозлили кучу старичья, у кого уже больше нет отговорок, чтобы увиливать от мытья посуды. – Он усмехается. – Полагаю, нам надлежит готовиться к искам о компенсациях за грядки петрушки, вытоптаные при исполнении служебного долга.

– Что насчет того сарая, в который отвели Фейт, – кому он принадлежит?

Гис достает записную книжку.

– Некой особе по имени Чэн Чжэн Ли. – Он спотыкается на произношении, затем произносит по буквам. – Особого ума не требуется, чтобы догадаться, что она китаянка. Судя по всему, живет в Марстоне уже около тридцати лет и по крайней мере десять владеет огородом. По всем отзывам, очень добросовестная дамочка. Раньше приходила как часы каждый день утром и вечером с корзинкой, чтобы прополоть и полить свои грядки.

Я начинаю гадать, не нацелился ли Гис на то, чтобы тоже обзавестись собственным огородом, определенно, соответствующих слов он уже нахватался. Хотя, если судить по тому, что я слышал о его супруге, ее трудно будет представить с лейкой в руках.

– Что ты хотел сказать: «Раньше приходила»?

Гис морщится.

– В том-то все и дело. Последнее время она лежала в больнице. Перелом шейки бедра. Сейчас уже вернулась домой, но на огороде не появлялась уже недели две.

– А сарай – он был заперт?

Гис качает головой.

– Похоже, нет. Он был только закрыт на щеколду. Миссис Ли не держит в нем ничего ценного, и в любом случае она сказала, что владельцы огородов берут друг у друга инструмент. Это считается чем-то естественным. Среди огородников.

Значит, это также никуда нас не приведет. Замечательно. Просто замечательно, черт возьми.

– Что насчет форума инцелов?

– О, тут есть хорошая новость и есть плохая новость. Как выяснилось, наш «Yeltob» действительно пользовался общественным Wi-Fi, как и сказал Асанти. Во всех тех случаях, когда заходил на форум в течение последних нескольких недель, он подключался к Сети в одном и том же месте.

– Это какая новость, хорошая или плохая?

Гис корчит гримасу.

– Извините, босс. Это кафе «Старбакс» на окраине Саутгемптона.

Значит, это не наш человек.

Я шумно вздыхаю.

– Мы передали информацию полиции Гемпшира?

Потому что с этим дерьмом кому-нибудь, пусть и не нам, но обязательно нужно разобраться.

Гис кивает.

– Сомер позвонит своему дружку – тот должен знать, кому это передать. Если в том «Старбаксе» есть видеонаблюдение, с высокой долей вероятности удастся сузить круг тех, кого искать.

Алекс Фаули в очередной раз быстро выглядывает на улицу, после чего снова задергивает занавески. Адама до сих пор нет. Алекс проходит к дивану и осторожно усаживается, чувствуя, как младенец ворочается, а затем успокаивается. Она старается не волноваться, старается вести себя как обычно, однако случаются дни, когда искушение забраться под одеяло и затаиться там становится практически неудержимым. Алекс договорилась у себя на работе, что последние несколько месяцев будет работать удаленно, но сейчас даже собственный дом кажется ей минным полем – полосой препятствий из неодушевленных предметов, сговорившихся, чтобы ей навредить. Ковры, на которых можно поскользнуться, лестницы, с которых можно упасть. Алекс упорно убеждает Адама в том, что с ней все в порядке, общается с ним в том же самом шутливом тоне, выработанном за годы совместной жизни. Однако в то самое мгновение, как он выходит из дома, страх возвращается, и на протяжении всего дня Алекс парализована и буквально не может двигаться.

Она встает и снова подходит к окну. Но улица остается пустынной.

* * *

Вернувшись домой, Эрика Сомер долго стоит под душем. В этом деле есть нечто такое, что проникает ей под кожу, и она не может сказать, в чем дело. Ей приходилось встречаться с жертвами, которым досталось хуже, которые никак не меньше заслуживали сострадания. Однако она еще не имела дела с преступлением против трансвеститов. Эрика считала, что просвещена в подобных вопросах, способна понимать и сочувствовать – ну, разумеется, она так считала. Наверное, так думает каждый образованный человек. Но теперь Сомер понимает, что на самом деле все гораздо сложнее, гораздо тоньше. Даже Фаули, который ей очень нравится, которым она восхищается, который не жалеет сил, чтобы поддерживать ее в работе, и тот, похоже, чувствует себя не в своей тарелке. Ну а Джайлс? Сомер пытается убедить себя в том, что ее возлюбленный не женоненавистник, но как она может быть в этом уверена, если они еще так мало знакомы?

Когда Сомер возвращается в спальню, она видит на телефоне сообщение от Джайлса с просьбой перезвонить. Понимает, что речь, скорее всего, о том кафе «Старбакс», и ей становится легко на сердце – и тотчас же это чувство меняется на противоположное, так как до нее доходит, каким же произвольным был этот прилив радости. Быть может, подсознание пытается о чем-то ее предупредить. Быть может, все на самом деле не так

просто, как кажется.

* * *

Адам Фаули

3 апреля 2018 года

8:15

Восемь часов пятнадцать минут утра. Ночью температура опустилась ниже нуля, однако на станции центрального отопления апрель официально считается «весной», поэтому батареи отключены. Куинн намотал на шею шарф кривым узлом, который, похоже, сейчас считается *de rigueur*^[28]. Другие сидят в куртках. И очевидно, погода повлияла не только на то, что снаружи, но и на то, что внутри. Общее настроение стало жестче, холоднее. Лоб Эверетт пересекает глубокая складка, а Бакстер выставил подбородок вперед, что я уже не раз видел за эти годы.

Я рассказываю о том, что услышал от Гоу, и поворачиваюсь к Асанти: это я должен сделать при всех.

– Констебль Асанти отлично поработал по форуму инцелов. Пусть это и оказался не тот, кто нам нужен.

Асанти улыбается. Не слишком широко, потому что это выглядело бы самодовольством; не слишком сдержанно, поскольку он прекрасно понимает, что проделал чертовски хорошую работу, и не собирается допустить, чтобы это осталось недооцененным. Впрочем, возможно, я читаю в улыбке Асанти то, чего в ней нет, и он всегда улыбается в точности так же.

– Но ты все-таки продолжай присматривать за этими форумами, хорошо? На всякий случай, вдруг еще что-нибудь всплывет.

Сомер поднимает голову.

– Кстати, полиции Гемпшира удалось установить личность этого «YeltobYob». В «Старбаксе» есть камера видеонаблюдения, и на записи виден тип, который пользовался телефоном как раз в то время, когда отправлялись сообщения. И он расплатился карточкой, поэтому наши коллеги уверены, что это тот, кто им нужен. Ему собираются предъявить обвинение в преступлении на почве ненависти.

Атмосфера в кабинете немного поднимается: наконец у нас есть хоть какие-то результаты.

Я поворачиваюсь к Гислингхэму.

– Итак, что говорят криминалисты, обследовавшие огороды?

– Э... ну... на пакете есть два хороших отпечатка пальцев, – отвечает Гис, копаясь в своих записях. – А также пара частичных и несколько смазанных. Однако в базе данных ничего, то есть оставил их тот, с кем мы еще не имели дела.

– А ДНК?

– Несколько различных профилей. Совпадений с базой данных также нет – это мог быть кто угодно: продавщица, грузчик, экспедитор...

– И все-таки один из отпечатков может принадлежать тому, кто нам нужен?

Гис пожимает плечами.

– Ну да, такое возможно. Но лично я не представляю себе, как этот человек предпринял столько трудов, чтобы не проколоться, и забыл надеть перчатки, когда брал пакет.

Если честно, и я тоже не представляю. Однако в прошлом нас уже не раз спасала патологическая глупость преступников, так что такое может случиться снова.

– Также мы опросили всех жителей домов по соседству с гаражами, – продолжает Гис, – но, к сожалению, снова никаких результатов.

Бакстер поднимает взгляд.

– Камеры дорожного наблюдения на Марстон-Ферри-роуд, фиксирующие превышение скорости, также ничего не дали, поэтому я проверил камеры школы, на тот случай если наш тип повернул в ту сторону, но тут все глухо: дорогу с этих камер не видно.

– Как насчет камеры на заправке?

– Да, ею я тоже занимался. В нужное нам время около десятка фургонов заправлялись или проезжали мимо...

– И?..

Бакстер корчит гримасу.

– Вся беда в том, что номерной знак можно рассмотреть лишь в том случае, если машина заезжает во двор. А по большей части это лишь самые обычные белые фургоны, не имеющие сбоку никаких характерных отметин. Да к тому же в половине случаев их закрывают чертовы автобусы.

– Ты проверил те номера, которые увидел?

Бакстер бросает на меня взгляд, красноречиво говорящий: «За кого вы меня принимаете?», и открывает записную книжку. Которой, в отличие от Куинна и Асанти, по-прежнему пользуется.

– Из тех, которые мы установили или по идентифицирующим признакам, или по номерам, мы имеем одного водопроводчика, трех

строителей, две машины напрокат без водителей, одного слесаря, фирму по уничтожению домашних насекомых, чистку ковров и компанию по прокату велосипедов.

– Ох уж эти велосипеды напрокат! – ворчит Куинн. – Весь Джерико ими завален. Люди просто бросают их на тротуаре и уходят. Прямо беда какая-то!

Я стараюсь не обращать на него внимания и продолжаю смотреть на Бакстера.

– И?..

– Человек из фирмы по уничтожению домашних насекомых ехал на вызов, – говорит тот, – как и водопроводчик. Двое строителей сообщили о всех своих передвижениях в тот день, и я проверил их показания по автоматической системе распознавания лиц. То же самое и про типа с великами. – Он закрывает записную книжку. – Вот что мне удалось установить на настоящий момент. По большей части пустая трата времени.

Я обвожу взглядом кабинет и вижу, что апатия Бакстера заразна. А этого ни в коем случае нельзя допустить.

– Сосредоточимся на арендованных машинах, – говорю я. Твердо. – Возможно, тот, кого мы ищем, берет машины напрокат. Чтобы не светиться.

– Да, пожалуй, – подумав, соглашается Бакстер. – Вполне возможно. Я этим займусь.

– Нет, – говорю я, глядя на Куинна, который возится со своим планшетом. – Это сделает констебль Куинн.

Тот только что не раскрывает рот от удивления.

– О, ну же, определенно с этим справится Асанти...

– Пожалуйста, просто сделай то, о чем я прошу.

Если в моем голосе и звучит волнение, на то есть причина. Мой телефон только что пискнул, извещая о поступившем на электронную почту сообщении. Оно от Алана Чаллоу, с пометкой «СРОЧНО». В нашем ремесле полно тех, кто напускает на себя важность, помечая все «особо срочным», однако Алан Чаллоу не принадлежит к их числу.

Мы с ним знакомы уже целую вечность. Чаллоу начал работать в Управлении полиции долины Темзы^[29] всего за полтора года до меня. Мы вели одни и те же дела, совершали одни и те же ошибки, были знакомы с одними и теми же людьми. За прошедшие годы я не раз приходил Чаллоу на помощь, и он оплачивал мне тем же. Хотя друзьями я бы нас не назвал, к тому же он получает чрезмерное удовольствие, заводя меня.

Однако в настоящий момент это серьезно. Я читаю сообщение, и на мгновение – всего на одно мгновение – у меня замирает сердце. Но я веду

себя глупо. Это случайность – просто совпадение...

Куинн, наблюдающий за мной, хмурится. Он, как и все остальные, слышал сигнал телефона, видел, как я взглянул на него.

– Чудесно, – наконец говорит он. – Чудесно.

Гислингхэм бросает взгляд на Бакстера, затем на меня.

– Я также подумал, сэр, – медленно начинает он, – не пора ли нам выступить с обращением.

Я поднимаю голову.

– С каким еще обращением?

Гислингхэм колеблется.

– Понимаете, лишь вопрос времени, когда это просочится. И тогда начнется – самая настоящая буря в «Твиттере». Так почему бы нам не действовать на опережение и не выступить с обращением, приглашая на помощь всех, кто обладает какой-либо информацией? Можно спросить у Харрисона...

– О чем именно спросить у него?

– Ну как же, не кажется ли ему, что будет полезно обращение по телевидению...

Я делаю глубокий вдох.

– Если мы объявим о том, что молодых женщин хватают прямо на улице и подвергают насилию, начнется паника, и язвительные замечания в «Твиттере» станут меньшей из наших бед. Я не собираюсь развязывать истерию по высшему разряду, если только мы не отвергнем начисто вероятность того, что имело место преступление на почве ненависти, совершенное тем, кто был знаком с Фейт. – Обвожу взглядом присутствующих, подчеркивая свои слова. – Итак, что у нас насчет ее подруг? Ее однокурсниц, круга знакомых?

Сомер вскидывает голову.

– На самом деле у Фейт нет друзей, сэр. Она очень замкнутая. Близких знакомых у нее мало.

– Должен быть *кто-то* – кто-то из тех, кого она оскорбила, у кого пунктик насчет трансвеститов...

У Сомер понурый вид.

– Мы искали, сэр, честное слово, искали. Но она и вправду никого к себе не подпускает. У нас сложился образ человека, который из кожи вон лезет, чтобы сохранить свою анонимность, который, словно одержимый, следит за тем, чтобы никого не задеть.

– Так с кем же вы говорили?

Сомер заливается краской.

– В основном с учителями Фейт. С ее однокурсниками нам приходилось разговаривать крайне туманно, поскольку она так старается сохранить в тайне свое положение...

– Вам известно не хуже меня, что ее положение и может быть той самой причиной, по которой она подверглась нападению. Черт возьми, как мы можем исключить такую возможность, если мы даже не можем о ней упомянуть, блин?

Сомер оглядывается на Эверетт. Я начинаю терять терпение.

– Послушайте, я не собираюсь просто так никого разоблачать, но разговор сейчас не об этом...

– Сэр, я дала Фейт слово, – перебивает меня Сомер, теперь уже пунцово-красная, однако она смотрит мне прямо в глаза, отстаивая свою позицию. – Я дала ей слово уважать ее личную жизнь.

Я пытаюсь сосчитать до десяти, но у меня получается дойти только до пяти.

– А если это случится снова, что тогда? Что, если нападению подвергнется какая-нибудь другая такая же несчастная девушка? И что, если в следующий раз подонку, который это сделал, не помешают? Как вы объясните это ее близким? Как, по-вашему, они воспримут ваши слова о том, что нам было известно, что кто-то преследует подростков-трансвеститов, однако мы ни хрена не сделали по этому поводу, так как боялись задеть чьи-то чувства? Но это ведь не ты будешь объясняться с ними. Нет, это буду я. Как обычно, черт возьми. Так, извини, Сомер, но впредь тебе придется следить гораздо внимательнее за тем, что и кому ты обещаешь.

Я заставляю себя остановиться, я переигрываю и сознаю это. Я напирала слишком сильно, потому что вышел из себя. Потому что хочу, чтобы ответом была просто ненависть. Поскольку как это ни плохо, это лучше, чем...

– Я мог бы поработать с форумами противников трансвеститов, сэр, – ровным голосом предлагает Асанти. – Посмотреть, нет ли чего-либо особенного в наших краях – порыться в социальных сетях.

– Я уже искал, – поспешно говорит Бакстер, бросая на Асанти взгляд, красноречиво говорящий: «Не лезь на мою лужайку!» – Ничего существенного.

Я сверкаю на него взглядом.

– В таком случае поищи тщательнее. – Поворачиваюсь к Эверетт и Сомер. – А вы поговорите с ее подругами. И это не просьба. Это приказ.

* * *

Отправлено: ср. 03/04/2018, 08:35

Важность: высокая

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

Кому: DIAdamFowley@ThamesValley.police.uk

Тема: СРОЧНО

Не указал номер дела по причинам, которые будут очевидны. Я только что получил известие из лаборатории – на обуви Фейт Эпплфорд обнаружили сульфат кальция, предположительно подцепленный в багажнике универсала. Совсем немного, но он есть.

Позвони мне, как только получишь это.

* * *

– Что там произошло, твою мать? – говорит Куинн, стараясь не повышать голос. Он только что присоединился к Эверетт и Гислингхэму, стоящим у кофейного автомата. Сомер рядом не видно. Асанти стоит в нескольких шагах, делая вид, будто читает что-то на доске объявлений. – С чего это Фаули так завелся?

– Ума не приложу, – Гис пожимает плечами. – Таким я его еще никогда не видел, это точно.

– С какой стати он так цепляется за версию о преступлении на почве ненависти, блин, хотя понимает, что мы ни хрена не можем найти в ее пользу?

Эв хмурится, она также никогда не видела, чтобы Фаули так себя вел, особенно в отношении Сомер. Он всегда изо всех сил старался ее подбодрить и относился с уважением к ее суждениям. Настолько, что одно время все думали...

– Может, у него опять неприятности с женой? – говорит Куинн, теперь уже громче. – Не далее как несколько месяцев назад все мы были уверены, что она от него уйдет. Вы что думаете? Опять дерьмово по этой части?

Гис предостерегающе смотрит на него, выразительно указывая взглядом на Асанти, который все слышит. Но тот, похоже, по-прежнему

полностью поглощен предполагаемыми изменениями в пенсионной схеме для сотрудников полиции.

Эв качает головой.

– Я так не думаю – только не сейчас. В прошлые выходные я встретила их на фермерском рынке в Саммертауне. Его жена стояла ко мне спиной, но выглядели они любящей парой.

– Тогда в чем же дело, может быть, Харрисон устроил ему нагоняй?

– А разве он не устраивает ему нагоняй по любому поводу? – задумчиво произносит Гис. – Но что бы там ни было, лично я считаю, что нам нужно просто не высовываться, чтобы не выводить Фаули из себя. Вы как полагаете? – Он берет пластиковый стаканчик и нажимает кнопку, заказывая капучино. – В твоём случае, Куинн, это означает, что ты должен разыскать все эти арендованные машины. И быстро.

Куинн бросает на него сардонический взгляд, но Гис притворяется, будто ничего не замечает, и все трое возвращаются на свои места.

Через какое-то время из женского туалета появляется Сомер. Волосы у нее причесаны, лицо спокойное, однако глаза слегка красные, что может заметить только очень наблюдательный человек. Когда она проходит мимо Асанти, тот отрывается от доски объявлений.

– Все в порядке?

Он произносит это вежливым тоном, однако есть в нем что-то такое, отчего Сомер всегда становится тревожно.

– Разумеется, – отвечает она, убыстряя шаг. – А что может случиться?

* * *

Адам Фаули

3 апреля 2018 года

9:15

Можете не говорить: сам знаю, что вел себя не слишком хорошо. Я просто был не в себе, только и всего. Годами – годами! – я прилагал все усилия, чтобы сдерживаться, и вот сейчас, нежданно-негаданно...

У меня звонит телефон. Это Чаллоу. Он не потрудился подождать, когда я ему перезвоню. И также он не утруждает себя любезностями.

– Получил мое сообщение?

– Ты абсолютно уверен – это не может быть что-нибудь еще?

– В отличие от человеческих существ химия не лжет. Это одна из

причин, почему я люблю свою работу.

– Твою мать!

– Да, – тяжело соглашается Чаллоу. – Подозреваю, это самое подходящее выражение. При данных обстоятельствах. – Молчание. Затем: – Что намереваешься делать?

– Не знаю.

Я слышу, как он шумно вздыхает.

– Ты должен сказать своим ребятам – нечестно держать их в неведении...

– Знаю. Просто мне нужно время, чтобы тщательно все обдумать.

Я буквально слышу, как Чаллоу пожимает плечами.

– Ну, решать тебе, я свое дело сделал. Однако в любом случае ты должен поговорить с Харрисоном. И я не хочу тебя пугать, но если ты с ним не поговоришь, это сделаю я.

* * *

Эверетт и Сомер решили зайти в кафе рядом с колледжем дальнейшего образования, чтобы обставить все по-простому, но даже без форменных мундиров они выделяются, словно бабули в модных кроссовках на толстой подошве. Ученицы покупают кофе и булочки и болтают ни о чем за соседними столиками, однако чувствуется напряжение, видны взгляды, брошенные в сторону женщин-полицейских. Это еще не тревога, но уже волнение, предчувствие чего-то нехорошего.

– Итак, что будем делать? – вполголоса спрашивает Эверетт. – Натягиваем широкие улыбки и подходим без приглашения?

Сомер указывает на девушку, которая только что встала в очередь к стойке, на полу у ее ног большая папка, у нее прическа эльфа и большие карие глаза.

– Предлагаю начать с нее.

– Хорошо, – соглашается Эверетт. – А я подойду с другого конца.

– Ты учишься на художественном, да? – спрашивает Эрика, вставая в очередь за девушкой с папкой.

Та оборачивается и улыбается.

– Вообще-то на моде и дизайне. Но проклятые альбомы ничуть не меньше.

– Мы беседовали кое с кем из твоих однокурсников, но тебя я что-то не помню.

Девушка делает заказ и снова оборачивается к Сомер.

– Да, я слышала. Вы из полиции, правильно?

Эрика печально машет рукой.

– Ты меня сразу раскрыла.

Но девушка нисколько не смущается.

– В выходные я подцепила какой-то вирус, поэтому в понедельник меня в колледже не было. Меня зовут Джесс, Джесс Бердсли. Вы спрашивали о Фейт?

– Ты ее знаешь?

Девушка корчит гримасу.

– Не то чтобы *знаю*, но, по-моему, на самом деле ее никто не знает.

Сомер покупает бутылку воды и идет следом за девушкой к свободному столику.

– Значит, вы с ней учитесь на одном курсе, да? – спрашивает она, когда они садятся.

Джесс кивает.

– Но Фейт не в моей лиге. Она просто *крутая*. Все остальные с ней даже рядом не стоят.

– А это ни у кого не вызывает зависть? Зазнаек ведь никто не любит, разве не так?

Девушка смеется.

– Фейт не такая. Она никому не отказывает в помощи. Понимаете, дает дельные советы и все такое... Она не задирает нос.

– Парень у нее есть?

Джесс качает головой.

– По крайней мере здесь точно нет. И не то чтобы никто не старался. Но, похоже, Фейт это не интересует. Хотя, если честно, я ее понимаю. – Она оглядывается на мальчишек за соседним столиком, те смеются над какой-то очередной шуткой и тычут друг друга в ребра. – По большей части дети-переростки.

Сомер отвечает ироничной улыбкой.

– А что насчет подруг?

Джесс берет ложку и принимается размешивать кофе, в уголках губ у нее легкая улыбка.

– Вы имеете в виду подруг или *подруг*?

Сомер старается сохранить свой тон нейтральным.

– И то и другое.

– На самом деле у нее никого нет. – Джесс облизывает ложку и кладет ее на блюдце. – И не из-за недостатка предложений.

Адам Фаули
3 апреля 2018 года
10:15

Наверное, Харрисон каким-то образом договорился с коммунальными службами, поскольку у него в кабинете по-настоящему тепло. Он даже снял пиджак и повесил его на плечики на вешалку в дальнем углу. На настоящие плечики. С атласной отделкой. Подозреваю, где-то в ящике его письменного стола также припрятана одежная щетка, хотя я ее никогда не видел.

Харрисон поднимает на меня взгляд и указывает на стул.

– Ваша секретарша сказала, что вы хотите со мной поговорить, сэр. О нападении на Эпплфорд.

Он откидывается назад.

– Конкретно насчет версии о преступлении на почве ненависти. Комиссар района хочет получить последнюю информацию.

– Расследование продолжается, сэр. Пока что у нас нет ничего определенного.

– Кстати, – говорит Харрисон, вскидывая голову, – насколько я понимаю, новое пополнение вашей команды успел отличиться в этом деле.

Я чувствую, как у меня начинают покалывать нервы, ему не должно быть до этого никакого дела.

– Он проделал хорошую работу, сэр. Чего я жду от всей своей команды.

Харрисон смотрит на меня, затем отводит взгляд в сторону. Почему-то ему хочется, чтобы Асанти проявил себя. И не только потому, что именно он взял его на работу.

– Итак, – говорит Харрисон, – есть какое-нибудь продвижение по подозу?

То есть подозреваемому. Его лексикон день ото дня становится все более заокеанским. Если он начнет говорить «БММ»^[30], мне, пожалуй, придется его прикончить.

– Мы установили несколько подходящих машин, сэр, которые в нужное время проезжали по Черуэлл-драйв и Марстон-Ферри-роуд. В настоящий момент мы выясняем, имеют ли водители означенных машин твердое алиби, но в остальном у нас очень мало зацепок.

Харрисон хмурится, берет ручку и принимается постукивать по ней пальцем. Я стараюсь, чтобы это меня не раздражало.

– Как насчет обращения за помощью к общественности?

Вот оно что. На какое-то мгновение у меня мелькает мысль, не успел ли он переговорить с Гисом – не здесь ли тот подцепил эту мысль. Но этого не может быть – Гис ни за что бы не стал действовать у меня за спиной...

– По-моему, это не очень хорошая мысль, сэр. Такое обращение может породить серьезную тревогу, что совершенно не нужно...

Харрисон хмурится сильнее.

– А мне кажется, что быстрая победа перевесит все потенциальные минусы.

Господи! Сейчас он заговорит про плоды, до которых можно дотянуться рукой.

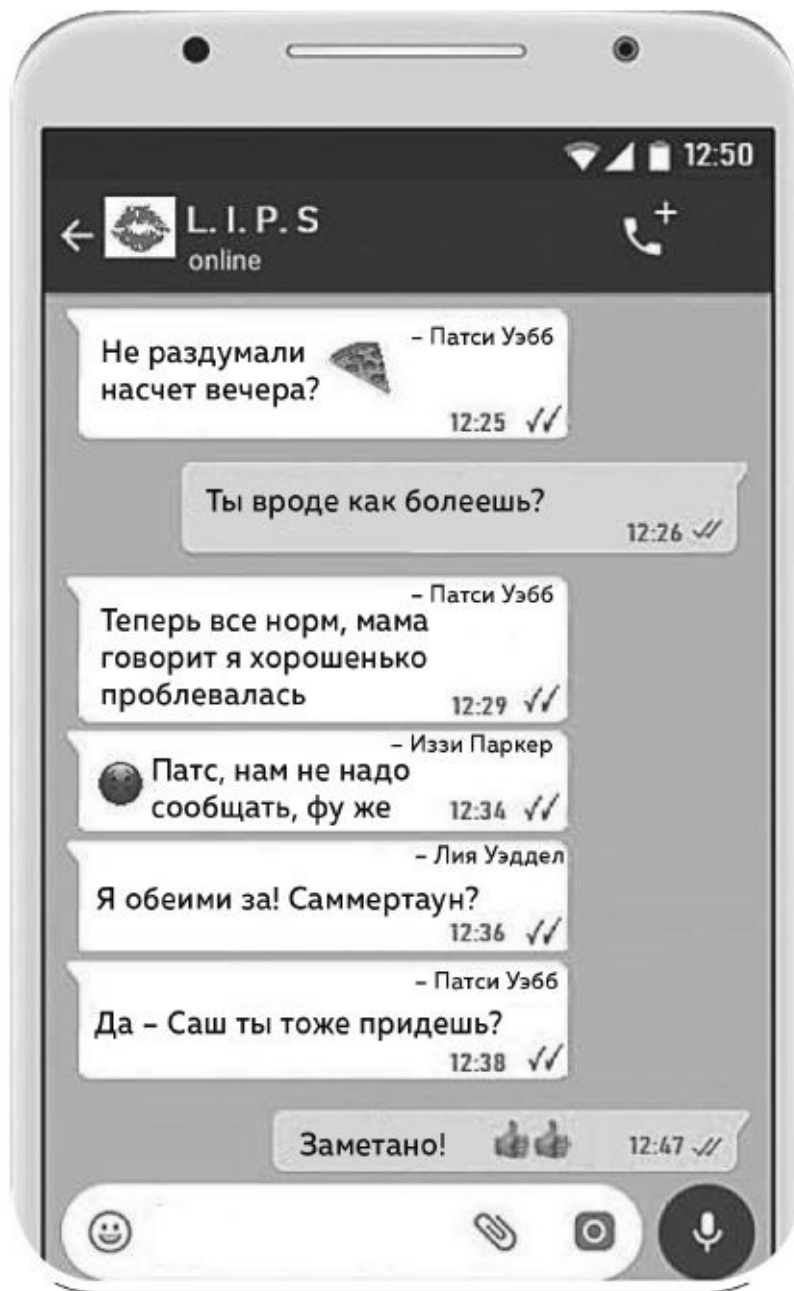
– Мы определенно будем иметь это в виду, сэр.

– Значит, вы переговорите с пресс-секретарем – настропалите его на всякий случай?

Я поднимаюсь на ноги, готовый воспользоваться любым предложением, лишь бы уйти отсюда, лишь бы положить конец этому разговору. И сейчас я имею в виду не его чертов напыщенный жаргон. Перефразируя ту бессмертную фразу, я не обязан ничего говорить, но очень трудно этого избежать, когда тебя спрашивают напрямую.

– Разумеется, сэр. Я немедленно с ним свяжусь.

* * *

* * *

*Адам Фаули
3 апреля 2018 года
12:30*

Я опоздал к врачу: когда я прихожу туда, Алекс уже в смотровом кабинете, и секретарша, увидев меня, сразу же проводит меня туда.

– Они только начали, – вполголоса говорит она. – У доктора Роббинс выдалось очень напряженное утро.

Алекс поднимает взгляд, когда я открываю дверь, и я вижу, как у нее по лицу разливается облегчение. Она упорно твердила, что сегодня самый обычный осмотр, что мне можно не приходить, если я занят, – однако я понимаю, что она хотела, чтобы я был здесь. Точно так же я понимаю, как она беспокоится и как возрастает ее тревога по мере того, как приближается положенная дата. И как усердно она старается скрывать это от меня.

– А, мистер Фаули, – говорит врач, глядя на меня поверх стекол очков.

Она работает здесь всего пару лет. Тем самым я хочу сказать, что она не могла знать Джейка. Разумеется, она знает о нем. Начнем с того, что это есть в истории болезни, но даже если б этого там не было, здесь это известно всем. Вот почему секретарша всегда так любезна со мной, вот почему Алекс осматривают раз в три недели: к родителям умершего ребенка относятся с особым сочувствием. Особенно если этот ребенок умер по их вине.

– Извините, что опоздал. Пробки.

Никто не ставит под сомнение это оправдание. По крайней мере в нашем городе.

– Я рада, что вы здесь. – Доктор Роббинс улыбается и тотчас же возвращается к своим записям. – Патронажная сестра попросила Александру прийти сегодня, потому что обеспокоена ее давлением. Как и я. Оно выше, чем нам хотелось бы. – Она смотрит на Алекс. – У вас в настоящее время какой-то стресс?

Алекс открывает рот, затем снова закрывает.

– Нет, – наконец говорит она. – Ничего особенного. Я стараюсь упростить себе жизнь. Я даже приехала сюда на такси, чтобы не вести машину самой...

– Но вы продолжаете работать, насколько я понимаю?

Алекс кивает.

– Только на дому. Ну, по большей части. В офис я хожу лишь в случае крайней необходимости. Понимаете, на совещания. Иногда, если настаивают клиенты. Если речь идет о каком-либо крупном деле.

Врач неодобрительно хмурится.

– По-моему, это и есть источник стрессов.

– У меня есть помощница – она берет на себя все самое трудное...

Но врач, похоже, уже ее не слушает. Она снимает очки, словно чтобы подчеркнуть свои слова.

– Мне бы хотелось, чтобы вы отдохнули хотя бы неделю – *полностью* отдохнули, – после чего мы снова померим вам давление и решим, как быть дальше.

Я смотрю на Алекс, затем снова на врача.

– Но ничего серьезного нет, ведь так? Алекс ничего не угрожает...

– Нет-нет, – поспешно говорит врач. – Я просто проявляю осторожность. Быть может, излишнюю осторожность, но, по-моему, она стала двигаться как-то тяжело.

– Ты точно хорошо себя чувствуешь? Никаких головокружений, ничего такого?

Алекс улыбается и сжимает мне руку.

– Нет, ничего такого. Прекрати напрасно волноваться.

– А я *волнуюсь*. Врач только что прописала тебе постельный режим.

– Ничего подобного, она просто посоветовала мне не ходить на работу...

– Ну, на мой взгляд, это и есть постельный режим. И это именно то, что ты будешь делать.

– Ладно, твоя взяла, – смеется Алекс. – Если только это подразумевает чай, шоколад и круассаны с фруктовой начинкой в неограниченном количестве.

– Я даже добавлю грелку. Не в буквальном смысле.

Мы сидим в машине. Я поворачиваю Алекс к себе лицом.

Она кажется хрупкой, словно фарфоровая кукла.

* * *

Протокол допроса Кеннета Эшвина, произведенный в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд

3 апреля 2018 года, 13:25

Допрос провел детектив-констебль Г. Куинн

Г.К.: Присаживайтесь, мистер Эшвин. Как я уже говорил, это чистая формальность.

К.Э.: Я смотрю телевизор. И знаю, что это означает.

Г.К.: (*Протягивает фотографию.*) Утром в понедельник, первого апреля две тысячи восемнадцатого года, вот этот фургон

был зафиксирован камерой видеонаблюдения у заправочной станции на перекрестке Черуэлл-драйв. Автомобиль принадлежит агентству проката, мы связались с ним, и нам ответили, что в тот день его брали вы.

К.Э.: Совершенно верно, я. Мой брат переезжает, и я ему помогал.

Г.К.: Так что вы делали там в то утро?

К.Э.: Когда это случилось? Когда именно?

Г.К.: *(Теряет терпение.)* В понедельник. Два дня назад. Как я только что сказал.

К.Э.: Не-е, думаю, это был не я.

Г.К.: Номерной знак зарегистрирован на ту самую машину, которую вы брали напрокат.

К.Э.: Тут я ничем не могу помочь.

Г.К.: *(Проверяет по бумагам.)* Вы живете в Бартоне, так?

К.Э.: *(С опаской.)* Да, и что с того?

Г.К.: Значит, вы могли приехать в город?

К.Э.: Ну, наверное. В то утро я действительно забрал кое-какое барахло...

Г.К.: То есть это все-таки могли быть вы – вы это хотите сказать?

К.Э.: Такое возможно, да. Но я не помню.

Г.К.: Хорошо, мистер Эшвин, полагаю, пока что этого достаточно.

* * *

Адам Фаули

3 апреля 2018 года

13:39

– Шеф! Это Куинн.

Только что начался дождь, и машины едва ползут. Сидящая рядом Алекс прильнула к запотевшему стеклу и смотрит на улицу.

Я вынимаю телефон из гарнитуры. В другой ситуации Алекс разнесла бы меня в пух и прах за то, что я держу телефон в руке за рулем, однако сейчас она не обращает на это внимания. Она ничего не сказала с тех самых пор, как мы вышли от врача.

– Шеф, вы меня слушаете?

– Да, в чем дело?

– Извините, что беспокою вас, но никто не знает, где вы.

– Мне пришлось ненадолго заскочить домой, только и всего. Что ты хочешь?

– Просто подумал, что вы захотите знать. Я отследил тех, кто нанимал эти фургоны. Одной была шестидесятилетняя женщина, отвозившая какие-то вещи в церковь, викарий это подтвердил.

Господь Бог – это алиби. И неплохое.

– А остальные?

– Тип пятидесяти девяти лет, но я думаю, его можно вычеркнуть.

– Это еще почему? У него была веская причина находиться там?

– Нет, но, во-первых, в нем около восемнадцати стоунов^[31], и без домкрата он со стула не встанет, блин, а во-вторых, он просто мерзкий слизняк. Прошу прощения, этот тип дохлый от шеи и выше. Господи, в конце концов мне захотелось просто плюнуть на него...

– Это еще не означает, Куинн, что он невиновен, и ты знаешь это не хуже меня.

– Честное слово, шеф, да он должен быть долбаным Бенедиктом Камбербэтчем^[32], чтобы так хорошо притворяться.

Я вздыхаю. Куинн тот еще лентяй, но чутье у него хорошее. Причем порой это получается независимо от него самого.

– Ладно, но не теряй его из вида. Глупость – это не аргумент защиты. Как и занудство.

Алекс оглядывается на меня, и я улыбаюсь. Обыкновенная рутина. Причин для беспокойства нет. Но разве она сама не говорит мне то же самое?

Я возвращаюсь к Куинну.

– А нет ничего нового... ну, ты понимаешь, в Интернете?

До Куинна вдруг доходит, что я не один. И не могу высказать все открытым текстом.

– А, понятно. Ничего. Бакстер прочесывает форумы всяких трансов, но пока что ничего интересного. Хотя вы не поверите, сколько яда и желчи выплескивают эти подонки. Я только одним глазком взглянул, но боже милосердный!.. Бакстер говорит, что ему еще никогда в жизни не хотелось так сильно принять горячий душ.

В свое время я был на однодневных курсах «Защита детей от влияния Интернета». Честь и хвала тем, кто этим занимается, но лично я потом

целую неделю чувствовал себя грязным. Я даже не мог смотреть на фотографии своего собственного сына без того, чтобы видеть наложенные на него лица других детей, тела других детей.

Но я гоню прочь эти мысли. Особенно сейчас. Просто впустить их в сознание будет равносильно предательству, проклятию, наложенному на еще не родившегося ребенка.

Отключаюсь и поворачиваюсь к Алекс. Та откидывается назад и берет мою руку.

– Все хорошо, – нежно говорю я. – Давай просто вернемся домой.

* * *

Телефонный разговор с Джулией Дэвидсон, старшим преподавателем Уэллингтонского колледжа, Карлайл-роуд, Бейсингстоук

3 апреля 2018 года, 14:05

Разговор провел детектив-констебль

В. Эверетт

В.Э.: Миссис Дэвидсон, я только хочу, чтобы вы коротенько рассказали мне об одном из ваших бывших учеников. Просто кое-какие факты. Фамилия Эпплфорд вам что-нибудь говорит?

Дж. Д.: Вот как? А что, возникли какие-то проблемы?

В.Э.: Не совсем...

Дж. Д.: Просто я бы очень удивилась, если б у Дэниеля или Надин возникли неприятности с полицией.

В.Э.: *(Пауза.)* Нет, ничего такого, миссис Дэвидсон. И речь пойдет не о Надин. О Дэниеле. Я так понимаю, оба учились в вашей школе, так?

Дж. Д.: Совершенно верно. Миссис Эпплфорд стремилась поскорее переехать в Оксфорд, но по мне разумнее было бы подождать, пока Дэниель не получит аттестат зрелости.

В.Э.: Какое у вас сложилось о нем впечатление?

Дж. Д.: Если вас это действительно интересует, мне бы хотелось, чтобы таких, как он, у нас было побольше. Трудлюбивый, вежливый, воспитанный. Гордость школы.

В.Э.: Как он ладил со своими сверстниками? Ни с кем не конфликтовал?

Дж. Д.: О, ничего подобного, Дэниеля все любили. Чего нельзя сказать про Надин, которая, между нами, временами бывает очень обидчивой. Хотя из них двоих у нее более светлая голова, вот только ей недостает собранности и сосредоточенности. Но вы же знаете, какие все дети в этом возрасте: любая заинтересованность в учебе для их сверстников – это повод поиздеваться. Вот спорт, разумеется, это другое дело...

В.Э.: Дэниель мог похвастаться спортивными успехами?

Дж. Д.: Нет. Больше того, насколько я помню, он делал все возможное, чтобы отлынивать от уроков физкультуры. Раздевалки, душ, половое созревание – любому подростку это может действовать на нервы. Нет, определенно, со спортом он не дружил, однако во всем остальном был необычайно талантлив.

В.Э.: Вы имеете в виду дизайн?

Дж. Д.: Да. Начиная с седьмого класса, у него были блестящие результаты по гуманитарным предметам. Моя коллега из гуманитарного отделения говорила, что за последние десять лет Дэнни у нее самый одаренный ученик.

В.Э.: То есть для него совершенно естественно было пойти учиться на модельера?

Дж. Д.: *(Смеется.)* Абсолютно – сердцем своим он был настроен на это задолго до выпускных экзаменов. Можете смеяться, но я искренне считала, что мы имеем дело с будущим Александром Маккуином^[33].

* * *

Адам Фаули
3 апреля 2018 года
14:45

Я обещал Чаллоу поговорить с Харрисоном. И я с ним поговорю. Просто не сейчас. Сначала мне нужно кое с кем повидаться.

Я останавливаюсь перед солидным зданием из кирпича и камня в нескольких милях от Эбингдона. Просторные поля, высокая живая изгородь и вдалеке цепочка деревьев, отмечающих реку. Сколько я работал с Аластером Осборном, он всегда мечтал на пенсии перебраться в деревню, и когда я в последний раз приезжал сюда, в самом разгаре были работы по

проекту «Ограда из штакетника». Вьющиеся розы, ухоженные газоны и тому подобное. Сейчас это место выглядит так, словно его стали любить меньше, но опять же трудно заставить выглядеть замечательно что бы то ни было в хмурый апрельский день, даже если у тебя много свободного времени.

Я позвонил заранее, поэтому Осборн знал о моем приезде, и тем не менее, когда он открыл дверь, вид у него все равно был потрепанный. В одной руке кружка чая, через плечо перекинута полотенце.

– Адам, – рассеянно говорит он, словно он меня ждал, и все же мое появление застало его врасплох. – Рад тебя видеть.

– Кажется, я приехал не вовремя?

У него на лице мелькает какое-то выражение, которое я не сразу понимаю.

– Нет, нет, вовсе нет, – говорит Осборн. – Просто... ну... сегодня такой день. – Он отступает в сторону, впуская меня в дом. – Вив в оранжерее. Ей нравится смотреть на сад.

Одна эта фраза должна была многое мне открыть, но я так накручен тем, что собираюсь сказать сам, что не слышу ее. Вот почему я оказываюсь совершенно не готов к тому, что вижу, когда прохожу следом за Осборном вглубь дома: Вивиан Осборн, страстная любительница прогулок по горам, бывшая управляющая крупного банка и деятельная предводительница девочек-скаутов, сидит у окна. Ноги у нее накрыты пледом, на коленях свернулась клубком спящая кошка, но она сидит в кресле-каталке. Я в изумлении застываю на пороге, затем лихорадочно стараюсь сделать вид, будто этого не было.

– Рассеянный склероз, – говорит Вивиан Осборн. Голос у нее слегка дрожит, но это по-прежнему та Вив, которую я помню. – Пришел внезапно, подлец.

– Извините... я не знал...

Она недовольно морщится.

– Ну, на самом деле мы не помещали известие об этом в «Оксфорд мейл». Если честно, дело дерьмовое, но мы кое-как справляемся. Ищем путь вперед.

Осборн ставит кружку с чаем на стол рядом с женой.

– Ничего, если ты немного побудешь здесь одна, пока я провожу Адама на кухню?

Вив машет рукой.

– Идите, говорите о делах. Я не полностью беспомощная. По крайней мере, пока.

Когда мы проходим на кухню, Осборн ставит чайник и поворачивается ко мне.

– Давно это?

– С тех пор как Вив поставили диагноз. Мы узнали, пока я еще работал. Вот почему я вышел на пенсию на шесть месяцев раньше срока.

Если честно, я тогда недоумевал, как и все мы. Все заметили перемену в Осборне, ближе к концу – какую-то усталость, ощущение того, что на самом деле ему больше ни до чего нет дела. Но мы полагали, что это работа. В конце концов доконавшая его.

– Мы справлялись неплохо – до тех пор, пока Вив не пришлось сесть в каталку. Это случилось прошлой осенью. С тех пор приходится непросто.

Я вспоминаю, в каком состоянии находится сад, и стараюсь не показывать, что, как я теперь вижу, кухню не помешало бы хорошенько вымыть, а у двери стоит переполненное ведро с мусором.

– Простите... если б я знал, то не побеспокоил бы вас.

Осборн качает головой.

– Не говори глупостей. Пусть жизнь стала более суровой, но она продолжается. И самой Вив меньше всего хочется, чтобы к ней относились как к инвалиду. Уж ты-то должен это понимать. – Он оборачивается к шкафчику и достает пакетики чая. – Так о чем ты хотел со мной поговорить?

Ну, вот мы и пришли. К точке невозврата.

– О Гэвине Пэрри.

Осборн наливает в кружки кипяток, размешивает, ставит чайник на плиту и только потом поворачивается ко мне лицом.

***

«Дейли мейл»

21 декабря 1999 года

**ПРИДОРОЖНЫЙ НАСИЛЬНИК ПОЛУЧАЕТ
ПОЖИЗНЕННЫЙ СРОК**

**Судья назвал Гэвина Пэрри «порочным, нераскаявшимся
извращенцем»**

Джон Смитсон

Вчера хищник, которого окрестили Придорожным Насильником, после процесса, продолжавшегося девять недель в суде Олд-Бейли, был приговорен к пожизненному заключению. Судья Питер Хили объявил Пэрри «порочным, нераскаявшимся извращенцем» и посоветовал назначить ему наказание сроком минимум пятнадцать лет. После оглашения приговора в зале суда поднялся ропот; родственники Пэрри, находившиеся на местах для публики, высказывали оскорбления в адрес судьи и присяжных заседателей.

Пэрри до конца настаивал на том, что он невиновен в изнасиловании и попытке изнасилования семи молодых женщин в окрестностях Оксфорда, совершенных в промежутки времени с января по декабрь 1998 года. Одна из его жертв, девятнадцатилетняя Эмма Годдарт, покончила с собой через шесть месяцев после случившейся с ней трагедии. Пэрри утверждает, что дело было сфабриковано Управлением полиции долины Темзы, и когда его выводили из зала, он угрожал расправиться с полицейским, сыгравшим ключевую роль в его задержании, выкрикивая, что он «его достанет», что тот и его близкие «до конца жизни будут в страхе озираться». Означенный офицер, сержант Адам Фаули, получил благодарность от старшего констебля за работу по этому делу.

Выступая с заявлением после оглашения приговора, старший суперинтендант Управления полиции долины Темзы Майкл Освальд сказал, что убежден в том, что осужден был именно тот, кто совершил данные преступления, и подтвердил, что в ходе расследования, в котором были задействованы правоохранительные органы всего графства, не было выявлено ни одного другого подозреваемого. «Я горжусь работой, сделанной моей командой. Наши ребята проделали огромный труд, чтобы найти того, кто совершил эти гнусные преступления, и предать его в руки правосудия, поэтому абсолютно недопустимо, чтобы им приходилось выслушивать подобные угрозы и оскорбления. Сотрудники полиции постоянно рискуют своей жизнью, защищая общество, и вы можете быть уверены в том, что мы предпримем все необходимые шаги для обеспечения безопасности их самих и их семей».

Выйдя из зала после оглашения приговора, мать Эммы Годдард Дженифер в разговоре с журналистами сказала, что ничто не вернет ее дочь, но теперь, как ей хочется надеяться, она упокоится с миром, зная, что человек, разбивший ее жизнь, дорого заплатит за свои злодеяния.

* * *

– Это обнаружил Алан Чаллоу. На обуви девушки.

Осборн улыбается.

– Как дела у нашего упрямого ворчуна?

– Ничего. Немного польсел, немного пополнил, но в остальном все такой же.

Он улыбается своим воспоминаниям. Но сразу же становится серьезным.

– Результаты анализа – нет никаких сомнений?

Я молча качаю головой.

Осборн выуживает пакетики чая и передает одну кружку мне. На поверхности плавают хлопья, словно молоко вот-вот свернется.

– Но это ведь не так уж и серьезно, правда? – говорит он.

Я чувствую, как у меня напрягается подбородок.

– Это может быть очень серьезно. Вы же понимаете, что цементная пыль играла крайне противоречивую роль. В фургоне Пэрри мы ее так и не

нашли. Как и в сарае.

– Но ведь брат Пэрри был строителем, разве не так? Пэрри мог запросто позаимствовать у него машину, если своя была не на ходу.

Именно так мы и сказали в суде, и присяжные нам поверили, даже несмотря на то, что брат отчаянно все отрицал. Пэрри не переставал повторять, что цементная пыль доказывает его невиновность, и вот теперь кто-то другой нападает на молодых женщин, оставляя на своих жертвах такие же в точности следы...

Я собираюсь с духом.

– Дело не только в этом. Фейт сказала, что нападавший вырвал ей волосы. Хотя не совсем ясно, он сделал это случайно или умышленно.

Лицо Осборна становится жестким.

– Послушай, Адам, не хочешь же ты предположить, что настоящий насильник по-прежнему разгуливает на свободе? Преступник, который – не надо забывать – остановился в ту самую минуту, когда мы задержали Пэрри, и только для того, чтобы снова начать сейчас, ни с того ни с сего, по прошествии стольких лет?

– Возможно, он сидел в тюрьме. Возможно, был за границей. Возможно, все это время он занимался этим где-то в другом месте, просто мы об этом не знаем.

– Я ни минуты в это не верю. Кто-нибудь к настоящему моменту обязательно провел бы параллель.

– Не обязательно...

– Это не он, – твердо заявил Осборн. – И ты это знаешь.

– Знаю?

Он выдерживает мой взгляд.

– Мы поймали Пэрри, Адам. Ты его поймал. Он сидит в тюрьме Уэндсуорт. Там же, где провел последние восемнадцать лет. – Осборн ставит кружку и делает шаг ко мне. – Мы схватили того, кого нужно. Я был уверен в этом тогда, уверен и сейчас.

И я знаю почему. Потому что был один момент, о котором так и не услышали присяжные, один момент, использовать который нам не позволили тогдашние законы. Задержав Пэрри, мы обнаружили, что двумя годами раньше его уже допрашивали по поводу похожего нападения на шестнадцатилетнюю девушку в Манчестере, но когда дело наконец дошло до процедуры опознания, бедная девочка до смерти перепугалась и отказалась его опознать. К тому времени как Пэрри принялся за свои делишки в наших краях, он стал уже более осторожным. И более жестоким.

Я отвожу взгляд, смотрю в окно, на сад. У самого горизонта с трудом

различаю Уттенхэм-Клампис.

– С Ханной Гардинер мы тоже думали, что взяли кого нужно.

Ханна Гардинер пропала в Клампис в 2015 году. Осборн считал – мы все считали, – что ее похитил некий Реджинальд Шор. Но мы ошибались^[34].

Осборн молчит, и когда я к нему оборачиваюсь, я вижу, что щеки у него красные.

– Ты же знаешь, Адам, как я об этом сожалею. Особенно сейчас.

Делаю глубокий вдох.

– Я только хотел сказать, что иногда мы ошибаемся. Несмотря на свое чутье, подготовку и весь прочий мусор – даже если мы на сто процентов убеждены в том, что взяли того, кого нужно, – мы все равно можем ошибиться.

Снова молчание. Я слышу, как в соседней комнате Вив разговаривает с кошкой, как на улице гроыхает приподнятая ветром крыша сарая.

– Простите, сэ... – начинаю я, но Осборн машет рукой, останавливая меня.

– Можешь не извиняться. И не надо никаких «сэров». Если тебе показалось, что я оправдываюсь, на то есть причины.

Он роется в стопке писем рядом с хлебницей и достает из середины конверт. На самом деле Осборн находит его так быстро, что я понимаю: он специально убрал конверт с глаз долой. Поскольку, что бы в нем ни было, Осборн не хочет, чтобы это видела его жена.

Он протягивает мне простой конверт из плотной бумаги с пометкой «Конфиденциально», адресованный суперинтенданту Управления полиции долины Темзы А. Г. Осборну (в отставке), на штемпеле дата двухнедельной давности. Государственный штамп. «Тюремная служба Ее Величества».

Я вопросительно поднимаю взгляд на Осборна, и тот кивает.

– Это заключение психиатра на Гэвина Пэрри. Он добивается УДО.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

ПСИХИАТРИЧЕСКОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Имя: Гэвин Фрэнсис Пэрри

Дата рождения: 28 мая 1962 года

Нынешнее местонахождение: Тюрьма Уэндсуорт

Дата составления: 12 марта 2018 года

Основные выводы

Это заключение было подготовлено при изучении возможности условно-досрочного освобождения мистера Пэрри. Я осматривал его в ТЕВ^[35] Уэндсуорт три раза, общая продолжительность осмотров шесть часов. У меня был доступ к полицейским и тюремным архивам, и я проконсультировался с доктором Адрианом Бигелу, экспертом-консультантом по вопросам психиатрии ТЕВ Уэндсуорт, наблюдавшим мистера Пэрри с момента своего назначения на эту должность в 2014 году. Кроме того, я обладаю значительным личным опытом в вопросах оценки психического состояния преступников, осужденных за преступления сексуального характера (полное резюме прилагается).

Сотрудники тюрьмы, с которыми я общался, единогласно подтвердили, что мистер Пэрри проявил себя образцовым во всех отношениях заключенным. Ему поручались самые разные виды работ, и он неизменно выполнял их старательно и прилежно. За ним не было замечено ни одного случая нарушения внутреннего распорядка, и он успешно окончил различные курсы профессиональной подготовки, что поможет ему трудоустроиться в случае УДО. В прилагаемом отчете о трудотерапии указывается, что мистер Пэрри в полной мере способен выполнять обыкновенные повседневные обязанности и плодотворно трудиться. Считается, что он оказывает благотворное влияние на других заключенных, особенно молодых. Также мистер Пэрри старательно поддерживает общение со своими детьми посредством писем, и те навещают его один-два раза в год (в настоящий момент они проживают вместе с бывшей женой мистера Пэрри в Абердине, поэтому посещать своего отца чаще им затруднительно). Следовательно, все вышеперечисленное указывает на то, что мистер Пэрри заслуживает условно-досрочного освобождения и его дело можно передать Комиссии по УДО.

Однако остается один существенный момент, а именно

упорство мистера Пэрри в том, что он не виновен в преступлениях, за которые был осужден. Подобное нежелание взять на себя ответственность за свое преступное поведение и выразить подобающее раскаяние (особенно когда речь идет о столь тяжких преступлениях) обыкновенно считается значительным препятствием на пути к досрочному освобождению. Тем не менее, хотя Пэрри продолжает утверждать, что невиновен, за последние месяцы его позиция существенно изменилась. До того он утверждал, что «его подставили»; теперь, судя по всему, он готов признать, что, хотя в расследовании, проведенном Управлением полиции долины Темзы, были ошибки, речь не шла о сознательной попытке обвинить его в преступлении, которое он не совершал. Снижение градуса этой паранойи определенно можно считать очень позитивным знаком. Необходимо также иметь в виду то, что мистер Пэрри уже отбыл в заключении восемнадцать лет, и если бы он сразу же признал себя виновным, то, возможно, уже вышел бы на свободу.

Задача Комиссии по УДО заключается в том, чтобы установить, продолжает ли какой-то конкретный преступник представлять угрозу для общества, и если Комиссия останется неудовлетворенной в этом вопросе, осужденный не выйдет на свободу. Однако, и это хорошо известно, человеку в положении, в котором находится мистер Пэрри, особенно трудно доказать, что он больше не представляет угрозу для общества, поскольку осужденные за преступления сексуального характера, отказывающиеся признать свою вину, не могут рассчитывать на участие в Программе реабилитации совершивших преступления сексуального характера (ПРСПС) и проходить Комплексную оценку рисков и необходимых мер (КОРИНМ), следующую после ее завершения, что предписывается Комиссией по УДО для таких преступников.

В то же время крайне важно, чтобы те, кто продолжает упорствовать в своей невиновности, – вне зависимости от характера их преступления (преступлений) – не подвергались дискриминации, особенно если при оценке риска возможно учесть другие факторы. В доказательство этого я бы привел

хорошее поведение мистера Пэрри на протяжении длительного времени. При моих личных беседах с ним он также выразил искреннее сочувствие жертвам преступлений (правда, настаивая, что сам он в них не виновен), что я также считаю положительным знаком.

Я не считаю, что мистер Пэрри страдает от психических расстройств и таких заболеваний, как шизоаффективный психоз, согласно разъяснениям Закона об умственных заболеваниях 1983 года (с изменениями 2007 года).

*Доктор Симеон Уэр, доктор медицинских наук, член
Королевской ассоциации психиатров, эксперт по
вопросам криминальной психиатрии*

– Я не верю ни одному этому слову, черт побери. Образцовый заключенный, мать твою за ногу... Это все игра, черт побери!

Осборн забирает у меня отчет и кладет его в конверт; показав его мне, он поставил себя в трудное положение.

– И он *по-прежнему* заявляет всем и каждому, что невиновен!

Даже сейчас, по прошествии стольких лет, мне следовало бы быть готовым к этому, поскольку я знаю то, что знаю. Но тем не менее я взбешен.

Осборн следит за выражением моего лица.

– По крайней мере, Пэрри, похоже, сдал назад и больше не утверждает, что его подставили.

– Но дело ведь не только в этом, так? Это новое нападение – оно слишком похоже... и все начнется сначала...

– Но в том-то все дело, Адам. Оно *похожее*. А не *такое же*. Из того, что ты рассказал, следует, что нападение на девчонку Эпплфорд – скорее преступление на почве ненависти. Но даже если это не так, существуют несчетные способы объяснить любые внешние параллели. Начнем с того, что это может быть подражатель, прочитавший о деле Пэрри в газетах. Нам ведь уже приходилось с таким сталкиваться, разве не так?

Мне хочется ему верить. Я приехал сюда отчасти ради того, чтобы услышать, как Осборн это скажет. Но тревога остается, обвивая змеей мои внутренности.

– Ты прорабатываешь это?

– Пока что нет, – я качаю головой. – По крайней мере официально.

Осборн понимает, что я хочу сказать: поиски подражателя будут означать то, что нам придется обнаружить ход расследования. Хотя бы частично.

– И все-таки, возможно, имеет смысл проверить, кто навещал Пэрри, – осторожно предлагает он.

Я киваю. Это я, наверное, смогу сделать, не подняв слишком сильное волнение.

– Я просто подумал, что такой вариант нужно отсечь, – продолжает Осборн. – Но я убежден в том, что тебе не о чем беспокоиться.

Я отставляю кружку и изображаю слабую улыбку.

– Спасибо за чай. И за поддержку.

Его улыбка гораздо убедительнее, чем моя.

– Всегда пожалуйста. Однако пресса рано или поздно ухватится за Пэрри, так что лучше быть готовым, а?

Я понимаю, что он имеет в виду.

– Первым же делом встречусь с Харрисоном.

– Хорошо. Ну, а Алекс? Как она справляется со всем этим?

– У нее все хорошо, – поспешно отвечаю я. – С головой в работе, сами понимаете.

Должно быть, Осборн что-то чувствует, поскольку он слегка хмурится, но не настаивает. Я устраиваю настоящее представление, доставая ключи от машины; мы прощаемся с Вив и пожимаем руки на пороге, а я стараюсь изо всех сил не смотреть ему в глаза. Поскольку не знаю, что хуже: ложь умалчивания или та ложь, которую я только что произнес.

* * *

– Ну, что скажете – мы по-прежнему хотим пиццу?

Патси сидит позади Саши на втором этаже автобуса, направляющегося в Саммертаун, зажав портфель между ног. Как всегда, она в красной кожаной куртке. Изабель рядом с Сашей, слушает музыку в телефоне и теребит волосы. Она покрасила кончики в розовый цвет. Саша отчасти жалеет о том, что у нее не хватает мужества сделать то же самое, но только отчасти. И дело даже не в том, что ее мать устроит скандал (на что Из просто пожала плечами и сказала, что волосы рано или поздно отрастут заново, поэтому незачем брызгать слюной); Саша всегда гордилась своими волосами, и мама постоянно повторяет, что как только начнешь их красить, естественный цвет больше никогда не вернется.

Патси подается вперед и тычет Изабель в ребра.

– Земля вызывает Паркер. Куда... мы... собираемся... отправиться?

Из оборачивается и делает вид, что собирается ей врезать.

– Я и в прошлый раз слышала твое мычание, надоедливая корова. Мне все равно, лишь бы только не пришлось отъесть живот пиццей – я становлюсь ТАКОЙ толстой!

Саша искоса смотрит на нее.

– Ага, точно. На тебе шестой размер болтается^[36], ради всего святого.

Из посылает ей воздушный поцелуй, Патси фыркает, и все трое хохочут. Сидящая с той стороны прохода Лия достает из сумки бутылку с соломинкой и обносит ее по кругу. На бутылке написано «Диетическая кока-кола», однако к газировке подмешана также изрядная доля отцовского виски. Не дорогого, выдержанного – это бы он сразу заметил, – а попроще, для заглянувших в гости соседей. Саша отпивает крошечный глоточек, чтобы не спорить с подругами, и возвращает бутылку, чувствуя, как алкоголь обжигает ей горло. Она уже научилась терпеть, чтобы не поперхнуться, но честное слово, виски – та еще гадость. А что касается этой ярко-зеленой дряни – так у нее вообще вкус жидкости для полоскания рта...

– Итак, ты нам скажешь или что?

Саша поднимает взгляд. Подруги уставились на нее, пытаясь сдержать свои понимающие улыбки. Саша изо всех сил старается изобразить Невинность. И Недоумение, однако получается это у нее не очень хорошо, потому что Лия строит красноречивую гримасу «да-да».

– Даже не пытайся это повернуть – мы знаем, что у тебя новый парень, да, Патс? Так что выкладывай. Кто он?

Саша чувствует, как заливается краской.

– Я не понимаю, о чем вы.

Девушки театрально изображают недоверие.

– Ты вот уже как несколько дней просто мегаскрытная, – говорит Изабель. – В чем дело – он что, женат?

Она склоняет голову набок, глядя на Сашу в ожидании реакции, отчего та краснеет еще сильнее.

– Ну, вам будет неинтересно, – старается произнести с игривой издевкой Саша. Словно она сидит на сладостной тайне. В чем сама стремится себя убедить – ну по крайней мере отчасти.

Изабель вопросительно смотрит на Патси и снова передает бутылку Саше.

– Не беспокойтесь! Еще немного вот этого – и мы вытянем из нее

правду. У нас вся ночь впереди.

Патси тычет Из под лопатку.

– Не тебе так говорить, Изабель Ребекка Паркер! На прошлой неделе тебя развезло всего от двух «Кактус-джеков»^[37].

Она с усмешкой смотрит на Сашу, и та признательно улыбается в ответ. Она может рассчитывать на то, что Патси ее поддержит. Так было всегда – еще с детского сада. Две стали четверьмя только в средней школе, когда остряки в классе прозвали их «Губами»: Лия, Изабель, Патси, Саша^[38]. Девочкам это понравилось – они даже назвали так свою группу в «Вотсапе», – но Саша остро чувствует насмешку. Особенно если учесть, сколько времени ее подруги надувают губки, смотрясь в зеркальце. Так или иначе, прозвище приклеилось. И они действительно держатся тесным кружком, все четверо: другие девочки хотели примкнуть к ним, но, как пошутила Патс, ГУБЫ сомкнулись. Однако даже сейчас Сашу и Патси объединяет что-то особенное, чего не разделяют Лия и Из. Хотя Саша поняла, в эти последние несколько недель, что есть вещи, о которых ей не хочется говорить ни с кем, даже с Патси. Например, Лайам. Особенно Лайам...

Сидящие впереди автобуса парни внезапно взрываются хохотом, и мужчина сзади поднимает взгляд и неодобрительно хмурится. Он сел на следующей остановке после Саши и ее подруг, но те, изредка поглядывая на парней, его просто не замечают. Он не из тех, на кого обращают внимание, особенно молодые девушки. Мужчина бормочет что-то про шум и отворачивается к окну. Тем временем парни начинают оборачиваться на девушек, но Из уже объявила их «полным отстоем», поэтому не может быть и речи о том, чтобы вступить с ними в разговор.

– Что ты сказала матери? – спрашивает Лия. – Насчет сегодняшнего вечера?

Саша пожимает плечами.

– Только то, что мы идем в пиццерию и я, возможно, останусь у Патс. Мама была недовольна.

Однако щеки у нее заливаются краской. При воспоминании о том, как мама улыбнулась и пожелала ей приятно провести время. Как обняла ее на прощание и сказала: «Я тебя люблю». От этого воспоминания у нее тяжело на душе. Саша терпеть не может лгать матери; ей всегда приходилось ей лгать, даже когда она была маленькой, и хочется, чтобы теперь этому настал конец. Но она знает, что мама ее не поняла бы. Мама обиделась бы и разозлилась, поэтому сейчас будет гораздо проще, а также безболезненнее

для нее, если она будет думать, что ее дочь ночует у Патс. Когда-нибудь – скоро — Саша обязательно все ей объяснит. Она дала себе слово и сдержит его. Просто пока что время еще не пришло.

– Хотелось бы, чтобы моя была хоть чуточку похожа на твою, – с завистью говорит Изабель, корча гримасу. – Она просто держит меня *на цепи!* Я хочу сказать, через четыре месяца я уже смогу выходить замуж!

Теперь уже черед Саши скорчить гримасу.

– Господи, только представьте себе – надеть кандалы в *шестнадцать* лет! Я хочу еще *столько* много сделать, прежде чем на меня навалят всю эту дрянь!

– Ну да, да, все мы знаем, *чем* ты станешь заниматься этим летом, – ухмыляется Из. – Разумеется, тогда, когда не будешь гулять по Тропе инков, заниматься банджи-джампингом^[39] в Большом каньоне и плавать с дельфинами на Галапагосских островах...

– Вообще-то это была Австралия – по-моему, на Галапагосах дельфинов вообще *нет*... – Увидев лица подруг, она умолкает и смеется. – Ну хорошо, хорошо. Пожалуй, я правда немножко привираю.

Подруги разевают рты, изображая отвращение.

– Что, *правда?*

– По крайней мере, – говорит Патси, отправляя в рот крекер и принимаясь громко хрустеть, – это лучше, чем когда на тебе вообще *никто* не хочет жениться. Или выйти замуж, как за нашего извращенца Скотта.

Изабель взрывается хохотом.

– Ни у кого не возникнет желания трахаться с ним – только представьте себе, как эта похожая на пиццу рожа трется о ваши сиськи!

Теперь уже все давятся от смеха, катаясь на сиденьях и хватаясь за животы. Мальчишки оглядываются, гадают, в чем дело, и, естественно, переживают, не над ними ли смеются, что, разумеется, вызывает у девушек новый приступ хохота.

* * *

Адам Фаули
3 апреля 2018 года
19:25

– Извини, мне нужно было сказать раньше. Но я не хотел тебя волновать.

Алекс отворачивается к разделочной доске и берет еще один помидор. Она старается делать вид, будто все в порядке, однако стискивает нож с такой силой, что белеют костяшки пальцев.

– Осборн полагает, что причин для тревоги нет. Но в прессе может что-нибудь появиться...

– Обязательно появится, ведь так? – Голос Алекс чуть дрожит, и я вижу, как она усилием воли старается держать себя в руках. – Тогда ведь это подробно обсосали все газеты. Это было что-то вроде... ну... Йоркширского Потрошителя^[40].

Газетчики окрестили Пэрри Придорожным Насильником задолго до того, как стало известно его настоящее имя. Он утаскивал свои жертвы с дороги в придорожные заросли, темные переулки и пустынные стоянки, провонявшие мочой, и насиловал их там. Но так было только в начале; мы никак не могли предположить, что через какое-то время будем уже думать, что первым женщинам повезло. Тогда мы еще не знали, на что он способен.

Алекс откладывает нож в сторону и опирается на стол.

– Алекс, пожалуйста, прекрати! Тебе не нужно притворяться – по крайней мере передо мной.

Она поворачивается ко мне лицом, и у меня сердце сжимается при виде того, какая она бледная. Я пододвигаю ей стул, и она тяжело опускается на него.

– Мы прекрасно понимали, что рано или поздно его выпустят на свободу. Он отсидел восемнадцать лет.

– Этого недостаточно, – поспешно произносит Алекс; голос у нее такой сдавленный, словно ей приходится силой выталкивать каждое слово. – После всего того, что он сделал... И эти угрозы...

Я беру ее руку.

– Ну, будем надеяться, Комиссия по УДО с тобой согласится.

Высвободив руку, Алекс поднимает ее к волосам и смахивает их с лица. Теперь щеки у нее покраснелись, и я вижу на шее пульсирующую жилку.

– Постарайся выбросить это из головы – ничего хорошего не будет ни тебе, ни ребенку.

Алекс поднимает взгляд и слабо улыбается.

– Боюсь, это проще сказать, чем сделать.

– Знаю, но я все равно должен был это сказать.

– Осборн сказал, когда это может случиться? Если Пэрри выпустят, когда это может произойти?

– Он считает, что слушания могут начаться уже в следующем месяце.

Алекс судорожно ахает.

– Еще до рождения ребенка? Пэрри может выйти на свободу до того, как малыш появится на свет?

– Послушай, даже если он выйдет на свободу, ему ни за что не позволят вернуться в Оксфорд. И, насколько я понимаю, это по-прежнему еще очень большое «если».

Я говорю бодрее, чем чувствую, но Алекс слишком хорошо меня знает.

– Есть ведь еще что-то, правда? – спрашивает она, всматриваясь в мое лицо. – Что-то такое, о чем ты мне не говоришь?

Я могу обмануть Осборна, я даже могу обмануть самого себя. Но мне еще никогда не удавалось обмануть свою жену.

– То дело, которое я сейчас веду. В нем есть... схожие моменты.

– Что ты хочешь сказать – «схожие моменты»?

– Та девушка, подвергшаяся нападению, – я тебе о ней рассказывал. Фейт Эпплфорд. Нападавший вырвал у нее волосы. Впрочем, в этом нет ничего необычного, – выпаливаю я. – Мне уже приходилось видеть подобное.

Раза два-три, за двадцать с лишним лет, но это только ложь умалчивания. Это я могу себе простить.

– Ты сказал «схожие моменты». Множественное число.

Не случайно моя жена – исключительно хороший юрист. Внимание к мелочам – одна из этих причин.

– Он связал жертву проводом. – Я делаю паузу. – И надел ей на голову пластиковый мешок.

– Совсем как в последний раз... – шепотом произносит Алекс.

Я снова беру ее руку, и она крепко стискивает мои пальцы.

– Но это ведь еще ничего не доказывает, и ты это сама прекрасно понимаешь.

Однако Алекс не покупается на мое объяснение, и кто станет ее в этом винить? Пластиковый мешок и куски провода были ключевыми элементами обвинения.

Но не главными.

Уж я-то должен знать.

* * *

Отправлено: ср. 03/04/2018, 20:35

Важность: высокая

От: Sean.Cameron@hmpps.gsi.gov.uk
Кому: DIAdamFowley@ThamesValley.police.uk

Тема: Заключение ZX05566 Пэрри, Г.

Уважаемый инспектор Фаули!

Вы спрашивали о том, кто посещал указанного заключенного.

За последние шесть месяцев Пэрри посещали следующие лица:

Мисс Джеральдина Хьюз (партнер)

Миссис Айви Пэрри (мать)

Миссис Хейзел Казинс (сестра)

Мистер Дэвид Чандлер (адвокат)

В списке телефонных номеров, по которым разрешается звонить Пэрри, имеются все вышеперечисленные, а также мистер Джеффри Пэрри (брат) и миссис Сандра Пэрри (бывшая жена, мать его троих детей).

Если вам потребуются дополнительные детали, такие как даты и время посещений, пожалуйста, дайте знать.

Ш. Камерон, заместитель начальника ТЕВ Уэндсуорт

* * *

Адам Фаули

4 апреля 2018 года

07:05

Когда я захожу в кабинет к Харрисону, тот уже выходит. Вид у него рассеянный.

– Времени у меня нет, – говорит Харрисон. – Встречаюсь с Мартином Демпстером.

Комиссаром полиции. Мне везет.

– Сэр, мы не могли бы на минутку зайти к вам в кабинет?

После этих слов Харрисон внимательно смотрит на меня. Теперь я уже

полностью владею его вниманием.

Когда за нами закрывается дверь, он поворачивается ко мне.

– Я так понимаю, это связано с Гэвином Пэрри?

Иногда – правда, крайне редко – я понимаю, что недооцениваю Харрисона.

* * *

Когда в восемь часов утра начинается выпуск новостей, Фиона Блейк включает чайник и достает из шкафа две кружки. Она смотрит на часы уже в пятый раз за пять минут. Не в духе Саша так задерживаться. Если она остается на ночь у Патси, то всегда возвращается домой пораньше, чтобы успеть переодеться к школе. Фиона достает из холодильника молоко и насыпает в миску овсяные хлопья. «С минуты на минуту, – думает она, – я услышу, как в двери поворачивается ключ». С минуты на минуту Саша вихрем ворвется в дом, давясь, выпьет чай, поспешно отправит в рот завтрак, и не успеет Фиона глазом моргнуть, как дочь уже выскочит за дверь.

Беспокоиться нечего. Саша вернется.

С минуты на минуту.

* * *

Идет утреннее совещание. Гислингхэм прислонился к единственному работающему обогревателю (привилегия сержанта). Что касается Фаули, тот впереди – как в прямом, так и в переносном смысле. Так обстоит дело с тех самых пор, как началось это чертово расследование. Гислингхэм не собирается жаловаться, но все-таки это дело должно было достаться ему, и, если честно, для него это несколько унижительно, особенно в присутствии Асанти. И не то чтобы Фаули ему не доверяет, просто по какой-то причине он не может оставить это дело в покое. Куинн упорно считает, что у Фаули нелады в семье, о чем он громогласно заявляет всем, кто готов его слушать, однако у Гиса есть свои веские основания отвергать это предположение. Пару недель назад в выходные его жена встретила Алекс Фаули в магазине для будущих мам в Саммертауне и пришла к выводу, что та беременна. Чем, учитывая прошлое семейства Фаули, можно объяснить любую степень беспокойства инспектора. А также то, что он бросил курить и постоянно

глотает антеникотининовые драже. Только за последние полчаса Фаули уже отправил в рот три таких.

– Ты спрашивал у Кеннета Эшвина, готов ли он сдать отпечатки пальцев? – спрашивает Фаули.

– Никаких шансов, – отвечает Куинн. – Сразу же начал возникать, что он не арестован, крича о своих правах на личную жизнь, и мне пришлось пойти на попятную.

– Что насчет других машин?

– Пока что мне удалось исключить чистку ковров и слесаря. У обоих прочное алиби.

Фаули поворачивается к Эверетт. На лице у него появляется раздражение.

– Есть какие-нибудь новости из колледжа дальнейшего образования?

Эверетт качает головой.

– Насколько мы можем судить, за исключением директрисы, никто и не догадывается о том, что Фейт трансвестит. И, если честно, я думаю, что даже если кто-нибудь и знал, никаких проблем все равно не возникло бы. Один из преподавателей, с кем мы общались, был в платье, с губами, выкрашенными в синий цвет.

– Я так понимаю, ты имеешь в виду мужчину, – говорит Куинн.

– Да, я действительно имею в виду мужчину, – подтверждает Эв под общий смех. – Ему на это наплевать, и остальным также нет никакого дела. Нынешнее поколение – оно не понимает, из-за чего весь шум. А что касается того, что произошло с Фейт, я честно не могу представить себе, что это сделал кто-нибудь из тех, кто ее знает. Она – милый, приятный подросток, пытается устроить свою жизнь...

– Что насчет Бейсингстока? – спрашивает Фаули, не присоединившийся к общему смеху.

– Я разговаривала с ее бывшей учительницей, – говорит Эв, – и та, очевидно, понятия не имеет о том, что Дэниел больше уже не Дэниел.

– Это как-то странно, ведь так? Разве подростки-трансвеститы не должны какое-то время пожить со своим новым полом, прежде чем смогут рассчитывать на медицинское вмешательство?

Эв пожимает плечами.

– Возможно, Фейт просто не хотела делать это до того, как начнет все с чистого листа. В любом случае, я считаю, что Бейсингсток – это тупик.

Бакстер бормочет что-то насчет того, что «тупик» – это, пожалуй, лучшее, что когда-либо говорили о Бейсингстоке, тем самым вызывая новый смех.

Тем временем Фаули старается посмотреть в лицо Сомер, однако та после вчерашней стычки упорно не желает встречаться с ним взглядом. Гис вопросительно смотрит на Эв, и та едва заметно пожимает плечами: определенно, она считает, что тут инспектор должен пожинать то, что посеял.

– Слушай, – говорит Фаули, – я готов принять все твои слова насчет того, что нынешнему поколению нет никакого дела до того, какой у человека пол, если вообще какой-нибудь есть, однако факт остается фактом: для самой Фейт это *важно*. Она лезет из кожи вон, чтобы никого не впустить в свою личную жизнь, и это могло дать кому-нибудь мотив. Мотив или разоблачить ее, или...

– Прошу прощения, сэр, – вмешивается Сомер, у нее горят щеки. – Но я просто считаю, что это никуда нас не приведет. Я знаю, что Фейт невероятно боится того, что правда о ней всплывет, но что с того? Не все мы выставляем свою личную жизнь в «Фейсбуке» на всеобщее обозрение. Люди держат в секрете самые разные вещи по самым разным причинам – не только свою сексуальную ориентацию, но и то, откуда они родом, с кем поддерживают отношения, в какого бога верят, беременны ли они...

Наступает неловкая пауза. Судорожный вздох. На Гиса накатывает паника – больше ведь никто не знает, правда? И в любом случае он уверен в том, что *он* не проговорился. Впрочем, Фаули смотрит на Асанти.

– Итак, – ледяным тоном говорит инспектор, – что ты предлагаешь вместо этого?

Сомер снова заливается краской.

– Я вовсе не говорю, что мы должны исключить такую возможность – вовсе нет, ее исключать нельзя. – Она смотрит Фаули прямо в лицо и вскидывает подбородок. – Но если вы хотите знать *мое* мнение, я считаю, что нам нужно покопаться в старых делах. Потому что я готова поспорить: этот человек не впервые совершает нечто подобное.

Гис оглядывается на Фаули, и у того на лице на какое-то мимолетное мгновение появляется нечто такое, что Гис еще никогда не видел. Не гнев – что-то другое. Что-то такое, что в ком-то другом можно было бы назвать страхом.

Похоже, остальные также это замечают, потому что в комнате внезапно наступает полная тишина.

Фаули делает глубокий вдох.

– Мне нужно вам кое-что рассказать. В связи с делом Эпплфорд.

– Дениза? Это Фиона. Я просто хотела проверить – Саша эту ночь провела у вас, вместе с Патси, так?

Она с такой силой стискивает трубку, что ощущает через пластик собственный пульс. «Если она ответит сразу же, все в порядке. Если она ответит сразу же...»

В трубке молчание – шумный вздох. «Пожалуйста, пожалуйста...»

– Сожалею, Фиона, но я ее не видела. Патси вернулась в четверть одиннадцатого, но Саши с ней не было.

Фиона слышит это в ее голосе – ядовитое сочетание сочувствия и облегчения. Это не ее дочь там, где не должна быть, это не ее мир проваливается в пропасть.

– Ты не хочешь поговорить с Патси?

Фиона хватается за предложение, словно утопающий за соломинку.

– Да, да, а можно? Она дома?

– Я как раз собиралась отвозить ее в...

– Я могу с ней поговорить?

– Извини, ну да, конечно. Подожди минутку.

Телефон отключается, и Фиона мысленно представляет себе, как Дениза подходит к лестнице и окликает свою дочь. Представляет себе, как Патси медленно спускается вниз, в недоумении, гадая, с какой стати Фиона звонит ей в такую рань – вообще звонит ей...

Звук возвращается.

– Да? – Девушка слегка запыхалась.

– Привет, Патси, – говорит Фиона, стараясь сделать свой тон небрежным. – Я уверена, что это какой-то пустяк, но Саши нет дома. Кажется, она говорила, что останется ночевать у тебя?

– Саша собиралась, но потом передумала.

Фионе не хватает воздуха, и она вынуждена сесть. Ей нельзя сломаться – она должна сохранить ясность мысли...

– Когда вы расстались?

– Мы вместе ехали в автобусе. Я вышла, а Саша поехала дальше.

– В котором часу это было?

– Точно не знаю... часов в десять.

Пальцы сжимают трубку еще крепче. *От автобусной остановки идти всего десять минут – Саша должна была быть дома в четверть одиннадцатого, максимум в половину...*

– А вы не пробовали звонить ей на сотовый?

Разумеется, она пробовала звонить на чертов сотовый, она звонила и отправляла текстовые сообщения каждые пять минут – наверное, отправила их целую дюжину, две дюжины...

– И попадала сразу же на голосовую почту.

– Сожалею, миссис Блейк, мне правда очень хотелось бы вам помочь, но я ничего не знаю.

Фиона чувствует, как у нее на глазах наворачиваются слезы. Патси ей всегда нравилась – еще когда была маленькой девочкой с косичками и вечно ободранными коленками. А сейчас, похоже, у них в гостях она бывает чаще, чем у себя дома.

– Если у тебя будут какие-нибудь новости от Саши, ты ведь позвонишь мне, да? Или заставь ее позвонить мне, хорошо? Скажи, что я очень беспокоюсь.

Внезапно Фиона слышит, как меняется дыхание девушки – слышит, как та ахает, не в силах скрыть искренний страх.

– Но с Сашей все в порядке, правда?

– Не сомневаюсь в этом, – твердо произносит Фиона. – Должно быть, это какая-то глупая путаница. Уверена, Саша уже в школе, а когда вернется домой, то отчитает меня за то, что я так ее опозорила.

Однако, когда Фиона кладет трубку, сердце ее сжимает ледяной кулак.

* * *

Адам Фаули

4 апреля 2018 года

08:55

Я кладу перед собой папку и достаю из нее два листа бумаги. Кое-кто украдкой переглядывается, гадая, что это такое, черт побери.

– Вчера разговаривал с Аланом Чаллоу. У него были готовы результаты экспертизы обуви Фейт Эпплфорд.

Я закрепляю листы на доске и слышу за спиной некоторое оживление.

Тяну время, но в конце концов мне приходится повернуться ко всем лицом.

– Вместе с почвой с огородов, мелкими камешками и прочим обыкновенным мусором Алан обнаружил кое-что еще. Кое-что такое, что мы никак не ожидали. Частицы сульфата кальция.

Никто ничего не понимает. Ну разумеется. Тогда из них еще никого здесь не было, даже Бакстера. Куинн недоуменно смотрит на меня и пожимает плечами.

– И?..

– То есть вы думаете, что наш тип – он кто, строитель? Штукатур?

Теперь все уже переглядываются в открытую. Кто-то хмурится, откровенно сбитый с толку; другие гадают, почему я сидел на этом – почему не выложил сразу, и почему, кстати, мы теряли время на чертовых чистильщиков ковров и слесарей. Однако все знают, что вслух это лучше не высказывать. Все, за исключением Асанти.

– Когда именно вы говорили с Чаллоу об этом, сэр? – говорит он, перекрывая нарастающий гул. – Просто я разговаривал с ним вчера в шесть вечера, и он мне ничего не сказал.

Я чувствую, как заливаюсь краской.

– Попросил его никому ничего не говорить.

Асанти хмурится и открывает рот, собираясь что-то сказать, однако я его опережаю.

– В наших краях было еще одно похожее дело. Двадцать лет назад. Преступника окрестили Придорожным Насильником.

Кто-то что-то припоминает, однако у большинства на лицах остается недоумение. Сомер пристально смотрит на меня. В чем нет ничего удивительного.

– Он изнасиловал шесть женщин и пытался изнасиловать седьмую, – продолжаю я. – И надругался над ними. Одна его жертва лишилась глаза. Другая через полгода после нападения покончила с собой.

– Но он ведь был схвачен и осужден, разве не так? – говорит Эв. – Тот, кто это совершил? Имени я его не помню... кажется, Гаррет как-то там?

– Гэвин Пэрри. В настоящее время отбывает пожизненное в Уэндсуорте.

Эв не скрывает своего недоумения.

– В таком случае почему?..

– Пэрри вырывал своим жертвам волосы. Это был его фирменный почерк.

Гислингхэм сразу же понимает, в чем дело, однако все еще не торопится с окончательным выводом.

– Это ничего не доказывает. Простое совпадение.

Я обвожу комнату взглядом. Медленно.

– Пэрри хватал свои жертвы на улице, затаскивал их в безлюдное место, надевал на голову пластиковый мешок и связывал руки проволокой.

– И даже так, сэр... – начинает Эв. Но я замечаю у нее в глазах зачатки сомнения.

– Последних двух женщин, подвергшихся нападению, закинули в пикап и увезли. На одежде обеих были обнаружены следы сульфата кальция.

– То есть этот тип Пэрри был штукатуром? – спрашивает Эв.

Я качаю головой.

– Нет, он перебивался случайными заработками, занимался уборкой в квартирах – подобными вещами. Но вот его брат был строителем. Согласно нашей теории, Пэрри, чтобы совершить последние два преступления, одалживал машину у брата, хотя нам так и не удалось это доказать, а к тому времени, как машины Пэрри и его брата попали к нам в руки, в них уже не осталось никаких следов.

Куинн тихо присвистывает.

– Матерь божья!

– Однако Пэрри так и не признал себя виновным, правильно? – медленно произносит Асанти. – Потому что в противном случае он был бы уже на свободе.

А он проницателен, тут никаких вопросов.

– Совершенно верно, констебль Асанти, Пэрри так и не признал себя виновным. Он утверждал, что мы его подставили – что он совершенно невиновен, а на женщин нападал кто-то другой. А если учесть, что те, кто совершил преступления на сексуальной почве, должны признать свою вину, чтобы рассчитывать на реабилитационный курс, это обстоятельство в вопросе условно-досрочного освобождения играло против него. По крайней мере, до настоящего времени.

Сомер хмурится.

– Вы сказали: «Мы его подставили»? Вы вели это дело?

– Я был детективом-сержантом, – я киваю. – Суперинтендантом был Аластер Осборн. Однако Пэрри винит во всем меня. Считает, что это я его подставил.

Теперь все избегают смотреть мне в глаза, и я понимаю, в чем дело. Это кошмар любого полицейского. Дело такого рода, воскресшее из могилы.

Я обвожу взглядом присутствующих, стараясь заставить их посмотреть мне в лицо.

– Я абсолютно убежден в том, что мы схватили того, кого нужно. Я был убежден в этом тогда и убежден сейчас. Но если за это ухватится пресса... в общем, всем нам известно, что произойдет тогда. Дерьма

вывалится столько, что мало не покажется. В довершение всего, если адвокат Пэрри хоть *чуть* знает свое дело, он ухватится за параллели с делом Эпплфорд, чтобы поднять все пятьдесят оттенков сомнения относительно справедливости приговора.

В комнате оживление, все стараются перестроиться, переосмыслить происходящее. Теперь это дело уже совсем не такое, каким казалось всем вначале. Теперь оно уже совсем не такое, каким казалось мне, и, наверное, я слишком долго отказывался поверить в то, что было у меня прямо перед глазами. Я жду, что ребята будут злы на меня, хотя бы только за одно это, и что хотя бы кто-нибудь это открыто покажет. Определенно, Куинн, возможно, даже Эв. Но она не отрывает взгляда от Гиса. И не только она. У всех на лице одно и то же красноречивое выражение: «Ты сержант. Скажи что-нибудь!» И до меня вдруг доходит, что все последуют его примеру. И, осознав это, я понимаю кое-что еще: каким же чертовски хорошим сержантом стал Гис.

Гислингхэм поворачивается ко мне. Лицо его совершенно спокойно.

– Мы за вас горой, сэр. Понимаю, я мог бы этого не говорить, но я все равно скажу: мы за вас горой.

* * *

После этого признания Фаули задерживается всего на десять минут. Гис рассуждает, что это можно расценивать как комплимент – столько времени шеф дышал ему в затылок, и внезапно позади него нет ничего, кроме холодного свежего воздуха. Но, по крайней мере, теперь он понимает, в чем дело. Неудивительно, что бедняга был словно пришибленный – любой чувствовал бы себя так же, когда над ним висит подобное. Должно быть, Фаули ужасно мучился. А как прекрасно известно Гису, старые дела, возвращающиеся, словно призраки, все равно что воскресшие мертвецы – убить их второй раз практически невозможно.

Как только за инспектором закрывается дверь дежурной комнаты, Гис снова поворачивается к своей команде.

– Так. Фаули этого не сказал, но я скажу. Если у кого-нибудь есть какие-либо замечания по делу этого Пэрри, высказывайтесь сейчас – или же держите рот на замке, понятно? Все мы знаем нашего шефа – он не просто чертовски хороший «фараон», честнее его не бывает. Не может быть и речи – *абсолютно* не может быть и речи – о том, чтобы Фаули кого-либо подставил. А если у кого-либо есть хоть малейшие сомнения в этом, тогда

извини, тебе не место в нашей команде. Я ясно выразился?

Судя по всему, ясно. Комната заряжается энергией. Все поднимают взгляды, распрямляют плечи.

– Отлично. В таком случае, черт возьми, за дело, правильно? Потому что скорейший способ вытащить Фаули из дерьма и одновременно оказать самим себе большую услугу – это найти ублюдка, напавшего на Фейт, и раз и навсегда расплатиться с этим подонком Пэрри.

Голоса: «Да, сержант», «Точно, сержант».

– Вот и отлично. Констебль Куинн, вы с Эверетт начнете со строителей с видеорекамеры на заправке, с которыми нам еще не удалось поговорить.

Бакстер поднимает взгляд.

– И по дороге проехали еще два-три фургона, которые, на мой взгляд, могли принадлежать строителям.

– Хорошо, – говорит Куинн, – дай мне то, что у тебя есть, и мы попробуем их разыскать.

Гис поворачивается к Сомер.

– Я хочу, чтобы ты поговорила с Фейт, выяснила, имеет ли для нее штукатурка какое-либо значение. Возможно, кто-то из ее знакомых работает на стройке. На мой взгляд, это маловероятно, но мы обязаны задать этот вопрос.

– Конечно, сержант. Я как раз собиралась узнать, как у Фейт дела.

– А после того как закончишь, поможешь Куинну и Эв со строителями.

Все начинают расходиться, и Гислингхэм, воспользовавшись суматохой, тихонько отводит Бакстера в сторону.

– Не знаю, как ты, но вся эта дрянь насчет Пэрри – по мне как-то слишком уж к месту. Я вовсе не хочу сказать, что шеф тогда ошибся, но совпадения... ну сам понимаешь.

Лицо Бакстера становится образчиком молчаливого красноречия.

– И что ты думаешь? Подражатель?

Бакстер отвечает не сразу.

– Такое возможно. Но этому типу должна была быть известна о деле Пэрри целая гора фактов, черт возьми, чтобы он смог повернуть такое. Я хочу сказать, раздобыть цементную пыль нетрудно, но для начала нужно о ней знать.

– Да, – задумчиво соглашается Гислингхэм. – Я подумал то же самое. Пошарь в Интернете – посмотри, много ли можно в нем найти.

Бакстер кивает.

– Я также могу раскопать протоколы судебных заседаний.

– Хорошая мысль. Нам лучше точно знать, с чем мы имеем дело.

Гис разворачивается, собираясь уходить, но затем останавливается и легонько трогает Бакстера за руку.

– Но давай пока что это останется между нами, лады?

* * *

В 11:15 Эверетт ставит свой «Мини Купер» на узкой улочке, отходящей от Осни-лейн, рядом с конторой одной из строительных фирм из списка Бакстера. Ее эмблема красуется на всех заборах в северной и центральной частях Оксфорда, огораживающих большие особняки викторианской эпохи, оцетинившиеся строительными лесами, и учебные корпуса колледжей, затянутые пластиком, которые вылезают из него подобно бабочкам из коконов; серый цвет превратился в золото, а камень – в новый камень. Контора размещается в переоборудованном складском здании – шикарный ремонт в кирпиче, стекле и дереве, скромно и ненавязчиво сообщающий о том, какого рода учреждение здесь находится. Ту же самую мысль дублирует броский логотип – изящный шрифт на темном зеленовато-синем фоне, повторяющийся на всех поверхностях, которые можно покрасить: «Не сомневайтесь, это первоклассная компания».

Куинна пока что нет, поэтому Эв какое-то время прогуливается по кварталу; эти места она знает плохо, и сейчас у нее есть возможность проявить любопытство. Когда-то это был промышленный район, однако в настоящее время он выглядит чистым, словно кинодекорации. От «фермерского» кафе на углу до многоквартирного дома премиум-класса напротив – Эв предположила бы, что именно в таком квартале живет Фаули, если б не знала, что у него неожиданно обычный дом в поселке Райзингхерст, к востоку от кольцевой дороги.

– Все в порядке?

Раздавшийся за спиной голос Куинна застает Эв врасплох.

– Пришлось трижды объехать вокруг квартала, черт возьми, прежде чем нашел место, где поставить машину, – раздраженно замечает Куинн, глядя (весьма откровенно) туда, где она поставила свой «Мини». У Эв мелькает было мысль указать на то, что свободное место она нашла только потому, что приехала сюда уже полчаса назад, но она решает воздержаться.

– Так, – говорит Куинн, доставая из кармана список и бросая взгляд на здание. – Это заведение именуется «Марк Роуз и компания». Основано вышеозначенным мистером Роузом десять лет назад; насколько мне

удалось выяснить, дела идут весьма неплохо. Компания занимается жилыми и коммерческими зданиями и выполняет специальные заказы для университета. Сорок два человека в штате и приблизительно столько же работают по контракту. – Он убирает листок в карман, и они направляются к входу.

Их уже ждут. На столике в комнате переговоров на первом этаже чашки с кофе и блюдо с печеньем в золотой фольге, и деловитый секретарь (мужчина) сообщает о том, что мистер Роуз скоро будет. Эв видит, что Куинн изо всех сил старается не показать, какое впечатление производит на него обстановка, однако получается это у него плохо. Он берет со столика гляцевую брошюру и начинает ее изучать, как кажется Эв, более чем с праздным любопытством.

Роуз появляется меньше чем через две минуты после ухода секретаря. Он загорелый, на нем бледно-кремовые хлопчатобумажные брюки и застегнутая на все пуговицы розовая рубашка, в руках у него планшет. Той же самой модели, что и у Куинна. Эв с трудом сдерживает улыбку: ох уж эти мальчишки и их игрушки! Роуз улыбается, поочередно глядя в глаза обоим.

– Доброе утро, господа! Надеюсь, вас хорошо приняли?

Эв протягивает руку к чашке. Она зеленовато-синяя. Такого же цвета, как фургоны, логотип и галстук секретаря. Диана Эпплфорд отдала бы свои передние зубы за такой точный подбор оттенков. Ну а кофе – чего и следовало ожидать – замечательный. Эв также жадно смотрит на печенье. Конечно, она ни за что не станет есть на людях, но, быть может, ей удастся незаметно прихватить парочку, когда они будут уходить... Всегда неплохо иметь что-нибудь в кармане на тот случай, если снова придется просить Бакстера о каком-нибудь одолжении.

– Мой помощник сказал, что дело как-то связано с нашими фургонами, – начинает Роуз. – Но я проверил, и, по-моему, все в полном порядке. Дорожный налог, техосмотр...

– Дело совсем не в этом, – поспешно перебивает его Куинн. – Речь идет о молодой женщине, которая в понедельник подверглась нападению на Райдал-уэй.

– Не совсем вас понимаю.

– Ее затолкали в фургон и отвезли к огородам на Марстон-Ферри-роуд. Роуз недоуменно моргает. Начинает хмуриться.

– Но в Оксфорде сотни фургонов...

– Вне всякого сомнения, – кивает Куинн. – Однако у нас есть основания считать, что один из ваших фургонов в момент совершения

преступления находился поблизости.

Несмотря на загар, Роуз немного бледнеет.

– Понятно.

– Если точнее, заправлялся на заправке «Би-Пи» на перекрестке.

Роуз включает свой планшет.

– Если вы подождете минутку, я быстро проверю, где в этот понедельник находился каждый из наших сотрудников.

– Правда? – говорит Куинн, не в силах скрыть прозвучавшее в голосе изумление. – Вы это можете?

Роуз пожимает плечами: если у тебя на руках столько козырей, можно проявить великодушие.

– Фургоны оснащены системой спутниковой навигации. И мы храним все архивы. Наша компания относится к высшему классу. Мне не нужны жалобы клиентов, поэтому я должен знать, где находятся мои люди. Какое именно время вас интересует?

– Утро, – отвечает Эверетт, глядя на то, как по лицу Куинна разливается краска. – До одиннадцати часов.

Роуз тычет пальцем в экран, затем кладет планшет на стол и подвигает его полицейским.

– Как можете видеть, один наш фургон действительно проезжал в то утро по этой дороге, однако он направлялся на работу в Уоллингфорд. Помимо заправки, водитель больше не останавливался ни разу между тем, как выехал из дома и как прибыл на стройку. У меня также есть чек с заправки, оплаченный служебной кредитной карточкой. Если хотите, я могу его распечатать.

* * *

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД

Олд-Бейли
Лондон EC4M 7EN

Судья Верховного суда
Досточтимый мистер Хили

К О Р О Н А

против
Гэвина Фрэнсиса Пэрри

Мистер Р. Барнс, королевский адвокат, и мисс С. Грей
представляют обвинение

Миссис Б. Дженкинс, королевский адвокат, и мистер Т.
Катберт
представляют защиту обвиняемого

Расшифровка стенограммы, выполненной
компанией «Чапмен Дэвисон»,
официально уполномоченной для работы на судебных
заседаниях

Понедельник, 25 октября 1999 года
(7-й день)

Свидетель ЭЛИСОН ДОНЕЛЛИ, принеся присягу
Допрашивается МИСТЕРОМ БАРНСОМ

Вопрос: Мисс Донелли, мне бы хотелось вернуться к
событиям, которые мы обсуждали вчера. Конкретно, к
нападению, произошедшему 29 ноября прошлого года. Я
понимаю, что для вас это очень тяжелая тема, однако крайне
важно, чтобы суд выяснил, что именно тогда случилось. И, не
сомневаюсь, вы не забыли, что принесли присягу. Вы сказали, что
это произошло в тот день вечером, приблизительно в 17:40?

Ответ: Да. Я возвращалась домой с работы. На автобусе,
который отправляется в 17:15.

В.: И вы обыкновенно ездите именно этим автобусом?

О.: Совершенно верно.

В.: В предыдущие несколько дней у вас не было такого
ощущения, будто вас преследуют?

О.: Подруга, с которой мы вместе снимаем квартиру,

говорила, что несколько раз видела на нашей улице припаркованный фургон, но мы не придали этому значения.

В.: Какого цвета был этот фургон?

О.: Обыкновенного, белого.

В.: В тот вечер, когда произошло нападение, вы видели фургон?

О.: Нет. Я хочу сказать, что это не значит, что фургона не было. Просто я его не видела.

В.: Итак, вы сошли с автобуса и направились к своему дому. Что произошло дальше?

О.: Шел дождь, мимо проехал грузовик, совсем рядом, и облил меня водой. На мне была новая куртка, поэтому я здорово разозлилась. Наверное, я остановилась на минутку. Тут все это и произошло.

В.: Вы почувствовали, что сзади кто-то есть?

О.: Да, сначала он меня схватил, затем я почувствовала, как он натянул мне на голову мешок и потащил меня.

В.: Вы поняли, куда он вас оттащил?

О.: Он бросил меня в кузов фургона. Связал мне руки чем-то таким, что впилось мне в запястья, и мне показалось, что я не могу дышать.

В.: Вы запомнили что-нибудь про этот фургон?

О.: На полу лежал пластик или что-то похожее. Какие-то листы.

В.: И что произошло дальше?

О.: Он отвез меня на стоянку недалеко от кольцевой дороги. Тогда я этого не знала. Но это было именно там.

В.: Что он сделал потом?

О.: Я услышала, как он вышел из кабины и обошел фургон. Он вытащил меня и столкнул по каким-то ступеням. Я ничего не видела из-за мешка. Затем он швырнул меня на землю. После

чего стащил с меня трусики и изнасиловал.

В.: Последующая медицинская экспертиза установила, что вы получили внутренние повреждения от какого-то тупого предмета. Это так?

О.: Да.

ДОСТОЧТИМЫЙ ХИЛИ: Я понимаю, что вам это крайне тяжело, мисс Донелли, но я должен попросить вас говорить чуть громче, чтобы присяжные вас слышали. Вы чувствуете в себе силы продолжать?

О.: Да, ваша честь.

МИСТЕР БАРНС: Благодарю вас, ваша честь. Мисс Донелли, нападение, которому вы подверглись, ограничивалось одним изнасилованием?

О.: Нет.

В.: Что еще произошло?

О. Он меня избил.

В.: Боюсь, я должен попросить вас рассказать более подробно.

О.: Он сделал это, чтобы заставить меня замолчать, – я пыталась кричать, поэтому он схватил меня за голову и ударил ею о землю.

В.: Именно так вы получили эти травмы? Которые сейчас наглядно видны?

О.: Да.

В.: У вас открытая черепно-мозговая травма?

О.: Да.

В.: И потеря зрения на один глаз?

О.: Это когда он ударил меня по голове ногой. После того как закончил.

В.: И он снял с вас украшения и выдрал клоч волос?

О.: Сережки. Он их сорвал.

В.: Разорвав мочку одного уха, насколько я понимаю?

О.: Да. И еще он выдрал мне клочок волос.

В.: Где именно?

О.: Вот здесь, за ухом.

В.: Сколько времени прошло после того, как он ушел, до прибытия помощи?

О.: Потом мне сказали, что прошло около часа. Наверное, я потеряла сознание, потому что по моим ощущениям это было совсем недолго. Но вдруг появилась «скорая помощь» и полиция.

В.: Сколько времени вы пролежали в больнице, мисс Донелли?

О.: Пять недель.

В.: И после нападения вы смогли продолжать работу?

О.: Нет.

МИСТЕР БАРНС: У меня больше нет вопросов.

ДОСТОЧТИМЫЙ ХИЛИ: Пожалуй, сейчас самое подходящее время прерваться на обед. Присяжные заседатели, мы продолжим в 14:15.

* * *

– Может быть, спросить у этих ребят, не оборудованы ли их фургоны спутниковой навигацией?

Эв искоса бросает взгляд на Куинна. Она сознает, что это, наверное, уже чересчур, но не может удержаться. Его так легко завести.

Куинн хмурится, понимая, что Эв над ним издевается. Поскольку, если «Марк Роуз и компания» – это высший класс строительного бизнеса, вторая фирма в списке оказывается чем-то вроде «Райанэйра»^[41]. Судя по весьма примитивному дилетантскому оформлению интернет-странички, компания явно не стала тратить свои заработанные потом и кровью деньги на дизайнера, и контора ее вовсе не контора, а просто одноэтажный дом в духе

восьмидесятых в конце тупика, с заасфальтированной площадкой с одной стороны и гаражом на две машины с другой. Эв пришлось дважды проверить адрес, чтобы убедиться в том, что это то самое место.

Дверь открывает женщина средних лет в толстовке и мешковатых спортивных штанах. От нее сильно пахнет табаком.

– Чем могу вам помочь?

– Мы из Управления полиции долины Темзы. Это контора строительной фирмы «Рэмсгейт реновейшнс»?

– Совершенно верно. – К чести женщины, у нее на лице не появляется тревога, обычная реакция на неожиданный визит полиции.

– Мы можем поговорить с мистером Рэмсгейтом?

– К сожалению, Кит на объекте. Но вы можете поговорить со мной. Я Полина. Его жена. И управляющая компании.

Женщина проводит полицейских в помещение по соседству с кухней, обставленное дешевой, но функциональной офисной мебелью: шкаф с картотеками, пара письменных столов, большая доска с графиками и таблицами, посвященными различным заказам фирмы. Здесь есть и компьютер, однако очевидно, что Полина предпочитает работать с бумагами. Практически все поверхности завалены папками и кипами документов. Снаружи на заасфальтированной площадке стоят два белых фургона. У одного задние двери открыты, и два парня загружают в него какие-то материалы.

– У вас имеется разрешение вести дела? – спрашивает Куинн, указывая на фургоны.

Женщина пожимает плечами.

– Никакого начальства над нами нет, а кому еще может быть до этого какое-либо дело? Но если вы очень хотите знать, ответ положительный. Имеется.

Если Куинн собирался своим вопросом вывести эту женщину из равновесия, то он явно ее недооценил. Они долго смотрят друг другу в глаза, и Эв приходит к выводу, что первой отведет взгляд не Полина.

Она рассуждает, что пора разыграть роль хорошего полицейского и посмотреть, даст ли это какие-либо результаты.

– Миссис Рэмсгейт, мы рассчитывали, что вы сможете нам помочь. Первого апреля, в понедельник, произошло происшествие с участием фургона. Вот мы и опрашиваем всех владельцев фургонов, просто чтобы исключить их из расследования.

– Какое именно «происшествие»?

– Ничего существенного, миссис Рэмсгейт.

– А мне так не кажется. И почему это вы заявили к нам? В нашем городе, наверное, сотни фургонов.

Определенно, Полина не вчера родилась.

Эверетт достает два листа бумаги и кладет их на стол.

– Вот снимки с камеры видеонаблюдения на заправке на Черуэлл-драйв, сделанные в то утро. Мы полагаем, что это может быть ваш фургон.

Качество неважное, и значительную часть изображения занимает грузовик, но можно рассмотреть перед белого фургона с закрепленной на крыше лестницей, а сбоку надпись, начинающуюся на «РЭ...».

Полина прищуривается.

– Я могу разобрать только две буквы. Они еще не означают, что это наша машина.

Эверетт кивает, глядя на второй лист.

– Вы правы. На самом деле в радиусе десяти миль отсюда три строительных фирмы, названия которых начинаются на эти буквы. Вы, «Рэзник лимитед» и «Рэтбоун и сыновья». Мы просто отработываем всех по очереди.

Полина тяжело вздыхает, Эверетт в нос ударяет сильный запах никотина.

– То есть вы хотите знать, где были наши машины? Правильно?

– Если вы ничего не имеете против.

Полина сплетает руки на груди.

– Я могу вам точно сказать, где именно они были – все работали по одному и тому же заказу.

– И где это?

– В Бичестере. Полная реконструкция гостиницы – нам этим заниматься еще несколько недель.

– А в котором часу ваши люди обыкновенно начинают работу?

– В семь тридцать как штык, – возмущается Полина. – У нас тут не дом отдыха!

– То есть вы хотите сказать, что можете дать на то утро отчет по всем своим людям? – спрашивает Куинн. – Никаких спущенных колес, больных кошек и неотложной зубной боли?

Полина сверкает на него глазами.

– Все были там, кроме Эшли Бразертон. Он в тот день хоронил свою бабушку. Она воспитывала его после того, как его мамаша ушла.

– Чем он занимается? – спрашивает Эв. – Какая у него специальность?

Полина бросает на нее недовольный взгляд.

– Он штукатур.

– А где он сегодня? В Бичестере, я так понимаю? – спрашивает Эв, надеясь, что голос ее не выдаст. И Полина не догадывается о том, что Куинн отчаянно жестикулирует у нее за спиной. – Просто чтобы мы побыстренько переговорили с ним и исключили его из расследования?

Полина вскидывает подбородок.

– На работе Эшли должен появиться позже, так что, полагаю, он дома.

Эверетт лучезарно улыбается.

– Что ж, в таком случае не подскажете ли вы его адрес? И номерной знак его фургона. Если ничего не имеете против.

* * *

– Ничего плохого с ней не случилось, мне просто нужно знать, где она. Извини, что звоню тебе на сотовый, но я уже отправила сообщения всем, о ком вспомнила, позвонила в школу и выяснила, что Саши там нет... я места себе не нахожу, пожалуйста, Изабель!

Фиона ненавидит себя за то, что в ее голосе прозвучала мольба, отчаяние. Это все равно что дурной запах изо рта.

– Но я *не знаю*, где она! – Голос Изабель переходит в завывание. – Я же вам *сказала*: она вышла из автобуса, и больше я ее не видела!

– Больше она ни с кем не может быть? – Фиона чувствует напряжение подбородка, тяжесть за глазами. – Саша говорила мне, что постоянного парня у нее нет, но, может быть, ей кто-нибудь нравится? Парень остановился, чтобы ее подвезти?

– Нет, честное слово...

– Кто-нибудь, кому она доверяет, с кем она, может быть, знакома по школе?

– Сожалею. Я правда ничего не знаю.

В трубке слышно, как звонит звонок, и через мгновение связь обрывается.

* * *

Отправляясь в Блэкберд-Лейс, Эверетт всякий раз старается найти там что-нибудь хорошее. Ухоженный садик, цветущее дерево или хотя бы просто особенно наглую местную кошку. Эв терпеть не может клише, однако, как она ни старается, это место неизменно из кожи вон лезет, чтобы

произвести на нее гнетущее впечатление. Проезжая по Барраклоу-роуд, они с Куинном видят двух пьянчуг, спящих на скамейке в окружении пивных банок, и опрокинутый мусорный бак, выплеснувший на дорогу протухшую еду и мусор. Эв резко выкручивает руль, объезжая поток, и Куинн ругается вслух. Один из пьянчуг трясет на Эв банкой пива и кричит: «Пошли к такой-то матери!» А они даже не на патрульной машине...

– Проехать дальше еще домов десять, – говорит Куинн, щурясь на номера домов. – Девяносто шестой, правильно?

Дом стоит на углу, в конце террасы. Наверное, в свое время такие дома считались верхом совершенства, однако время обошло с архитектурой семидесятых не лучшим образом. Окна слишком маленькие, весь первый этаж занимают гаражи, выпирающие из фасада. Однако в настоящее время гаражи превратились в сараи для всякого хлама: современные машины такие большие, что не проедут в ворота. В отличие от своих соседей девяносто шестой сохранил перед подъездом пятно чахлой травы вместо забетонированной стоянки, но, как и у остальных, крыша просела, словно ее лучше не беспокоить.

Эв останавливается, и они с Куинном выходят из машины. Сверху доносится музыка – в доме кто-то есть.

– Я обойду сзади, – говорит Куинн. – Посмотрю, нет ли там фургона.

Кивнув, Эв собирается с духом и звонит в дверь.

Музыка обрывается, однако никаких других признаков жизни нет. Эв звонит снова. Затем в третий раз. Из-за угла появляется Куинн.

– Нашел фургон?

Констебль кивает. Он не улыбается.

– Я увидел сзади проволоку. По-моему, такую же.

– Это ничего не доказывает. Одну проволоку не отличишь от другой.

– Я просто так сказал.

Изнутри доносится шум – звуки снятой цепочки и отодвигаемого засова. Дверь медленно открывается. На пороге пожилой мужчина, тяжело дышащий от предпринятых усилий. На нем протертый свитер и коричневые брюки, болтающиеся на худых бедрах. Лицо и руки испещрены темными точками.

– Мистер Бразертон? – говорит Эверетт, предъявляя свое удостоверение. – Констебль Верити Эверетт. Мы можем войти?

– Что все это значит? – Мужчина подозрительно смотрит на них.

– Речь идет о вашем внуке. Эшли, не так ли?

– При чем тут он? Он ничего не сделал. Эшли хороший парень...

– Никто с этим не спорит, – поспешно говорит Эв. – Просто нам нужно

задать ему пару вопросов. Это займет не больше пяти минут. Он дома? – Она улыбается. Видит, что старику хочется ответить отрицательно, однако оба они понимают, что сам он ни за что не стал бы слушать хип-хоп.

Старик тяжело вздыхает.

– Заходите.

Эшли Бразертон сидит в крохотной кухоньке и пьет апельсиновый сок прямо из пакета. В помещении порядок, но не очень чисто; Эв чувствует под ногами липкий линолеум.

– Кто вы такие? – спрашивает Эшли, вытирая рот. Он невысок ростом, но ладно скроен. Очень короткие волосы, очень бледные голубые глаза. Красивый, в воинственном плане. Эшли пододвигает стул деду, тот тяжело садится; очевидно, у него болят суставы.

– Криминальный отдел Управления полиции долины Темзы, – говорит Куинн. – Просто хотели проверить, где вы были утром первого апреля.

Эшли и его дед переглядываются.

– В этот день хоронили бабушку, – говорит парень. – И вообще, какое вам дело?

– Где были похороны? – говорит Эв, доставая из сумочки записную книжку.

– В крематории, – отвечает старик. – В Хедингтоне.

– Вы так и не ответили на мой вопрос, – говорит Эшли.

– В то утро было совершено нападение на молодую женщину, – ровным голосом говорит Куинн. – Мы считаем, что преступник занимается той же работой, что и вы.

Эшли подходит к мусорному ведру в углу, нажимает педаль и бросает в него пустой пакет. После чего поворачивается лицом к Куинну.

– Как уже сказал, я был на похоронах бабушки. Машины приехали к крематорию в половине девятого. Церемония в девять. Поминки в кафе «Красный лев» в половине одиннадцатого. Можете проверить. Кого бы вы ни искали, это не я.

Куинн демонстрирует свою самую неприятную улыбку.

– В таком случае вы не будете возражать против того, что мы осмотрим ваш фургон. Просто чтобы убедиться наверняка.

Старик поднимает взгляд.

– Ордер на обыск у вас есть?

– Нет, – поспешно говорит Эверетт. – Это лишь неофициальная просьба, мистер Бразертон...

– В таком случае ответ – нет. Как я уже сказал, Эшли хороший парень. У него хорошая работа, он на хорошем счету. Вы не имеете права без

каких-либо причин втягивать его во все это. Только потому, что мы живем в муниципальном доме, вы сразу же считаете нас грязью...

Эв кусает губу. Увы попыткам найти что-либо приличное в этом районе, она не видит это даже тогда, когда оно сидит прямо напротив.

– Извините, мистер Бразертон. Мы ни в коей мере не хотели вас оскорбить.

– Покажи им выход, Эш, – машет внуку старик. – А у меня есть дела.

На пороге Эв останавливается и оборачивается.

– Эшли, могу я у вас спросить – возможно ли, что в тот день ваш фургон брал кто-то еще? Ключей больше ни у кого нет?

Она ждет, что Эшли пошлет ее ко всем чертям, и если б так и произошло, она не стала бы его винить, однако он этого не делает. Он смотрит ей прямо в лицо.

– Нет, – говорит он. – Ключи есть только у меня и на фирме.

* * *

Сев в машину, Куинн пристегивает ремень безопасности.

– Ну, что ты думаешь?

Эверетт вставляет ключ в замок зажигания и откидывается назад.

– Я думаю, мы проверим то, что Эшли сказал про крематорий, но я убеждена, что там подтвердят его слова. Я не думаю, что это он напал на Фейт. Потому что не считаю его настолько искусным лжецом.

Они слышат шум заработавшего двигателя и, подняв взгляд, видят фургон «Рэмсгейт реновейшнс», выезжающий из переулка. Он проезжает буквально в трех футах от их машины, однако Эшли Бразертон смотрит прямо вперед, не глядя в их сторону.

Они провожают взглядом, как фургон доезжает до конца улицы и скрывается из виду.

– Если он действительно напал на Фейт, ему пришлось вымыть и вычистить свой фургон всего за один час, – говорит Куинн.

– Кто говорит, что он не сделал это заранее? – Эв пожимает плечами. – И даже если это так, старик прав – у нас нет никаких шансов получить ордер на обыск. – Она смотрит на часы. – Слушай, нам лучше шевелиться, если мы собираемся вернуться назад к совещанию.

Куинн корчит гримасу.

– На кой? В настоящий момент мы хрен что можем доложить.

Адам Фаули
4 апреля 2018 года
12:32

– На обратном пути мы заглянули в крематорий, – говорит Эв, обводя взглядом комнату. – Во время нападения на Фейт Эшли определенно находился там, где сказал. Он нес гроб – его там видели не меньше пятидесяти человек.

Пожалуй, оно и к лучшему, что я доверил вести это совещание Гису, поскольку сам едва сдерживаюсь. Если б это было любое другое дело, неужели я уже так рано ждал бы каких-либо результатов? Наверное, мне просто нужно быть более реалистичным. Более терпеливым. Вся беда в том, что, вероятно, ни один из тех, кого я знаю, не использует это определение, описывая меня. И уж конечно же, не моя жена.

Гис поворачивается к Сомер.

– Ты спрашивала у Фейт насчет штукатурки?

Та поднимает взгляд.

– Да, сержант, но это не вызвало никаких ассоциаций.

– Что насчет остальных строительных фирм? Вы там ничего не накопили?

Сомер отрывается от своих записей.

– Я говорила и с «Рэзняк», и с «Рэтбоун и сыновья». У «Рэтбоун» фургоны зеленые, а не белые, а «Рэзняк» пользуется только грузовиками, так что фургон на видеосъемке им не принадлежит. Но мы делаем вывод только по лестнице на крыше – возможно, это вовсе не строители. Это запросто могут быть оформители, или мойщики окон, или даже те, кто устанавливает спутниковые тарелки...

– Однако эти не подцепят цементную пыль, правильно? – упрямо ворчит Бакстер.

– Это может быть строитель, – говорит Асанти, – просто живущий за городом...

Дверь распахивается настежь – внезапно и быстро. Это дежурный, запыхавшийся, с выпученными глазами.

– Инспектор Фаули! Нам только что переадресовали звонок на «три девятки»^[42]. Женщина по имени Фиона Блейк. Речь идет о ее дочери. Ей пятнадцать. И она пропала.

К О Р О Н А
против
Гэвина Фрэнсиса Пэрри

Мистер Р. Барнс, королевский адвокат, и мисс С. Грей
представляют обвинение

Миссис Б. Дженкинс, королевский адвокат, и мистер Т.
Катберт
представляют защиту обвиняемого

Расшифровка стенограммы, выполненной
компанией «Чапмен Дэвисон»,
официально уполномоченной для работы на судебных
заседаниях

Пятница, 29 октября 1999 года
(11-й день)
Свидетель Джерри Батлер, принесший присягу
Допрашивается МИСТЕРОМ БАРНСОМ

В.: Ваше полное имя Джеральд Теренс Батлер?
О.: Да.

В.: Мистер Батлер, мне хотелось бы задать вам несколько
вопросов о событиях вечера 4 сентября 1998 года. Вы можете
рассказать суду своими словами, что видели?

О.: Я возвращался домой с работы, шел пешком по Латимер-
роуд. Там есть участок, когда вдоль дороги растут кусты, заросли.
Уже стемнело, поэтому я сообразил, что происходит, только когда
оказался совсем близко.

В.: И что происходило?

О.: Там была девушка – молодая женщина. Я услышал какой-то шум, словно она пыталась позвать на помощь. Затем я заметил, что там еще какой-то тип. Он был на ней.

В.: Каким образом – на ней?

О.: Она лежала передом – ну, лицом вниз, а он уселся на ней верхом. У нее на голове был мешок, а он связывал ей руки.

В.: Чем именно связывал руки?

О.: Тогда я не разглядел, но потом увидел, что это была проволока.

В.: Что произошло дальше?

О.: Я начал кричать, он понял, что я здесь, и дал деру.

В.: Вы успели разглядеть его лицо?

О.: Да нет – он поднял голову и увидел меня, но у него на голове был капюшон, так что я не смог разглядеть, как он выглядит. А затем он рванул в кусты и выбежал с противоположной стороны.

В.: Где вы работаете, мистер Батлер?

О.: Я охранник. Служил в армии, но работаю охранником с тех самых пор, как уволился.

В.: На самом деле вы вышибала в одном из ночных клубов Оксфорда. В «Кубле» на Хай-стрит, не так ли?

О.: Да, я там уже четыре года. Иногда стою за стойкой, когда не хватает людей, но по большей части дежурю у дверей.

В.: Вы можете назвать суду свои рост и вес?

О.: Шесть футов два дюйма, двести двадцать фунтов^[43].

В.: И вы в хорошей физической форме?

О.: Я постоянно занимаюсь, чтобы быть в форме. В моем ремесле без этого никак.

В.: Ну а тот мужчина, которого вы видели, как вы оцените его рост и вес – приблизительно?

О.: Рост примерно пять футов восемь дюймов, но весьма тощий. Скажем, сто шестьдесят фунтов^[44].

В.: То есть в его глазах вы бы выглядели очень устрашающе?

О.: Наверное.

В.: Что произошло дальше?

О.: Я подошел к девушке и спросил, как она. Вид у нее был неважный – все лицо исцарапано, и этот подонок выдрал ей клочок волос. Но он не... ну, сами понимаете.

В.: Он не – что?

О.: Не изнасиловал ее. Не обесчестил.

В.: Потому что вы появились как раз вовремя.

МИССИС ДЖЕНКИНС: Мистер Барнс, может быть, вы перефразируете свой вопрос?

МИСТЕР БАРНС: Мистер Батлер, видели ли вы какие-либо свидетельства попытки сексуального насилия?

О.: Он задрал ей юбку – я увидел, что он пытался стащить с нее трусики. Так что да, считаю, видел.

В.: Далее вы позвонили по «999»?

О.: Совершенно верно. Я оставался с девушкой до прибытия полиции. Она плакала и все такое.

В.: И это та самая молодая женщина, которая выступала в суде как мисс Шелдон?

О.: Да, она самая.

МИСТЕР БАРНС: У меня больше нет вопросов, спасибо.

* * *

Гис достает из принтера лист бумаги и закрепляет его на доске. В комнате воцаряется тишина. Это фотография Саши Блейк. Светлая кожа, голубые глаза, темные волосы, забранные в хвостик.

Внешне она очень похожа на Фейт.

* * *

Адам Фаули

4 апреля 2018 года

13:45

Уиндермер-авеню не далее чем в полумиле от дома Эпплфордов, и когда мы с Сомер подъезжаем к дому, сходство становится еще более выраженным. Даже тюлевые занавески такие же.

Дверь открывается задолго до того, как мы подходим к калитке. Высокая чернокожая женщина с волосами, заплетенными в затейливые косички.

– Я Жасмин, – представляется она, шагая мне навстречу и протягивая руку. – Соседка Фионы. Она вас ждет.

В маленькой гостиной еще две женщины, по обе стороны от Фионы Блейк. Та покачивается из стороны в сторону. На лице у нее застыла тревога.

– Миссис Блейк? Я инспектор Адам Фаули. А это констебль Эрика Сомер.

Две другие женщины поднимаются на ноги. У них на лицах то самое выражение, которое нам частенько приходится видеть в нашем ремесле – наполовину искреннее сочувствие, наполовину огромное облегчение по поводу того, что этот кошмар обрушился не на них. Они спешат уйти прочь.

– Не будем тебе мешать, Фиона, – говорит одна из них, пятясь к двери. – Мы заскочим попозже. Знаешь, на тот случай, если сможем чем-нибудь помочь.

Когда они ушли, мы садимся: я на диван, Сомер – на единственный стул. Судя по тому, как выглядит Фиона Блейк, – по тому, какой от нее исходит запах, – я заключаю, что сегодня утром она даже не приняла душ. Должно быть, патрульный попросил у нее свежую фотографию дочери, поскольку на кофейном столике перед нами рассыпаны веером фотографии. Саша еще совсем маленькая, волосы веселыми пучками; в школьной форме, рот растянут в улыбке до ушей; в спортивном трико, тощая словно жердь, с медалью в руке; и взрослая, свежие снимки на пляже, в саду, в обнимку с матерью. Улыбающаяся, безмятежная. Счастливая.

– Вы можете нам рассказать, как все произошло? – мягко говорит Сомер. – Когда вы в последний раз видели Сашу?

Женщина делает вдох, переходящий в булькающие всхлипывания.

– Вчера днем. Когда она вернулась из школы. Я приготовила ей чай, после чего ушла на работу.

– Но вы ждали, что к вечеру она вернется домой?

Фиона Блейк вытирает глаза и качает головой.

– Нет. Саша собиралась пойти гулять с тремя своими подругами. Всего на час – ненадолго. Саша очень обязательная. Она ни за что не задержалась бы допоздна.

Сомер достает записную книжку.

– Вы можете назвать имена ее подруг?

– Патси Уэбб, Изабель Паркер и Лия Уэддел. Патси здесь, на кухне – я попросила ее зайти, после того как позвонила вам. Я знала, что вы захотите с ней поговорить.

– Когда вы вчера вернулись домой?

– Вскоре после полуночи. Я работаю в ресторане, в городе. У нас было много народа. Целая группа американцев. Автобусная экскурсия.

Сомер делает пометку.

– И вы, вернувшись домой, заглянули к Саше в комнату?

Фиона подносит руку ко рту; в кулаке у нее бумажная салфетка, которая уже начала распадаться, и маленькие мокрые насквозь обрывки падают ей на одежду.

– Да, заглянула. Но Саша предупредила, что может остаться ночевать у Патси, поэтому я не беспокоилась. Она поступает так уже много лет. Но рано утром всегда возвращается домой. Понимаете, чтобы переодеться перед тем, как идти в школу.

– Значит, только утром вы почувствовали что-то неладное?

Фиона кивает.

– Тогда я попробовала дозвониться до Саши, но ее телефон был отключен. Потом я позвонила Патси и Изабель, но те ответили, что не видели ее со вчерашнего вечера. – Она снова начинает покачиваться из стороны в сторону. – Я должна была позвонить Саше вчера вечером, чтобы проверить, как она... а я просто понадеялась...

Сомер нежно берет ее за руку.

– Было уже за полночь. Даже если б вы *позвонили*, телефон Саши был бы отключен. Вы не должны себя винить.

Я поднимаюсь на ноги и прохожу вглубь дома. На кухне Жасмин обнимает молодую девушку, крепко прижимая ее к себе. Худенькие плечи

девушки содрогаются в рыданиях.

– Патси?

Девушка испуганно озирается на меня, убирая волосы с лица. Глаза у нее красные.

– Это инспектор Фаули, – объясняет Жасмин, нежно трогая ее за плечо. – Полицейский, который будет искать Сашу.

Девушка широко раскрывает глаза, и Жасмин обнимает ее, подбадривая.

– Он просто хочет задать тебе несколько вопросов, милая. Не надо пугаться.

Я поддвигаю стул и сажусь, стараясь стать меньше, чем на самом деле. Не таким устрашающим.

– Надеюсь, Патси, ты понимаешь: нам необходима вся информация, и срочно.

Патси оглядывается на Жасмин, та утвердительно кивает.

– Ну хорошо, – говорит она, шмыгая носом.

– Я приготовлю чай, – говорит Жасмин.

* * *

Сомер подается вперед.

– Миссис Блейк, в последнее время Сашу ничто не беспокоило? Не происходило чего-либо необычного? Вам на память ничего не приходит?

Ей хочется спросить, не замечал ли кто-либо подозрительных людей, слоняющихся возле дома, не казалось ли Саше, что ее преследуют, – но женщина и без того уже страшно перепугана.

– Все было в полном порядке, – поспешно говорит Фиона. – Саша была радостная. Постоянно чем-нибудь занималась. Все было абсолютно нормально. А если б Сашу что-либо беспокоило, она обязательно сказала бы мне. Она рассказывает мне все – между нами нет никаких секретов. Мы с ней очень близки.

Сомер сомневается в том, что в этом возрасте хоть одна девушка рассказывает своей матери абсолютно все. Но, возможно, это лишь подает голос ее личный опыт. А рассыпанные по столу фотографии рассказывают совсем другую историю...

– Вам не приходило в голову, к кому могла отправиться Саша – может быть, к бабушке или дедушке?

Фиона качает головой.

– Мои родители в Португалии, а мать Джонатана живет в Хаддерсфилде. Не могу представить себе, чтобы Саша поехала туда. К тому же она ее недолюбливает.

Сомер медлит, прежде чем задать следующий вопрос.

– А как насчет парня?

Фиона снова качает головой.

– Нет. Я хочу сказать, разумеется, есть парни, которые ей нравятся. В школе. Но Саше еще только пятнадцать лет. Сами знаете, каковы девушки в ее возрасте. Они много хихикают, но и только.

– Понятно. И Саша определенно рассказала бы вам? Если б у нее кто-нибудь был?

Фиона бросает на нее выразительный взгляд.

– Я же вам только что сказала. У Саши нет от меня никаких секретов. Она не такая.

* * *

Адам Фаули

4 апреля 2018 года

13:56

– Да, у нее определенно были парни, – говорит Патси. На столе перед ней стоит кружка с чаем, но она к ней едва притронулась. Руки у нее лежат на коленях, и девушка постоянно что-то теревит, потому что я чувствую какое-то движение.

– А в настоящее время она с кем-нибудь встречается?

– Думаю, да. Но имени я не знаю. Мы с Из – мы предположили, что он старше ее.

– Почему ты так думаешь?

Патси по-прежнему не отрывает взгляда от своих коленей.

– Ну, просто Саша... понимаете... слишком уж скрытничала насчет него.

– Ты знаешь, где живет этот парень? Как он выглядит?

Она качает головой. Сложно с ней. Перехватив мой взгляд, Жасмин молча пожимает плечами, словно говоря: «Подростки – что вы хотите?»

– И у нее определенно уже были парни?

Патси поднимает взгляд.

– Но матери Саша ничего не говорила, так как опасалась, что та

рассердится. Понимаете – ну, что у нее был секс. Она уверена, что Саша до сих пор... – Она краснеет, стараясь не смотреть мне в глаза, – понимаете, девственница.

– Хорошо, оставим это... пока что. Вернемся к вчерашнему вечеру. Ты сказала, что вы отправились в Саммертаун посидеть в пиццерии, затем Лия пешком пошла домой по Бэнберри-роуд, а вы втроем сели на автобус и поехали обратно в Хедингтон?

Кивок.

– В котором часу это было?

– Без четверти десять... Я точно не помню.

– Затем ты вышла первая, а Саша и Изабель остались в автобусе.

Еще один кивок.

– И это было около десяти вечера?

– Да, где-то так.

– И Саша должна была выйти на Черуэлл-драйв.

– Точно.

– Но ты не знаешь, куда она собиралась направиться, сойдя с автобуса?

– К себе домой? – Патси пожимает плечами. – Я хочу сказать, куда еще она могла пойти?

Разумеется, все предыдущие вопросы были нужны только для того, чтобы подойти к этому. Однако нет смысла злиться на эту девчонку.

– Патси, у Саши есть еще какие-нибудь знакомые, кто живет рядом с той остановкой? К кому она могла бы зайти, после того как сошла с автобуса?

Патси медленно качает головой.

– Не думаю. По крайней мере, никого, кто бы нам *нравился*.

– Значит, тебе не приходит в голову, куда еще она могла пойти, кроме как напрямик домой?

Патси снова качает головой. Она мельком поднимает на меня взгляд, словно стесняясь, после чего снова смотрит на свои колени. Мне вдруг приходит в голову – вообще-то я должен был бы сообразить раньше, – что все это время она набирает на телефоне сообщения.

Пора прибегнуть к другой тактике.

– Тебе известно что-нибудь об отце Саши?

Теперь Патси действительно с любопытством смотрит на меня.

– А что?

– Просто мне нужно составить полную картину. Ты не знаешь, она с ним встречается?

Патси колеблется, затем кусает губу.

* * *

– Со своим отцом она не виделась тринадцать лет. С тех самых пор, как этот подонок ушел от нас.

Голос Фионы Блейк ожесточился, и Сомер, если честно, не может ее винить. Она также считает, что бросить маленького ребенка – это очень плохо.

– Вам известно, где он сейчас живет?

Фиона пожимает плечами.

– Последнее, что я слышала, – он обосновался у какой-то бабы где-то на севере. Но это было по крайней мере два года назад.

– И он никогда не предпринимал попыток связаться с Сашей?

Фиона качает головой.

– Нет. Ни разу.

– То есть если б он подошел к ней на улице, она вряд ли пошла бы с ним?

Фиона пристально смотрит на нее, и Сомер видит, как у нее в глазах вспыхивает надежда и тотчас же угасает. Она печально качает головой.

– Ей было три года, когда он ушел. Сомневаюсь, что она узнала бы его.

* * *

Адам Фаули

4 апреля 2018 года

14:09

– Отец разыскал ее в «Фейсбуке», – говорит Патси. – Какое-то время они переписывались, затем где-то с месяц назад Саша прогуляла школу и встретила с ним. Но матери она ничего не сказала – та психанула бы.

– Как прошла встреча?

– Нормально. – Патси пожимает плечами. – Если честно, не знаю. Саша сказала, что ее предок вполне адекватный. Они сходили в «Нандо»^[45].

Как будто это важно. Как будто это имеет какое-то значение.

– Отец сказал, что теперь живет в Лидсе, – внезапно выпаливает Патси. – Что Саша может приехать к нему в гости.

– И она собиралась это сделать?

Патси качает головой.

– Она сказала, что мать ее ни за что не отпустит.

Я задерживаю дыхание, стараясь не быть слишком настойчивым.

– Но если б отец объявился – скажем, вчера вечером, совершенно неожиданно, – Саша пошла бы с ним?

Патси долго смотрит на меня так, словно эта мысль только что пришла ей в голову.

– Пожалуй, – наконец говорит она. – Я хочу сказать, она ни за что не сядет в машину к какому-нибудь придурку. Но к своему отцу – это другое дело.

* * *

– Я могу осмотреть ее комнату? – спрашивает Сомер. – Вы не возражаете?

Фиона бросает на нее недовольный взгляд.

– Вообще-то вы должны сейчас искать Сашу, разве не так? Если ее похитил какой-то педофил, какая разница, как выглядит ее комната? Это напрасная трата времени...

– Пока что мы не знаем, что это был педофил, – мягко перебивает ее Сомер. – Возможно, Саша с тем, кого она знает. Вот почему нам нужно узнать о ней как можно больше.

Фиона смотрит на нее, затем отворачивается; гнев испаряется так же быстро, как и появился. Она опять начинает плакать.

Сомер кладет руку ей на плечо.

– И пожалуйста, поверьте: мы делаем все возможное, чтобы найти Сашу. Специальная команда уже прочесывает окрестности.

Фиона кивает, и Сомер крепче сжимает ей плечо. Когда женщина поднимает взгляд, Эрика повторяет свой вопрос, на этот раз молча.

– Хорошо, – наконец соглашается Фиона. – Ее комната наверху. Слева.

Это все равно что смотреть на самую себя, только в пятнадцать лет. Пусть кумиры поп-музыки стали другими, но во всем остальном комната Саши Блейк прямо-таки невозможно похожа на ту в Гилдфорде, которую Эрика покинула больше десяти лет назад. Когда она в прошлом году помогала родителям с переездом, все там оставалось по-прежнему, застывшее во времени, такое же нетронутое и аккуратное, каким она его оставила, но только покрытое пылью. И вот теперь Сомер словно снова вернулась туда. Зеркало с волшебными розовыми огоньками, на кровати «ловец снов»^[46], из-под нее торчит коробка, набитая туфлями, шарфами и дешевой бижутерией, а на полке у окна выстроившиеся в ряд книги в мягких переплетах. «Гордость и предубеждение», «Крылья голубки», «Оглянись во гневе», стихи Джона Китса^[47]. На столе переносной компьютер, рядом журналы «Нэйшнл джиогрэфик» и книга под названием «1 000 вещей, которые нужно сделать до того, как умрешь». Между страницами торчат желтые закладки.

Сомер хочется схватить эту книгу и убрать ее куда-нибудь подальше. Она не хочет, чтобы эта книга бросалась в глаза Фионе Блейк каждый раз, когда та сюда заходит, потому что... потому что...

Пять минут спустя у Эрики за спиной раздается какой-то шум, и она, обернувшись, видит в дверях Фаули. Тот обводит взглядом комнату, так же, как оглядывала ее она сама.

– Похоже, Саша толковая девчонка, – наконец замечает инспектор. – Мало кто из пятнадцатилетних подростков читает Генри Джеймса, ты согласна?

Сомер качает головой и протягивает лист бумаги.

– Я только что нашла это письмо на столе. Оно из журнала «Вог» – Саше предложили поработать летом. Я не могу даже представить себе, какая огромная конкуренция за такие места.

Смутное беспокойство, не покидавшее Сомер все утро, превратилось в тревогу. Вроде бы какая разница, что Саша умная, любит поэзию и интересуется тем, что происходит в мире, однако для Эрики это имеет большое значение. Огромное значение.

– Это тоже принадлежит ей? – спрашивает Фаули, подходя к висящей у окна пробковой доске. На доске приколотые сплошным слоем фотографии,

очень отличающиеся от тех, которые показывала ее мать: Саша с подругами, все улыбаются, высовывают языки, строят друг другу рожки. А кроме фотографий, еще рисунки: панорама Порт-Мидоу, ваза с апельсинами и грушами, два розовых «стилета», один лежит на боку.

Внезапно Сомер замечает то, на что обратил внимание Фаули.

– О, вы имеете в виду туфли^[48]?

Инспектор пожимает плечами.

– А также приглашение из «Вог». И то, что Фейт живет меньше чем в миле отсюда.

Сомер присоединяется к нему, и они молча разглядывают рисунок.

– Интерес к моде – не такое уж и прочное звено, – наконец замечает Сомер. – Особенно если речь идет о девушках-подростках. И Фейт на три года старше, учится в колледже...

– Ты только посмотри на нее, – говорит Фаули. – Я имею в виду, на Сашу.

И Сомер понимает, к чему он клонит. Дело не только в волосах и схожих чертах лица. Это только ощущение – интуиция, но что-то подсказывает Сомер, что Саша – та самая девушка, которой всегда хотела быть Фейт. Привлекательная в естественном, ненавязчивом духе. Уверенная в себе, довольная своим обликом, не представляющая себе, что значит не иметь всего этого. Несмотря на растущую тревогу за Сашу, Сомер чувствует, что сердце у нее по-прежнему болит за Фейт.

– Я позвоню Фейт и спрошу, знакомы ли они, – говорит она наконец. – Поскольку они живут так близко друг к другу, такое вполне возможно.

– И подготовь список всех сотрудников мужского пола в возрасте до тридцати лет тех строительных фирм, которыми мы занимались. Возможно, один из них и есть тот самый взрослый парень Саши, о котором, по видимому, не подозревает ее мать.

Эрика также не знала о нем до настоящего времени. Но это и есть тот Фаули, которого она знает, тот Фаули, которого знает вся команда. Тот, который находит невидимые связи, который доходит до всего первым.

Сомер смотрит на своего шефа.

– Вы полагаете, может быть какая-то связь с тем, что произошло с Фейт?

– Да, – тот угрюмо кивает. – Боюсь, связь есть.

Но Эрика не может прочитать выражение его лица. Покорность? Тревога?

– Будь добра, введи в курс дела сержанта Гислингхэма, – говорит Фаули. – После чего пройдишь по этой комнате с лупой. Ищи все что угодно

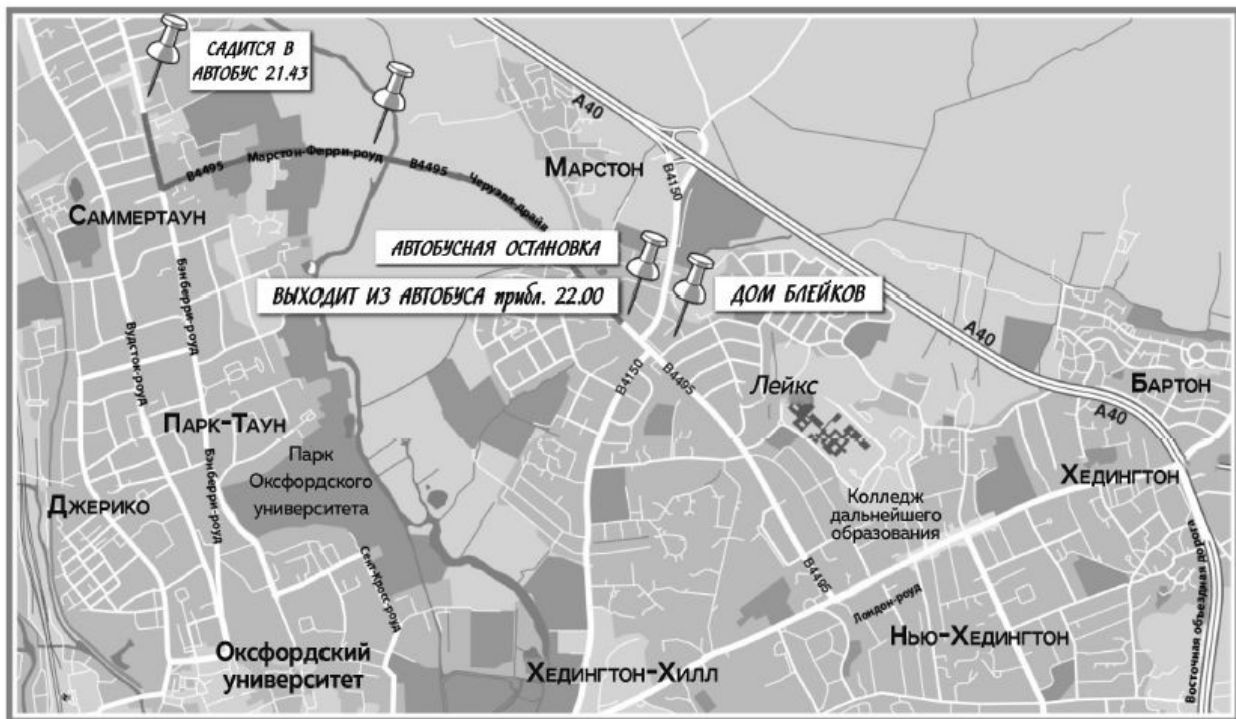
от ее отца, а также дневник в каком-либо виде. Все что угодно, что может дать нам имена – имена мужчин. И забери компьютер, пусть Бакстер его посмотрит; но предварительно обязательно получи письменное разрешение от миссис Блейк.

– А вы, сэр, куда сейчас?

– В Хедингтон, встретиться с Изабель Паркер. Ее отправили из школы домой. Будем надеяться, она вспомнит что-нибудь такое, что не помнит Патси. – В дверях он останавливается. – И скажи Гислингхэму, я хочу, чтобы к шести вечера все вернулись в штаб. Если не произойдет ничего нового.

Можно было не уточнять, что он имел в виду.

* * *

* * *

Атмосфера в дежурной комнате насыщена тревогой. Всем известна

статистика – как быстро течет время в случае похищения, насколько малы шансы по прошествии двадцати четырех часов найти жертву живой.

Гислингхэм впереди, закрепляет на доске материалы по Саше. На другой доске, поставленной рядом с той, на которой материалы по Фейт. Достаточно близко, чтобы можно было проводить между ними линии, если потребуется, но пока что не вплотную, поскольку Гислингхэм суеверен, и не он один. Никто не хочет, чтобы эти дела оказались связанными. Никто.

– На видеокамере дорожного наблюдения на Черуэлл-драйв вчера вечером Саши нет и в помине, – говорит Куинн, поднимая взгляд на сержанта. – Я собираюсь связаться с транспортной компанией – выяснить, есть ли камера видеонаблюдения в том автобусе.

Бакстер поднимает голову.

– Удачи тебе, – угрюмо бурчит он.

Гис поворачивается к Эверетт.

– Есть что-либо по ее сотовому?

– Я запросила архив звонков, – отвечает та. – Но телефон однозначно отключен.

– Когда телефон в последний раз регистрировался в Сети?

– Вчера вечером в двадцать один тридцать пять, в Саммертауне. Должно быть, непосредственно перед тем, как девушки сели в автобус.

– Тебе не кажется, что это довольно странное время для того, чтобы выключать свой телефон?

– Быть может, просто сел аккумулятор, – Эв пожимает плечами.

– Я прошерстил Сашу в социальных сетях, – говорит Бакстер, – и Патси права: похоже, отец действительно разыскал Сашу через «Фейсбук». В числе ее «друзей» значится некий Джонатан Блейк, живущий в Лидсе, но в дальнейшем он, судя по всему, общался с ней напрямую, потому что на ее странице никаких сообщений от него нет.

– Что насчет друзей, парней ее возраста – никто не бросается в глаза?

Бакстер качает головой.

– Почти вся переписка Саши про их четверку – я имею в виду четырех подруг. Они называют себя «ГУБЫ». Много смайликов и всего прочего. Насколько я понимаю, эти четверо разве что не срослись друг с другом. Никаких парней я не нашел.

– Лишь из того, что этого там нет, еще не следует, что этого не было, – Эв поворачивается к нему. – Подростки знают, что родители следят за ними в Сети. И такое они держат в «Вотсапе». В укромном месте.

– Меня это тоже ждет в самое ближайшее время, да? – вздыхает Гис.

– О, даже не знаю, – Эв улыбается. – Твоему Билли всего два года –

полагаю, у тебя в запасе есть еще добрых десять лет.

Гис обходит вокруг Бакстера и смотрит на экран его компьютера. Затем наклоняется, чтобы лучше что-то рассмотреть.

– А что насчет этого Пэрри? – спрашивает он вполголоса.

Бакстер поднимает взгляд.

– Начнем с того, что есть «Википедия», но материалов дела там почти нет. Однако их тоже можно найти, если не полениться покопаться – обычные форумы, посвященные преступлениям, и блогеры, уверенные в том, что знают все лучше нас. И конечно, куча сторонников теории заговоров – Пэрри у них очень популярен.

Гислингхэм корчит гримасу.

– А вот это удивительно. Как с протоколами судебных заседаний?

– Как раз разбираюсь. Хотя пока что мне мало чего удалось найти. Пришлось на время забросить это, из-за Саши Блейк.

– Да, понятно. Но ты все-таки продолжай искать, хорошо? У меня плохое предчувствие, и меньше всего нам сейчас нужен Гэвин Пэрри, вернувшийся, чтобы укусить нас за задницу.

* * *

На Уиндермер-авеню Сомер продолжает работать в комнате Саши. Она старается возвращать все вещи на свое место, чтобы Саша, вернувшись домой, не почувствовала, будто ее владения были осквернены. Тем более – и мысль эта ледяным холодком пробегает у Эрики по спине, – если Саша сама уже подверглась гораздо более страшному осквернению. Однако как старательно Сомер ни производит обыск, она все равно посторонняя, все равно сует нос не в свое дело, все равно предает девушку, к которой уже успела проникнуться симпатией. В гардеробе те же самые вещи, которые когда-то носила сама Эрика, – вещи, которые Фейт Эпплфорд запросто могла бы надеть или рекламировать в своем блоге: прямые линии, предпочтение однотонным тканям перед пестрыми, две-три вещи в ретростиле, найденные на распродажах; дорогие предметы выбраны тщательно, чтобы их можно было использовать в самых разных сочетаниях. В этой комнате каждая вещь что-нибудь рассказывала об этой девушке: открытка от бабушки и дедушки с видом Алгарви, фотография маленького мальчика с совком и ведерком, засунутая в книгу, на обратной стороне выцветшая надпись от руки: «Уэстон-Супер-Мар, 1976 г.» В книгах примечания: «Осень» Китса – «невероятно», «восхитительно», а вот

«Эндимион» удостоился лишь «слабо», подчеркнутого дважды. И шесть веселых восклицательных знаков у абзаца с описанием того, как френолог^[49], изучивший голову Томаса Харди^[50], объявил, что «ничего путного» из него не выйдет. Все это вызывает улыбку, однако Эрика ищет другое. Нет ни тетради, ни дневника, ни тайника с эротическим нижним бельем, ни фотографий парней, которые могли бы быть больше чем просто знакомыми, и после часа поисков Сомер начинает гадать, а существует ли такой парень. Однако, как ей очень хорошо известно, отсутствие свидетельств не является свидетельством отсутствия. Телефона Саши у них нет, а за ее компьютер Бакстер еще не принимался. А это и есть самые сокровенные места, чтобы спрятать любовь, не смеющую подать голос.

Напоследок еще раз заглянув под кровать, Сомер собирается подняться на ноги, однако цепляется браслетом за ковер и вынуждена снова опуститься на корточки, чтобы его освободить. И только тогда она замечает, что под кроватью все-таки что-то есть – похоже, губная помада, закатившаяся в дальний угол. Нет никаких причин ее доставать – она не имеет никакого отношения к случившемуся, – однако что-то заставляет Эрику лечь на спину и протянуть руку.

И вот тут она видит это.

* * *

Адам Фаули
4 апреля 2018 года
14:55

Дом Изабель Паркер явился полной неожиданностью. Один из этих невозможно помпезных каменных особняков в старой части Хедингтона, осколок из иллюстрированного журнала, немыслимо хорошо сохранившийся в окружении шума и суеты нынешнего Хедингтона. Но если дом оказался неожиданностью, меня, похоже, ждут. Точнее, если не конкретно меня, то кого-нибудь в таком роде. Женщина, открывшая дверь, примерно одних лет с матерью Саши, однако ботокс и дорогой парикмахер весьма успешно маскируют ее возраст. На ней серо-коричневая футболка, черные легинсы и серебряные шлепанцы, позволяющие видеть ногти на ногах, ярко-красного цвета. Она представляется («Виктория, но все зовут меня Тори»; поверьте, ответить на такую фразу невозможно), после чего проводит меня через просторный зал, выложенный плиткой, на кухню

размером почти с весь первый этаж дома Блейков.

Сидящая за длинным деревянным столом девушка что-то делает на планшете. За окном в саду мужчина с длинным хвостиком и шляпой, как у Крокодила Данди, пропалывает клумбы с цветами.

– Это инспектор Фаули, Изабель, – говорит женщина. – Он хочет поговорить с тобой о Саше. Так что выключи свою штуковину и повернись к нам.

Она шипит на планшет, словно тот взмахнет крыльями и улетит прочь, подобно электронной вороне.

Изабель за спиной у матери закатывает глаза, и я, перехватив ее взгляд, предпринимаю попытку придать лицу заговорщическое выражение, но, вероятно, только пугаю ее.

Миссис Паркер поворачивается к рабочему столу и сверкающей кофеварке. Она не спросила у меня, хочу ли я чего-нибудь.

– Я только что разговаривал с Патси, Изабель, – начинаю я. – Поэтому, естественно, хочу поговорить и с тобой. Может быть, ты расскажешь мне, что произошло вчера вечером?

Девушка пожимает плечами.

– Я уже все рассказала тому типу. Который жирный.

– Знаю, но будет лучше, если ты еще раз повторишь мне.

– Мы отправились в пиццерию в Саммертаун – в заведение на Саут-Перейд.

– Патси сказала, что вы сели в автобус, чтобы ехать домой, примерно без четверти десять вечера. Когда вы вышли из пиццерии?

Изабель снова пожимает плечами.

– В девять? В несколько минут десятого? После этого мы какое-то время просто тусовались.

Как делают все подростки. Как делал я сам.

– Потом Патси сошла с автобуса в Марстоне, а Саша – на Черуэлл-драйв?

– Ага. А я доехала до Хедингтона.

– И когда ты вернулась домой?

– Понятия не имею. Может, в половине одиннадцатого...

Я поворачиваюсь к миссис Паркер.

– Вчера вечером нас не было дома, – говорит та, слегка заливаясь краской, словно я обвинил ее в хроническом пренебрежении своим ребенком. – Но к одиннадцати мы вернулись домой. Изабель уже была дома, шарила по холодильнику.

Девушка снова утыкается в свой планшет.

– Патси сказала, что народу в автобусе было довольно много – как ей показалось, там ехала группа студентов-иностранцев.

Изабель поднимает на меня взгляд.

– Ну да, и что с того?

– Ты не обратила внимания, куда направилась Саша, когда вышла из автобуса?

Девушка сидит, уставившись в экран, поэтому я нагибаюсь, стараясь заглянуть ей в лицо.

– Изабель! – резко восклицает мать. – Это очень важно – твоя подруга *пропала!*

Девушка смотрит на нее, затем на меня. Это выражение я уже видел. Причем на лицах более искусных лжецов.

– Так, Изабель, – говорю я, – что бы это ни было, ты должна рассказать мне все. Прямо сейчас.

У нее на лице появляется тревога.

– Но я обещала...

– Мне все равно. Я должен знать.

Изабель шумно вздыхает.

– Послушайте, я думаю, что Саша отправилась на свидание со своим парнем, понятно? Матери своей она сказала, что останется ночевать у Патси, но когда мы сидели в пиццерии, она передумала. По-моему, Саша собиралась встретиться с ним. *Прямо* она это не говорила, но мы с Патс подумали именно так. Она взяла с нас слово ничего не говорить ее матери.

Не могу сказать, что это стало для меня сюрпризом. Однако беспокойство мое несколько не ослабевает.

– Ей никто не звонил, не присылал сообщений – непосредственно перед тем, как она изменила свое решение?

Изабель пожимает плечами.

– Возможно. Да, думаю, она что-то получила.

– Как его зовут?

– Я же вам *сказала*, Саша нам ничего не говорила. Она даже не признавалась в том, что у нее *есть* парень. Но что-то определенно происходило – последнее время она была ну прямо-таки суперскрытной.

Щеки у нее стали пунцовые. Мать улыбнулась.

– Не волнуйся, дорогая. Ты поступаешь *совершенно* правильно, не так ли, инспектор?

– Изабель, тебе говорит что-нибудь имя Эшли Бразертон?

Она широко раскрывает глаза.

– Нет, а должно?

– А Фейт Эпплфорд?

– Нет.

Я чуть подаюсь вперед.

– А теперь очень важный момент. Знаю, ты уже говорила, что не видела, что сделала Саша, сойдя с автобуса. А теперь подумай хорошенько и скажи: может быть, ты что-нибудь вспомнила?

Я смотрю ей прямо в глаза. Она понимает, что я хочу сказать: «Готов поспорить, в прошлый раз ты соврала, но я даю тебе еще один шанс».

Изабель краснеет еще сильнее и кивает.

– Кажется, там стояла какая-то машина. Я хочу сказать, дожидалась ее. Мы приставали к ней с вопросами, куда она собирается, а она в ответ только улыбалась и говорила, что скоро мы все узнаем.

– Но когда Саша вышла из автобуса, ты никого не видела?

Изабель качает головой.

– Я только увидела, как она побежала по дороге, понимаете, очень-очень счастливая. – Ее глаза наполняются слезами. – С Сашей все будет хорошо, правда? Я понимаю, что должна была что-то сказать, но я дала слово...

Мать спешит к ней и обнимает ее, гладит по волосам.

– Все в порядке, дорогая, ты не могла знать.

Я выжидаю немного, затем еще чуток и, когда Изабель наконец несколько успокаивается, спрашиваю, сохранился ли у нее билет на автобус.

Девушка шмыгает носом.

– По-моему, я его выбросила.

Мать ласково трогает ее за плечо.

– А почему бы тебе не подняться наверх и не посмотреть? Может быть, он все еще у тебя в сумке.

– Но я же уже сказала ему, во сколько мы сели...

– Дело не в этом, – останавливаю ее я. – На билете должна быть и другая информация, помимо времени. Фамилия водителя – и другие данные.

Изабель отрывает от глаз платок с розовой каемкой.

– Хорошо, – говорит она. – Я посмотрю.

Вернувшись через пять минут, девушка протягивает мне полоску бумаги.

– Это все, что я нашла.

Билет скомкан, чернила расплылись, но разобрать надписи можно.

– Замечательно, Изабель! Это именно то, что нам нужно.

Когда зажигается зеленый, Гислингхэм включает левый поворотник и останавливается рядом с патрульной машиной в конце Уиндермер-авеню. Он направлялся встретиться с Эв в средней школе Саммертауна, но решил по дороге завернуть сюда и посмотреть, как продвигается опрос соседей. Многого Гис не ждет – если честно, он вообще ничего не ждет, поскольку если бы были какие-либо известия о Саше, ему сразу же сообщили бы, – но он хочет показать, что криминальный отдел не свалил все это дерьмо на простых патрульных.

Гислингхэм замечает в нескольких шагах сержанта, разговаривающего с женщиной-полицейским. Гис его хорошо знает. Это надежный парень.

– Есть какие-либо новости, Барнетсон? – спрашивает он, подходя к сержанту.

Тот оборачивается и качает головой.

– Мы здесь уже почти закончили. Опросили всех, кто живет от дома Блейков и до автобусной остановки. Два человека узнали Сашу по фотографии, но только потому, что уже видели ее здесь. Вчера вечером никто ее не видел и не заметил ничего подозрительного. – Сержант кивает на лежащий у ног пластиковый мешок. – Мы также прочесали канавы и обочины, но не нашли ничего, кроме обычного мусора. Конечно, я отправлю все экспертам, однако никаких надежд не питаю.

Гис опускает взгляд на мешок. Воцеленная бумага, в которую были завернуты гамбургеры, пустые банки из-под пива и пакетики с собачьим дерьмом.

– Алан Чаллоу будет в восторге.

Барнетсон криво усмехается.

– О, даже не знаю... Может быть, он будет рад хоть немного отдохнуть от полуразложившихся трупов.

– И что дальше?

– Наша команда начала прочесывать поля по обе стороны от Марстон-Ферри-роуд. Попозже я заскочу туда, но пока что, как я слышал, ребята тоже ничего не нашли.

Гислингхэм поднимает взгляд на небо. Ветер усилился, и все предвещает дождь.

– Надеюсь, они не забыли надеть резиновые сапоги, – бормочет он.

Джейн Эйр @NotthatJaneEyre 15.07

#Оксфорд Народ, кто-нибудь знает, что происходит на Черуэлл-драйв? Там собралось несколько полицейских машин.

Алиса Монро @Monroe51098 15.09

Ответ @NotthatJaneEyre

Я живу на Терлмер-роуд – только что видела, как двое полицейских опрашивали жителей домов по Уиндермер-авеню #Оксфорд

Мариса Фернандес @Brazilia2012 15.11

Ответ @NotthatJaneEyre @Monroe51098

Сюда они тоже заглядывали – спрашивают о какой-то девушке. Кажется, она пропала #Оксфорд

Алиса Монро @Monroe51098 15.09

Ответ @NotthatJaneEyre @Brazilia2012

О нет – только не это! Бедные ее родители! ☹
#человек_пропал #Оксфорд

Джейн Эйр @NotthatJaneEyre 15.22

Ответ @Brazilia2012 @Monroe51098

Я только что заглядывала в @OxfordNewsOnline и @BBCMidlandsBreaking^[51]. Пока что ничего

Оксфордские новости @OxfordNewsOnline 15.26

Ответ @NotthatJaneEyre @Brazilia2012 @Monroe51098

Вам известны имя и возраст девушки?

Мариса Фернандес @Brazilia2012 15.32

Ответ @OxfordNewsOnline @NotthatJaneEyre @Monroe51098

Кажется, Саша. Я ее не узнала. По фотографии ей лет 15

Оксфордские новости @OxfordNewsOnline 15.39

Ответ @NotthatJaneEyre @Brazilia2012 @Monroe51098

СРОЧНО! Поступают сообщения о том, что в районе Марстон в #Оксфорд предположительно пропал подросток – местные жители считают, что речь идет о девушке 15 лет. Более подробная информация по мере поступления.

* * *

Адам Фаули

4 апреля 2018 года

15:45

Когда у меня зазвонил сотовый телефон, я ехал в машине.

Харрисон. Хочет узнать последние новости.

– Я только что говорил с Изабель Паркер, сэр. Она считает, что Саша Блейк вчера вечером могла встречаться со своим парнем. Вот только, к сожалению, Изабель о нем ничего не знает – ни имени, ни адреса, ничего.

Я слышу, как Харрисон тяжело вздыхает. И не могу его в этом винить.

– Ну, а отец этой Блейк – что насчет него?

– Мы связались с полицией Западного Йоркшира. Они сейчас направляются к нему. Мы по-прежнему надеемся, что Саша именно там.

– Хреновый этот папаша, если поступил так, не поставив мать в известность.

– Согласен, сэр. Но, очевидно, супруги не питают друг к другу теплых чувств...

– Это не оправдание, – обрывает меня он.

Если верить слухам, ходящим по нашему управлению, у самого Харрисона развод получился очень грязным. Возможно, этим все и объясняется.

– В настоящий момент, сэр, это лишь предположения. Возможно, Саша сказала отцу, что договорилась с матерью. Она производит впечатление благоразумной девушки, однако нам известно, что, когда ей это нужно, она обходится с правдой весьма вольно.

Тут определенно есть понимание. У Харрисона самого дети-подростки – эта проблема ему знакома.

– Что ж, в любом случае будем молить Бога о том, чтобы девушка оказалась у своего отца. Так будет лучше не только для нее.

Но и для меня. Вот что подразумевает Харрисон.

– Итак, Адам, что дальше?

– Если нам не повезет в Лидсе, я договорюсь с телевидением, чтобы передали обращение миссис Блейк.

– Хорошо. И проследи за тем, чтобы оно было готово к вечернему выпуску новостей.

* * *

Грэм Скотт стоял в очереди за кофе, когда директриса зашла в полную народную учительскую вместе с мужчиной и женщиной.

– Это еще кто такие, черт побери? – спрашивает вполголоса стоящая перед ним учительница. Она работает первый год – это ее первое место после окончания педагогического колледжа. Домоводство, или как оно теперь называется. Скотт как-то однажды попробовал завязать с ней разговор, когда она только появилась в школе, просто чтобы наладить дружеские отношения, но она его отшила. – Они же не из Устандоба^[52], да?

Скотт качает головой.

– Нет – если что, нас предупредили бы заранее. И в любом случае, по моему, эти двое не похожи на школьных инспекторов.

Но тем не менее речь идет о чем-то серьезном. Это становится очевидно еще до того, как директриса хлопает в ладоши, прося тишины.

– Прошу прощения за то, что отвлекаю вас, но у меня, к сожалению, тревожное известие. Саша Блейк из одиннадцатого класса сегодня не пришла в школу, и вот теперь выяснилось, что никто не видел ее со вчерашнего вечера и она не отвечает на телефонные звонки. Это сержант Гислингхэм и констебль Эверетт. Они хотят поговорить с подругами Саши и учителями, так что, пожалуйста, помогите им, насколько это в ваших силах, и поддержите Сашин класс в этот трудный момент. Полагаю, можно не говорить, что нельзя допустить панику, поэтому крайне важно всем сохранять спокойствие. Как говорится, сохранять спокойствие и идти дальше.

Грэм Скотт делает над собой усилие, чтобы не поморщиться презрительно. Какие мерзкие штампы!

Директриса поворачивается к стоящему рядом с ней мужчине.

– Сержант, вы не хотите ничего сказать?

Коренастый, едва дотягивающий до среднего роста сержант, с редящими волосами на макушке; как подозревает Скотт, не

отказывающийся выпить. Ему уже приходилось встречать такой тип: классический синдром коротышки. Что касается женщины, она определенно одета безвкусно. Ботинки без каблука, на голове черт знает что. На взгляд Скотта, в наши дни этому не может быть оправданий.

– Я только повторю слова директора, – говорит мужчина, обводя взглядом учительскую. – Мы не собираемся никого тревожить без надобности, но нам крайне важно собрать как можно больше информации. И если кто-либо из учащихся-девушек предпочтет разговаривать с женщиной, пожалуйста, вот констебль Эверетт. У меня все.

Звенит звонок, трезвонит сиреной воздушного налета, и учителя начинают собирать свои вещи. Обыкновенное всеобщее ощущение того, что сделать нужно очень много, а времени нет. Но теперь к этому также примешивается беспокойство и тревога.

«А я так и не выпил кофе, черт возьми», – думает Скотт, закидывая на плечо сумку. Полицейские стоят у двери, вроде бы просто так. Скотт тщательно следит за тем, чтобы не смотреть им в глаза.

* * *

Разговор по телефону с Чарли Хиггинсом, водителем автобусной компании Оксфорда, 4 апреля 2018 года, 16:15

Разговор провел детектив-констебль Э. Бакстер

Э.Б.: Спасибо, что перезвонили, мистер Хиггинс. Я так понимаю, вы получили наше сообщение?

Ч.Х.: Это насчет вчерашнего вечера, правильно?

Э.Б.: Конкретно насчет рейса, отправляющегося из Саммертауна примерно в 21:45. Я так понимаю, камеры видеонаблюдения у вас в салоне нет?

Ч.Х.: Да, к сожалению, нет. Что именно вас интересует?

Э.Б.: Сейчас я перешлю вам несколько фотографий. Вы можете сказать, узнаете ли кого-нибудь из тех, кто на них снят?

(На заднем плане какой-то шум, затем Хиггинс снова возвращается к телефону.)

Ч.Х.: Я помню, в том рейсе в автобусе ехала большая толпа подростков. Среди них было много иностранцев, пожалуй, половина. Однако в наши дни подростки...

Э.Б.: Значит, они буянили – вы это хотите сказать?

Ч.Х.: Да не то чтобы буянили – в основном этим грешили девицы. Вели себя шумно. Очень шумно.

Э.Б.: Вы точно не узнаете ни одной девушки с фотографий?

Ч.Х.: Я однозначно узнаю ту, у которой волосы розовые. Точно, это она спросила у меня, который час. Это было тогда, когда мы только въезжали в Хедингтон.

Э.Б.: Вы помните точное время?

Ч.Х.: Пять минут одиннадцатого. Точно. Это определенно была она.

Э.Б.: Но остальных вы не узнаете?

Ч.Х.: Сожалею, нет. Эти подростки – они все на одно лицо, черт побери, разве не так?

Э.Б.: Вы нам очень помогли, мистер Хиггинс. Если вы еще что-нибудь вспомните, пожалуйста, сразу же свяжитесь с нами.

Ч.Х.: Вы не сказали – почему вы все это спрашиваете?

Э.Б.: Одна из девушек пропала. И в последний раз ее видели в вашем автобусе.

Ч.Х.: Матерь божья!.. Тут поневоле задумаешься.

Э.Б.: Да, мистер Хиггинс, определенно.

* * *

Адам Фаули

4 апреля 2018 года

16:25

Зайдя в оперативный штаб, я сразу же понимаю, что у ребят что-то есть. По тому, как Сомер и Бакстер оборачиваются и смотрят на меня. По выражению их лиц.

– Пришли новости из Лидса?

– Пока что нет, сэр, – отвечает Сомер. – Но я обнаружила кое-что дома у Блейков.

Обнаруженное лежит на столе перед ней. В пакете для улик.

Пачка презервативов.

Пачка, уже наполовину использованная.

– Она была прилеплена скотчем к днищу кровати Саши, – продолжает Сомер. – Ее подруги были правы – она *определенно* с кем-то встречалась. И неудивительно, что она скрывала это от своей матери.

– Ну хорошо. Итак, теперь нам известно, чем она занималась. Но мы хоть как-либо приблизились к тому, чтобы узнать, с кем она этим занималась?

Сомер качает головой.

– Если Саша и вела дневник, у нее в комнате я его не нашла. Но на столе в банке из-под джема полно ручек и карандашей, так что, подозреваю, что-то такое у нее было, вот только она держала это при себе.

– Как насчет тетрадей? Учебников и тому подобного? Помню, у нас в классе девочки повсюду рисовали сердечки с именами мальчиков. Нынешние девочки так делают?

Сомер улыбается, не в силах сдержаться.

– Ну лично я так делала. Но, увы, ничего подобного не нашла.

– В социальных сетях ничего нет, – перебивает Бакстер. – Это я могу точно сказать.

– Миссис Блейк дала разрешение изучить компьютер?

Сомер кивает.

– Вот только она понятия не имеет, какой пароль для входа в систему.

Бакстер тяжело вздыхает и забирает компьютер.

– Ладно, мелюзга. Дай и мне поработать.

* * *

Сержант Карен Боннет расправляет форменную юбку и звонит в дверь. Вообще-то на сегодня она планировала другое. Но это лучше, чем мелкое воровство в супермаркете. Или любовная связь между школьниками. Или нарушение правил дорожного движения. Нарушения ПДД ненавидят все. Боннет слышит, как у нее за спиной констебль Мансур шаркает подошвами по асфальту, переминаясь с ноги на ногу. Он только что окончил полицейскую школу, и Боннет готова дать голову на отсечение, что ничего подобного ему еще не приходилось делать.

– Не суетись! – шипит она на него. – У тебя такой вид, будто ты дилетант.

Звук тотчас же прекращается. Но теперь слышатся уже другие звуки, громкие, из-за двери. Детский плач. На полную мощность.

Дверь медленно открывается, и на пороге появляется женщина в спортивных штанах и черной футболке. У нее на руках младенец с багровым лицом, и она гладит его по спине тем самым полным отчаяния автоматическим движением, к которому прибегают все молодые мамы. Уж

Боннет-то это знает, у нее самой четверо. У девушки измученный, бессонный вид, но ей не больше двадцати пяти. То есть она по крайней мере на двадцать лет моложе Джонатана Блейка, предположительно являющегося отцом младенца. «Еще один тип, решивший начать жизнь сначала, – думает Боннет. – Еще один мужик средних лет, променявший свою просроченную бывшую на новенький экземпляр и очаровательного младенца в придачу».

– Что вам нужно?

– Мисс Барроу? Рейчел Барроу? Сержант Карен Боннет. Мы можем зайти на минутку?

Женщина широко раскрывает глаза.

– В чем дело? Джон... с ним что-то случилось?

– Успокойтесь, ничего подобного. Нам просто нужно поговорить с вами.

– Ну хорошо, – поспешно говорит женщина. – Но только на одну минуту. В четыре часа у меня кормление.

В гостиной царит разгром, который Боннет уже столько раз доводилось видеть в семьях с грудным младенцем. Диван с кремовой обивкой долго не продержится, это точно. А на атласных подушках уже раскиданы использованные одноразовые салфетки и подгузники. Но нужно отдать девушке должное: по крайней мере, она старается поддерживать хоть какой-то порядок.

Мансур усаживается без приглашения, и Боннет бросает на него испепеляющий взгляд, который он не замечает, в основном потому, что уставился в огромный плазменный телевизор. Боннет вздыхает. Однако, когда она пробует привлечь Рейчел к своей понимающей усмешке, никакой реакции нет.

– Вы можете объяснить, в чем дело?

– Речь идет о Саше, – говорит Боннет. – Дочери вашего сожителя.

– И что с ней? – Рейчел хмурится.

За глаза Боннет прозвали «Кейвуд», по героине Сары Ланкашир из «Счастливой долины»^[53]. И сходство несомненное. Дело не только в волосах – хотя светло-соломенный цвет определенно играет важную роль. Тут все в целом: настойчивость, пронизательность, умение стоять на своем и высказывать свои мысли.

– Мисс Барроу, она сейчас здесь?

– Что вы имеете в виду – «здесь»? – говорит Рейчел. – Разумеется, ее здесь *нет*. Я с ней даже никогда не встречалась.

Боннет обводит взглядом комнату.

– Но мистер Блейк встречался, так? Я хочу сказать, недавно.
– Не понимаю, с чего вы...
– Фотографии, мисс Барроу. Например, вон та – в серебряной рамке. Это ведь Саша, правда? И даже на таком расстоянии я вижу, что она не грудной ребенок.

Женщина крепче прижимает младенца к груди.

– А почему у Джона не может быть ее фотографий? Это никакой не секрет. Мы с ним говорили об этом. Джон захотел увидиться с дочерью. Сказал, что они очень долго не общались друг с другом.

– Почему вдруг именно сейчас? После стольких лет?

– Все дело в нашем ребенке. Джон рассудил, что нам нужно стать хорошей семьей. Нехорошо, что Саша даже не подозревает о том, что у нее есть маленький братик. Особенно сейчас, когда она уже достаточно взрослая и способна сама принимать решения.

– Мисс Барроу, где сейчас мистер Блейк?

Она заливается краской.

– На юге. В Беркшире. Он работает менеджером по торговле в фармацевтической компании. И вы так и не сказали мне, в чем дело.

– Саша Блейк пропала. А учитывая то, что она недавно общалась со своим отцом, Управление полиции долины Темзы попросило нас заглянуть к вам и выяснить, нет ли ее здесь.

Женщина выпучивает глаза, крепче стискивая младенца. Тот снова начинает плакать.

– Так как, мисс Барроу, вы нам позволите осмотреть дом? Для порядка?

Женщина колеблется мгновение, затем кивает.

Боннет бросает многозначительный взгляд на Мансура, тот поспешно вскакивает и выходит в коридор. Через какое-то время слышно, как он поднимается по лестнице.

– Он ничего не найдет, – решительно заявляет Рейчел. – Я же говорила вам – ее здесь нет. Она даже никогда не приезжала сюда. Джон встречался с ней в Оксфорде.

– Вы только что сказали, что мистер Блейк в Беркшире. Это недалеко от Оксфорда. Он не собирался связаться с Сашей? Быть может, встретиться с ней?

Рейчел снова заливается краской.

– Вообще-то Джон действительно что-то говорил об этом, но я не знаю, чем все кончилось. Вам следует спросить у него самого.

– Мы стараемся с ним связаться, – сухо говорит Боннет. – Однако

номер, который назвали нам у него на работе, отключен.

Рейчел тянется к кофейному столику за сотовым телефоном.

– У моего я отключила звук, – говорит она, глядя на экран. – Попыталась уложить ребенка спать. – Она смотрит на нас. – От Джона ничего нет, но у меня четыре пропущенных звонка от его матери. Вы с ней тоже говорили?

– К сожалению, нам пришлось – мы должны были узнать адрес мистера Блейка.

Рейчел вздыхает.

– И теперь она будет весь день названивать мне...

– Вы сегодня как-либо общались с мистером Блейком?

Рейчел качает головой.

– Он сказал, что все утро будет на совещании, а если мне что-нибудь понадобится, я должна скинуть сообщение ему на «мыло». Если хотите, я сейчас это сделаю.

– Нет-нет, – поспешно останавливает ее Боннет. – Лучше этого не делать. Мы сами с ним свяжемся. Вы, случайно, не знаете, в какой компании совещание?

– Знаю. В «Декстер Мастерсон». Это сеть частных больниц с центром в Рединге. Я могу найти ее номер – именно так мы с Джоном познакомились, мы работали вместе...

«Не сомневаюсь в этом», – думает Боннет.

– Все в порядке, мисс Барроу, – с легкой усмешкой говорит она вслух. – Не беспокойтесь. Дальше мы сами справимся.

* * *

– Как у тебя дела?

Гис стоит в дверях секретариата саммертаунской средней школы, где временно обосновалась Эверетт. Весь день к ней выстраивается очередь девушек, и ей уже начинает казаться, что она сидит в исповедальне. Хотя исповедоваться некому и не в чем. Информация, собранная Эв, никак не поможет делу. С точки зрения сверстниц, Саша Блейк «очень милая» и «толковая, ну клевая, понимаете?». Она «очень симпатичная», и «все хотят быть похожи на нее», и она «пользуется успехом, особенно у ребят», но никто не смог назвать имя ее кавалера, пусть даже не из школы. Что, поскольку Изабель и Патси также не знают его имени, едва ли удивительно. Вкратце, все любят Сашу, но никто понятия не имеет, где она может быть.

Эверетт поднимает взгляд на Гиса и вздыхает.

– Я задала все необходимые вопросы, но ответов не получила. А что у тебя?

Гис пожимает плечами.

– То же самое. Учителя также уверены в том, что парня у Саши не было, а я переговорил со всеми, кроме одного, который отправился домой с мигренью. Но мы сможем поймать его завтра.

– Завтра?

– Да, только что позвонил Бакстер. Мы отправляемся в Рединг. Повидаться с Джонатаном Блейком.

* * *

– Только что мне звонила мать этого чертова Джонатана и спрашивала, что стряслось с Сашей, – как будто это я во всем виновата! Какого черта никто не предупредил меня о том, что вы собираетесь ей звонить?

Сомер кусает губу.

– Прошу прощения, Фиона, – говорит она, крепче прижимая телефон к уху. – На самом деле разговаривали с вашей бывшей свекровью не мы, а полиция Западного Йоркшира.

Но это не оправдание; следовало бы догадаться, что произойдет именно это. А в настоящий момент необходимо, чтобы Фиона Блейк доверяла полиции, а не думала, будто та строит пакости у нее за спиной. Бакстер перехватывает взгляд Эрики, и та корчит гримасу: «Похоже, мы облажались».

– Я так понимаю, полиция Западного Йоркшира была вынуждена обратиться к матери вашего бывшего мужа, чтобы узнать его адрес, – в настоящее время на его имя не зарегистрировано никакой недвижимости...

– Предположительно, потому что мерзавец сел на шею этой женщине, не знаю, кто она... Готова поспорить, она моложе его – я ведь права, да?

– К сожалению, я не могу...

– Я его убью! Если он забрал Сашу после стольких лет, когда даже не желал признавать ее существование, черт побери, клянусь, я его убью...

Сомер собирается с духом. Она старается не выдать то, что Саша уже виделась со своим отцом, потому что в настоящий момент Фионе Блейк меньше всего нужно услышать именно это. Ну, точнее, это в списке предпоследнее от конца.

– Ее там нет, миссис Блейк.

– Что?..

– Саши там нет. Полиция Западного Йоркшира обыскала дом. Мистера Блейка там также не оказалось.

– Так где же он, черт его побери? Он забрал Сашу, ведь так – похитил ее...

– Нет абсолютно никаких оснований так считать. Сегодня утром мистер Блейк был в Рединге на деловом совещании. Компания подтвердила, что он действительно присутствовал на этом совещании, и в настоящий момент двое наших сотрудников направляются туда, чтобы встретиться с ним.

Сомер слышит прерывистое дыхание Фионы и явственно представляет боль, стиснувшую ей грудь, сдавившую горло.

– Миссис Блейк... Фиона, я понимаю, что мне легко так говорить, но, пожалуйста, сохраняйте спокойствие. Когда Саша вернется домой, вы будете ей нужны. Вы будете нужны ей сильной.

Фиона шумно вздыхает.

– Хорошо. Но вы мне позвоните? Как только встретитесь с Джонатаном?

– Разумеется. Разумеется, позвоню.

* * *

Хотя в приемной «Декстер Мастерсон» полно народу, Гислингхэму и Эверетт даже не нужно спрашивать у секретарши, кто из них Джонатан Блейк. Один мужчина вскакивает на ноги и поворачивается к ним еще до того, как за ними закрывается дверь.

– Я проторчал здесь уже больше трех часов! В чем дело, черт возьми?

Гис оглядывается по сторонам и отводит Блейка к пустому дивану в дальнем углу. На Блейке ладно скроенный серый костюм, белая сорочка и бледный шелковый галстук, а также едва заметный намек на щетину. «Из кожи лезешь вон, да, дружище?» – думает Гислингхэм, которому, как и Карен Боннет, уже приходилось видеть таких.

– Давайте просто присядем, мистер Блейк, хорошо? Может быть, принести вам стакан воды?

– Не нужен мне никакой стакан воды, черт возьми! Я хочу знать, что происходит. Вы хоть представляете, какая это стыдоба, когда *клиент* говорит, что тебе нужно задержаться у него в офисе, так как с тобой хочет поговорить *полиция*?

– Приносим свои извинения, мистер Блейк, – говорит Гислингхэм,

который на самом деле несколько не чувствует себя виноватым. – Если хотите, я потом переговорю с руководством компании.

– Нет уж, спасибо! Вы и так уже достаточно мне навредили.

Гис собирается с духом.

– Речь идет о вашей дочери, мистер Блейк. К сожалению, она пропала.

Блейк недоуменно таращится на него.

– *Что? Саша пропала?* Когда это случилось?

– Вчера вечером, около десяти часов. В последний раз ее видели выходящей из автобуса в конце Уиндермер-авеню.

– Твою мать, почему мне раньше не сказали?

– О ее исчезновении было заявлено только сегодня утром, – говорит Эверетт. – И с тех самых пор мы пытались вас найти.

Блейк бледнеет. Теперь он смотрит в пол. Полицейские переглядываются между собой, и Эверетт поднимает брови.

– По-видимому, Саша вчера вечером собиралась заночевать у подруги, – продолжает Гислингхэм. – Но затем она передумала. Ее подруги не знают почему. *А вы знаете, мистер Блейк?*

Он на мгновение поднимает взгляд, затем снова устремляет его в пол.

– Да. – Глокает комок в горле. – Она должна была встретиться со мной.

* * *

Поисковая группа, осматривающая Марстон-Ферри-роуд, устраивает перерыв на стоянке у огородов. Кто-то пускает по кругу термос с чаем, двое жуют шоколадные батончики – правда, по их виду не скажешь, что они получают от этого особое удовольствие. День выдался напряженный, половину времени всем пришлось находиться по щиколотку в грязи. Даже сама почва, кажется, настроена против них: мокрая глина засасывает ноги и истощает энергию. Черуэлл в нескольких местах вышел из берегов, и половина группы уже в резиновых сапогах. Ходят разговоры о том, чтобы пригласить водолазов. Сержант Барнетсон поднимает взгляд на небо: морось усиливается. Но можно поработать еще часок, прежде чем придется сворачиваться.

– Так, – объявляет сержант, повышая голос, чтобы перекрыть шум ветра, – давайте напряжемся еще раз, пока мы окончательно не лишились светового дня. Эта ночь будет еще холоднее, поэтому если Саша травмирована и лежит где-то здесь, мы должны ее найти.

– То есть вы хотите сказать, что примерно в половине девятого вечера отправили Саше текстовое сообщение о том, что деловой ужин у вас закончился рано.

– Точно, – подтверждает Блейк. – Она знала, что я в Рединге, и я обещал, что постараюсь увидеться с ней, поэтому отправил это сообщение на тот случай, вдруг она окажется поблизости.

– Понятно, – говорит Гислингхэм. – Когда мы разговаривали с подругами Саши, те сказали, что именно после получения сообщения она внезапно раздумала ночевать у Патси.

Блейк совсем смущен.

– Да, ну...

– Что «да, ну», мистер Блейк?

– Я сказал Саше, что, если ее мать будет думать, что она у Патси, она сможет переночевать у меня в гостинице. Я сказал, что заберу ее на автобусной остановке в десять вечера. – Он переводит взгляд с Гислингхэма на Эверетт и обратно. – Послушайте, тут не было ничего... понимаете... *нечистого*. Она – моя дочь.

– С которой вы не общались много лет.

– И что с того? Я все равно остаюсь ее отцом – и мне не по душе ваш неприятный тон. Я не *педофил*!

– Где Саша должна была ночевать в гостинице? – ровным голосом спрашивает Гислингхэм. – Вы намеревались снять ей отдельный номер?

Блейк заливается краской.

– Нет. Это обошлось бы в огромные деньги.

– Значит, в вашем номере была еще одна кровать?

– *Нет*, – язвительно отвечает он. – Но, что просто поразительно, там было *раскладное кресло*. И я собирался спать на нем.

Эверетт откидывается назад и сплетает руки на груди.

– Так что же произошло в таком случае? До гостиницы Саша так и не добралась, правильно?

Блейк собирается с духом.

– Не добралась. Что, уверен, подтвердит обслуживающий персонал.

Полицейские сидят, смотрят на него и ждут. «Ну же, – думает Гислингхэм, – выкладывай!»

– Послушайте, – наконец говорит Блейк, – произошло кое-что непредвиденное. Один человек из тех, с кем я ужинал, позвонил мне и

предложил перед сном пропустить по рюмке. Это был очень важный клиент – честное слово, я не мог отказаться.

«А ты и не особо старался, готов поспорить», – думает Гислингхэм, который только что заключил сам с собой крупное пари насчет того, какого пола окажется этот очень важный клиент.

– Значит, вы отправили Саше новое сообщение и отменили свое приглашение? – спрашивает Эверетт. – Потому что получили более выгодное предложение?

Блейк не считает нужным удостоить ее ответа.

– Мы можем проверить это у вашего оператора сотовой связи, – продолжает Эв. – Если вы отправляли новое сообщение, он это подтвердит.

– В таком случае я предлагаю вам именно так и поступить, – сверкает на нее взглядом Блейк. – И оставить меня в покое.

– Что это за клиент, кто вам позвонил? – спрашивает Гис, доставая записную книжку. – Просто для полноты картины.

Блейк мнется.

– Аманда Формен. Но если можно, мне бы хотелось, чтобы вы не тягивали ее в это.

«Ну да, я оказался прав», – думает Гис, разбогатевший на несколько тысяч воображаемых фунтов стерлингов.

– И когда вы отправили Саше второе сообщение?

Блейк пожимает плечами.

– Аманда позвонила где-то без четверти десять, и я сразу же отправил сообщение Саше.

Но, как прекрасно известно Гису, к этому времени телефон Саши уже был отключен – она просто не могла получить это сообщение. Она вышла из автобуса на Черуэлл-драйв, чтобы в темноте, в полном одиночестве ждать папашу, который и не собирался приходить...

Наступает молчание. Блейк возбужден и беспокожно ерзает, однако Гислингхэм не сомневается в том, что он говорит правду. Блейк просто в ужасе от того, что его вторая половина узнает, чем он в действительности занимался. Вот почему он на взводе. А вовсе не из-за своей дочери, пропавшей уже больше девятнадцати часов назад.

– Боюсь, нам придется поговорить с *Амандой*, – продолжает Гис, вкладывая в это имя все презрение, на которое только способен. – Нам потребуется, чтобы она подтвердила ваши слова. Предлагаю сообщить констеблю Эверетт детали.

«А ты здорово перетрусил, да, дружок?» – думает он, глядя на лицо Блейка, записывающего номер телефона. Рука у него дрожит. Затем

Гислингхэм поднимается на ноги, и Эверетт следует его примеру.

– Но не беспокойтесь, сэр, вашей миссис мы ничего не скажем. Разумеется, если только у нас не останется выбора.

* * *

Адам Фаули

4 апреля 2018 года

17:32

– Итак, сержант, что мы имеем?

Времени половина шестого вечера, все собрались в оперативном штабе. «Твиттер» бурлит слухами о пропавшей девушке, и через полчаса мне предстоит оказаться перед телекамерами, так что я очень хочу, чтобы мне было что сказать.

Гис поднимает глаза. У него в руках список, что можно считать хорошим знаком. Но он хмурится, это плохо.

– Пока что у нас нет никаких зацепок в поисках приятеля Саши. – Он бросает взгляд на Бакстера. – Телефона ее у нас нет, разумеется, что значительно все усложняет, и нам даже не удалось расколоть пароль на ее компьютере, но у нас была всего пара часов...

– В социальных сетях по-прежнему ничего?

– Абсолютно ничего, – говорит Бакстер. – Полная тишина.

Я поворачиваюсь к Эверетт.

– Что насчет Эшли Бразертон?

Эв качает головой.

– Мы проверили, но это тупик. Похоже, вчера на работе он здорово порезал руку и до десяти вечера сидел в травмпункте больницы имени Джона Рэдклиффа – ждал, когда наложат швы.

Я хмурюсь, Эшли Бразертон по-прежнему кажется мне весьма подходящим кандидатом.

– В больнице это подтвердили?

– Пока что нет, сэр, но мы запросили записи камеры видеонаблюдения на парковке. Судя по всему, в больницу Бразертон отвез прораб, но они приехали в его фургоне, так что, если он говорит правду, мы найдем его на записи. Впрочем, лично я считаю, что Бразертон не лжет.

Теперь у нее на лице красноречивое выражение «я же вам говорила», которое вызывает у меня раздражение. Но, возможно, это мне только

кажется.

– Ну а Джонатан Блейк?

– Ничего, – говорит Гис. – Мы поговорили с «клиентом», с которым он ходил в бар, и та подтвердила его слова. Хотя она была очень недовольна тем, что ее втянули во все это, так что, полагаю, в ближайшее время вести дела с Блейком она не будет...

– Не в пример тому, чтобы заниматься с ним этим делом, – ухмыляется Куинн. – Что, насколько я понимаю, он уже провернул.

– И абсолютно ничего не связывает его с нападением на Фейт, – продолжает Гислингхэм, не обращая внимания на Куинна. – Начнем с того, что на то утро у него железное алиби – он встречался с клиентом в Суиндоне.

Я подхожу к доске и останавливаюсь, уставившись на нее. На фотографиях две девушки. И мы пока что не нашли ничего, чем заполнить белое пространство между ними.

– И мы абсолютно уверены в том, что они не знакомы друг с другом? – спрашиваю я не оборачиваясь.

– Да, сэр, – отвечает Сомер. – Я спрашивала у Фейт.

Беру маркер и медленно обвожу фотографию Фейт. Затем фотографию Саши. А там, где круги пересекаются, ставлю вопросительный знак. После чего отступаю назад и закрываю маркер колпачком.

– Значит, вы думаете, что Саша не со своим парнем? – мрачно говорит Сомер.

– Я очень на это надеюсь. Надеюсь на то, что они занимаются безудержным, безответственным подростковым сексом и до сих пор не смогли вырваться на свежий воздух. Однако нам нужно предположить худшее. Мы всегда должны предполагать худшее. До тех пор, пока не будет установлено обратное.

* * *

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД

Олд-Бейли
Лондон EC4M 7EN

Судья Верховного суда

Досточтимый мистер Хили

К О Р О Н А

против

Гэвина Фрэнсиса Пэрри

Мистер Р. Барнс, королевский адвокат, и мисс С. Грей
представляют обвинение

Миссис Б. Дженкинс, королевский адвокат, и мистер Т.
Катберт
представляют защиту обвиняемого

Расшифровка стенограммы, выполненной
компанией «Чапмен Дэвисон»,
официально уполномоченной для работы на судебных
заседаниях

Вторник, 9 ноября 1999 года
(18-й день)

АДАМ ФАУЛИ, принесший присягу
Вопросы задает МИСТЕР БАРНС

В.: Будьте добры, назовите свое имя и должность.

О.: Детектив-сержант Фаули, личный номер 0877,
Управление полиции долины Темзы.

В.: Насколько я понимаю, вы тот самый полицейский, кто
допрашивал мисс Шелдон после попытки нападения 4 сентября
1999 года?

О.: Да, это был я.

В.: Вы тогда уже работали по делу Придорожного
Насильника?

МИССИС ДЖЕНКИНС: Ваша честь...

МИСТЕР БАРНС: Я постараюсь предугадать возражение со стороны защиты, ваша честь. Сержант Фаули, вы уже занимались поисками серийного насильника, которого средства массовой информации уже окрестили Придорожным Насильником?

О.: Да. Нападение на мисс Шелдон стало третьим преступлением такого рода.

В.: Но у вас не было никаких сомнений, что это нападение было делом рук того же самого мужчины?

О.: Абсолютно никаких. Почерк был тем же самым – пластиковый мешок, кусок провода, чтобы связать жертве руки... Все соответствовало.

В.: Однако, насколько мне известно, образцы ДНК обнаружены не были?

О.: Да. Мы считаем, преступник крайне тщательно следил за тем, чтобы не оставлять биологических улик.

В.: И каким образом он этого достигал?

О.: Например, надевал перчатки и пользовался презервативом. Мы также считаем, что когда он увозил двух жертв в фургоне своего брата, то застилал пол в кузове пластиком, чтобы исключить попадание ДНК жертв в машину.

В.: Поэтому ДНК этих двух женщин не были обнаружены в вышеозначенном фургоне?

О.: Да. Только ДНК самого мистера Пэрри, его брата и двух человек, работавших вместе с последним. Все трое были категорически исключены из списка возможных подозреваемых.

В.: Вернемся к мисс Шелдон – смогла ли она опознать мистера Пэрри?

О.: Визуально нет. Она не видела лица нападавшего.

В.: Что насчет фургона?

О.: Опять же, она его не видела. Нападавший набросился на нее сзади и надел на голову пластиковый мешок.

В.: Но она смогла опознать его по другим признакам, так? И это опознание в конечном счете и привело к аресту мистера Пэрри?

О.: Да. Смогла.

* * *

Адам Фаули
4 апреля 2018 года
18:27

Фиона Блейк во время телевизионного обращения держится просто очень хорошо. По долгу службы мне уже много раз приходилось проходить через это, но я не припоминаю, чтобы кто-нибудь вот так же сохранял выдержку. Когда мы ехали на Уиндермер-авеню, Сомер предупредила меня, что боится даже просить Фиону, поскольку это может вызвать срыв, и я понял, что она имела в виду: есть люди, которые именно в этот момент осознают страшную правду. Наконец понимают, что их жена, ребенок, близкий друг или родственник не просто потерялся, заблудился или оказался без связи: он пропал и, возможно, больше никогда не вернется. Но с Фионой Блейк ничего этого не было. Сказать, что она отнеслась ко всему спокойно, значило бы покривить душой; Фиона увидела в этом в первую очередь возможность обратиться к миру с просьбой помочь ей вернуть свою дочь. И мы с ней вдвоем целый час сидели в зале, определяясь с тем, что нужно сказать ей, что скажу я, как общаться с прессой, и она слушала меня и задавала вопросы, с сухими глазами, но бледная, словно полотно.

И Фиона по-прежнему такая же, в медиацентре в Кидлингтоне, в ярком свете софитов, перед телекамерами и столпотворением народа. Она говорила четко и смотрела людям в глаза. Никаких уклончивых жестов, никаких произвольных движений, которыми человека выдает его тело. Я отчетливо помню, как в предыдущий раз сидел здесь, призывая помочь найти пропавшего ребенка; помню произвольное смущение, накатывавшееся на меня при каждом движении четы Мейсонов. Но сейчас ничего этого нет. И когда я замечаю в студии Брайана Гоу, тот лишь кивает: «Эта женщина говорит правду». Как будто я и без него это не знаю.

И вот подходит мой черед.

– Если кто-нибудь располагает любой информацией о Саше или том,

где она может находиться, пожалуйста, немедленно свяжитесь с нами. Или по телефону, позвоните в полицейский участок Сент-Олдейт по номеру, который мы уже называли, или через социальные сети свяжитесь с Управлением полиции долины Темзы. Также вы можете связаться с нами анонимно через форум «Борьба с преступностью». – Я останавливаюсь и оборачиваюсь к фотографии Саши на экране у меня за спиной. Той, которую выбрала ее мать. Где они вдвоем, смеются в солнечных лучах. – Повторяю еще раз, Саше всего пятнадцать лет. Все ее очень любят, мать в отчаянии и хочет вернуть ее домой.

Напоследок я еще раз обвожу взглядом собравшихся и возвращаюсь на свое место.

Сидящий в глубине зала мужчина поднимает руку.

– Пэдди Невилл, «Рединг кроникл». Есть какие-либо основания предполагать, что имело место похищение?

– На данном этапе мы не можем исключить ни одну версию, однако никаких свидетельств похищения пока что нет.

– Инспектор, не было ли в последнее время схожих инцидентов? – Еще один журналист. Бородатый, в очках, вязаный галстук. Я его не знаю. И он не называет себя.

– Нет.

– Вы говорите только о долине Темзы или шире?

Я спокойно выдерживаю его взгляд.

– Мне не известно о таких случаях.

Мужчина с вязаным галстуком поднимает брови.

– Неужели? А что насчет инцидента, случившегося первого апреля?

Остальные писаки оборачиваются на него – общее впечатление того, что на самом деле тут нечто больше, чем кажется на первый взгляд. Больше, чем говорим мы. А больше всего на свете борзописцы обожают, когда полиция пытается что-то скрыть. До меня доносятся приглушенные голоса: «Какой еще инцидент?», «Вы понимаете, о чем он говорит?» И, судя по лицам, местные, и в первую очередь корреспондент Би-би-си в Оксфорде, крайне недовольны тем, что их обошел какой-то чужак. Сидящий на другом конце помоста Харрисон начинает болтать ногой вверх-вниз; я чувствую это через половицы. Слава богу, журналисты этого не видят за драпировкой и большим плакатом с надписью «УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ: БОРЕМСЯ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ, БЕСПОРЯДКАМИ И СТРАХОМ». Что-то подсказывает мне, что последняя часть получается у меня неважно.

– Инспектор Фаули, – говорит мужчина с вязаным галстуком,

перекрывая нарастающий в зале шум, – имел ли первого апреля место инцидент с участием молодой женщины?

– Да, инцидент был. Однако женщина не получила никаких сколько-нибудь значительных травм.

– Так, подождите-ка, – спрашивает женщина в первом ряду. – Никаких сколько-нибудь *значительных* травм – это что еще за увиливания?

И она права. Есть прирожденные брехуны, но таких немного, остальные кривят душой лишь по мере необходимости.

– У нас нет никаких доказательств связи...

Мужчина с вязаным галстуком сдвигает очки на переносицу.

– Не хотите ли вы сказать, *пока что* нет никаких доказательств?

Харрисон принимается дергать ногой сильнее.

Мужчина с вязаным галстуком листает свои записи, но это лишь чисто напоказ: он все знает, и я это понимаю.

– Согласно моим источникам, жертва нападения первого апреля живет менее чем в миле от Саши Блейк. – Он поднимает взгляд на меня. – Конечно, в полицейских расследованиях я полный дилетант, и все-таки мне это обстоятельство кажется *возможной* связью.

В зале звучит смех. Но жесткий, сухой. Настроение переменялось, и я чувствую на себе взгляд Фионы Блейк. Она недоумевает, почему мы не рассказали ей про другую девушку, почему ничего не сделали, чтобы предотвратить повторение этого...

Мужчина с вязаным галстуком по-прежнему смотрит на меня. В зале постепенно наступает тишина.

– Но, может быть, я ошибаюсь, – продолжает он. – Вы мне скажите, инспектор, – в конце концов, это ведь ваша епархия, а не моя.

Он смотрит мне в глаза, следя за моей реакцией. И последняя фраза определенно является посланием, причем практически незавуалированным. Этот человек с Флит-стрит^[54].

– Как я уже говорил, у нас нет никаких оснований полагать, что между данными двумя инцидентами существует какая-либо связь. Если положение дел изменится, мы, разумеется, сделаем соответствующее заявление.

По всему залу поднимаются руки, но мужчина с вязаным галстуком так просто не сдастся.

– Первый инцидент – правда ли, что жертва была похищена в фургоне?

Пауза. Длющаяся всего два удара сердца, однако и это уже слишком много.

– Да, – говорю я. – Мы считаем, что преступник использовал фургон.

Можно буквально услышать общий вдох. Женщина в первом ряду сверкает взглядом на меня. Все остальные суетятся, торопясь записать это. Все, за исключением мужчины с вязанным галстуком. Тот всем своим видом показывает яснее ясного: я лишь подтвердил то, что уже было ему известно.

Теперь вопросы летят как из пулемета, никто даже не намеревается ждать своей очереди.

– Какой фургон?

– Кто эта девушка?

– Почему мы не узнали об этом раньше?

Я поднимаю руку.

– Как я уже сказал, у нас нет никаких оснований...

– ...Полагать, что существует какая-либо связь, – продолжает за меня мужчина с вязанным галстуком, по-прежнему стоящий на ногах. – Понимаю. Я услышал вас и в первый раз. Но, определенно, любой здравомыслящий человек рассудил бы, что имеет смысл по крайней мере *проверить*...

– Мы это проверяем, – говорю я поспешно. Чересчур поспешно. Мне не следовало показывать, как я заведен. – Но, как, *не сомневаюсь*, вам *прекрасно известно*, я не имею права разглашать информацию, которая может повлиять на ход расследования.

Мужчина с вязанным галстуком кивает, и его лицо медленно искривляется в отвратительной усмешке.

– Однако, полагаю, мы можем понимать это так, что эта ваша *проверка* распространяется также и на другие преступления схожего характера.

Я поворачиваюсь лицом к нему. Краем глаза вижу Харрисона, не отрывающего от меня взгляд. Потому что тут я ступил на тонкий лед, и мы с ним это понимаем. Лгать я не могу, но, черт возьми, этот настырный мерзавец не дождетя, что я скажу хоть слово больше абсолютно необходимого.

– Разумеется.

Мужчина с вязанным галстуком медленно кивает.

– И, я так понимаю, этот круг включает также и старые дела? Даже – *теоретически* – те, которые официально считаются закрытыми?

Он умолкает и вопросительно поднимает бровь. Дразня меня.

– Инспектор Фаули ответил на ваш вопрос, – поспешно вмешивается Харрисон. – Полагаю, подошло время заканчивать. И позвольте напомнить *всем*, что наша первоочередная задача – *лично моя* первоочередная задача – разыскать Сашу Блейк живой и невредимой и воссоединить ее с родными. А пока что мы попросим вас соблюдать неприкосновенность частной

жизни миссис Блейк в эту очень тяжелую пору.

Всем требуется пять минут, чтобы освободить зал. И все это время я чувствую на себе взгляд журналиста с вязанным галстуком.

Он знает. Разумеется, знает, черт бы его побрал. Но у него недостаточно информации, чтобы двигаться дальше. Пока что недостаточно.

Вернувшись в приемную, я вижу, как мужчина с вязанным галстуком подходит к женщине, которая, очевидно, его ждала. Какое-то время они разговаривают друг с другом, затем оба направляются к двери, продолжая разговор. У женщины светло-каштановые волосы, забранные в пучок на затылке. Строгая, безликая одежда, неестественно сочетающаяся с массивными ботинками на толстой резиновой подошве. Женщина кажется мне смутно знакомой.

Причем в плохом смысле.

* * *

– Почему мне ничего не сказали? – Фиона Блейк в такой ярости, что с трудом говорит. Гнев буквально потрескивает вокруг нее статическим электричеством.

Сомер открывает рот и снова его закрывает. Она понимает гнев, она просто не знает, чем помочь. Эрика нервно оглядывается по сторонам, проверяя, кто может их услышать: всегда находятся два-три журналиста, считающие, что, если задержаться подольше и подслушать, можно наткнуться на какую-нибудь сенсацию. Она берет Фиону за руку и ведет ее к комнате для свидетелей. Как только за ними закрывается дверь, Фиона выдергивает свою руку и поворачивается к Сомер.

– Вы заставили меня сидеть здесь, перед всеми этими... этими... *стервятниками*... отвечать на их вопросы... обнажать перед ними свою жизнь... и даже не сказали мне, что была *другая девушка*?

– Понимаю, со стороны это выглядит именно так, но...

– Но что? *Но что?*

Сомер колеблется.

– Другое происшествие. Мы работали с ним, исходя из предположения, что это было преступление на почве ненависти. Вот почему не торопились ничего сообщать в прессу.

Фиона недоуменно таращится на нее.

– Преступление на почве ненависти – что вы хотите сказать,

преступление на почве ненависти?

Сомер берет стул, в надежде на то, что Фиона последует ее примеру. Та этого не делает.

– Девушка, которая подверглась нападению... она меняет пол.

Фиона открывает рот, собираясь что-то сказать, затем останавливается и собирается с духом.

– Меняет пол? То есть это парень? Вы это хотите сказать?

Сомер кивает: все не так просто, но у этой женщины в настоящий момент своих забот хватает.

– Да, она трансвестит. Мы считали, именно по этой причине она подверглась нападению. По крайней мере, вначале. Теперь мы уже не так в этом уверены.

Фиона тяжело опускается на стул, весь запал ее покинул.

– Так что же произошло?

– Ее затащили в фургон. Отвезли на огороды на Марстон-Ферри-роуд. Нападавший, кем бы он ни был, связал ей руки и натянул на голову пластиковый мешок.

Сомер видит, как Фиона вздрагивает.

– Он стащил с нее нижнее белье, но тут по дороге проехала патрульная машина с включенной сиреной, которая, как мы полагаем, его спугнула.

Фиона поднимает взгляд, глаза у нее округлились.

– И он просто бросил ее там? В таком состоянии?

Сомер кивает.

– В конце концов ей удалось освободиться. Ее подобрал водитель такси.

Фиона делает шумный вздох.

– Бедняжка... Должно быть, она была просто в ужасе!

– Да. Но она вела себя очень мужественно. Мы стараемся оградить ее личную жизнь. Насколько это в наших силах.

Фиона кивает.

– Конечно, – быстро говорит она. – Вы должны были сказать мне. Я бы поняла. Если бы Саша...

Однако произнесенное вслух имя дочери оказывается последней каплей. Фиона кусает губу, но на глазах у нее все равно появляются слезы.

– Вы полагаете, это может быть тот же самый человек?

Эрика собирается с духом.

– В настоящий момент мы ничего не можем исключить.

– И то место, куда он отвез эту девушку... быть может, Саша там?

– Увы, – Сомер качает головой. – Поисковый отряд осмотрел это место

в первую очередь. – Она берет Фиону за руку. – Но мы не сдаемся. С первыми лучами солнца снова продолжим поиски. Мы найдем вашу дочь, Фиона. Обязательно найдем.

* * *

Эбби Майклсон @Hopscotch22098 19.07

Кто-нибудь знает что-либо об этом нападении на молодую женщину в #Оксфорд? Я имею в виду не бедняжку #СашаБлейк, а то, что произошло раньше. Только что увидела, как тип из @ThamesValleyPolice рассказывал об этом по телевизору

Джимми Пост @JJP098456 19.09

Ответ @Hopscotch22098

Я тоже видел – что-то насчет девушки, которую затащили в фургон? Не припоминаю, чтобы об этом сообщали в новостях

Рона Митчелл @Corona1966765 19.11

Ответ @JJP098456 @Hopscotch22098

☺ Выхожу в @StaySafeinOxford, чтобы узнать, известно ли им что-нибудь #Оксфорд

Безопасность в Оксфорде @StaySafeinOxford 19.15

Ответ @Corona1966765 @JJP098456 @Hopscotch22098

Пока что мы не слышали ничего кроме того, что было по телевизору. Проверим ленту новостей в Интернете. Кто-нибудь знает, где и когда это предположительно произошло?

Микки Ф. @BladeGamer 19.16

Видел фотку этой #СашаБлейк в Интернете – неудивительно, что ее подцепил какой-то извращенец: она сама напрашивалась на это, в таком прикиде

Скотт Салливан@SnappyWarrior 19.17

Ответ @BladeGamer

☺ глупая девчонка вырядилась как долбаная шлюха!

Рона Митчелл @Corona1966765 19.17

Ответ @BladeGamer @SnappyWarrior

Это просто отвратительно – вам должно быть стыдно! Никто не заслуживает стать жертвой нападения или похищения, что бы он ни надел. И вообще на той фотографии #СашаБлейк нет ничего непристойного

Скотт Салливан@SnappyWarrior 19.17

Ответ @Corona1966765 @BladeGamer

Ну вот опять эти левацкие лесбухи всюду суют свой нос!

Микки Ф. @BladeGamer 19.16

Ответ @Corona1966765 @SnappyWarrior

Эти сучки понятия ни о чем не имеют, твою мать, а винят парней как мы, когда кто-то трясет сиськами и нарывается

Джанин Уилер@MuddyBarvellous 19.18

Ответ @StaySafeinOxford @Corona1966765 @JJP098456
@Hopscotch22098

Мой друг работает в полиции. Судя по всему, второй девчонке связали руки и надели мешок на голову. Похоже на *серьезного* психа

Сюзен Харди@LivingmyBestlife5761 19.19

Ответ @MuddyBarvellous @Corona1966765 @JJP098456
@Hopscotch22098

Блин – прямо как этот Придорожный Насильник? Помните, в 98-м или 99-м? Мы тогда еще не жили в Оксфорде, но я помню, что это было во всех новостях

Рона Митчелл@Corona1966765 19.19

Ответ @LivingmyBestlife5761 @Corona1966765 @JJP098456

@Hopscotch22098

Господи, вы правы, я только что посмотрела в Интернете. Все то же самое. #СашаБлейк #Придорожный_Насильник
Безопасность в Оксфорде@StaySafeinOxford 19.22

Получаем сообщения о серьезном случае #нападение, произошедшем в начале этой недели в #Оксфорд ДО исчезновения (похищения?) #СашаБлейк. В настоящий момент мы связались с @ThamesValleyPolice; мы поделимся с вами всем, что там узнаем – следите за сообщениями на нашей страничке. А пока берегите себя и будьте в #безопасность.

* * *

– Вы точно уверены, что все будет в порядке? – говорит Сомер, поставив машину на ручной тормоз и поворачиваясь к Фионе Блейк. У дверей дома 87 по Уиндермер-авеню дежурит полицейский в форме, напротив застыли две съемочные машины телевидения, однако журналисты сохраняют почтительное расстояние. Пока что. – Если вам что-нибудь понадобится, можете звонить мне. В любое время, договорились? Даже если вам просто захочется общества.

Фиона кивает.

– Спасибо, но, думаю, все будет в порядке. Жасмин помогает просто фантастически, и Патси собирается остаться у нас. Это будет здорово. Мне не придется сидеть в одиночестве, ломая голову, чем заняться.

Сомер кивает.

– По-моему, она очень хорошая девушка.

– Совершенно верно. Они все такие.

– Я вам обязательно позвоню, – говорит Сомер, когда Фиона выходит из машины. – Если будут какие-либо новости.

* * *

Разговор по телефону с Шарлоттой Кольер

5 апреля 2018 года, 8:15

Разговор провела детектив-констебль Э. Сомер

Э.С.: Я детектив-констебль Эрика Сомер – на коммутаторе сказали, что у вас есть какая-то информация для нас?

Ш.К.: Я вчера вечером видела по телевизору – про Сашу Блейк. Я там часто езжу, по Марстон-Ферри-роуд, я имела в виду. Школа, работа, тренажерный зал и все такое...

Э.С.: Вы что-нибудь видели? Видели Сашу Блейк?

Ш.К.: Нет, к сожалению, я ее никогда раньше не видела. Нет – просто в «Твиттере» говорят... ну, про ту другую девушку. Которую якобы похитили в фургоне 1 апреля? Я долго думала и пришла к выводу, что это случилось как раз в тот самый день.

Э.С.: Что случилось в тот самый день?

Ш.К.: Я опаздывала на пилатес – обыкновенно я проезжаю там по крайней мере на пятнадцать минут раньше. Вот почему запомнила время – очень волновалась и постоянно смотрела на часы, вы понимаете, что это такое... Извините, я говорю очень сбивчиво. А хочу я сказать вот что: по-моему, я видела фургон в то утро. Я имею в виду, в понедельник. Помню, впереди ехала патрульная машина с включенной сиреной, и все сбавляли скорость, и тут я услышала визг тормозов, и по противоположной стороне дороги мимо промчался фургон, очень быстро.

Э.С.: Вы не видели, откуда он выехал?

Ш.К.: Нет, к сожалению.

Э.С.: Он мог выехать со стороны огородов?

Ш.К.: Господи... это произошло там? Ну да, мог. Я находилась слишком далеко и не могла видеть.

Э.С.: Водителя вы разглядели?

Ш.К.: Если честно, нет. Хотя мне кажется, что у него на голове была кепка.

Э.С.: Бейсболка?

Ш.К.: Да, что-то в таком духе. Надвинутая на самый лоб.

Э.С.: Он был белый, черный?

Ш.К.: Определенно, белый, но больше я ничего не могу добавить. Все произошло очень быстро.

Э.С.: Как насчет фургона – вы что-нибудь запомнили?

– И это... и это все?
– Извини, – Сомер пожимает плечами.
– Ну хорошо, – Бакстер тяжело вздыхает, – повтори еще раз.
– Это был белый фургон, сбоку логотип в форме ракушки.
– Но названия компании не было?
– Она не увидела, – Эрика качает головой. – Все произошло слишком быстро – думаю, нам повезло, что она вообще успела хоть что-нибудь разглядеть.
– Ракушка такая, как на логотипе компании «Шелл»?
– Нет. По ее словам, скорее, закрученная спиралью.
Бакстер хмурится.
– На камере видеонаблюдения в гаражах ничего подобного нет, но, наверное, это еще ничего не доказывает... – Он снова вздыхает. – Ладно, дальше этим займусь я. С паролем к компьютеру Саши у меня по-прежнему глухо, так что какого черта – почему бы не разбавить скуку еще одним безнадежным геракловым подвигом?
– Я приготовлю тебе чай, – улыбается Сомер.
– Три ложки сахара! – кричит Бакстер вдогонку ее удаляющейся спине. – И «Сникерс»!

* * *

Фиона раскладывает по тарелкам овсянку и вдруг, подняв взгляд, видит в дверях кухни Патси. Девушка все еще в пижаме, в руке у нее телефон. Но в этом нет ничего необычного. У нее всегда в руке телефон. Так делала и Саша...

«Не "делала"! – строго поправляет себя Фиона. – "Делает". Так *делает* Саша!»

– Патс, тебе с молоком или йогуртом?

Девушка пожимает плечами. Под глазами у нее темные мешки, и Фиона с трудом удерживается от вопроса, высыпается ли та. Она не мать Патси. Хотя в последние несколько месяцев бывали времена, когда ее можно было считать и ее матерью – столько времени Патси проводила здесь... Саша не раз намекала на то, что у ее подруги проблемы с новым сожителем Денизы, и Фиона никак не могла решиться спросить у Патси, правда ли это, поскольку ей не хотелось, чтобы Дениза вообразила, будто она лезет в чужие дела. Ну а теперь... что ж, теперь у нее хватает и своих неприятностей.

Фиона ставит тарелки на стол и садится. Есть она не хочет – не хочет с тех самых пор, как произошло все это, – но если она не будет есть, то не поможет Саше. И это Фиона также постоянно повторяет себе. Вместе с клятвенным обещанием завязать с красным вином, как только Саша вернется. Тогда сделать это будет просто, однако сейчас, сию минуту только бокал красного способен хоть как-то снять напряжение. Патси медленно проходит к столу и опускается на стул, затем тянется за стоящим в середине пакетом молока. Должно быть, выдержка Фионы передалась и ей, потому что она поднимает взгляд и улыбается – слабой, мужественной, печальной улыбкой. Фиона чувствует в глазах жгучие слезы и сжимает девушке руку. «Слава богу, что ты есть, – думает она. – Слава богу, что ты здесь. Потому что, если б тебя сейчас здесь не было, никто не помешал бы мне сию же минуту подойти к буфету и откупорить еще одну проклятую бутылку».

* * *

В женском туалете на втором этаже, кроме Эверетт, никого нет; она разглядывает себя в зеркало. Левый глаз у нее плохо видит, и с тех пор как она вышла из дома, становится только хуже и хуже. Изображение не расплывается, не двоится – все гораздо тоньше. Как будто на самом деле ничего нет; хотя это какая-то бессмыслица, и Эверетт даже не может объяснить, в чем дело. И тем не менее что-то с ней и ее глазом происходит. У нее еще никогда не было мигрени, но она предполагает, что именно так это и проявляется. И не то чтобы у нее болит голова – без «Нурофена» точно можно обойтись. И в глазах не рябит, просто смутное, но гнетущее ощущение беспокойства. Открывается дверь, и заходит Сомер. Увидев Эв, она начинает улыбаться, но тут же останавливается, разглядев лицо подруги.

– Что с тобой?

Эв делает над собой усилие, чтобы улыбнуться.

– Все в порядке, просто что-то урчит в желудке. Наверное, всему виной вчерашний острый соус.

Сомер хмурится: она не помнит, чтобы Эверетт когда-либо ела острое.

– Точно?

Эв кивает.

– Абсолютно. Ну а ты, все в норме?

Эрика криво усмехается.

– Только что вывалила на бедного старика Бакстера новую гору

работы. В качестве компенсации тот требует внутривенные сладости.

Эверетт изображает улыбку.

– Что на этот раз?

– Только что появилась новая свидетельница, которая видела белый фургон на Марстон-Ферри-роуд в то утро, когда была похищена Фейт. Она запомнила, что на нем был какой-то логотип, но Бакстеру не от чего оттолкнуться. Я хочу сказать, «что-то вроде ракушки» может означать все что угодно.

Эверетт отворачивается от зеркала.

– Какой ракушки?

– Судя по всему, закрученной. А мне в голову приходит только Брайан из «Волшебной карусели»^[55]... – Она осекается на полуслове. – В чем дело?

Эв достает из кармана телефон, входит в Интернет и показывает картинку подруге.

– Она могла видеть вот это?

Сомер выпучивает глаза.

– О господи... проклятье – точно!

Эв шумно вздыхает.

– Отсылай это своей свидетельнице и спрашивай у нее. Затем нам нужно будет найти Фаули.

* * *

Адам Фаули

5 апреля 2018 года

09:19

Когда звонят в дверь, я еще в душе. Спустившись десять минут спустя на кухню, застаю там смущенных Сомер и Эверетт, а Алекс суетится с чайником. Она не ждала гостей, и на ней ее любимый свитер, который теперь стал ей тесноват, – и видно, что она беременна. Перехватив мой взгляд, Сомер поспешно отворачивается, заливаясь краской; должно быть, она вспомнила, что сказала пару дней назад. Насчет того, почему люди не говорят всю правду.

– О, Адам, – вот и ты! – с нескрываемым облегчением говорит Алекс. – Оставляю гостей на тебя.

– Сэр, – начинает Сомер, как только за моей женой закрывается

дверь, – тот наш разговор... я не хотела...

– Не бери в голову – это пустяки. Что стряслось?

– Похоже, у нас кое-что есть, – говорит Эверетт. – Помните Эшли Бразертон?

Я хмурюсь.

– Кажется, мы его отмели?

– Совершенно верно.

– И что изменилось? – Я перевожу взгляд на Сомер, затем снова на Эверетт. – У него же было алиби, разве не так? У его чертова *фургона* было алиби.

– Сегодня рано утром позвонила одна женщина, – говорит Сомер. – Она сказала, что видела на Марстон-Ферри-роуд фургон в то утро, когда подверглась нападению Фейт. Она почти ничего не запомнила, кроме того, что фургон был белый и на боку у него стоял логотип в виде ракушки. Бакстер пытался что-либо накопать, но это было все равно что искать иголку в стоге сена. Однако затем...

– Но затем Эрика поделилась этим со мной, – подхватывает Эверетт.

Она протягивает свой телефон. На экране фото фургона, и хотя логотип на самом деле не ракушка, я понимаю, почему он вызывает именно такие ассоциации, особенно если увидеть его лишь мельком. Это голова барана с большим закрученным рогом. В профиль. А под ней – решетка с пятью прутьями, окруженная нарциссами, вызывающая в памяти Энид Блайтон^[56].

«Рэмсгейт реновейшнс». Та самая компания, в которой работает Эшли Бразертон.

– Я отослала фото свидетельнице, – продолжает Сомер, – и та подтвердила, что, скорее всего, видела именно это. Стопроцентной уверенности у нее нет, но тем не менее...

– А единственный фургон «Рэмсгейт реновейшнс», который в то утро мог быть на Марстон-Ферри-роуд, – это тот, которым управляет Эшли Бразертон. Местонахождение остальных точно установлено.

– Но даже если это действительно была его машина, – говорит Сомер, – за рулем не мог быть он *сам*. Пятьдесят человек в то утро видели его в хедингтонском крематории.

– Значит, Эшли или придумал, как находиться одновременно в двух разных местах, или одолжил свой фургон кому-то другому.

– Это самое очевидное объяснение, – соглашается Эв. – Хотя он мне в глаза заявил, что в тот день никто не мог взять его фургон.

– Значит, это был кто-то такой, кто ему дорог – ради кого он готов

солгать. Родственник? Приятель? Приятель, который является тем самым таинственным парнем Саши, личность которого нам до сих пор так и не удалось установить? Быть может, именно *это* и связывает двух девушек.

– Это необязательно должен быть приятель, – говорит Сомер. – Возможно, просто парень, с которым Саша встречалась два-три раза, – но она была с ним знакома и считала безопасным сесть к нему в машину.

– А может быть, он просто напал на нее сзади и оттащил в укромное место, – угрюмо замечает Эв. – Как это было с Фейт. Он необязательно был знаком с девушками. Возможно, они просто оказались не в том месте и не в то время.

Однако я так не думаю.

– Саша – да, абсолютно. Нападение было случайным – никто не мог знать наперед, что она в тот вечер окажется именно в том месте. Однако Фейт – это другое дело: я считаю, что нападение было *спланированным*. Я уверен, что человек, напавший на нее, тщательно все просчитал, и он подумал о том, чтобы обзавестись чужой машиной.

Эверетт кивает.

– Если он хотел замести за собой следы – почему бы и нет?

– Из этого следует два возможных варианта, – говорит Сомер. – Или Бразертон знает *точно*, кто брал в тот день его фургон, но выгораживает его, или он ничего не знает и никогда не знал. Большую часть дня он пробыл на похоронах, так что такое не исключено.

Чайник закипел, однако чай меня не интересует.

– Так, давайте его к нам. Показаний свидетеля для этого более чем достаточно.

* * *

Поиски Саши Блейк возобновились с первыми лучами солнца. Последующие несколько часов явились изнурительными и неблагодарными и не принесли никаких результатов. Сейчас сержант Барнетсон руководит группой, прочесывающей берега реки; еще две группы работают в полях к северу от нее. Хорошо хоть теперь им в затылок не дышат журналисты. Когда Барнетсон только приехал сюда, кто-то из «Оксфорд мейл» попытался подкараулить его и получить комментарии насчет Придорожного Насильника, однако сержант не дурак. Из него не вытянуть то, что запросто может попасть в вечерние выпуски новостей.

На бедре у Барнетсона завибрировал оживший сотовый. Сержант

стягивает перчатку и выуживает телефон из-под непромокаемого дождевика.

– Барнетсон? Это Гислингхэм – просто хотел проверить. Узнать, нет ли у вас чего-нибудь.

– Только промокшие ноги и замерзшая задница. Но спасибо, что спросил.

– Как насчет прессы?

– Парочка писак в машинах на стоянке, один-два фотографа, но мы держим их за ограждением. А прямо сейчас я что-то не вижу, чтобы кому-либо хотелось лезть в грязь. Хотя в этом погода на нашей стороне. Впрочем, ты не хуже меня знаешь, как быстро все может измениться.

Он может не уточнять: место поисков, кишачье журналистами, будет означать только одно.

* * *

Адам Фаули

5 апреля 2018 года

11:48

Мы предлагаем ему чай, но он отказывается.

– Дед говорит, фургоном займутся криминалисты – снимут отпечатки пальцев и все такое. Он говорит, вы должны действовать тщательно.

– Нам всегда приходится действовать тщательно, – говорю я, усаживаясь напротив. – И особенно тщательно мы подходим к проверке фактов.

На лице у него отражается недоумение.

– Я не догоняю...

Я раскрываю папку. Он заглядывает в нее, затем снова смотрит на меня. В глазах у него что-то мелькает.

– Вы сказали моей коллеге констеблю Эверетт, что утром первого апреля были на похоронах своей бабушки.

– Ну да – как я и говорил...

– Вы также сказали, что, пока вы находились на траурной церемонии в Хедингтоне, ни у кого не было доступа к вашему фургону.

Он хмурится.

– Да, и что?

Я смотрю ему в глаза.

– И вот такая загадка. Понимаете, появилась свидетельница, утверждающая, что в то утро видела ваш фургон на Марстон-Ферри-роуд. Быть может, вы мне поможете?

Бразертон открывает рот, затем снова закрывает.

– Мне нужен адвокат, да?

– Если хотите, можете пригласить, – отвечаю я. – Если считаете, что он вам понадобится.

Я смотрю на него, Бразертон смотрит на меня. Отведя взгляд первым, говорит:

– Да. Полагаю, это неплохая мысль.

* * *

Протокол допроса Эшли Бразертон, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 5 апреля 2018 года, 12:42

Присутствуют: детектив-инспектор А. Фаули, детектив-констебль Э. Сомер, Дж. Хоскинс (адвокат)

А.Ф.: Итак, мистер Бразертон, как я уже говорил до прибытия вашего адвоката, вы сказали констеблю Эверетт, что никто не мог взять ваш фургон утром 1 апреля, однако свидетельница видела его на Марстон-Ферри-роуд. Возможно, вы объясните нам это.

Э.Б.: Значит, она все перепутала.

А.Ф.: Вы хотите сказать, свидетельница ошибается?

Э.Б.: Иначе быть не может.

А.Ф.: Это был ваш фургон.

Э.Б.: В «Рэмсгейт» полно фургонов. Это мог быть любой из них.

Э.С.: Согласно руководству компании «Рэмсгейт реновейшнс», местонахождение всех остальных фургонов точно известно. Начиная с восьми утра того дня, все они находились на строительном объекте в Бичестере.

Э.Б.: Ну, я тут подумал и пришел к выводу, что у Мартина в тот день был выходной. Это мог быть он.

Э.С.: У Мартина?

Э.Б.: Мартина Рэмсгейта.

Э.С.: Сына вашего шефа?

Э.Б.: Ну да.

Э.С.: Разумеется, мы это проверим, но, как утверждает Полина Рэмсгейт, все фургоны находились на объекте.

Э.Б.: Ну конечно, ради своего сына она и соврет!

А.Ф.: А вы, мистер Бразертон, ради кого соврете?

Э.Б.: Что это значит, мать вашу?

Э.С.: Вы никому не давали свой фургон?

Э.Б.: Никому.

А.Ф.: Ключи, кроме вас, никто не мог взять?

Э.Б.: Нет! Как я уже сказал в прошлый раз – той, другой девушке.

А.Ф.: Ну хорошо, мистер Бразертон. Пока что мы прервемся. Наш сотрудник проводит вас в комнату ожидания, где вам будет удобнее.

* * *

Адам Фаули
5 апреля 2018 года
12:58

Полицейский в форме уводит Бразертон и его адвоката, и когда за ними закрывается дверь, Сомер поворачивается ко мне.

– Ну, что вы думаете?

– Что я думаю? Я думаю, что он бессовестно врет.

Сомер кивает.

– Понимаю – я с вами согласна. Я только не могу понять почему. У него железобетонное алиби на время обоих нападений, и он это знает. Мы не можем привязать его ни к одному из них, так зачем идти на огромный риск, выгораживая кого-то?

Некоторое время мы сидим молча. Из соседней комнаты для допросов доносятся приглушенные голоса. Не знаю, кто там, но обстановка явно накаляется.

– Быть может, свидетельница ошиблась насчет фургона, – говорит наконец Сомер. – Она ведь сказала, что полной уверенности насчет логотипа у нее нет.

Показания очевидца крайне ненадежны. И нам это прекрасно известно.

– Ну хорошо, давайте проверим, где в то утро находился Мартин Рэмсгейт. Готов поспорить на закладную на свой дом, что он не имеет к этому никакого отношения, но проверить это все равно нужно.

Сомер кивает и делает пометку.

– И поспрашивай – выясни, нет ли у кого-либо из знакомых Бразертон криминального прошлого. А также получи в «Рэмсгейт» разрешение на полный криминалистический осмотр фургона.

* * *

Когда Эв выскакивает, чтобы перекусить, в приемной сидит старик, скорбившись на пластиковом стуле в холодном сквозняке из входной двери.

– Мистер Бразертон? – говорит она. – Я Верити Эверетт, вы меня

помните?

Старик раздраженно поднимает на нее взгляд.

– Конечно, я вас помню. Я еще не выжил из ума, черт возьми!

– Наверное, вы уже давно здесь сидите... Я могу вам что-нибудь предложить? Может быть, чаю?

Он хмурится.

– Я уже выпил три чашки. Сколько еще будут держать Эша?

– Не знаю. Я не присутствовала на допросе.

Старик смотрит на часы. Старые, на кожаном ремешке, с пожелтевшим от времени циферблатом.

– Через полчаса у меня назначен прием в больнице имени Джона Рэдклиффа, и времени уже в обрез. Эш обещал меня подвезти.

– Вот как, – говорит Эверетт. – Я не знала. Сейчас я выясню, что там.

Она подходит к телефону и звонит Сомер, но когда заканчивает разговор, выражение у нее печальное.

– К сожалению, допрос вашего внука еще продолжается. А его фургон забрали в криминалистическую лабораторию.

Старик хмурится.

– И как мне прикажете добираться до больницы? Мне полчаса переться только до ближайшей автобусной остановки!

Ну, эту проблему, по крайней мере, решить можно.

– Подождите минутку, и я узнаю, как устроить, чтобы кто-нибудь вас подвез.

* * *

Протокол допроса Эшли Бразертон, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 5 апреля 2018 года, 13:50

Присутствуют: детектив-инспектор А. Фаули, детектив-констебль Э. Сомер, Дж. Хоскинс (адвокат)

А.Ф.: Мистер Бразертон, мы снова переговорили с компанией «Рэмсгейт», и нам однозначно подтвердили, что утром 1 апреля все фургоны компании находились в Бичестере. У Мартина Рэмсгейта действительно был выходной, но на предшествующей неделе и в тот день, начиная с 8:00, он и его фургон находились на объекте. Поэтому я снова спрашиваю у вас

– кто еще мог получить доступ к вашему фургону?

Э.Б.: Ничего не могу сказать. *(Обращается к своему адвокату.)* Я ведь могу так ответить, правильно?

Дж. Х.: Инспектор...

А.Ф.: Я не понимаю ваше нежелание сотрудничать со следствием, честное слово. Нам известно, что в то утро вы были на похоронах своей бабушки, и у нас есть запись камеры видеонаблюдения в больнице имени Джона Рэдклиффа, на которой вы запечатлены в тот промежуток времени, когда пропала Саша Блейк. Помогите мне, если сможете, потому что я, честное слово, ничего не понимаю.

Э.Б.: Ну... в общем, это мое дело, понятно?

А.Ф.: Если вы хотите поиграть в эту игру, воля ваша. Но должен вас предупредить, что мы запросили в «Рэмсгейт реновейшнс» разрешение обыскать фургон.

Э.Б.: Вы не имеете права – это моя машина, черт побери!

Э.С.: Боюсь, имеем, мистер Бразертон. Зарегистрированным владельцем фургона является компания, а не вы.

Э.Б.: Но у меня там мои личные вещи...

Э.С.: Это ничего не меняет. Сожалею.

А.Ф.: Я хочу также повторить просьбу сдать отпечатки пальцев и образец ДНК. Как мы уже говорили, дело это абсолютно добровольное: тем самым вы позволите нам вычеркнуть вас из списка подозреваемых. Не стесняйтесь, можете обсудить это с мистером Хоскинсом.

Э.Б.: *(Беседует вполголоса с адвокатом.)* Ну хорошо, я согласен. *(Пауза.)* Но только если вы откажетесь от всего остального, договорились? Я сдаю вам свои «пальчики» и все остальное, но только если вы не трогаете фургон.

Э.С.: К сожалению, мистер Бразертон, так у нас ничего не получится.

Э.Б.: Тогда пошли вы...

Дж. Х.: *(Сдерживая своего клиента.)* Мы соглашаемся на ДНК и отпечатки пальцев. Надеюсь, после этого мой клиент сможет отправиться домой?

А.Ф.: Всему свое время. Однако фургон будет подвергнут криминалистической экспертизе. Так что, боюсь, вашему клиенту придется воспользоваться автобусом.

* * *

Адам Фаули
5 апреля 2018 года
14:09

– Вы по-прежнему считаете, что он лжет? – спрашивает Сомер, когда мы поднимаемся обратно по лестнице.

Я качаю головой.

– Нет. На этот раз мы получили правду. Хотя скорее через молчание, чем через искреннее стремление помочь со стороны Бразертон.

Сомер кивает, она понимает, что я имею в виду.

– В фургоне что-то есть, так? Какие-то улики. Вот почему Бразертон так настроен на то, чтобы не подпускать нас к нему.

– Ну, будем на это надеяться. И постучим по дереву, чтобы ДНК, которые мы найдем, оказались в базе данных, черт возьми. Потому что в противном случае никакого быстрого продвижения вперед не будет. Опять.

* * *

– Констебль Аткинс подбросит вас до больницы и привезет обратно, мистер Бразертон. Он подгонит машину к входу.

Эверетт протягивает руку, чтобы помочь старику подняться на ноги, но тот отмахивается.

– Спасибо, юная леди, но если я начну пользоваться посторонней помощью, пройдет совсем немного времени, и я уже не смогу без нее обходиться.

Дождь прекратился, но на улице холодно, а пальто у старика на рыбьем меху.

– Машина вот-вот подъедет, – говорит Эв, чувствуя потребность прервать молчание.

Старик оборачивается к ней.

– Спасибо. Вы могли бы не напрягаться, но вы это сделали. И я это оценил. И еще, скажите Эшу, – продолжает старик, – что из больницы я вернусь в участок. Кто-то же должен позаботиться о нем.

– Мистер Бразертон, у него есть адвокат.

Старик прищуривается.

– Такая поддержка обходится в две сотни за час. Я же имею в виду тех, кому до него действительно есть дело. А в наших краях такой я один.

* * *

*Адам Фаули
5 апреля 2018 года
16:16*

– Ты уверен?

Я разговариваю по телефону с Чаллоу, а остальная команда собралась вокруг моего стола. По моему голосу все понимают, что новости плохие.

Закончив разговор, я поворачиваюсь к ребятам.

– Пока что криминалисты нашли в фургоне Эшли Бразертон только один использованный презерватив и лужицу чего-то, похожего на сперму, на коврике. Определенно, наш мистер Бразертон знает, как доставить девушке удовольствие.

На лице у Куинна написано нескрываемое разочарование.

– И это все?

– Также нашли пластиковый пакет с пятнадцатью граммами отборной марихуаны. Этого даже не хватит, чтобы утром поднять с постели прокурора.

– Но это, возможно, объясняет, почему Бразертон наложил в штаны, опасаясь обыска, – обреченно говорит Сомер. – Похоже, это не имеет никакого отношения к Фейт. И к Саше. Бразертон просто боялся, что мы обнаружим травку.

– И как следствие, его выгонят с работы, – бормочет Эв.

Она ведет себя как страстная поклонница Эшли Бразертон, к тому же получающая за это неплохие деньги, и я, хоть убей, не могу взять в толк, в чем тут дело. С другой стороны, я начинаю думать, что Сомер права – больше того, я в двух шагах от того, чтобы самому прийти к такому же заключению.

– Образцы ДНК отправили на анализ, но результаты будут готовы не раньше чем через день.

– Что насчет отпечатков пальцев? – спрашивает Гислингхэм. Неисправимый оптимист.

– Ничего. Несколько частичных отпечатков, но ничего пригодного, кроме «пальчиков» самого Бразертон. ДНК сравнят с образцами на пакете,

обнаруженном на огородах, но я особых надежд не питаю. Так что, если у кого-нибудь есть свежие мысли, я весь обращаюсь в слух.

– Значит, мы просто отпустим этого наглого подонка домой? – недовольно бурчит Куинн.

– У нас нет выбора, – пожимаю плечами я.

– Что насчет цементной пыли? – спрашивает Сомер. – В фургоне ее должно быть полным-полно.

– Хороший вопрос. И ты права, она там есть. Однако экспертам нужно время, чтобы установить ее точный химический состав. И Чаллоу уже предупредил меня, что строительные фирмы закупают цемент у небольшого круга крупных оптовиков, поэтому то, чем пользуется «Рэмсгейт», вряд ли окажется единственным в своем роде. Следовательно, даже если образцы, найденные в фургоне, совпадут с тем, что мы обнаружили на Фейт, для задержания этого будет недостаточно. Нужно что-то еще.

– А Бразертон будет по-прежнему утверждать, что никто, кроме него, взять фургон не мог, – вздыхает Гис.

– Ну, он прав, разве не так? – хмурится Бакстер. – Я хочу сказать, ключи от фургона были или у него, или в доме. Как кто-либо мог взять их без его ведома?

Эв пожимает плечами.

– Может быть, у него под ковриком лежит запасной ключ от входной двери? Так всегда поступала моя бабушка.

– В Блэкберд-Лейз? – Куинн не скрывает своего изумления. – Не смехи меня! Дом обчистят меньше чем через неделю!

– Нет, не обчистят, – возражает Эверетт. – В этом районе следят за порядком. И мистер Бразертон давно живет там.

Я поднимаюсь на ноги.

– Ну, по крайней мере на этот вопрос мы сможем получить ответ. Давайте это выясним, хорошо?

* * *

Дождь льет как из ведра, и на месте поисков Барнетсон бредет по колено в воде в мутной реке, рискуя на каждом шагу оступиться. Он осторожно продвигается вперед, опираясь на шест, чувствуя, как скользит под резиновыми сапогами грязь. Черуэлл местами вышел из берегов, вытекая бурой слизью на поля по обеим сторонам, где под струями дождя

обреченно пыхтят коровы. Вода поднялась так высоко, что весь мусор, сброшенный с прогулочных лодок, и опавшая листва несутся в круговороте по течению, застревая в низко нависающих ветвях. В нескольких ярдах впереди Барнетсон видит велосипедную раму, тележку из супермаркета и несколько старых хозяйственных сумок, зацепившихся за низкие ветки, окруженных белой пеной; одна разорвана, вторая раздулась от...

«Нет! – думает Барнетсон. – Пожалуйста, только не это!..»

* * *

Адам Фаули

5 апреля 2018 года

17:22

Я прибываю на место не первым и замечаю машину Колина Бодди, а невдалеке уже стоит передвижная криминалистическая лаборатория. Но двое экспертов сидят внутри. Они знают, что я захочу лично осмотреть место, прежде чем к нему кто-либо прикоснется. Прежде чем его испортят.

Перед тем как выйти из машины, я поднимаю воротник в надежде на то, что проливной дождь поможет мне сохранить инкогнито, однако стервятники уже учуяли что-то. Нас здесь теперь слишком много: как бы естественно мы ни пытались себя вести, теперь это лишь вопрос времени.

Полицейский в форме, дежурящий у ограждения, кивком посылает меня направо, без того чтобы (слава богу) не вытянуться бездумно в струнку и указать рукой, и вскоре я уже бреду по щиколотку в вязкой грязи, стараюсь держаться вертикально. Если честно, мы и так уже по уши в дерьме, и без буквального понимания этого слова. Впереди я вижу белую палатку, рассыпавшихся членов поисковой партии и Йена Барнетсона, застывшего неподвижно, наблюдающего за моим приближением. Лицо у него безрадостное.

– Это точно она? – спрашиваю я, поравнявшись с ним.

Он кивает.

– Насколько это можно утверждать сейчас, сэр, на основании того, во что она была одета.

– Больше вы ничего не нашли?

– Оружия в непосредственной близости нет, но мы не можем сказать, где она попала в воду, так что оно может быть где угодно. Точно так же нет ни сумочки, ни телефона. – Сержант смотрит мне в глаза. – И нижнего

белья. Состояние трупа... по-моему, нет никаких сомнений относительно того, что он с ней сделал.

Я с трудом глотаю комок в горле. Делаю над собой усилие, облачаясь в защитные доспехи профессионализма. После чего думаю о матери Саши, лишенной такой роскоши. О ее отце, только что вновь нашедшем дочь. Гадаю, что бы я делал, что бы чувствовал на его месте – если б у меня была дочь. А потом думаю – и это приходит как нечто удивительное, – что, возможно, дочь у меня уже есть.

* * *

В полумраке криминалистической палатки я сперва вижу только Колина Бодди, сидящего на корточках на земле, его хлопчатобумажный комбинезон слабо светится в тусклом свете. Я окликаю его по имени, и он встает, оборачивается ко мне и указывает на то, что они нашли.

Крови нет, потому что об этом позаботилась река, но раны есть. Жестокие, безжалостные, многочисленные: для того чтобы их нанести, потребовалось много времени и желания. Десятки порезов и ссадин на голых ногах и размытые следы того же самого насилия на одежде. Мягкие ткани на запястьях распухли от куска проволоки, которым были связаны руки. Проволока глубоко впилась в плоть от отчаянных попыток освободиться. И, что хуже – что самое страшное из всего этого – пластиковый мешок, туго затянутый на затылке, прилипший к месиву мозгового вещества, костей и волос, что просвечивает сквозь него.

Пластиковый мешок. Кусок провода. Не буду притворяться, будто я не ожидал этого. И все-таки это удар под дых.

– Ее жутко избili, – тихо произносит Бодди. – Впрочем, вы это и без патологоанатома поняли.

– Пожалуйста, скажите, что хотя бы часть ран нанесены после смерти.

– Да, некоторые, – он хмурится. – Но если судить по тому, как завязан мешок, вполне возможно, несчастная отключилась от недостатка кислорода. Мы будем на это надеяться, что нам еще остается... По крайней мере, отключилась до того, как он принялся за ее лицо.

* * *

Голосовая почта

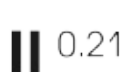
Констебль Терри Аткинс

Мобильный телефон

Расшифровка

«Констебль Эверетт? Это констебль Аткинс. Я благополучно отвез старика домой. Как вы и просили, я поглядел, что да как, якобы убеждаясь в том, что с ним все в порядке, и запасной ключ определенно есть. Он у двери черного входа, под незакрепленной плиткой. Надеюсь, это поможет».

0.21

-0.09

Динамик

Перезвонить

Удалить

* * *

– Наверное, это он ее нашел, – замечает Нина Мукерджи, увидев высокого полицейского в форме, проходящего мимо передвижной криминалистической лаборатории, из которой они с Клайвом Конвеем выгружают оборудование.

Конвей оглядывается. Полицейский по пояс в грязи.

– Это Барнетсон. Бедняга! Такое врагу не пожелаешь.

В нескольких ярдах от них собрались сотрудники уголовного отдела, и Барнетсон подходит к ним.

– У Фаули также вид невеселый, – замечает Нина.

– А что, ты удивлена? – отвечает Клайв, даже не удосужившись взглянуть в ту сторону. – В этих штанах мне в настоящий момент совсем не хотелось бы оказаться.

– Не его вина, что журналисты – сволочи. Или что все ждут от полиции моментального раскрытия преступлений на основе того бреда, который показывают по телику.

– Дело не только в этом, – Клайв поднимает голову. – Говорят, было другое дело – которым Фаули занимался много лет назад. Судя по всему,

параллели уже становятся слишком очевидными. И теперь *вот это...*

Бросив многозначительный взгляд на Нину, он достает из фургона последний ящик и захлопывает дверь.

– Неужели ты серьезно думаешь, что Фаули мог сфабриковать улики?

Нина не может сказать, что хорошо знает инспектора – по крайней мере, лично. Но у нее никогда не возникало ни малейших сомнений в его профессионализме. И в его честности.

Конвей пожимает плечами.

– Это необязательно было сделано умышленно. Возможно, просто имел место банальный ляп.

В дальнем конце стоянки трое изнуренных полицейских в форме отчаянно стараются сдержать прессу за ограждением, но кадры с Фаули сегодня в вечерних выпусках новостей будут обязательно. «И с нами тоже», – думает Нина. Белый комбинезон криминалиста виден за целую милю. Более ярким свидетельством станет только приезд труповозки.

Нина заставляет себя вернуться к насущным задачам.

– Итак, какой у нас план?

– Один поисковый отряд обнаружил на берегу что-то, похожее на следы от волочения. Возможно, именно там беднягу сбросили в реку.

Прищурившись, Нина поднимает взгляд к небу. Если б было сухо, можно было бы искать отпечатки ног, следы крови, ДНК. Но сейчас?..

Правильно прочитав ее мысли, Клайв корчит гримасу.

– Сам знаю, но если б мы хотели жить безмятежной жизнью, мы ни за что не занялись бы этим проклятым ремеслом, ведь так?

* * *

Адам Фаули

5 апреля 2018 года

17:50

Я сажусь в машину и звоню Сомер. Должно быть, та ждала что-то подобное – в какой-то степени все мы этого ждали, – но между тем, чтобы чего-то опасаться, и тем, чтобы знать это наверняка, огромная пропасть, и никто не может прочувствовать это так глубоко, как Сомер.

– Сомер? Я на Марстон-Ферри-роуд. Мы ее нашли.

Медленный вдох. Затем выдох. Если б Саша была жива, я бы сразу это сказал.

– Слушай, мне крайне неудобно, но я хочу поручить тебе сообщить это Фионе.

Сейчас даже я понимаю, что выбора у меня нет: я должен доложить суперинтенданту, и немедленно. Потому что время, которое потребуется для того, чтобы эта новость вырвалась на свободу, измеряется не часами, а минутами, а когда это произойдет, все кому не лень примутся за дело Придорожного Насильника.

– Я должен срочно переговорить с Харрисоном, поэтому не могла бы ты съездить на Уиндермер-авеню? Пресса обложила нас тут со всех сторон, поэтому я боюсь, что Фиона узнает об этом еще до моего возвращения. Если сможешь, захвати с собой Эв.

– Что я должна ей сказать? – Голос у Сомер хриплый, задыхающийся.

– Скажи, что формального опознания еще не было, но, учитывая возраст жертвы и то, где она была обнаружена, это может быть только ее дочь.

– Хорошо, я все поняла. Постараюсь ее подготовить. Но вы точно уверены, сэр, да? Никаких сомнений нет?

– Нет. К сожалению, никаких сомнений быть не может. Это определенно Саша.

– Хорошо, сэр. Положитесь на меня. – Голос Сомер окреп. В ней берет верх сотрудник полиции, по крайней мере на какое-то время. – Вы хотите, чтобы я привезла Фиону на опознание?

– Вообще-то я считаю...

И снова я слышу вдох – Сомер понимает, что это значит.

– Скажем так: лучше будет обойтись одной стоматологической картой. Для всех нас.

* * *

«Би-би-си онлайн»

5 апреля 2018 года | Последнее обновление 18:24

СРОЧНАЯ НОВОСТЬ: В ходе поисков пропавшей в Оксфорде девушки 15 лет обнаружено тело

Жители района Марстон в Оксфорде сообщают о том, что пропавшая местная девушка Саша Блейк, возможно, была обнаружена в поле недалеко от того места, где ее видели в

последний раз. За последний час несколько человек выложили в Интернет фотографии белой полицейской палатки, разбитой на берегу реки Черуэлл. На стоянке по соседству также была замечена машина для перевозки трупов, что подкрепляет предположение о том, что действительно было обнаружено тело.

Управление полиции долины Темзы до сих пор не сделало заявления.

Новая информация по мере поступления.

25 комментариев

Sylvia_Meredith_245

Как это ужасно – молодая жизнь трагически оборвалась, не успев даже начаться. Сердцем своим с родными несчастной

Shani_benet_151

Моя дочь учится в той же школе, что и Саша, – весь ее класс просто сражен наповал. Все ее любили, она была такой талантливой. Ее даже на лето пригласили поработать в «Вог». Желающих были сотни, но выбрали ее

Amber_Saffron_Rose

Наверное, будет поминальная служба, да?

Johnjoe_84_Wantage

Мать показывали в новостях. Но где чертов папаша, вот что я хотел бы знать. Он как-то в этом замешан. Подождите – и сами все увидите

Shani_benet_151

Ну как вы можете говорить такое? Вы не задумываетесь, что ее родным и близким досталось и без вашего брюзжания – что, если они сейчас читают это, вы об этом не думали? Вы даже НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ СЕБЕ, что это такое, так что лучше заткнитесь по-хорошему!

Johnjoe_84_Wantage

Только из того, что вам не нравятся мои слова, еще не следует, что это неправда. Сами увидите, прав я или нет

* * *

Свернув на Уиндермер-авеню, Эверетт и Сомер тотчас же понимают, что опоздали. Журналисты уже окружают дом в три ряда: на дверь нацелены телекамеры, ждущие полицию, родственников, службу доставки – все равно кого, лишь бы Фиона Блейк появилась на пороге. Другие охотятся за всем, что может принадлежать Саше – велосипед, стоящий под навесом, наклейка на окне в спальне. Внутри никаких признаков жизни: вверху и внизу окна зашторены, однако на улице перед полицейскими все равно толпится народ, а жители соседних домов прильнули к окнам верхних этажей, стараясь получше разглядеть происходящее.

– Проклятые стервятники! – бросает Сомер, заглушив двигатель. – Неужели они не понимают, что делают только хуже?

– Им наплевать, – говорит Эв, уставившись в окно. – С какой стати такт должен стоять на пути громкой сенсации?

Корреспондент «Скай» говорит в прямом эфире, отточенным движением в четверть оборота указывая на дом.

– Управление полиции долины Темзы еще не выступило с заявлением, однако крепнут слухи о том, что тело пятнадцатилетней Саши действительно было обнаружено меньше чем в двух милях от этого дома, в котором она жила вместе со своей матерью Фионой Блейк, сорока трех лет...

Эв оглядывается на Сомер, крепко стиснув рулевое колесо.

– Послушай, Эрика, понимаю, что мне легко так говорить, но попробуй не принимать все близко к сердцу. С подобными делами – если относиться к ним как к личной трагедии, долго не протянешь. Но Фионе нужно не это. Ей нужно, чтобы мы нашли этого подонка. Только и всего. Нашли его, заперли и постарались изо всех сил потерять ключ от двери.

– Знаю, – кивает Сомер. – Извини. Я не хотела...

– Ничего страшного. Можешь не извиняться. По крайней мере, передо мной. – Она отстегивает ремень и берется за ручку двери. – Так. А теперь пришло время высказать этому отродью то, что я о нем думаю!

* * *

*Адам Фаули
5 апреля 2018 года*

18:54

– Адам, выбора у меня нет. И ты должен это понимать.

Я молча киваю. Хотя какая-то частица меня отказывается это понять. Разгневанная частица, занявшая глухую оборону, не желающая воспринимать происходящее всерьез.

– И что вы предлагаете, сэр?

Харрисон прищуривается. Несомненно, от него не укрылся мой тон, и ему это не нравится. Но мне все равно, если в моем голосе звучит ярость, то только потому, что я разъярен.

– Я попросил пресс-секретаря подготовить заявление с подтверждением того, что мы неофициально поднимаем дело Придорожного Насильника. Поскольку считаем, что в свете последних событий благоразумно снова изучить все доказательства, чтобы укрепить веру общественности в полицию. И если выяснится, что требуется официальное обращение в Комиссию по пересмотру уголовных дел...

– О, ради всего святого!..

– Ну же, Адам, ты не хуже меня знаешь, что в таких делах лучше действовать на опережение. «Твиттер» только и говорит об этом.

– Неужели вы всерьез думаете, что Гэвин Пэрри невиновен? И что все эти преступления совершил кто-то другой – о ком не ведали ни слухом ни духом, – и вот теперь он снова принялся за свое, по прошествии стольких лет...

– Адам, важно не то, что думаю я. Мы должны продемонстрировать, что поступаем так, как нужно. Тем более если...

– *Если?* Если что? Если я ошибся – если я облажался? Вы это имеете в виду, да?

Харрисон принимается нервно перекидывать вещи на своем столе. Старательно избегая смотреть мне в лицо.

– Такая позиция не поможет. Совершенно разумно, если главный констебль^[57] попросит нас показать, что мы рассматриваем все альтернативные версии этого преступления.

Если б я не был так взбешен, то рассмеялся бы вслух. Больше того, я настолько взбешен, что готов рассмеяться, несмотря ни на что. Несмотря на то, что в этом случае я оказался бы в глубоком дерьме.

Наступает тишина. Гневная тишина, искрящаяся электрическими разрядами.

Харрисон снова откидывается назад.

– А пока что я, разумеется, должен передать дело кому-то другому.

– Кому-то другому?

– Адам, ты больше не можешь его вести. Налицо явное столкновение интересов, уж это ты должен видеть?

– Кому? Кому вы передадите дело?

– Рут Галлахер, из отдела особо опасных преступлений. Она возьмет на себя дело Эпплфорд – Блейк и будет поддерживать связь с тем, кому главный констебль поручит изучить дело Пэрри.

Могло быть и хуже. Если честно, могло быть гораздо хуже. С Галлахер я встречался только на официальных мероприятиях, но наслышан о ней. Пытливая, не терпит компромиссов, знает свое дело. И честная. Она прямо выложит то, что думает.

– И еще я, разумеется, поставлю в известность адвокатов Пэрри.

Я молчу. Я не могу поручиться, что не скажу что-нибудь нецензурное, но в любом случае телефонный звонок спасает меня от самого себя.

Харрисон хватает трубку.

– Я же говорил, чтобы меня не беспокоили... – рывкает он. Затем умолкает, бросает взгляд на меня, отворачивается в сторону. – Передайте ей, что в настоящий момент мы не можем сделать никакого заявления, но в самое ближайшее время подготовим его.

Он кладет трубку и угрюмо смотрит на меня.

– Это была Джослин Нейсмит.

* * *

Дождь и не собирается прекращаться, однако в морге скидок на погоду не делают. Здесь, как обычно, чересчур яркий свет, тихо гудят люминесцентные лампы, и этот шум является фоном для приглушенных голосов и стука металла по металлу. В прозекторской присутствуют два эксперта-криминалиста и сотрудник отдела вещественных улик, но из следовательского отдела пришел один Гислингхэм. Он сказал, что сейчас его очередь, все остальные заняты и незачем толпиться в одном месте (что правда), однако главная причина в том, что Гис хочет оградить женщин от этого жуткого зрелища. Да, он понимает, что, если бы он высказал это вслух, его заклеямили бы закаменелым женоненавистником, однако с его точки зрения это лишь «забота о ближнем».

– Так, сержант, значит, только вы один? – окликает из противоположного конца помещения Колин Бодди. Ассистент стоит у него за спиной и завязывает фартук.

– У нас много дел.

Бодди понимающе косится на него.

– Как бы там ни было... Что ж, принимаемся за работу, док?

* * *

В комнате царит тишина.

С тех самых пор, как у Сомер иссякли слова.

Фиона Блейк ничего не спросила, ничего не сказала. Она не в истерике, не обезумела. Просто сидит, в этой холодной комнате с занавешенными окнами, и по ее лицу текут слезы, которые она даже не трудится вытирать. Сомер еще никогда не приходилось видеть, чтобы эту страшную новость воспринимали так молчаливо, так неподвижно. И ей еще никогда не приходилось видеть столько боли.

Они сидят в сгущающихся сумерках; снаружи доносится размеренный стук дождя по мостовой и тихий гул журналистов, а на кухне Эверетт старается успокоить безутешно всхлипывающую подругу Саши.

* * *

Адам Фаули

5 апреля 2018 года

19:05

– Фамилия мне незнакома – кто она такая?

Я сижу в машине и говорю по телефону. Я промок насквозь, пробежав всего пятьдесят ярдов по стоянке, но мне требовалось поговорить с Алекс, и стремление к уединению превысило желание остаться сухим.

Женщина, которую я видел на пресс-конференции, которая показалась мне знакомой.

– Джослин Нейсмит работает во «Всеї правде».

Любому другому мне пришлось бы объяснять, что это такое. По крайней мере, любому, кто не имеет отношения к системе уголовных судов. Но моя жена юрист. Она прекрасно знает, что такое «Вся правда» – эта организация борется за права тех, кто осужден на основании ложных улик, упорно стремясь исправлять ошибки правосудия. Алекс на протяжении почти десяти лет с восторгом наблюдала за ее работой. Но сейчас дело

другое – сейчас это задевает за живое, это касается ее мужа.

– Они взялись за дело Пэрри – *серьезно?* – Голос Алекс на пару тонов выше обыкновенного. В нем звучат пронзительные нотки беспокойства. И дышит она слишком часто. Это плохо.

– По-видимому, его адвокаты уже не раз обращались туда, но им неизменно отказывали.

– До настоящего времени, – с горечью говорит Алекс. – Это означает, что делом займутся снова – разворошат и заглянут в каждую щелочку. После чего примутся за новые дела – за все те *параллели*, о которых ты говорил.

Это не совсем справедливо, но разве я могу ее винить?

– У них нет доступа к этой информации, Алекс. Я имею в виду текущие дела.

Что правда – пока.

– И у нас до сих пор нет результатов вскрытия Саши Блейк, – поспешно продолжаю я, не давая Алекс ответить. – Если нам повезет, мы получим что-нибудь такое, что раз и навсегда положит конец этому бреду насчет Пэрри.

И остановит повторное расследование его дела еще до того, как оно успеет начаться. Но что, если вскрытие покажет, что я неправ? И неправ не только сейчас, в отношении последних нападений, но был неправ и раньше. Неправ с самого начала, когда все это только началось...

Что тогда?

* * *

Бодди вскрывает мешок для трупов и вручает его одной из экспертов, чтобы та приобщила его к уликам. Она в маске, но Гислингхэм видит, как она потрясена. Что касается самого Гиса, ему уже тысячу раз доводилось слышать выражение «кровавое месиво» – он сам его использовал, особо не задумываясь. Но лично никогда не видел. По крайней мере, такое. С одной стороны Саша Блейк внешне выглядит практически нормально, но с другой...

Гислингхэм глотает комок в горле, радуясь – в который уже раз, – что Сомер и Эверетт этого не видят. Половина лица Саши изуродована страшными ударами, глазница раздроблена, осколки кости торчат из мягких тканей, распухших в речной воде. Та Саша, которую Гис видел на фотографиях, та Саша, которую все искали, – она больше уже никогда не

вернется. Умение Бодди делать мертвых такими, чтобы на них могли смотреть живые, вошло в легенду, но это... тут не поможет даже его мастерство.

– Это ведь работа не только кулаков, так? – тихо спрашивает Гислингхэм.

– Да, – подтверждает Бодди, опуская ниже лампу и наклоняясь, чтобы лучше видеть. – Порезы нанесены ножом, но тупые травмы причинены чем-то другим. Я так понимаю, никакого оружия вы на месте обнаружения трупа не нашли?

– Пока что нет, – качает головой Гислингхэм.

– В таком случае я искал бы что-нибудь с острыми краями. Неправильной формы. Обломок бетона, камень – уверен, вы понимаете, что я имею в виду.

Гис мысленно вздыхает. Что-нибудь такое – возможно, оно просто валялось на берегу реки. И если убийца воспользовался именно этим, каковы шансы найти это сейчас?

– Полагаю, никакой надежды на ДНК нет, – говорит он, борясь с приступом тошноты. – Я имею в виду, ДНК убийцы.

– Боюсь, нет, – Бодди качает головой. – Вода об этом позаботилась. И не только о ДНК. Волокна ткани, кожа. Цементная пыль. – Он поднимает бровь. – Это я так, для примера.

* * *

– Вы можете мне сказать... он... ну, понимаете...

Сомер понимает, о чем ее спрашивают. Теперь Фиона смотрит на нее зажавшими, затравленными глазами, умоляя сказать, что ее пятнадцатилетнюю дочь не изнасиловали.

– В Интернете выложили... люди говорят, что это может быть Придорожный Насильник... что он вернулся. Пожалуйста, скажите мне правду, он... я должна знать...

Сомер кусает губу. Фиона думает, что хочет знать правду, однако правда ее не спасет. Эта жестокая улица с односторонним движением ведет только к страданиям.

– Мне никто ничего не говорил, – отвечает Эрика, хотя ей прекрасно известно, в каком виде была обнаружена Саша. – Потребуется какое-то время, чтобы установить это. Но, поверьте, нет *никаких* оснований полагать, что это как-либо связано с Придорожным Насильником.

Инспектор Фаули абсолютно убежден в том, что тот человек сидит в тюрьме. Там, где его место.

Фиона кивает, и снова начинаются слезы.

– Просто я, наверное, не смогу это вынести, если... если единственный раз, который был у Саши... если он был такой... если это было...

Сомер наклоняется к женщине и сжимает ее холодные, сухие руки.

– Пожалуйста, не мучьте себя предположениями!

Скоро, очень скоро плохо будет и без этого.

– Не могу, – дрожащим голосом произносит Фиона. – Я просто не могу не думать об этом... его руки хватают ее... прикасаются к ней... это мерзко, мерзко, мерзко...

Она заливается слезами, и Эрика, быстро подойдя к ней, обнимает ее.

– Что бы ни случилось, – шепчет она, – я здесь, я рядом.

* * *

Уже почти восемь часов вечера, когда в оперативном штабе звонит телефон. Это дежурный. Говорит, что пришел кто-то. С информацией по делу Саши Блейк.

Куинн шумно вздыхает и обводит взглядом комнату, однако здесь нет молодых, на кого можно было бы это свалить. Он снимает пиджак со спинки стула и направляется вниз.

* * *

– А, сержант, хорошо, что вы возвращаетесь к нам.

Гислингхэм закрывает за собой дверь.

– Это был шеф. Я должен был ответить. Просто я не предполагал, что это займет столько времени.

Труп лежит теперь на животе, от шеи и ниже накрытый простыней. Затылок оскалился мокрыми волосами и студенистым мозговым веществом, а рядом с макушкой бледно-розовое пятно, в том месте, где скальп отделен от черепа.

– Я так и думал, – говорит Бодди, перехватив взгляд сержанта, – и оказался прав: выдран большой клоч волос. И это было сделано еще до того, как она умерла.

Он проходит вдоль стола и поднимает простыню, и даже Гислингхэм, далеко не зеленый новичок, которому уже много раз приходилось видеть это, вынужден отвернуться.

– Нижнее белье отсутствует, как вам уже известно, – продолжает Бодди. – Я взял мазки во влагалище, но сомнительно, чтобы от них был какой-либо толк.

– Потому что тело побывало в воде? – спрашивает Гислингхэм, не отрывая взгляда от патологоанатома. – Или потому, что убийца использовал презерватив?

Бодди пожимает плечами.

– Первое – точно, второе – с высокой долей вероятности.

– Но она определенно была изнасилована?

Бодди корчит гримасу.

– Все косвенные признаки указывают на это – отсутствующее нижнее белье, царапины на бедрах... Однако без ДНК доказать это со стопроцентной уверенностью, возможно, не удастся.

Он переводит взгляд на труп, затем снова на Гислингхэма. После чего аккуратно возвращает простыню на место.

* * *

Как оказалось, все-таки имело смысл оторвать свою задницу от стула. Свидетельнице, сидящей в дежурном помещении, лет двадцать пять: золотисто-каштановые волосы, схваченные в озорной хвостик, и кожаная юбка, лишь самую малость недотягивающая до определения «мини». Куинн предпочитает не замечать понимающую усмешку дежурного и подходит к девушке, сосредоточенно уставившейся в экран сотового телефона.

– Мисс?..

Девушка поднимает взгляд и улыбается.

– Николь. Николь Боуэн.

– Насколько я понимаю, у вас есть для нас кое-какая информация? Насчет Саши Блейк?

– Да, – подтверждает девушка, уверенно глядя на Куинна. – Кажется, я могла ее видеть.

Куинн подсаживается к ней, достает планшет и загружает систему. Девушка вытягивает шею, стараясь увидеть, что он набирает.

– А я думала, что полицейские по-прежнему пользуются записными

книжками и дешевыми шариковыми ручками с обгрызенными концами...

– Есть и такие, – сухо произносит Куинн. – Но не я.

– Вы только что в одиночку разбили вдребезги все мои иллюзии! Отныне детективные телесериалы уже не будут трогать меня так, как прежде.

Она снова улыбается, закидывает ногу на ногу и оплетает пальцами колено.

– Вы говорили, мисс Боуэн, что видели Сашу.

– Я же вам сказала, *Николь*, – говорит она, делая ударение на имени и подаваясь вперед. Куинн чувствует исходящий от ее волос аромат.

– Хорошо, *Николь*. Когда вы видели Сашу?

– Думаю, недели две назад. Она была вместе еще с двумя девушками.

Куинн отрывается от планшета и откидывается назад.

– Это же было за десять дней до ее исчезновения. Почему вы решили, что это может быть важно?

Девушка заливается краской.

– Ну, я просто подумала...

Он прищуривается. Какую игру ведет эта женщина? Или, быть может, она играет с ним?

– Вы ведь вообще ее не видели, так?

Она вскидывает подбородок.

– Нет, я уверена, что видела!

– Кто вы такая, мисс Боуэн? Если, конечно, это ваша настоящая фамилия.

– Не понимаю, что вы хотите сказать...

Куинн поднимается на ноги.

– Вы из прессы, так?

– Нет... – девушка качает головой. – Я не из прессы... по крайней мере, это не то, что вы подумали...

Теперь он уже по-настоящему был зол.

– Разве вы не понимаете, что ваш поступок *совершенно* неэтичен? Не говоря уж о том, что вы впустую отрываете время у полиции, за что я мог бы упечь вас в кутузку, черт возьми, если б захотел? Но я *непрерывно* доложу вашему проклятому редактору. Кто он – на кого вы работаете?

Девушка встает и достает из кармана удостоверение. В толстом пластиковом конверте ее лицо, ее фамилия. А внизу: «СТУДИЯ "ПОЛИМУС", ПОМОЩНИК ПРОДЮСЕРА».

Это мгновенно охлаждает Куинна.

– Вы из кино?

– В основном телевидение, – девушка снова качает головой.
– Что-то я не догоняю. Какое это имеет отношение к Саше Блейк?
Она убирает удостоверение.
– Нам поручили снять фильм о работе «Всей правды».
Куинн корчит гримасу.
– О, ради всего святого, об этой шайке никчемных благодетелей?
– На самом деле им удалось исправить несколько вопиющих ошибок правосудия...
– И попутно запороть карьеры чертовски отличных полицейских. Вы... вы даже понятия не имеете, черт возьми, что это такое на самом деле...
Он собирается уходить, но девушка хватается за руку.
– Выслушайте меня, пожалуйста! Всего пять минут, хорошо? Я даже угощу вас пивом.
Куинн колеблется. Ему приходит в голову, что будет неплохо выяснить, что замыслили эти кретины. Как знать, может быть, Фаули даже скажет ему за это спасибо...
– Ну пожалуйста!

* * *

Тем временем Бакстер с головой окунулся в бумаги. Сегодня ему впервые удалось засесть за архивы Придорожного Насильника, но можно будет посидеть еще часок, прежде чем настанет пора уходить домой. Жена сегодня на курсах «Равновесия души и тела», поэтому она не узнает, что он вернулся поздно. А тарелка киноа и салат из авокадо, ждущие в холодильнике, едва ли можно назвать аппетитными блюдами.

Бакстер раскрывает картонную папку и принимается за чтение. Судя по тому, что он уже успел просмотреть, версия Гиса выглядит правдоподобно: подробностей более чем достаточно, чтобы потенциальный подражатель повторил поведение Пэрри. Бакстер делает пометки, однако долгий день дает о себе знать, и вскоре он начинает зевать. И ему становится стыдно, поскольку то, что он читает, никак нельзя назвать скучным – это ужасно, это просто жутко. Бакстер распрямляет спину и принимается заново. И тут замечает это. Он моргает, уставившись на страницу, затем перечитывает ее снова. После чего подходит к компьютеру и быстро роется в базах данных. Снова сверяется со стенограммой, потом откидывается назад и медленно выдыхает.

Ему очень не хотелось, чтобы его предположение оказалось правдой. Однако это так.

* * *

Формально Куинн не на дежурстве, поэтому вроде как ничего не мешает ему выпить пива, но все-таки он выбирает паб, где можно не опасаться встретить знакомого. Больше того, если б он запросил в Интернете самое убогое питейное заведение в радиусе пяти миль, найти лучший вариант все равно вряд ли удалось бы: в углу звенит «однорукий бандит»^[58], на стойке пакетики с ломтиками копченой свинины, потолок желтый от табачного дыма даже спустя десять лет после запрета на курение в общественных местах. И если эта Боуэн, увидев такой антураж, решит, что он собирается от нее отделаться, тем лучше.

Хотя нужно отдать ей должное: она сохраняет полную невозмутимость. Настолько, что даже проталкивается мимо трех здоровенных работяг, устроившихся перед стойкой, чтобы сделать заказ. Те провожают взглядом, как она возвращается за столик и ставит пиво.

– Итак, – говорит Куинн, беря стакан, – выкладывайте. И на этот раз правду.

– Дело Придорожного Насильника, – говорит девушка. – Вот на чем мы сосредоточились. В нашем фильме. Вы ведь о нем слышали, правильно?

Куинн бросает на нее угрюмый взгляд. Он на такое не купится. Она что, думает, что он только что с рождественской елки свалился?

Боуэн продолжает говорить:

– Мы собираемся снять документальный фильм о расследовании, которое ведет «Вся правда», с полными реконструкциями эпизодов и интервью у важных персон. Бывших судей, криминалистов, психологов. Полагаю, вы знаете, что это такое. Джослин обеими руками за, и, может быть, нам даже удастся включить самого Гэвина Пэрри – в прошлом году в похожей ситуации Би-би-си позволили записать телефонный разговор с одним из заключенных...

– Дело Пэрри закрыто двадцать лет назад, – перебивает ее Куинн. – С какой стати за него взялись именно сейчас?

Если Боуэн и подумала, что он нарочно грубит, она это никак не показала. Щеки у нее покраснелись – свидетельство профессионального возбуждения.

– Ну, несомненно, последние дела пролили новый свет на те события, разве не так? И момент самый благоприятный – Гэвину Пэрри в очередной раз предстоит предстать перед комиссией по УДО. И разумеется, он всегда продолжал утверждать, что невиновен. Тут его позиция оставалась непоколебимой. Это дает *такой* интересный ракурс!

– Думаю, скоро вы убедитесь, что все они так говорят, – угрюмо проговорил Куинн.

Николь Боуэн поднимает бровь.

– Пусть все так *говорят*, но иногда это оказывается правдой.

– Да, точно, – отвечает Куинн. Пиво уже ударило ему в голову. Он не обедал и сейчас пьет быстрее, чем следовало бы.

Вероятно, Боуэн чувствует это, поскольку подается вперед.

– Повторное рассмотрение дела Придорожного Насильника – как это будет происходить?

Куинн хмурится, для него это новость.

– Кто вам это сказал?

Пожатие плечами.

– О, сами знаете. Слухами земля полнится. – Боуэн склоняется ближе к нему. – Вам известно, когда это случится? Просто, если мы сможем включить это в наш фильм, будет просто *потрясающе!* – Она улыбается. – Вас когда-нибудь снимали на телевидении? Уверяю, операторы будут от вас *в восторге...*

– Подобные расследования – это конфиденциально. Они не предназначены для *развлечения*.

Боуэн качает головой.

– Я совсем о другом. Разве люди не имеют права знать, что творится от их имени? На деньги, которые они платят в виде налогов? И вот теперь появились новые доказательства...

– Вы этого не знаете. Даже *мы* этого не знаем.

Она снова откидывается назад и смотрит на него уже более прохладно.

– И еще этот Адам Фаули...

– Что насчет Адама Фаули? – Куинн прищуривается.

– Ну, он же занимался тем делом, разве не так?

Куинн старается разыграть из себя дурачка, и удается это ему даже лучше, чем он намеревался.

– Расскажите-ка мне.

На лице Боуэн появляется неприятная усмешка – в самых уголках губ.

– Уверена, *как вам прекрасно известно*, в том расследовании Фаули участвовал в качестве детектива-сержанта. У него было то же звание, что и

у вас. Точнее, что *было* у вас.

Она берет стакан газированной воды. Куинн таращится на нее. Эта женщина не должна знать это – что еще ей известно, черт возьми? Если она выяснила, что он был разжалован за то, что переспал с подозреваемой...

Боуэн определенно находит удовольствие в его смущении. Ее губы изгибаются в хитрой усмешке.

– Уверена, общественность захочет узнать, почему Адаму Фаули было поручено расследование дела Саши Блейк, учитывая такой явный конфликт интересов.

Куинн хмурится.

– Не понимаю, к чему вы клоните.

Она изумленно смотрит на него.

– О, ну же! Вы *серьезно* говорите, что ничего не знаете? Насчет Адама Фаули?

Но Куинн, по-видимому, действительно ничего не знает. Боуэн бросает на него многозначительный взгляд.

– Что ж, в таком случае я посоветую вам хорошенько ознакомиться с материалами дела. – Она подается вперед и кладет на стол визитную карточку. – А когда вы с ними ознакомитесь, позвоните мне.

* * *

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД

Олд-Бейли
Лондон EC4M 7EH

Судья Верховного суда
Досточтимый мистер Хили

К О Р О Н А
против
Гэвина Фрэнсиса Пэрри

Мистер Р. Барнс, королевский адвокат,
и мисс С. Грей

представляют обвинение

Миссис Б. Дженкинс, королевский адвокат, и мистер Т. Катберт
представляют защиту обвиняемого

Расшифровка стенограммы, выполненной
компанией «Чапмен Дэвисон»,
официально уполномоченной для работы
на судебных заседаниях

Среда, 10 ноября 1999 года
(19-й день)

АДАМ ФАУЛИ, вызванный повторно
Вопросы задает МИССИС ДЖЕНКИНС

В.: Сержант Фаули, мне бы хотелось вернуться к тому происшествию, которое вы описали мистеру Барнсу вчера. Конкретно, к последовательности событий, приведшей к задержанию и аресту моего подзащитного. Вы сказали нам, что мисс Шелдон позвонила вам 3 января сего года в 11:45.

О.: Да, это так.

В.: Я так понимаю, она позвонила вам на сотовый?

О.: Да.

В.: Вообще-то следовало бы ожидать, что при таких обстоятельствах она должна была бы позвонить по «999».

О.: Тут я ничего не могу сказать.

В.: Но так в такой ситуации поступил бы любой нормальный человек, правильно?

О.: Именно я допрашивал мисс Шелдон после неудавшегося нападения. Смею предположить, вот почему она решила позвонить мне, но вам лучше спросить у нее самой.

В.: А причина звонка заключалась в том, что, как показалось мисс Шелдон, она узнала человека, напавшего на нее.

О.: Совершенно верно.

В.: Но как она могла его узнать, если, как вы сами нам сказали, его лица она не видела?

О.: Мисс Шелдон узнала исходящий от него запах. Она стояла в очереди, чтобы заплатить за бензин на заправке на кольцевой дороге, и обратила внимание на характерный запах. Сладковатый, как от перезрелого фрукта.

В.: Исходящий от мужчины, стоящего у нее за спиной?

О.: Да.

В.: И она его узнала?

О.: Совершенно верно. По ее словам, стоя в очереди, она вдруг ощутила необъяснимую тревогу, но ей потребовалось какое-то время, чтобы понять, в чем дело.

В.: Кто-либо из других жертв упоминал про запах?

О.: Нет. Но у всех у них на голове был туго завязанный пластиковый мешок. В случае с мисс Шелдон преступник бежал с места до того, как успел его завязать. Мы заключили, что именно этим все и объясняется. Мы также установили, что мистер Пэрри болен сахарным диабетом. Если он не следит за своим состоянием, это иногда приводит к характерному запаху изо рта. Очень похожему на тот, который описала мисс Шелдон.

В.: Как поступила мисс Шелдон дальше?

О.: Она проследила за мужчиной до стоянки, а затем поехала следом за его фургоном на своей машине.

В.: При этом она сильно рисковала, не так ли?

О.: Да, рисковала. Она храбрая девушка.

В.: Что произошло дальше?

О.: Мисс Шелдон увидела, как мистер Пэрри остановился перед гаражом на Ботли-роуд, отпер ворота и заехал внутрь. В этот момент она позвонила мне из своей машины.

В.: И к ней выслали помощь?

О.: Да. Я также посоветовал мисс Шелдон отправиться в людное место, где много народа, и оставаться там до прибытия подкрепления.

В.: Так все и произошло?

О.: Да. Она отправилась в кооперативный продуктовый магазин, где я и встретился с ней приблизительно через полчаса.

В.: А где в это время находился мой подзащитный?

О.: Когда мы прибыли на место, мистер Пэрри сидел в пабе «Лиса и гусь». Мы оцепили его гараж со стоящим внутри фургоном для проведения криминалистического осмотра, а его самого забрали на допрос.

В.: Кому-то может показаться, что основания для этого были весьма шаткими. Вы задержали человека только на основании плохого запаха изо рта?

О.: Когда я допрашивал мисс Шелдон непосредственно после нападения, она произвела на меня впечатление девушки наблюдательной, умной, четко выражающей свои мысли. Я рассудил, что к этому потенциальному опознанию нападавшего нужно отнестись серьезно. И улики, обнаруженные впоследствии в гараже, подтвердили мою правоту.

В.: О каких именно уликах идет речь, сержант Фаули?

О.: Порнография в больших объемах, относящаяся к категории «А».

МИСТЕР БАРНС: Уважаемые присяжные, под номером 17 в выданных вам документах имеется опись этих предметов, признанная «безоговорочным фактом». И обвинение, и защита согласны с тем, что все эти предметы действительно были обнаружены в гараже.

МИССИС ДЖЕНКИНС: Что еще вы там обнаружили, сержант Фаули?

О.: Несколько мотков проволоки того же типа и той же

расцветки, что были использованы во время нападений.

В.: Но не ювелирные украшения, отнятые у мисс Донелли, о которых уже шла речь на этом судебном процессе?

О.: Нет.

В.: И ничего такого, что связывало бы мистера Пэрри с остальными жертвами?

О.: Нет.

В.: Но была еще одна улика, очень существенная, не так ли?

О.: Да. Криминалистическая бригада обнаружила три пряди волос мисс Шелдон. Их принадлежность была подтверждена анализом ДНК.

В.: И этот анализ оказался возможен потому, что на волосах сохранились луковицы? Это указывало на то, что волосы были вырваны, а не отрезаны?

О.: Совершенно верно.

В.: И вы были убеждены, не так ли, что мисс Шелдон не заходила в гараж в промежуток времени между звонком вам и прибытием сотрудников полиции?

О.: Меня там не было. Но нет абсолютно никаких оснований предполагать, что она так поступила.

В.: Но если б она заходила в гараж, она могла сама подбросить пряди своих волос, ведь так? Специально для того, чтобы обличить моего подзащитного?

О.: Теоретически да, но...

В.: Вы должны признать, что у мисс Шелдон был мотив так поступить. Она полагала, что этот мужчина не только пытался ее изнасиловать, но после этого случая также совершил жестокое нападение на других женщин. Совершенно естественно, что она хотела помочь его задержать.

О.: На момент нападения у мисс Шелдон были длинные волосы. Волосы, обнаруженные в гараже, имели в длину больше десяти дюймов. Но ко времени событий, о которых сейчас идет

речь, она обрезала свои волосы. Очень коротко. Даже если б она действительно захотела вырвать свои волосы и подбросить их в гараж мистера Пэрри, чтобы обличить его, это не могло послужить уликой, поскольку они были слишком короткими.

В.: И напоследок еще один вопрос, сержант Фаули. Вы еще раз упомянули только что тот факт, что мисс Шелдон позвонила вам. Напрямую вам, а не по «999» или другому номеру полиции.

О.: Да, все произошло так, как я сказал.

В.: А как получилось, что у нее был номер вашего телефона?

МИСТЕР БАРНС: Ваша честь, если позволите, сержант Фаули уже объяснил, что он опрашивал мисс Шелдон после нападения на нее и тогда же дал ей свою визитную карточку.

МИССИС ДЖЕНКИНС: Это так, сержант Фаули?

О.: Да, тогда же я дал ей свою визитную карточку.

* * *

– Я тоже не знал – по крайней мере, до вчерашнего дня.

Бакстер, Куинн, Эверетт и Сомер. Восемь часов утра, в кафе напротив полицейского участка Сент-Олдейт, но наверху, где обыкновенно народу мало, а сейчас вообще нет никого, кроме них четверых, сидящих в самом дальнем от окна углу, рядом с единственной батареей. На столе перед ними стопка протоколов судебных заседаний.

– Защита определенно считала, что тут что-то есть, – говорит Бакстер. – Хотя, очевидно, данных у нее было недостаточно для того, чтобы поднажать.

– А эта Боуэн определенно считает, что произошло что-то сомнительное, – отвечает Куинн. – Кстати, она выставила нас стадом ослов.

– Говори только за себя! – раздраженно замечает Бакстер.

– Так, все успокоились! – говорит Эв, мрачно уставившись в кофе. – Это делу не поможет. Нам нужно держаться вместе. И определить, что делать.

– Я даже не знаю, что мы можем сделать, – замечает Сомер, – помимо того, чтобы подойти и прямо спросить.

– Но разве не Гис должен это сделать? – говорит Эв. – Как-никак, он сержант.

– Вот за что ему платят крутые бабки, – язвительно бормочет Куинн.

– Что я должен сделать?

Все оборачиваются и видят в дверях Гиса. И вид у него безрадостный.

– Понимаю, сегодня суббота, но у нас на руках убийство, черт побери.

Оперативный штаб выглядит словно «Мария Целеста»^[59], черт побери. Какого дьявола вы укрылись здесь?

Все переглядываются, затем Куинн толкает Бакстера в бок и бросает на него многозначительный взгляд: «Доказательства у тебя – ты и говори».

Бакстер откашливается.

– Это протоколы судебных заседаний по делу Пэрри, сержант. Тут есть кое-что такое, о чем тебе следует знать.

* * *

Отправлено: сб. 06/04/2018, 08.25

Важность: высокая

От: AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

**Кому: DIAdamFowley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk**

Тема: Дело номер 1866453 Блейк, С.

Первичное заключение по Эшли Бразертону. Мы получили результаты анализов. В его фургоне не обнаружены следы ДНК ни Фейт Эпплфорд, ни Саши Блейк, а женская ДНК на презервативе не совпадает с ДНК Блейк. Далее, ДНК Бразертон не совпадает с образцами мужской ДНК, обнаруженной на пластиковом пакете, который использовался при нападении на Фейт Эпплфорд.

А. Ч.

* * *

Адам Фаули

6 апреля 2018 года

09:35

Когда я захожу в оперативный штаб, Гис уже ведет совещание. Я жду сзади, видно, что настроение у всех отвратительное. Первые поиски сообщников Эшли Бразертон не дали никаких многообещающих подозреваемых, и известия с места преступления также едва ли можно назвать обнадеживающими. На дороге установлен щит с обращением к очевидцам, но пока что нет никаких следов сумочки и телефона Саши, не говоря уже про оружие убийства. Криминалисты даже не могут однозначно утверждать, что тело попало в реку там, где мы думали. Дождь празднует победу над всеми, в том числе и над ищущими.

Гислингхэм четко подводит итог – в последнее время он этому хорошо научился, поэтому меня удивляет то, каким напряженным он выглядит. Возможно, все дело в том, на что ему пришлось насмотреться в морге. И тем не менее Гис принял по крайней мере одно правильное решение: привлечены еще три констебля, обыкновенно не работавшие в этой команде. И он прав: в этом деле нам нужны все люди, какие только есть.

Я дожидаюсь, когда Гис закончит, и присоединяюсь к нему у доски.

– Так, обращаюсь ко всем: я знаю, что пока что нам этого достаточно, но ставлю вас в известность, что в понедельник утром Харрисон сделает заявление для прессы. Дело Придорожного Насильника будет изучено заново. На первом этапе неофициально, но нет никаких гарантий того, что в конечном счете не начнется полный пересмотр в КПУД.

Все переглядываются, не зная, как к этому отнестись. Одно дело – просто знать о потенциальной проблеме, и совершенно другое – когда начальство обращается к общественности. Это большая разница. Для статистики раскрываемости, для карьер, даже для того, кто кому хранит верность. По крайней мере, так на месте ребят думал бы я сам. И в комнате определенно бурлят какие-то скрытые течения, тут никаких вопросов.

– Я понимаю, что это обернется дополнительной нагрузкой для всех, и в средствах массовой информации непременно разверзнется преисподняя. Вывалится вся провокационная информация, в основном относящаяся к Аластеру Осборну. И ко мне. Но на вас ничего нет. Так что продолжайте работать и не обращайтесь внимания на эту бурю дерьма. И не общайтесь с журналистами, даже из лучших побуждений. Это всегда заканчивается плохо.

– На самом деле, сэр, – начинает Гислингхэм, – я насчет...

Я открываю рот, чтобы ему ответить, но меня останавливает звук

открывшейся двери. Вошедшая женщина среднего роста, угловатая, в опрятном твидовом брючном костюме. Волосы у нее короче и светлее, чем были, когда я видел ее в прошлый раз. Так она внешне здорово похожа на Лию Уильямс^[60]. И еще она такая же открытая, уверенная в себе и позитивная. А мне в настоящий момент ничего этого как раз не нужно.

Я обвожу взглядом свою команду.

– Так, всем внимание, это инспектор Рут Галлахер. С этого момента она занимается делами Блейк и Эпплфорд.

Слышен общий шумный вдох, видны взгляды, брошенные украдкой на Галлахер, которые я не должен заметить. Две части шока на одну часть стыда. Наверное, этого следовало ожидать, но, если честно, я понятия не имею, черт возьми, чего «ожидать» в подобной ситуации. Для меня все это вновь – меня еще никогда не отстраняли от дела.

Поймав взгляд Галлахер, я приглашаю ее выйти вперед.

– Вы хотите что-нибудь сказать?

Она проходит в комнату.

– Пока что нет, думаю. Сначала я должна ознакомиться с материалами дела. И еще мне нужно многое наверстать по расследованию Пэрри. Но у этой команды блестящая репутация: я буду рада работать с вами.

Нужно отдать ей должное – она сделала все как нельзя лучше. Не давила, не нажимала. Ненавязчиво, но по-деловому. «Без дискриминации», как наверняка сказал бы специалист по человеческим взаимоотношениям. Но, судя по всему, от нее не укрылось общее беспокойство, потому что она делает еще шаг вперед.

– Давайте начистоту. Никто не говорит, что инспектор Фаули совершил ошибку или что обвинение против Гэвина Пэрри не было железобетонным. Но все мы прекрасно понимаем, как обстоят дела сейчас, когда нам в затылок постоянно дышат средства массовой информации и социальные сети – это несправедливо, это страшно раздражает, но так оно есть.

Галлахер пытается улыбнуться, и я тоже пытаюсь. Собираюсь с духом и чувствую, как мне сдавило грудь. Потому что я наконец дошел до этого рубежа. До точки невозврата. До Рубикона, пересечь который обратно я уже не смогу.

Поворачиваюсь к ребятам.

– Это еще не все. Понимаю, я должен был сказать раньше, но оставалась надежда на то, что до этого дело не дойдет. В любом случае я верю, что вы поймете, почему я этого не сделал. Одна из женщин, подвергшихся нападению со стороны Пэрри, – ее звали Санди Шелдон.

Тут что-то не так – я вижу по их лицам.

– Через два года после нападения она вышла замуж. За меня. Санди Шелдон – *Александра Шелдон* – это моя жена.

Гис смущенно откашливается.

– Да, сэр, – тихо произносит он. – Мы знаем.

* * *

Управление полиции
ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

МЫ ОБРАЩАЕМСЯ К СВИДЕТЕЛЯМ
ВЫ МОЖЕТЕ НАМ ПОМОЧЬ?

УБИЙСТВО

МОЛОДУЮ ЖЕНЩИНУ
ПОСЛЕДНИЙ РАЗ ВИДЕЛИ
В ЭТИХ МЕСТАХ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНО
В 22.00 В СРЕДУ, 3 АПРЕЛЯ 2018 г.
ЕЕ МОГЛИ ПОХИТИТЬ
НА МАШИНЕ

ВЫ ЧТО-НИБУДЬ ВИДЕЛИ?
ПОЖАЛУЙСТА, ПОЗВОНИТЕ НАМ
строго конфиденциально по

01865 0966552

Обратитесь в ближайший полицейский
участок или свяжитесь
с «БЛЮСТИТЕЛЯМИ ПОРЯДКА»

Адам Фаули
6 апреля 2018 года
09:52

– Что ты хочешь сказать – вы *знаете*?

Гис смущается, но лишь на какое-то мгновение и самую малость. В гораздо большей степени он недоволен. И расстроен.

Проклятье!

– Когда вы только сказали нам насчет Пэрри, – говорит Гис, – мы подумали... ну, я подумал, что мы, возможно, имеем дело с подражателем, и в таком случае нам нужно выяснить, как много о почерке Пэрри можно было узнать, только прочитав о судебном процессе.

Именно так поступил бы на его месте я сам. Вот только мне это было не нужно. Я там присутствовал.

– И тогда мы поняли... по замечанию адвоката... она назвала ее Александрой.

– Тогда она сокращала свое имя до Санди, – говорю я, чувствуя, что у меня пересохло в горле. – Больше она так не делает.

Осмеливаюсь бросить взгляд на Сомер. И вижу: она это понимает. Точно так же, как поняла бы Фейт Эпплфорд, если б присутствовала здесь. Непреодолимая потребность начать сначала. Взять новое имя, чистый лист. Получить возможность забыть.

– Вы должны были сказать нам, – тихо произносит Эв. – Мы были бы на вашей стороне.

А теперь они что, против меня? Она это имеет в виду?

Я с трудом перевожу дыхание.

– Очень сожалею, если кому-то из вас кажется, что его предали. Я понимаю, что должен был рассказать вам об этом раньше. Но я старался оберегать свою жену. Только и всего. Не себя и не свою ничтожную карьеру. Свою *жену*.

Я поворачиваюсь к Галлахер и вижу, как ей неуютно. Как ей хотелось бы сейчас находиться где-нибудь в другом месте!..

– Теперь это ваше дело – я не собираюсь вмешиваться. Но по-прежнему хочу схватить этого подонка. Так что, если я буду вам нужен, обращайтесь, договорились?

Галлахер кивает.

– Да, – говорит она. – Обязательно обращусь.

Гислингхэм смотрит, как за Фаули закрывается дверь. И теперь все переводят взгляд с него на Галлахер и обратно.

«И что теперь?» – думает сержант. Не то чтобы он не испытывает сочувствия – если б его Джанет оказалась в схожей ситуации, он перевернул бы землю. И все-таки...

– Сержант, – говорит Галлахер, многозначительно глядя на него. Несомненно, она ждет, что он сохранит спокойствие и будет продолжать работать, не обращая внимания на гору вываленного на него дерьма.

Гис внутренне вздыхает, значит, так распорядилась судьба, черт возьми. В том смысле, что репутация у Галлахер хорошая, но кто знает, как она себя поведет, когда наступит полная задница?

– Так, – собравшись с духом, говорит Гис. – Для нас лучшее – заниматься своей работой. Решить это проклятое дело раз и навсегда. – Он берет маркер и подходит к доске. – Как мне видится, сейчас у нас есть четыре возможных варианта. Первый: то, что произошло с Фейт и Сашей – пластиковый мешок, куски проволоки, выдранные у Фейт волосы, – все это не имеет и не может иметь никакого отношения к Гэвину Пэрри. Это лишь случайное совпадение, черт возьми.

Молчание. Всем известно, как Фаули относится к случайным совпадениям. Однако сейчас все как раз наоборот: именно случайные совпадения помогут инспектору сняться с крючка.

– Второй, – продолжает Гис. – Тот, кто напал на Фейт и Сашу, это тот самый Придорожный Насильник, а это значит, что настоящему убийце не просто удалось остаться на свободе, но его даже не допрашивали, черт возьми. Такое случается, всем нам это известно.

– Взять к примеру хотя бы долбаного Питера Сатклиффа, – бормочет Куинн.

– Однако в таком случае почему нападения прекратились в ту самую минуту, как Гэвина Пэрри задержали, и где этот тип пропадал последние двадцать лет? – Уже по одному тону Гислингхэма чувствуется, как он сам относится к этой теории. Но, если честно, ему глубоко наплевать на то, как это выглядит со стороны.

Он снова поворачивается к доске.

– Номер три: на Фейт и Сашу напал человек, знакомый с Пэрри – пытающийся представить все так, будто Пэрри подставили, обвинив в том,

что он не совершал. А происходит это именно сейчас потому, что Пэрри подал на УДО. И потому, что всякий сброд из «Всей правды» вдруг начал копаться в этом деле. А всем нам прекрасно известно, чем это может закончиться.

Бакстер бормочет что-то насчет «сотворить себе убийцу», и слышится гул одобрения.

Однако Куинн настроен скептически.

– Все это слишком уж притянута, вам не кажется? Кто готов не щадить себя, чтобы вытащить Пэрри? Такое можно увидеть только по телику, черт побери!

– Я еще смогла бы в это поверить, если б речь шла только о Фейт, – соглашается Эв. – Но Саша? Одно дело – изнасилование, но неужели кто-то совершил убийство с особой жестокостью, только чтобы обелить Пэрри? Определенно, на такое не пойдут даже близкие родственники, вам не кажется?

– Согласен, кровные узы – штука прочная, – бормочет Бакстер, – но все-таки они не настолько прочны, черт возьми.

Гис пожимает плечами.

– Тут я такого же мнения, но нам все равно нужно относиться к этой версии серьезно – до тех пор, пока мы не докажем обратное.

– Я проверю тех, кто навещал Пэрри, – говорит Эверетт. – Где, как говорил шеф, он сидит – в Уэндсуорте?

Если Рут Галлахер и замечает слово «шеф», то никак этого не показывает.

– На самом деле у меня есть эти сведения, – говорит она, раскрывая папку. – Инспектор Фаули уже запрашивал их.

Наступает неловкая пауза. Галлахер подходит к Эверетт и протягивает ей лист бумаги, и у Гиса успевают мелькнуть мысль, что теперь она возьмет руководство на себя. Но, сделав свое дело, Галлахер подбадривающее кивает ему и возвращается на свое место.

– Отлично, Эв, – продолжает сержант, – возможно, тебе удастся установить, где эти люди находились в те дни, когда подверглись нападению Фейт и Саша. Чтобы можно было вычеркнуть их из списка.

– Как насчет друзей? Коллег по работе? – спрашивает Асанти. – Пэрри мог с кем-то связаться через своих родственников – это необязательно должен быть тот, кто его навещал.

– Давайте начнем с проверки дорогих и близких, – твердо заявляет Гислингхэм. – Посмотрим, что это нам даст.

Он пишет на доске цифру «4» и снова поворачивается лицом к

остальным.

– И последний, но, пожалуй, самый вероятный вариант: подражатель. Вот почему Бакстер сейчас изучает материалы дела.

– Да, совершенно верно, – поднимает взгляд Бакстер. – По сути дела, в протоколах судебных заседаний есть все детали: вырванные волосы, цементная пыль, куски проволоки, пластиковый мешок. И все это было в прессе. Чтобы все это найти, пришлось бы порядком потрудиться, принимая в расчет то, сколько с тех пор прошло времени, но я считаю, что при желании любой смог бы получить в руки всю необходимую информацию.

– Что насчет дружка Саши, сержант? – спрашивает Сомер. – Мы продолжаем его изучать?

– Скорее, *искать* его, – мрачно заявляет Бакстер. – Потому что лично у меня возникли сомнения в том, что этот тип вообще существует.

– Да, – твердо говорит Гислингхэм, бросив на него строгий взгляд, – продолжаем. У Саши была полупустая пачка презервативов, которые сами не могли исчезнуть. Констебль Сомер, ты можешь продолжить заниматься этим?

Та кивает, и сержант снова обводит комнату взглядом.

– Есть еще что-нибудь?

Но если что-то и есть, никому не хочется поднимать это в присутствии Галлахер.

* * *

Адам Фаули

6 апреля 2018 года

14:49

– Можно на пару слов?

Подняв голову, я вижу в дверях Рут Галлахер, держащуюся за ручку.

Откидываюсь назад. Не то чтобы Галлахер мне помешала – я уже битых полчаса таращусь на один и тот же отчет и за это время не продвинулся дальше первого абзаца.

Я кивком предлагаю ей войти.

– Конечно.

– У вас хорошая команда, – говорит Галлахер, присаживаясь.

– Я тоже так думаю.

Она кладет на стол большую картонную папку.

– Я только что ознакомилась с материалами по Блейк и Эпплфорд. Ваше предложение помощи – оно еще в силе?

Я киваю, но, должно быть, на лице у меня написана тревога, потому что Галлахер поспешно продолжает:

– Послушайте, я понимаю, ситуация дерьмовая, но, надеюсь, вы отдадите себе отчет, что я хочу этого не больше вас. Насколько я могу судить по документам, Аластер Осборн сделал все, что на его месте должен был сделать хороший суперинтендант. Как и вы. Я не представляю себе, как любой компетентный следователь мог бы прийти к другому заключению.

Значит, Галлахер *ознакомилась* с делом. Просто она не стала выкладывать это в первые пять минут. Мое уважение к ней возрастает.

– Послушайте, я знаю, зачем вы пришли, – хотите спросить насчет моей жены, о том, что говорится в стенограммах заседаний. Но защита просто действовала наугад – пыталась выбить почву у меня из-под ног. Мы с Алекс сошлись спустя много времени после окончания процесса. На момент нападения она была помолвлена с другим мужчиной. Они разошлись через несколько недель после того, как это случилось, – он не смог это принять. Если вы поговорите с Алекс, она все это подтвердит. Но я бы предпочел, чтобы вы этого не делали.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – говорит Галлахер, глядя мне в глаза. – Но все равно спасибо.

Я снова откидываюсь назад.

– Хорошо. Итак, о чем вы хотели поговорить?

Она встает.

– Не знаю, как вы, но я смерть как хочу приличного кофе. Ну, а после этого можно будет начать.

* * *

Фиона Блейк сидит в темноте, одна, за задернутыми шторами. В углу светится экран телевизора, однако программа, которую она как бы смотрела, уже давно закончилась, и с тех пор она не удосужилась переключить канал. На тарелке перед ней покрывается коркой давно остывший обед, нетронутый. Фиона чувствует сильный аромат большого букета лилий, кое-как засунутый в вазу, которой она почти не пользуется; Фиона никогда не любила лилии, но их принесла Изабель, а ей не хотелось обидеть девушку, выбросив цветы. Особенно после всего того, через что

пришлось пройти подругам. На кухне сотрудник службы социального обеспечения наверняка наливает себе очередную чашку чая, черт бы его побрал. От звуков, которые он издает, у Фионы сводит зубы.

– Миссис Блейк?

Медленно обернувшись, Фиона видит в дверях неуверенно застывшую Патси. Время уже перевалило за четыре часа дня, но девушка все еще в пижаме, и у нее помятый вид человека, не потрудившегося даже умыться. Фиона видит ее впервые за весь сегодняшний день.

– Все в порядке, Патс? – Она хмурится.

Девушка делает шаг вперед. И теперь уже очевидно: что-то определенно не так.

– Я, Из и Лия, – говорит Патси. – Мы говорили...

Фиона ставит стакан на стол.

– Так, – осторожно говорит она.

– Я подумала об этом, когда снова смотрела то обращение. Ну, с которым выступили, когда Саша пропала. В котором просят связаться с полицией – понимаете, тех, кто ее видел.

Фиона ждет, затаив дыхание. Патси что-то вспомнила? Или Изабель?

– И там был журналист... он сказал, что была еще одна девушка, ее увезли в фургоне. – Щеки у Патси красные. – Мы собирались рассказать раньше, но...

– Но что? – говорит Фиона. Ей кажется, что воздуха не хватает. – Ты о чем, Патси?

Девушка опускает взгляд.

– Из говорит, что это не может быть он, поскольку у него не фургон... ну, другая машина...

Фиона вскакивает на ноги, хватая Патси за руки, принимается ее трясти.

– Что ты хочешь сказать? О ком ты говоришь?

* * *

Адам Фаули

6 апреля 2018 года

16:52

Рут Галлахер пьет черный кофе без сахара, и, похоже, разговоры она также предпочитает вести без подсластителей. Переходит прямо к делу,

задавая неудобные вопросы и отвечая на них.

К тому времени, как мы заканчиваем разбор дела Пэрри, я уже становлюсь «Адамом», а она – «Рут», и я начинаю думать, что Харрисон разбирается в людях лучше, чем я полагал прежде.

– Как прошло совещание? – наконец спрашиваю я, когда Галлахер откладывает ручку и закрывает записную книжку. Желание спросить об этом свербило меня с самого начала, но я не хотел показаться параноиком.

– По-моему, сержант Гислингхэм разобрал все аспекты. Хотя я потом переговорила с ним и предложила провести реконструкцию – я имею в виду Сашу Блейк.

Другими словами, она предложила это наедине, чтобы не выставлять его в неблагоприятном виде в присутствии подчиненных. Эта женщина нравится мне все больше и больше, что, пожалуй, лучшее из того, что произошло сегодня. Правда, нельзя сказать, что конкуренция в этом вопросе была особенно острой.

– И Харрисон согласился раскошелиться?

Она хитро смотрит на меня.

– Скажем так: я намекнула, что он перед тобой в долгу.

Что, разумеется, совершенно справедливо.

– Попробовать имеет смысл, – продолжает Галлахер, – учитывая то, как мало отправных точек мы имеем. И это отвлечет внимание от пересмотра дела, что также неплохо.

Я тянусь за кофе, однако тут же останавливаюсь и смотрю ей в лицо, но не вижу никаких признаков насмешки. Ни во взгляде, ни в тоне также нет никаких скрытых намеков.

– Сержант Гислингхэм попробует организовать все завтра.

Я жду, что Галлахер повернется и уйдет, но она не двигается с места. Вместо этого улыбается. Улыбается и снова садится.

– Ну, а теперь, когда мы разобрались с этими проклятыми документами, я хочу узнать то, что в них не попало. Хочу узнать, что же произошло на самом деле.

И я ей рассказываю. Одну правду, и ничего кроме правды.

Вот только не всю целиком.

* * *

Когда Галлахер открывает входную дверь, вид у нее растерянный. В одной руке коробка разноцветных сахарных шариков для украшения торта,

а в другой – кухонное полотенце. И щека, похоже, в муке.

– Извините, – говорит Сомер. – Мне сказали, что вы уже ушли домой, и я пробовала дозвониться, честное слово...

– Прощу прощения, – Галлахер смеется. – Мне пришлось уехать, чтобы забрать дочь. А затем та уговорила меня заняться выпечкой. Похоже, я забыла телефон наверху. – Она отступает в сторону. – Проходите!

Эрика колеблется.

– Послушайте, если я не вовремя...

Галлахер машет рукой, останавливая ее.

– Если б речь шла о каких-то пустяках, вы не пришли бы ко мне домой.

Кухня в дальнем конце. На решетке остывает противень с кексами, вторая партия все еще стоит в духовке. Воздух горячий и сладкий, пахнет шоколадом. За большим деревянным столом пристроилась девочка лет восьми, аккуратно украшающая кексы бледно-голубыми глазированными цветками, на лице у нее застыло сосредоточенное выражение. Где-то поблизости работает телевизор. Слышится рев футбольных трибун.

– Мой сын на таэквондо, – говорит Галлахер, вытирая руки о фартук. – А это футбольный хулиган – мой муж. – Она открывает холодильник и достает бутылку вина. – Вы за рулем?

Сомер молча кивает.

Галлахер наполняет маленький бокал и большой, маленький вручает Сомер.

– Итак, что у вас?

– Мне только что позвонила Фиона Блейк. Патси Уэбб ей кое-что сказала – то, что до этого она не говорила.

Галлахер поднимает брови.

– Вот как?

Эрика оглядывается на девочку и понижает голос.

– Один из учителей Саши проявлял к ней повышенный интерес. Его фамилия Скотт. Грэм Скотт.

– Элиза, – обращается к дочери Галлахер, – будь добра, отнеси кекс папе.

Девочка отрывается от работы.

– А можно и я возьму?

– Но только один, – Галлахер кивает.

Когда девочка уходит, она поворачивается к Сомер.

– Разве мы уже не говорили с учителями Саши?

Эрика морщится, затем качает головой.

– Со всеми, *кроме* этого Скотта. Сержанту Гислингхэму сказали, что он отпраился домой с головной болью.

Галлахер поднимает брови.

– Вот как? Очень кстати.

– Я только что разговаривала по телефону с директрисой. Судя по всему, такое с ним уже бывало. Так что, быть может, тут все чисто.

Галлахер заглядывает в духовку, проверяя кексы, после чего снова поворачивается к Сомер.

– Что именно сказала Патси?

– По ее словам, этот Скотт какое-то время пытался заставить Сашу обратить на него внимание, но девушки просто смеялись над ним. Подначивали Сашу, называли Скотта извращенцем – ну, вы знаете, как ведут себя девушки. Помимо всего прочего, они называли его Прыщавым Скотти.

Галлахер печально улыбается.

– Господи, как же я рада, что мне больше никогда не будет опять пятнадцать лет... Вы выяснили, Саша рассказывала кому-нибудь об этом?

– Только не своей матери и, похоже, никому из учителей.

– Что у нас есть на этого Скотта? Он ведь должен был проходить СОП^[61], правильно?

Эрика кивает.

– Да, но там ничего не нашли. – Она раскрывает папку и протягивает Галлахер распечатку. На подколоте сверху фотографии мужчина лет под сорок. Его нельзя назвать некрасивым, но вид у него как у побитой собаки.

– Определенно, выглядит он каким-то безрадостным, – говорит Галлахер. – Но неопасным – навредить по-настоящему такой не сможет. И хотя я знаю, что девочки-подростки иногда западают на взрослых мужчин, – говорит она, скорчив гримасу, – я буду просто поражена, если это и есть тот неуловимый кавалер Саши, которого мы никак не можем найти. Если хотите знать мое мнение, этого мужчину никак нельзя считать соблазнителем молоденьких девушек.

Сомер кисло усмехается. Эв сказала то же самое практически слово в слово.

Галлахер пробегает взглядом страницу.

– Живет один, женат никогда не был, неприятностей с законом не имел. Не было даже штрафов за неправильную парковку. – Она поднимает взгляд на Сомер. – Вы уже отправили это Брайану Гоу?

Эрика кивает.

– Гоу вернется только в воскресенье, но он обязательно этим займется

и, как только сможет, свяжется со мной. И есть еще кое-что. Мы выяснили, на чем ездит этот Скотт. – Она бросает на Галлахер угрюмый взгляд. – У него «Моррис Трэвеллер».

Та сразу понимает, что она имеет в виду.

– Конечно, это гораздо меньше фургона, но когда у тебя на голове мешок и тебя запихнули назад, сможешь ли ты это определить? Я не уверена, смогла бы я.

– И я тоже, – Сомер качает головой. – А Фейт прямо сказала, что, как ей показалось, машина, в которой ее увезли, была не очень большой.

– Правильно, – твердо заявляет Галлахер. – У нас есть его адрес?

– И это тоже интересно. Грасмер-клоуз, семьдесят три.

Адрес говорит о многом. Это в Лейкс. Не более чем в полумиле от дома Эпплфордов, еще меньше от дома Блейков.

– О боже, – причитает Галлахер. – О боже, о боже, о боже...

– Бакстер сейчас пытается получить послужной список Скотта, чтобы выяснить, был ли он как-нибудь связан и с Фейт, не только с Сашей. Может быть, работал в колледже или одной из тех школ, где училась Фейт...

– Отличная работа, – Галлахер кивает. – Именно так я и поступила бы.

Эрика заливается краской, услышав похвалу.

– Но даже если мы ничего тут не получим, Скотт запросто мог видеть Фейт на улице. По дороге в саммертаунскую среднюю школу он должен ежедневно проезжать мимо той остановки, на которой Фейт садится на автобус.

– Ну, а насчет тех, старых нападений, – говорит Галлахер, пригубив вино, – Придорожный Насильник – можем ли мы и тут иметь дело со Скоттом?

– В девяносто восьмом году ему было восемнадцать, – говорит Сомер. – Так что да, можем.

– Хорошо, – говорит Галлахер. Из гостиной внезапно доносится громкий крик – очевидно, кто-то забил гол. – Выясним об этом Скотте все, что можно: где он жил, начиная с конца девяностых, где работал, есть ли какие-либо причины, почему у него в машине могла оказаться цементная пыль. И *есть* ли что-либо, связывающее его хотя бы с одной из жертв Пэрри.

Сомер записывает последнее замечание – записывает и одобрительно кивает: Галлахер по-прежнему на стороне Фаули. По крайней мере, пока что.

– И будем надеяться, что нам удастся что-либо найти, поскольку у нас нет ордера на обыск его дома и машины, и вряд ли мы его получим. –

Галлахер ставит бокал на стол и встает. – Но почему бы просто мило не поговорить с ним?

– Вы хотите, чтобы мы привезли Скотта к нам?

– Да, – Галлахер кивает. – И захватите с собой констебля Куинна.

– Куинна? – Эрика хмурится. – Я хочу сказать, – поспешно добавляет она, – а почему бы и нет, просто я подумала...

Галлахер улыбается.

– Каждому коню своя дорожка, констебль Сомер. Я хочу, чтобы мистер Скотт почувствовал себя не в своей тарелке. А что-то подсказывает мне, что констебль Куинн заденет его за живое.

* * *

К О Р О Н А

против

Гэвина Фрэнсиса Пэрри

Мистер Р. Барнс, королевский адвокат, и мисс С. Грей
представляют обвинение

Миссис Б. Дженкинс, королевский адвокат, и мистер Т.
Катберт
представляют защиту обвиняемого

Расшифровка стенограммы, выполненной
компанией «Чапмен Дэвисон»,
официально уполномоченной для работы на судебных
заседаниях

Четверг, 11 ноября 1999 года
(20-й день)

ДЖЕННИФЕР ГОДДАРД, принеся присягу
Вопросы задает МИСТЕР БАРНС

В.: Ваше полное имя Дженнифер Годдард?

О.: Да.

В.: Ваша дочь Эмма стала жертвой сексуального насилия 14 ноября 1998 года, это так?

О.: Да.

В.: На тот момент Эмма жила вместе с вами?

О.: Да. Ей было всего девятнадцать. Мы тогда жили в Хедингтоне. В Уонтедж я переехала потом, после того, что произошло.

В.: Насколько я понимаю, в тот вечер, о котором идет речь, Эмма должна была вернуться домой как обычно?

О.: Совершенно верно. Она работала в «Джей-Ар».

В.: Вы имеете в виду больницу имени Джона Рэдклиффа?

О.: Да. Эмма училась на акушерку. Она всегда возвращалась домой между половиной седьмого и семью вечера, если только не звонила, что задержится.

В.: Однако в тот день она не позвонила?

О.: Нет. Вот почему, когда она не вернулась к восьми, я начала беспокоиться.

В.: Вы позвонили в полицию?

О.: Да, но позже. Я боялась, что меня сочтут чрезмерно заботливой мамашей.

В.: И что произошло, когда вы позвонили в полицию?

О.: Мне ответили, что пришлют кого-нибудь. Вот тогда я поняла, что дела плохи. Потом мне в дверь позвонила женщина в форме. Она сказала, что мне нужно поехать с ней. Эмма подверглась нападению и лежит в реанимации.

В.: Что с ней произошло?

О.: Сначала мне не говорили. Пока мы не приехали в больницу. Только тогда я узнала, что Эмму изнасиловали.

В.: Какое воздействие это нападение оказало на вашу дочь,

миссис Годдард?

О.: Эмма была опустошена. Она перестала выходить из дома – не только одна, но даже вместе со мной или со своими подругами. Она была запугана до смерти. К декабрю уже почти не выходила из своей комнаты. В «Джей-Ар» ее отпустили в продолжительный отпуск, но я начала бояться, что она никогда не сможет вернуться на работу. Эмма говорила, что не может находиться рядом с младенцами. У меня сердце разрывалось...

В.: А 24 декабря прошлого года, что случилось тогда?

О.: Я вернулась домой с работы и обнаружила Эмму лежащей на кровати. Она приняла таблетки. Таблетки и водку. Оставила трогательную записку, сказав, что любит меня и сожалеет о том, что вынуждена так поступить, но терпеть дальше она просто не может. Но сожалеть должна была не она, а он, этот подонок вон там, Гэвин Пэрри...

МИССИС ДЖЕНКИНС: Ваша честь...

ДОСТОЧТИМЫЙ ХИЛИ: Миссис Годдард, я понимаю, как вам тяжело, и все-таки вам следует ограничиться лишь ответами на вопросы, которые вам задают. Вы понимаете?

МИССИС ГОДДАРД: Да, ваша честь.

МИСТЕР БАРНС: Миссис Годдард, вашей дочери удалось покончить с собой?

О.: Я позвонила по «999», и Эмму забрали в «Джей-Ар», но меня сразу же предупредили, что ее состояние критическое.

В.: А когда вы приехали в больницу?

О.: Врач вышел ко мне примерно через час. Он сказал, что они сделали все возможное, но это не помогло. Медсестры плакали. Понимаете, они знали Эмму...

* * *

По их виду никто не сказал бы, что они из полиции. Начнем с того, что

женщина просто красавица, ну а мужчина – в общем, у него тот наглый и самодовольный вид, который всегда выводил Скотта из себя. Такие мужчины – они считают, что весь мир создан исключительно для них.

– Да? – говорит Скотт, держа дверь так, чтобы ее можно было захлопнуть в любой момент.

– Констебль Эрика Сомер, – представляется женщина. – Я хочу знать, не согласитесь ли вы ответить кое на какие вопросы. Насчет Саши Блейк.

– Это не может подождать до завтра?

Мужчина высокомерно смотрит на Скотта, словно ему известно нечто такое, о чем тот даже не догадывается.

– Боюсь, нет. Мы можем поговорить здесь, а можем поехать в участок Сент-Олдейт. Решать вам.

Скотт колеблется. Что хуже – позволить запихнуть себя в мерзкую крохотную комнату для допросов или дать этим ублюдкам возможность заявиться к нему в дом и под предлогом сходить в туалет повсюду совать свой нос? Он оглядывает улицу. Кажется, поблизости никого нет. А машина без маркировки. По крайней мере любопытная корова напротив не сложит два плюс два и не получит сорок шесть.

– Дайте мне пять минут, – говорит Скотт, – чтобы я привел себя в порядок.

* * *

Протокол допроса Грэма Скотта, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 6 апреля 2018 года, 19:55

Присутствуют: детектив-констебль Э. Сомер, детектив-констебль Г. Куинн

Э.С.: Прежде чем мы начнем, мистер Скотт, я хотела бы поблагодарить вас за то, что вы приехали сюда поздно вечером, собравшись так быстро.

Г.С.: Вы не оставили мне выбора. Но, разумеется, я готов сделать все, что в моих силах, чтобы помочь вам. Это просто ужасно. Я имею в виду мать Саши.

Э.С.: Вы преподавали у Саши живопись?

Г.С.: Совершенно верно. Последние два года.

Г.К.: Ей тогда было тринадцать лет.

Г.С.: Верно. Она очень талантливая. Я постоянно говорил ей, что она должна сдать профильный экзамен.

Э.С.: Вы поддерживали ее?

Г.С.: Разумеется. Это моя работа.

Г.К.: И значит, вы давали ей дополнительные уроки? Индивидуальные занятия?

Г.С.: *(Смеется.)* У нас не частная школа, дружище. Я просто делал то, что в моих силах, чтобы ее растормошить.

Г.К.: Ну, определенно, у всех сложилось именно такое впечатление.

Г.С.: *(Хмурится.)* Не совсем понимаю, к чему вы клоните. Я просто проявлял к ней интерес. Как ее учитель.

Э.С.: Насколько мы поняли, этим дело далеко не ограничивалось. Если верить тому, что нам рассказали, все это было совершенно неприлично.

Г.С.: Так, подождите-ка минутку...

Э.С.: Вам сколько – тридцать восемь? А Саше было пятнадцать.

Г.С.: Ничего такого не было! Послушайте, я не знаю, откуда у вас такие сведения... нет, подождите, я знаю, откуда они у вас. Это все Патси и Изабель, не так ли? И эта Лия? Они болтают сами не зная что...

Э.С.: «Болтают», мистер Скотт? Думаю, я буду права, если скажу, что одно из значений этого слова – «раскрывать информацию». Конкретно ту информацию, которую хотят скрыть. Например, секреты.

Г.С.: *(Краснеет.)* Я имел в виду совсем другое – раскрывать было нечего. Потому что на самом деле ничего не было.

Э.С.: Но вам бы хотелось, чтобы что-то было, не так ли? Я хочу сказать, Саша была очень привлекательной девушкой.

Г.С.: Ей было пятнадцать лет! Даже если б это было законно – а это противозаконно, – это все равно было бы неэтично. Саша была талантливой ученицей. Только и всего.

Г.К.: Вы знаете девушку по имени Фейт Эпплфорд?

Г.С.: *(Морщит лоб.)* Прошу прощения?

Г.К.: Фейт Эпплфорд. Также способная ученица. Очень способная. *(Протягивает фотографию.)*

Г.С.: В моих классах такой ученицы нет. Я ее не знаю.

Э.С.: Раньше у нее было другое имя. Быть может, вы

напряжете свою память?

Г.С.: Я же вам сказал, что не знаю ее! Послушайте, если у вас ко мне больше ничего нет, меня ждут дела.

Г.К.: Долго мы вас не задержим. И вы сами сказали, что хотите помочь.

Г.С.: *(Пауза.)* Ну хорошо. Если только через десять минут я буду свободен.

Э.С.: Мы спрашиваем у всех, кто знал Сашу, где кто находился вечером в среду. Вы не могли бы сказать, где вы были? Для протокола?

Г.С.: Я был дома. По вечерам я, как правило, бываю дома.

Э.С.: С вами никого не было?

Г.С.: Я проверял работы. Их накопилась целая куча. Вы даже себе не представляете какая.

Г.К.: Вы никому не звонили? Или, быть может, вам кто-либо звонил?

Г.С.: Не припоминаю.

Э.С.: Что насчет утра первого апреля? Где вы были?

Г.С.: Простите, мне казалось, мы говорим о Саше?

Э.С.: Просто для полноты картины, мистер Скотт.

Г.С.: В понедельник, правильно? Я был на уроке.

Г.К.: Неужели? Видите ли, в школе нам сказали, что в понедельник утром у вас нет двух первых уроков и вы приезжаете в школу только к одиннадцати часам.

Г.С.: *(Заливается краской.)* Да, ну... на выходные я частенько уезжаю. У меня есть коттедж в Брекон-Биконс. Возвращаться домой разумно в понедельник утром. Дороги свободны.

Э.С.: В прошлые выходные вы ездили в этот коттедж?

Г.С.: Нет, не ездил.

Г.К.: То есть в понедельник утром вы были дома? И не воспользовались случаем приехать в школу пораньше – проверить работы, о которых вы говорили?

Г.С.: Послушайте, если уж вам так хочется знать, в тот день я приехал в школу после двенадцати. По очевидным причинам.

Э.С.: Простите, мистер Скотт, я вас не понимаю.

Г.С.: Это же было первое апреля, черт побери, вы что, забыли? И поверьте, мне уже пришлось видеть столько злых розыгрышей, что хватит до конца жизни. В прошлом году эти

мерзавцы вымазали чертову машину пеной для бритья – мне потребовался целый час, чтобы ее отмыть, и это на глазах у всей школы, черт возьми! Я ей прямо сказал: если ты поцарапала краску, я отведу тебя к директорисе, ты и опомниться не успеешь!

Э.С.: Понятно. Так кто это сделал? Кто испачкал вашу машину?

Г.С.: *(Пауза.)* Кто-то из десятого класса.

Э.С.: И это было в прошлом году? То есть это сделал кто-то из Сашиного класса?

Г.С.: *(Пауза.)* Да.

Э.С.: Вы сказали «ей» – «я ей прямо сказал». Вы имели в виду Сашу?

Г.С.: Если вам так уж хочется знать, это была Патси. Я только что поставил ей пятьдесят два балла за работу, которая, скажем честно, едва тянула на тридцать пять, и она решила со мной расквитаться. Очень мстительная телка, всегда этим отличалась. Вечно приставала к мальчишкам, она и эти Изабель и Лия. Саша не имела к этому никакого отношения. Я хочу сказать, она находилась вместе с ними, но я видел, что ей было стыдно. Не то что эта тройца. У них в голове ветер гуляет. В МСИ их ни за что не встретишь...

Э.С.: Вы имеете в виду Музей современного искусства – на Пемброк-стрит?

Г.С.: *(Пауза.)* Да, я часто туда хожу.

Э.С.: И вы встречали там Сашу?

Г.С.: *(Заливается краской.)* Один или два раза.

Э.С.: Понятно.

Г.С.: Нет, ничего вы не понимаете! Это не то, что вы подумали...

Г.К.: А что именно мы подумали?

Г.С.: Я не выслеживал ее, ничего подобного. Просто мы случайно встретились там пару раз. Я посоветовал Саше сходить на выставки. Которые, как я полагал, должны были ей понравиться... Послушайте, вы закончили?

Э.С.: Да, мистер Скотт, полагаю, пока что это все.

Допрос закончился в 20:17.

– Я не верю ни единому его слову!

Это сказал Гислингхэм. Куинн и Сомер присоединились к нему и остальным членам команды, собравшимся в соседней комнате, где они смотрели видеозапись допроса.

Бакстер пожимает плечами.

– А мне он показался просто печальным неудачником. Я хочу сказать, я не могу представить себе, как он кого-либо похищает. Мне просто кажется, что у него не хватит на это духа.

– Но я готова поспорить, смотреть он любит, – мрачно замечает Эв. – Уверена, дом его набит порнухой.

– Быть может, именно поэтому он подался в искусство, – отвечает Куинн. – Все эти голые сиськи и попки...

– И он не хочет, чтобы мы осмотрели его машину, так? – продолжает Гислингхэм. – Не вижу никаких причин для этого – если ему нечего скрывать.

– Что, если он как-то подвозил Сашу? – задумчиво произносит Эв. – Быть может, вот чего он боится – что мы обнаружим в машине ее ДНК, хотя на самом деле он абсолютно невиновен?

– Если на сиденье – да, – говорит Куинн. – Но только не в багажнике, черт возьми!

Наступает молчание. Все хорошо помнят, что произошло с Фейт. И гадают, не ее ли ДНК будет обнаружена в машине Скотта.

– Я тут подумала, – медленно начинает Сомер. – Конечно, это под большим вопросом, но...

– Продолжай, – говорит Гислингхэм.

– Ну, нам до сих пор так и не удалось обнаружить связь между Сашей и Фейт, так? А также связь между Грэмом Скоттом и Фейт, кроме того, что они живут по соседству друг с другом.

– Возможно, больше нам ничего и не нужно.

– Знаю, сержант. Но вот слова Скотта насчет того, что он встречал Сашу в МСИ, – надо будет проверить еще раз, однако мне кажется, что на доске в комнате Фейт также была открытка из музея. С выставки, на которую она, судя по всему, ходила. «Маноло Бланик»^[62].

Большинство присутствующих недоуменно смотрят на нее.

– *Обувь!* – восклицает Эверетт. – Невероятно дорогая и модная *обувь*. Хотя Куинн, уверена, это и так знает, правильно?

И, похоже, он действительно это знает, хотя, очевидно, ни за что в этом не признается.

– То есть ты считаешь, что Скотт мог встретить на выставке Фейт? –

спрашивает Гислингхэм, приходя на выручку Куинну.

Сомер кивает.

– Такое возможно, не так ли? И если он ее там встретил, то запросто мог проследить ее до дома. А затем, выяснив, где она живет...

Гислингхэм угрюмо кивает.

– Ублюдку нужно было только дождаться подходящего часа.

* * *

Адам Фаули

6 апреля 2018 года

20:55

Она оказывается не тем, кого я ожидал увидеть, открывая дверь. В-первых, в руках у нее нет коробки с пиццей. Снова идет дождь, и Рут Галлахер, похоже, вымокла до нитки, волосы ее облепили голову.

– Нужно было захватить зонтик, – грустно усмехается она. – Я ничему не учусь на собственных ошибках.

Я отступаю назад и открываю дверь шире.

– Заходи. С минуты на минуту мне доставят ужин, так что можешь присоединиться.

Галлахер поспешно качает головой.

– Нет – спасибо, но я откажусь. Мне нужно домой. Просто я хотела кое-что проверить и подумала, что лучше сделать это при личной встрече.

– Сюда, – говорю я, показывая на гостиную.

Галлахер скидывает с себя плащ и снимает ботинки, после чего шлепает за мной в чулках.

В гостиной никого нет, о чем я знаю, однако Галлахер, очевидно, этого не ожидала.

– Жена легла спать пораньше, – говорю я, усаживаясь. – Ей сейчас нужно беречь себя.

На лице у Галлахер внезапно появляется беспокойство, словно она встревожена тем, что чего-то не знает.

– Она беременна, – продолжаю я. – Двадцать три недели.

Я тысячу раз слышал выражение «озарилось лицо», но никогда не видел этого так ярко и отчетливо, как вижу сейчас. Галлахер буквально лучится счастьем.

– О, я так рада – это просто замечательная новость!

– Спасибо. Ей сейчас приходится нелегко, особенно если учесть, что снова начали ворошить дело Пэрри.

Теперь на лице Галлахер уже сочувствие.

– О да, конечно. Надо же было этому случиться именно сейчас!

Я предлагаю ей бокал вина, но она принимает только маленький.

– Что ты хотела у меня спросить?

Галлахер достает из кармана телефон, листает на экране страницы и наконец находит то, что ищет.

– Вот этот мужчина, – говорит она, протягивая телефон мне. – Его зовут Грэм Скотт. Ты его, случайно, не знаешь?

Я качаю головой.

– Нет. Первый раз вижу. Кто он?

Искра исчезла, и Галлахер выглядит просто уставшей. Уставшей и подавленной.

– Учитель Саши Блейк. Возможно, он выслеживал ее.

– Ты полагаешь, это он ее убил?

Она корчит гримасу.

– Скажем так: он соответствует психологическому портрету, который составил Гоу после нападения на Эпплфорд. Даже *слишком* соответствует.

– Сколько ему лет? – спрашиваю я, поднимая на нее взгляд.

– Достаточно. Однако мы пока что не выяснили, где он жил двадцать лет назад.

– Ну, тогда его имя нигде не появлялось. Это я точно могу сказать.

– Я думала, что ты так и ответишь, – Галлахер вздыхает, – но все равно должна была спросить.

Она допивает вино и встает, собираясь уходить.

– Мне пора идти. Дома ждет работа по естествознанию. – Быстро улыбается. – Не моя, моего сына. Но, разумеется, у тебя все это впереди.

Другие на ее месте не решились бы так сказать. Побоялись бы воскресить воспоминания о Джейке. За последние два года мне слишком часто приходилось читать это на лицах людей. Но, возможно, теперь это останется в прошлом и люди станут относиться ко мне иначе. Эта мысль налетает внезапным порывом свежего морского ветра.

* * *

Времени уже одиннадцать ночи, но когда Фиона Блейк отправляется спать, она видит пробивающийся из-под двери комнаты Саши свет. Фиона

колеблется, затем тихо стучит, однако в комнате тишина. Фиона решает, что Патси заснула с включенным светом, который затем ее разбудит. То же самое было и с Сашей – она любила читать в кровати, но частенько засыпала над книгой.

Фиона осторожно толкает дверь. Патси растянулась на кровати по диагонали, отвернув лицо. Прижимая к груди плюшевого медвежонка Саши. И хотя Фиона понимает, что это не ее дочь, от этого сходства у нее сдавливает грудь. Те же самые волосы, забранные в хвостик, та же самая пижама: наверное, Саша и Патси купили одинаковые. И это неудивительно – подруги были неразлучны. У Фионы мелькает мысль, не захочет ли Патси взять себе что-нибудь из Сашиных вещей, на память. Одежда ей будет мала, но есть еще косметика, сумочки, обувь... В конце концов, Саше ничто это больше не понадобится – определенно, лучше эти вещи хоть кого-нибудь порадуют. Особенно близкую подругу, любившую Сашу.

Ну, а если Патси не захочет ничего брать, нужно будет отдать все в какую-нибудь благотворительную организацию. Незачем превращать комнату в святилище. Застывшее во времени, собирающее пыль, все более холодное, бледное и отчужденное с каждым разом, когда она будет открывать дверь. Вот почему ей приятно, что Патси живет здесь. Она наполняет комнату теплом, жизнью.

Фиона быстро подходит к кровати, гасит свет и, на цыпочках вернувшись к двери, осторожно закрывает ее за собой.

* * *

– Нет, все замечательно. Если вас не было в стране, я могу проверить это у пограничной службы.

Эверетт кладет трубку и хмурится. Сегодня утром она уже выпила две кружки кофе, и сейчас ей очень кстати пришлось бы и третья.

– Неприятности? – спрашивает Сомер.

– Ну, скажем так, родственники Гэвина Пэрри не выражают особой радости, когда их просят подтвердить свое местонахождение люди, которых они винят в том, что те упрятали его за решетку.

Сомер корчит гримасу.

– Понимаю.

Эверетт откидывается назад.

– Если хочешь знать мое мнение, я считаю, что мысль о том, будто Пэрри нанял убийцу, просто нелепа, черт возьми. Просто какой-то «Клан

Сопрано» в Эйлсбери^[63].

Усмехнувшись, Сомер поворачивается к экрану компьютера. Она связалась с телевидением насчет реконструкции. Там долго не могли найти девушку, обладающую сходством с Сашей, но вдруг вызвалась одна из ее одноклассниц. Точнее, ее мать. Судя по всему, рассудив, что для ее любимого чада это шанс: Джемайма хочет стать актрисой. Сомер в который уже раз ловит себя на том, что никогда не перестанет удивляться человеческому тщеславию.

– Что ты о ней думаешь? – помолчав, спрашивает она, оглядываясь на Эверетт. – Я имею в виду Галлахер.

– По-моему, нормальная тетка. Умная. Порядочная. По-моему, она не собирается валить все на Фаули, если ты это спрашивала.

– Да, у меня тоже сложилось такое же впечатление. Бедолага – он этого не заслуживает.

– Да, согласна. – Эв поднимает взгляд. – А что до его жены – ты только представь себе, через что ей пришлось пройти. Как будто мало того, что она потеряла ребенка, и вот теперь всплыло все это дерьмо...

Эрика кусает губы. Ей не дают покоя мысли о том, что произошло с Алекс Фаули. Даже если только... даже если на самом деле этот человек не...

– И давай взглянем правде в лицо, – говорит Эверетт, заставляя ее оторваться от своих мыслей, – Фаули можно понять. Кто бы на его месте не старался изо всех сил оставить этого подонка за решеткой?

Но, разумеется, это и есть самое главное.

* * *

Отправлено: вс. 07/04/2018, 11:15

Важность: высокая

От: DCGarethQuinn@ThamesValley.police.uk

**Кому: DSCChrisGislingham@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk**

Копия: DIRuthGallagher@ThamesValley.police.uk

Тема: Грэм Скотт – СРОЧНО

Только что ответили из местного управления Брекон-Биконс – мы узнали адрес коттеджа Скотта. Это рядом с какой-то

захудалой дырой под названием Фрудгрех^[64] (да-да, именно так). Коттедж у него с 1995 года. Ключевой момент – в прошлом году Скотт подал заявку на обширную перепланировку, включающую снос нескольких внутренних стен. И, согласно докладу строительного инспектора, работы он выполняет самостоятельно.

Мы снова забираем его на допрос. Я также запросил ордера на обыск его коттеджа, дома в Оксфорде и машины. И, полагаю, мы их получим.

Г. К.

* * *

Протокол допроса Грэма Скотта, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 7 апреля 2018 года, 14:50

Присутствуют: детектив-сержант К. Гислингхэм, детектив-констебль Г. Куинн, миссис Д. Оуэн (адвокат)

К.Г.: Для протокола: мистер Скотт был задержан сегодня в 13:15 по подозрению в причастности к похищению и убийству Саши Алисы Блейк. В настоящее время происходит обыск в доме мистера Скотта в Оксфорде и в его машине, а полиция Давид-Поуис проводит обыск в его коттедже в Уэльсе. На этом допросе вместе с мистером Скоттом присутствует его адвокат, миссис Дебора Оуэн.

Г.С.: Я вам уже говорил, что не имею к этому абсолютно никакого отношения! В среду вечером я находился у себя дома, и я пальцем не трогал Сашу Блейк. Что же касается этой Фейт Эпплтон или как там ее, я уже говорил, что никогда даже не слышал о такой...

К.Г.: *(Протягивает фотографию.)* Она живет меньше чем в миле от вашего дома и садится на автобус на остановке Черуэлл-драйв. Вы практически наверняка видели ее в окрестностях, даже если не знаете, как ее зовут.

Г.С.: *(Отстраняет фотографию.)* Я вам уже говорил: я в жизни ее никогда не видел!

К.Г.: Ваш коттедж в Уэльсе – насколько я понимаю, вы

ведете в нем ремонт.

Г.С.: *(С опаской.)* Да, и что с того?

К.Г.: Вы производите работы сами?

Г.С.: Иное я не могу себе позволить.

К.Г.: В том числе и такие сложные работы, как электрика и штукатурка?

Г.С.: Ну да. Изредка я приглашаю кого-то помочь. Но я по-прежнему не могу взять в толк...

К.Г.: Мы провели криминалистическую экспертизу одежды Фейт Эпплфорд и обнаружили незначительные следы цементной пыли. Подозреваю, такое же в точности вещество мы обнаружим в багажнике вашей машины.

Г.С.: Уверен в этом. Но все это докажет лишь то, что я занимался штукатурными работами, черт бы их побрал. И вы не найдете ДНК этой Фейт и Саши Блейк также. Если только сами их не подбросите, черт возьми. Потому что их там никогда не было...

К.Г.: Фейт рассказала, что подкладка на полу не была закреплена. Мы предполагаем, нападавший застелил его или пластиком, или брезентом, чтобы исключить попадание улики. Так что если мы даже не обнаружим ДНК девушек, из этого еще не будет следовать, что их там не было.

Д.О.: Сержант, это не улики.

К.Г.: Согласен. Но вот это уже улика. *(Показывает допрашиваемому пакет для улики.)* Мистер Скотт, вы это узнаете?

Г.С.: *(Молчание.)*

К.Г.: Мистер Скотт?

Г.С.: *(Молчание.)*

К.Г.: Для протокола: это резинка для волос. Она розовая, с цветком, усыпанным блестками. Мы решили, мистер Скотт, что для вас очень странно обладать этой вещью.

Г.С.: *(Молчание.)*

К.Г.: У вас есть дочь? Племянница?

Г.С.: Вам прекрасно известно, черт возьми, что нет.

К.Г.: В таком случае, как вы объясните присутствие этого предмета?

Д.О.: Где он был найден, сержант?

Г.К.: В шкафчике мистера Скотта в саммертаунской средней школе. Директор разрешила нам его осмотреть.

Г.С.: Послушайте, я нашел эту резинку, понятно?

Д.О.: Есть подтверждение, что этот предмет принадлежал одной из двух девушек?

Г.К.: Результаты анализа ДНК еще не получены, но мать Саши утверждает, что у ее дочери определено была такая резинка, которую сейчас она не может найти. Так что, если хотите знать мое мнение, вероятность этого высокая.

Г.С.: Как я уже сказал, я ее нашел. В школе, в классе, после окончания урока. Вот почему она лежала в моем шкафчике.

К.Г.: Вы знали, что резинка принадлежала Саше?

Г.С.: *(Заливается краской.)* Не знаю. Возможно.

К.Г.: В таком случае почему вы не вернули резинку ей? Или хотя бы не отнесли в бюро находок?

Г.С.: Не знаю... Послушайте, наверное, я просто сунул резинку в карман. И начисто забыл о ней, черт возьми.

Г.К.: Э... а я так не думаю, дружище.

Г.С.: Я вам не «дружище»...

Г.К.: Вы достали резинку из кармана и положили ее в свой шкафчик, где должны были видеть ее по десять раз на дню. По мне, это не очень похоже на «начисто забыл о ней».

Д.О.: В любом случае это не доказывает, что мой клиент имел какое-либо отношение к трагической смерти Саши Блейк. То обстоятельство, что у него была обнаружена резинка для волос – при условии, что она действительно принадлежала Саше, – будет иметь значение в том и только в том случае, если резинка была на ней тогда, когда она пропала. У вас есть какие-либо доказательства этого?

К.Г.: *(Пауза.)* Нет.

Д.О.: Но у вас должно быть описание того, как она была одета в тот вечер. Есть ли в этом перечне резинка для волос?

К.Г.: *(Пауза.)* Нет, резинки там нет.

Д.О.: В таком случае смею предположить, что у вас нет практически никаких улик. Больше того, я не вижу достаточных оснований для задержания, не говоря уж про...

К.Г.: Учитывая серьезность преступления, знакомство вашего клиента с Сашей Блейк и близость расположения его дома и дома Фейт Эпплфорд, мы задерживаем вашего клиента для дальнейшего расследования.

Г.С.: Вы хотите сказать, что я – подозреваемый?

К.Г.: Мы хотим сказать, что собираемся убедиться в том, что вы не являетесь подозреваемым.

Д.О.: Я могу переговорить со своим клиентом наедине?

К.Г.: Вне всякого сомнения.

Допрос завершен в 15:10.

* * *

– Ну, Брайан, что вы думаете? – спрашивает Галлахер.

Они сидят в соседней комнате, и психолог черкает свои наблюдения в записную книжку в дерматиновом переплете.

Гоу поправляет очки.

– Я думаю, что наш мистер Скотт, скорее всего, искренне верил, что у них с Сашей какие-то отношения. Что ему нужно только подождать, и разделяющие их преграды чудодейственным образом исчезнут.

– В том числе и такое мелкое неудобство, как то, что она несовершеннолетняя, – мрачно замечает Галлахер.

– Совершенно верно. Хотя это, вероятно, только подпитывало иллюзию. Возможно, Скотт убеждал себя в том, что именно поэтому им приходится держать все в тайне – именно поэтому Саша ничего не может сказать ему на людях. Разумеется, проблема возникает, когда мужчина в таком положении вынужден признать факт, что женщина, которую он любит, не отвечает ему взаимностью и никогда не ответит. И вот тогда, когда он столкнется с таким отвержением, события, скажем так, могут развиваться стремительно. Очень стремительно.

– То есть если Скотт в тот вечер увидел Сашу на автобусной остановке...

– Он запросто мог решить, что его время пришло, – вот прекрасная возможность высказать Саше свои чувства. Но она посмотрела на него с отвращением как на извращенца.

– Или посмеялась над ним, – предполагает Галлахер.

Гоу кивает.

– Естественно, это было бы еще хуже. Весь его мир рушится, а Саша просто смеется ему в лицо. Он теряет самообладание, набрасывается на нее... – Он пожимает плечами, дальше можно не продолжать.

– Вдобавок ко всему, – говорит Галлахер, – этот его «Моррис Трэвеллер» битком набит всевозможными строительными и отделочными материалами. А также инструментом, в том числе ножами. Возможно, у

Скотта не было намерения убивать Сашу, однако все необходимое для этого имелось в багажнике его машины.

Гоу быстро делает пометку в записной книжке.

– Любопытно. Я об этом не знал. – Он снова поднимает взгляд. – Но тут есть одна серьезная проблема, как, думаю, вы сами прекрасно понимаете: Фейт Эпплфорд.

– Знаю, – со вздохом соглашается Галлахер. – Чем крепче наши позиции в том, что Скотт был навязчиво одержим Сашей, тем труднее объяснить, почему он напал на Фейт. Или на кого бы то ни было еще, раз уж об этом зашла речь.

Гоу кивает.

– За что сразу же ухватится любой мало-мальски компетентный адвокат. И он будет прав. А если Скотт не напал на Фейт, кто это сделал? Не мне разъяснять вам, что вероятность того, что два разных преступника совершают практически одинаковые нападения в одно и то же время, в одной и той же ограниченной местности мала настолько, что ею можно пренебречь.

На экране видно, как Скотт что-то возбужденно говорит своему адвокату, подкрепляя свои слова ударами кулаком по столу.

– Как вы думаете, он уже мог в прошлом совершать подобное? – спрашивает Галлахер.

– Вы имеете в виду преследовать женщин? Трудно сказать. Если вы будете требовать от меня ответа, я, пожалуй, отвечу отрицательно. В значительной мере потому, что к настоящему времени нечто подобное уже обязательно запятнало бы его послужной список.

Галлахер по-прежнему не отрывает взгляд от экрана.

– В таком случае нам следует позаботиться о том, чтобы другой такой случай ему больше не представился.

Адвокат Скотта встает и машет в объектив камеры, привлекая к себе внимание.

Гоу кивает на экран.

– Похоже, она хочет нам что-то сказать. Или Скотт.

* * *

– Судя по всему, у него есть алиби, – говорит Галлахер, поворачиваясь к своей команде. – По крайней мере, насчет Фейт. Меньше чем через десять минут после нападения на нее Грэм Скотт покупал молоко на Черуэлл-

драйв. Как он утверждает. И наша задача сильно упрощается: он расплатился кредитной карточкой, поэтому должен иметься электронный чек.

Она обводит взглядом оперативный штаб: на усталых, измученных лицах выражение «мы опять зашли в тупик». Необходимо переломить это настроение, и срочно.

– Итак, первым делом мы проверим это алиби. – Галлахер поворачивается к Гислингхэму. – Ну а пока, есть что-нибудь из лаборатории?

Сержант смотрит на нее.

– Сейчас эксперты проверяют ножи и штукатурку из машины Скотта и сравнивают его ДНК с образцами из пакета с огородов. Я потороплю их.

– Хорошо, – быстро говорит Галлахер и снова обращается ко всем. – А пока эксперты занимаются своим делом, мы займемся своим. Нам нужно не просто проверить алиби Скотта насчет Фейт: мы должны также проверить его телефонные звонки и выяснить, действительно ли он находился дома в тот вечер, когда исчезла Саша. И также изучим знакомых Эшли Бразертон, поскольку к настоящему времени мы также не исключили их из списка подозреваемых. Высшей математики тут нет, коллеги, так что просто принимаемся за работу, договорились?

* * *

Реконструкция начинается, как только темнеет; когда Сомер и Эверетт добираются до Черуэлл-драйв, там уже толпится народ. Телевизионщики расставили софиты и камеры, в ста ярдах в «кармане» стоит рейсовый автобус. Водитель разговаривает с двумя полицейскими в форме.

Эверетт направляется к съемочной группе Би-би-си, но Сомер остается у машины и всматривается в лица зевак, в надежде на то, что Фиона Блейк послушалась ее совета и не пришла. Если б Саша по-прежнему числилась пропавшей без вести, в этом еще был бы смысл, но только не сейчас. Сейчас присутствие матери обернется для нее невыносимой болью. И не только потому что она потеряла свою дочь; Сомер видит Джонатана Блейка, дающего интервью перед телекамерой, а у него за спиной – женщину, с которой он, должно быть, живет сейчас, с младенцем на руках. Блейк говорит возбужденно, на лбу озабоченные складки. А еще дальше, за телекамерами, – Сашины подруги. Сомер не знала, придут ли они, – родители не собирались их отпускать, а девушки были в таком состоянии,

что настаивать было бы жестоко. Но нельзя отрицать, что их присутствие может иметь решающее значение: волосы с розовыми кончиками Изабель, красная кожаная куртка Патси – все это может пробудить воспоминания. И все же Сомер прекрасно понимает: хотя реконструкция важна для полицейского расследования, каково тем, кому придется пройти через все это, особенно если речь идет о пятнадцатилетних девушках, чью лучшую подругу только что жестоко убили... Даже на таком расстоянии Эрика видит, что Патси плачет, а Изабель и Лия обнимают друг друга. Девушка, изображающая Сашу, также вносит свою лепту в общее настроение. Одета как Саша, с портфелем, такая же прическа – сходство пугающее. «Слава богу, – снова думает Сомер, – что Фиона Блейк сюда не пришла».

– Эрика!

Голос знакомый, и Сомер, обернувшись, оказывается лицом к лицу с Фейт Эпплфорд. Девушка бледная и еще более исхудавшая с момента последней встречи, но внешне она сохраняет спокойствие, что в данных обстоятельствах можно считать чудом.

– Не знала, что ты будешь здесь.

– Мы решили прийти. Просто рассудили, что так нужно. – Фейт пожимает плечами. – Трудно объяснить.

– Нет, я понимаю, – говорит Эрика. – Как у тебя дела? Извини, что у меня больше не было возможности поговорить с тобой с тех пор, как я звонила пару дней назад...

– Ничего страшного, – поспешно говорит Фейт. – Я понимаю, что у вас полно работы. И мне гораздо лучше. Понимаю, это звучит ужасно после... ну, после *всего*. – Она заливается краской. – Наверное, до меня только теперь дошло, как же мне повезло. Какая я везучая.

Сомер грустно улыбается.

– Ты права – ты везучая. Не забывай это. Впереди тебя ждет такое замечательное будущее...

Теперь она замечает и Диану Эпплфорд, стоящую вместе с Надин рядом с передвижной телестудией Би-би-си.

– И даже несмотря на то, что все это просто ужасно, – тихо произносит Фейт, – по крайней мере это означает, что то, что произошло со мной... это не мог быть кто-то из тех, кого я знаю.

Сомер хотелось бы с ней согласиться, но пока что она в этом сомневается. В настоящий момент ей кажется, что они опять вернулись в самое начало.

Внезапно оживает двигатель автобуса, избавляя Сомер от необходимости ответить. Его дверь с шипением открывается, и в него

сядут две девушки – сначала «Саша», затем Изабель. Лия и Патси смотрят на них с тротуара, их глаза блестят в свете софитов. Какая-то женщина, должно быть, мать Патси, подходит к ней и обнимает ее за плечо, но та резко стряхивает с себя ее руку.

Сомер снова поворачивается к Фейт.

– Не возражаешь, если я у тебя кое-что спрошу?

– Конечно, – та пожимает плечами.

– Знаю, ты сказала, что тебя, возможно, увезли не в фургоне. Как ты полагаешь, это могла быть легковая машина? И довольно маленькая?

Фейт широко раскрывает глаза.

– Вы думаете, что знаете, кто это был?

– Есть один человек, с которым мы хотим поговорить, но это все, что я могу сказать в настоящий момент.

– Но разве вы не можете осмотреть его машину – ну, провести криминалистическую экспертизу?

– Этот человек утверждает, что у него алиби на то утро, однако мы еще не успели его проверить. А тем временем – да, мы проводим осмотр его машины. Но если ты сможешь еще что-нибудь вспомнить, нам это очень поможет.

Фейт огорчена.

– Очень сожалею, но я просто больше ничего не знаю. Мне хочется вам помочь, но...

– Ничего страшного, – поспешно успокаивает ее Сомер. – Все в порядке. Я тебя понимаю.

Фейт оглядывается на толпу вокруг телекамер.

– О, там мои подруги – вы ничего не имеете против? Мы договорились встретиться.

Сомер прослеживает ее взгляд. Две девушки машут Фейт, одна из них – это Джесс Бердсли, та, с которой Сомер разговаривала в кафе.

– Я рада, что у тебя появились подруги. Это просто замечательно. И Джесс, по-моему, очень милая девушка.

Фейт смущенно улыбается.

– Да, это единственное хорошее из всего этого дерьма. Как оказалось, брат Джесс тоже трансвестит. Она не видит в этом ничего страшного.

Такие простые слова – но в них заключена целая вселенная. В которой Фейт принимают, в которой перед ней открывается возможность начать новую жизнь.

Сомер провожает ее взглядом, видит, как она обнимается с подругами. Возможно, из всей этой боли выйдет что-то хорошее. Вопреки всему.

* * *

«Саша» провожает взглядом отъезжающий автобус, затем проходит к остановке и садится на скамейку. Смотрит на телефон, потом снова встает. Озабоченно оглядывается по сторонам. Судя по всему, она кого-то ждет.

Внезапно весь свет гаснет.

* * *

Телекамеры выключаются, и девушка, изображавшая Сашу, оборачивается и ищет взглядом свою мать, ожидая похвалы. И возможно, она ее заслужила – возможно, она действительно сыграла свою роль правдоподобно, потому что Патси и Лия прильнули друг к другу, рыдая, а когда дверь автобуса открывается, Изабель выходит из него нетвердой походкой и со слезами падает в объятия Жасмин. Эверетт видит, как та набрасывает на плечи девушке одеяло и уводит ее, словно жертву землетрясения. И возможно, это не так уж далеко от истины, думает Эверетт; потому что беда, обрушившаяся на этих трех девушек, разбила вдребезги все то, на что они опирались, и даже если вера будет восстановлена, в ней все равно останется скрытая от глаз трещина.

В нескольких ярдах от нее Джонатан Блейк снова говорит, теперь уже перед другой группой журналистов. Похоже, он нашел свое призвание, презрительно думает Эверетт и тотчас же строго отчитывает себя за цинизм. Быть может, этот человек просто хочет помочь. Один из корреспондентов перебивает Блейка и спрашивает, можно ли сфотографировать его вместе с новой семьей, и после недолгих скромных возражений Блейк подзывает свою подругу.

– Рейч! Похоже, тут нужны и вы с Лайэмом.

– Фантастика! – восклицает корреспондент, пока фотограф устанавливает пару и их ребенка на фоне толпы. – Маленький братик, которого Саша так и не увидела. Мой редактор будет просто в восторге!

* * *

После того как муж в восемь утра уходит на работу, Алекс Фаули позволяет себе поваляться в постели еще полчаса, после чего заставляет

себя пойти в душ и включить воду. Прежде чем шагнуть под струи, она проверяет температуру и напор: не слишком горячо, не слишком сильно. Алекс тщательно намыливается, нежно прикасаясь к коже в тех местах, где та растянулась вокруг ребенка. Ребенок шевелится, и она улыбается. Все в порядке. Все хорошо. И теперь осталось уже совсем недолго. Еще всего семнадцать недель. Сто девятнадцать дней...

Звонок Алекс слышит только тогда, когда выключает душ и осторожно переступает на коврик. Это ее сотовый, должно быть, она оставила его на кухне. Решив не отвечать, Алекс берет полотенце и обматывает им голову. Звонки прекращаются, но меньше чем через полминуты возобновляются. К тому времени, как Алекс спускается вниз и находит телефон, она уже успевает убедить себя в том, что это всего лишь Адам, звонит, чтобы узнать, как у нее дела; однако, когда она берет телефон, на экране номер ее офиса.

– Алло! Сью? Это Алекс – ты мне звонила?

Очевидно, звонила. Речь идет об одном из самых важных клиентов Алекс. Об одном из самых важных клиентов *фирмы*. Сжатые сроки, проблемы с налогами, а напарница, замещавшая Алекс, заболела, и еще... и еще... и еще...

Алекс вздыхает: ей нужно ехать на работу. Но, если повезет, это займет всего пару часов. Она вернется домой задолго до Адама. Он ни о чем даже не узнает.

– Ладно, – говорит Алекс. – Я только что из душа, но приеду, как только смогу.

– Ой, *спасибо!* – выдыхает помощница. Без вопросов, – мысленно напоминает себе Алекс, – очень толковая и честлюбивая, но все еще жутко неопытная. – Вы *так* добры!

– Без проблем, – говорит Алекс, стараясь изобразить больше оживления, чем чувствует на самом деле. – Тебе нужно продержаться всего час. Я мигом!

* * *

Рут Галлахер не помнит, когда в последний раз заглядывала в кабинет к Алану Чаллоу. Полгода назад? Еще раньше? В прошлом году она вела три или четыре дела об убийстве, но с криминалистами обыкновенно общается сержант. Что же касается Алана Чаллоу, это он приходит к кому-то, а не наоборот, поэтому приглашение в его владения – это по меньшей мере

аномалия. Галлахер хочется думать, что у Чаллоу для нее что-то важное, но долгие годы работы в отделе особо опасных преступлений приучили ее не тешить себя ложными надеждами.

На стук никто не отвечает, тогда Галлахер толкает дверь и видит, что кабинет пуст. Здесь все в точности так, как она помнит, – вид на автомобильную парковку, тщательный порядок на столе, полное отсутствие чего бы то ни было личного. Галлахер сильна в мелочах – умеет находить смысл в чем-то вроде бы тривиальном: о своей новой команде она по «осадочным породам» на письменных столах узнала почти столько же, сколько из личных дел. Фотографии маленького ребенка, засунутые по периметру экрана компьютера Гислингхэма; горшок с ухоженным растением Эверетт; а у Сомер фотография женщины, настолько похожей на нее, что они, наверное, родные сестры; небрежная россыпь на столе у Куинна; обертки от шоколадок, спрятанные в мусорной корзине под столом Бакстера. Что касается Фаули, у него тоже есть фотография. Его жена и сын на пляже, загорелые, босиком, клонящиеся к закату солнце позади них окрасило им волосы в красный цвет, сделав сходство еще более поразительным. Джейк Фаули улыбается, несколько сдержанно. Наверное, снимок был сделан летом того года, когда он умер.

– Извини, что заставил ждать, – говорит Чаллоу, заходя в кабинет и закрывая дверь; в руке у него кружка с кофе. – Я подумал, что лучше разобраться с этим при личной встрече. – Он указывает на стул и, обойдя стол, садится в кресло.

– Ну, что там у тебя? – спрашивает Галлахер, наблюдая за тем, как Чаллоу достает из ящика банку с подсластителем и аккуратно отсчитывает три таблетки.

– Давай сперва разберемся со всем скучным. Мы сравнили отпечатки пальцев, взятые у Грэма Скотта, с теми, которые были обнаружены на мешке, использовавшемся при нападении на Фейт Эпплфорд, и нет никаких совпадений. Мужская ДНК также не принадлежит ему, и следов ДНК Фейт в его машине нет.

– Но мы и так уже исключили Скотта из дела Фейт. Его алиби проверено. Что насчет Саши?

– Ни ножи из его дома и коттеджа, ни его машина в нападении не участвовали, и ДНК Саши также ни в одном из этих мест не обнаружена. Увы.

– Вы проверили не только багажник, но и сиденья?

Чаллоу бросает на нее высокомерный взгляд.

– Я знаю, что делаю, тебе это известно.

– Извини, просто мы разрабатывали версию, что Скотт в тот вечер подвозил Сашу. Но судя по тому, что ты сказал...

Он качает головой.

– *Крайне* маловероятно. Вычистить машину настолько тщательно необычайно трудно, а в машине Скотта нет никаких признаков того, что ее пылесосили в этом тысячелетии, не говоря уже про последнюю неделю.

– Ладно, значит, похоже, можно исключить его и из дела Саши, – вздыхает Галлахер. – Но ты, кажется, говорил, что у тебя также есть кое-что *не* скучное?

– Ах да, – говорит Чаллоу, аккуратно укладывая ложку на салфетку. – А это уже гораздо интереснее. Речь идет о пакете.

– Слушаю внимательно, – медленно произносит Галлахер.

– На прошлой неделе мы проверили образцы ДНК на пакете по базе данных и не нашли никаких совпадений. Но вот одно мы не сделали.

– И что же это?

– Мы не сравнили эти образцы между собой. Это не ляп, – быстро добавляет Чаллоу, увидев выражение ее лица, – стандартная процедура этого не предусматривает. Больше того, если бы Нина еще раз не взглянула на образцы, когда мы проверяли Скотта...

– Я теряю нить.

– Два профиля ДНК, обнаруженные на пакете, – оказывается, они связаны.

– Связаны с чем?

Чаллоу откидывается назад.

– Друг с другом. Практически наверняка речь идет о матери и дочери.

У Галлахер внутри все обрывается – она ожидала услышать что-либо интересное.

– Но это мало что нам дает. Мы с самого начала понимали, что пакет мог оказаться там случайно. С улицы, из мусорного бака – он мог побывать в руках у кого угодно...

Однако Чаллоу уже качает головой.

– Все не так просто. Профили не просто связаны друг с другом. Они связаны с жертвой.

Галлахер широко раскрывает глаза.

– Они связаны с *Фейт*?

Он кивает.

– Чтобы это можно было представить в суд, нужно взять образцы непосредственно у них, но я уверен практически на сто процентов. Этот пакет держали в руках и Диана, и Надин Эпплфорд.

Адам Фаули
8 апреля 2018 года
11:46

– Я Адам Фаули – мне сказали, моя жена здесь.

Я с трудом произношу эти слова, сердце колотится так быстро, что я едва могу дышать. Всю дорогу в машине я твердил себе...

Медсестра в регистратуре поднимает на меня взгляд, затем сверяется со списком.

– Да-да, – резко произносит она. – Кажется, у нее сейчас доктор Чоудхури. Подождите минутку. – Она снимает трубку и набирает номер.

Мой мозг находится в свободном падении: эта женщина, она не смотрит мне в глаза и не улыбается – разве она вела бы себя так, если бы все было в порядке? Значит, это означает...

Медсестра кладет трубку.

– По коридору направо. Палата сто пятьдесят шесть.

Алекс сидит на кровати, в больничном халате. И какое-то мгновение я вижу только это – ее бледное лицо, навернувшиеся на глазах слезы...

– О, Адам, я так виновата...

Не знаю, как я подхожу к кровати, потому что ног у меня больше нет, легкие налились свинцом...

– Мне позвонили... из твоей конторы... сказали, что ты здесь, что ты упала в обморок... я сказал, что они ошибаются... ты и не думала появляться на своей проклятой работе...

– Ваша жена потеряла сознание, мистер Фаули, – тихо произносит врач.

У меня в сознании даже не зарегистрировалось его присутствие. Я оборачиваюсь к нему.

– Мы сделали кое-какие анализы, на всякий случай, но пока что все в полном порядке.

Я смотрю на него, как приговоренный к смерти, которому объявили о помиловании в самую последнюю минуту.

Врач кивает.

– С ребенком все хорошо. Но вашей жене необходимо гораздо серьезнее следить за своим здоровьем. Особенно в том, что касается правильного питания и отдыха.

Я хватаю руку Алекс. У нее холодные пальцы.

– Во имя всего святого, почему ты поехала туда сегодня? Утром ты ничего не говорила.

– На работе была запарка... мне позвонила Сью... извини, я так виновата... – Слезы текут по щекам, лицо сморщилось. – А потом произошло это, и я подумала... я подумала...

Я привлекаю ее к себе и заключаю в объятия, поглаживая волосы.

– Все хорошо. С ребенком все в порядке. С тобой все в порядке.

– Миссис Фаули, сейчас вам в первую очередь нужно *отдохнуть*, – говорит врач. – А сейчас мне нужно сказать пару слов вашему мужу.

– Все хорошо, – шепчу я. – Я вернусь через минутку. Просто постарайся расслабиться.

Мы выходим в коридор, и Чоудхури поворачивается ко мне.

– То, что вы сказали мне там – что все в порядке, – это правда? Вы ни о чем не умалчиваете?

Врач качает головой. По-моему, он пытается меня подбодрить, но у него не очень получается.

– Нам нужно будет и дальше наблюдать за ее давлением, однако ваша жена чем-то встревожена, и в настоящий момент это моя главная забота. Ей нужен полный отдых, по крайней мере в течение следующих двух недель. И абсолютно никаких стрессов.

– Я пытался...

– Не сомневаюсь в этом. Но вы должны проявить настойчивость. Я также переговорил с лечащим врачом вашей жены. Насколько я понял, у нее уже были проблемы с психическим здоровьем. В последний раз в две тысячи шестнадцатом году.

Я отвожу взгляд и делаю глубокий вдох.

– Наш сын... он покончил с собой. Для нас это стало страшным ударом. Особенно для Алекс.

– Понятно. – Его голос становится тише. – А до того?

– То было совершенно другое. Не столько депрессия, сколько беспокойство.

– Какого именно рода беспокойство, вы помните? Понимаю, с тех пор прошло уже много времени...

Разумеется, я помню. Как я могу это *не помнить*, черт побери!

– Плохой сон, два-три приступа паники. Апатия – в таком вот духе. – Я глотаю комок в горле. – Ночные кошмары.

Алекс просыпалась в ужасе, с криками, обливаясь потом – зрачки расширены, как у наркомана, – и хватала меня с такой силой, что выступала

кровь...

– Но сейчас это совершенно другое. Сейчас Алекс тревожится за ребенка.

Врач недоуменно смотрит на меня. Очевидно, я выражаюсь не слишком ясно.

– В предыдущий раз... на то была причина.

* * *

– Блин, это было как гром среди ясного неба, да?

Это Куинн. Команда собралась в оперативном штабе.

– И Чаллоу абсолютно уверен? – спрашивает Гис. – Я хочу сказать, пока мы не ворвались туда словно спецназ, черт возьми?

Галлахер вздыхает.

– Уверен, насколько это возможно. Этот пакет держали в руках и Диана, и Надин.

– Так что же он хочет сказать? – говорит Сомер. – Что с Фейт так поступила собственная *мать*? Что ее родная *сестра* была способна на подобную... подобную...

– Мы не *знаем*, что они в этом участвовали, – поспешно говорит Галлахер. – В настоящий момент это лишь предположение. Возможно – хотя, следует признать, такое крайне маловероятно, – что нападавший случайно подобрал пакет, выброшенный Эпплфордами.

Однако никто ей не верит, она видит это по лицам. Естественно, чего еще следовало ожидать...

– Ну, одно нам *известно*, – замечает Бакстер, – а именно местонахождение Дианы Эпплфорд в то утро. Мы знаем, где именно она находилась в тот момент, когда ее дочь подверглась нападению, и это были не огороды на Марстон-Ферри-роуд. И еще не нужно забывать про проклятый фургон – где она его раздобыла, черт побери?

– Не говоря уж про *почему*, – Эв качает головой. – Во имя всего святого, почему она вообще...

– А Надин всего пятнадцать, – добавляет Куинн. – Не может быть и речи, чтобы она управляла каким бы то ни было транспортным средством – фургоном, легковой машиной, внедорожником, танком «Чифтен»...

– Но она могла быть не одна, ведь так? – Бакстер поворачивается к нему. – Не со своей мамашей – с кем-нибудь еще, постарше, кто и сидел за рулем. А пакет она запросто могла прихватить из дома.

Эв широко раскрывает глаза.

– Ты действительно думаешь, что она могла пойти на такое?.. Господи!

– А как еще можно это объяснить? – Бакстер пожимает плечами.

– Я могу поспрашивать в школе, – вызывается Гис. – Убедиться в том, что в то утро Надин на самом деле была на уроках, как она утверждает.

– Да, займитесь этим, – говорит Галлахер. – Но только аккуратно. Если такое всплывет, на нас небо обрушится, черт возьми.

* * *

Адам Фаули

8 апреля 2018 года

13:10

Я пытаюсь разобраться с электронной почтой, однако есть в больницах нечто такое, отчего мой мозг входит в ступор. Это подобно мышечной памяти – непроизвольный спазм замороженных воспоминаний. Воспоминаний обо всех тех случаях, когда мы возили Джейка в подобные заведения. Когда он причинял себе травмы, когда нам не удавалось его остановить. Сдержанные взгляды, осторожные вопросы. «Такое уже случалось? Мы можем поговорить с вашим лечащим врачом?» По кругу, снова, снова и снова. Все мы парализованы перед лицом того, что не можем объяснить, не надеемся понять.

Я прекращаю попытки работать и бросаю телефон на соседнее кресло. Спящая Алекс ворочается в постели, но не просыпается. Вид у нее умиротворенный – впервые за последние несколько недель. У меня мелькает мысль, не дал ли врач ей успокоительное. На стене напротив телевизор: я беру пульт и включаю его, убрав звук. Идет выпуск местных новостей. Снова прокручивают реконструкцию того, как в последний раз видели Сашу Блейк. Ее подруги, отец, его новая семья. Все это я уже видел, но тогда я готовил ужин, и мысли мои были заняты другим. Сейчас я впервые действительно смотрю.

* * *

Гислингхэм кладет трубку и поднимает взгляд на Галлахер.

– Я разговаривал с директором саммертаунской средней школы. Надин

Эпплфорд *была* на уроках в тот день, когда Фейт подверглась нападению.

– Слава богу...

Однако Гис еще не закончил.

– Вся беда в том, что никто не может сказать, когда именно она пришла в школу. На утреннюю регистрацию Надин опоздала, но в четверть двенадцатого она уже была в школе – в тот день первых уроков у нее не было. Сначала предположили, что она заболела, – знаете, этот кишечный грипп, который в последнее время косит подростков...

– Когда регистрация?

– В восемь пятьдесят. А когда мы в первый раз разговаривали с Дианой Эпплфорд, она сказала, что высадила Надин у школы в восемь с минутами, по дороге на работу.

– Значит, у нее в запасе было больше получаса, и тем не менее на регистрации она не появилась, – задумчиво произносит Галлахер. Она обводит взглядом комнату и находит Эверетт. – Напомните мне, когда именно была похищена Фейт?

Эверетт поворачивается к ней.

– Она вышла из дома ровно в девять, так что это случилось где-то через десять-пятнадцать минут.

– А когда ее подобрал водитель такси?

– В одиннадцать двадцать, – подсказывает Гислингхэм. – Плюс-минус. Но к тому времени нападавшего уже давно не было. Так что, если Надин *действительно* была причастна к этому, она запросто могла вернуться в школу к началу третьего урока. Ее мог подвезти тот, кто управляет фургоном.

Галлахер поворачивается к карте и снова смотрит на булавки, обозначающие те места, где Фейт живет, где была похищена, где ее обнаружили.

– Итак, мать высаживает ее у школы в восемь с небольшим, там она встречает этого таинственного сообщника, после чего они вместе возвращаются на Райдал-уэй, чтобы перехватить Фейт?

Гис встает и присоединяется к ней. Поколебавшись мгновение, он указывает на обширную территорию саммертаунской средней школы.

– Или она могла направиться к огородам напрямиком от школы. Тут не больше полумили.

Галлахер по-прежнему не отрывает взгляда от доски.

– Однако, как ни крути, тут должен быть кто-то еще. И нам просто нужно выяснить, кто это был.

По дороге они почти ничего не говорят. Версий было много, однако они никак не могли предположить, что им придется вернуться сюда – туда, где все началось.

Сомер останавливается напротив дома, и какое-то время они сидят в машине. Никаких признаков жизни не видно, и Эрике хочется думать, что в доме никого нет. Однако она понимает, что это лишь отсрочит неизбежное.

– Ради бога, что мы скажем Фейт? – говорит Сомер, поворачиваясь к коллеге. – Ей что, и без этого бед не хватает? Мы только разобьем семью.

Эверетт кладет ей руку на плечо.

– Ты видишь все в чересчур мрачных тонах. И даже если произойдет худшее, *ты* в этом не виновата. К тому же не забывай, что мы еще не установили причастность Надин к этому. Возможно, все это имеет совершенно невинное объяснение.

– О, Эв, только не надо, ты ведь сама все понимаешь...

Эверетт пожимает плечами.

– Откуда у нас может быть уверенность до тех пор, пока мы не спросим? Я знаю только то, что мы *должны* это сделать, и если кто-нибудь и может помочь Фейт, так это ты.

Они выходят из машины и медленно идут по дорожке. На крыльце Эверетт оборачивается и бросает взгляд на Сомер, затем подносит руку к звонку.

Диана Эпплфорд явно удивляется, увидев их.

– О, здравствуйте, – говорит она. – Мы вас никак не ожидали, это точно. Боюсь, Фейт нет дома. Она у своей новой подруги. Джесс, как там ее.

Эверетт буквально слышит облегчение Сомер. Она слабо улыбается.

– Миссис Эпплфорд, Надин дома?

– Надин? Да, она у себя наверху. А в чем дело – вы хотите с ней поговорить?

– Выяснились кое-какие детали, миссис Эпплфорд. Вы не могли бы попросить Надин спуститься на минутку?

Диана Эпплфорд хмурится.

– Ладно. – Она подходит к лестнице и окликает: – Надин! Ты там?

Они ждут, но наверху полная тишина.

– Надин! – окликает Диана, уже громче. – Милая, ты не могла бы спуститься?

Теперь признаки жизни: скрип кровати, звук открывающейся двери. Через минуту на лестнице появляется Надин. Увидев полицейских, она отшатывается назад. У Эрики в груди все обрывается.

– Что они здесь делают?

– Дорогая, они просто хотят поговорить с тобой. Ты можешь спуститься?

Надин начинает спускаться по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке.

– В чем дело? – спрашивает она, оказавшись внизу.

– У нас появилась новая информация из криминалистической лаборатории, – говорит Эверетт. – Поэтому нам нужно кое-что проверить и снова поговорить с людьми.

После этих слов Надин заметно успокаивается.

– Ладно, что вы хотите знать?

– Будет лучше, если ты проедешь с нами. Вместе со своей матерью.

– Я не хочу, чтобы она ехала! – быстро говорит Надин. – Я сама справлюсь!

– Что все это значит? – спрашивает Диана Эпплфорд, переводя взгляд со своей дочери на Эверетт. – Вы меня пугаете!

– Нам нужно только быстро переговорить с Надин, миссис Эпплфорд. Много времени это не займет.

Что еще она может сказать? «Возможно, ваша дочь пробудет у нас всю ночь»? «Все это выглядит очень серьезно»?

– Я поеду одна, – упрямо говорит Надин. – Я не хочу, чтобы мама ехала со мной. Я не ребенок!

– Слушай, сходи за курткой, а потом мы это обсудим.

Надин колеблется, затем разворачивается и поднимается обратно вверх.

* * *

Протокол допроса Надин Эпплфорд, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 8 апреля 2018 года, 18:15

Присутствуют: детектив-инспектор Р. Галлахер, детектив-констебль В. Эверетт, мисс С. Роджерс (представитель опеки)

Р.Г.: Для протокола: мисс Салли Роджерс присутствует как

представитель опеки, защищающей интересы несовершеннолетней мисс Эпплфорд. Надин не задержана; ей сообщено о том, что она может в любой момент позвать свою мать и адвоката. В настоящий момент миссис Диана Эпплфорд находится в соседнем помещении. Итак, Надин, наверное, ты гадаешь, почему ты здесь.

Н.Э.: *(Молчание.)*

Р.Г.: Что ж, я тебе скажу. Мы провели новые анализы пластикового пакета, которым душили твою сестру. На нем обнаружены следы ДНК.

Н.Э.: *(Молчание.)*

Р.Г.: У тебя есть мысли насчет того, чьи эти ДНК могут быть?

Н.Э.: *(Отводит взгляд.)* Откуда мне знать?

Р.Г.: Ты абсолютно уверена в этом?

Н.Э.: Послушайте, оставьте меня в покое – я же сказала вам, что не знаю.

Р.Г.: Боюсь, знаешь, Надин. Не ведаю, много ли тебе известно о ДНК, но, в частности, по ним можно узнать пол человека. Также можно узнать, являются ли два человека родственниками. Так вот, мы провели дополнительные тесты и выяснили, что двое из тех, кто держал этот пакет, являются близкими родственниками. Практически наверняка это мать и дочь.

Н.Э.: *(Сплетает руки.)* И что с того?

Р.Г.: Ты не знаешь, к. то эти мать и дочь?

Н.Э.: Я же вам сказала: ко мне это не имеет никакого отношения! Не могу понять, зачем вы все это у меня спрашиваете.

Р.Г.: *(Протягивает лист бумаги.)* Это результаты теста, Надин. И они показывают – без малейшей вероятности ошибки, – кто эти мать и дочь. Это ты, Надин. Ты и твоя мама.

Н.Э.: Нет, неправда... этого не может быть! Криминалисты ошиблись!

Р.Г.: Как я уже говорила, боюсь, вероятность ошибки исключена. Поэтому я снова спрошу у тебя: ты можешь рассказать нам, что случилось с твоей сестрой?

Н.Э.: *(Возбуждается.)* Я же вам сказала – это была не я!

Р.Г.: Ты не можешь объяснить, почему этот конкретный пакет

в конечном счете использовался при нападении на твою сестру?

Н.Э.: Откуда мне знать? Наверное, кто-то его подобрал... мало ли что?

Р.Г.: Ты должна понимать, что вероятность этого крайне Мала...

Н.Э.: Я же вам сказала – я не знаю...

Р.Г.: Надин, где ты была в то утро, когда на Фейт напали?

Н.Э.: В школе. Я вам уже говорила.

Р.Г.: У кого-либо из твоих знакомых есть фургон?

Н.Э.: Нет.

Р.Г.: Универсал, внедорожник – что-либо подобное?

Н.Э.: Нет.

Р.Г.: У тебя хорошие отношения со своей сестрой?

Н.Э.: При чем тут это?

Р.Г.: Когда я была в твоём возрасте, временами мне хотелось выцарапать своей сестре глаза. Она просто жутко выводила меня из себя. У тебя никогда не возникало такого чувства?

Н.Э.: Нет.

Р.Г.: Даже несмотря на то, что из-за сестры тебе пришлось поменять школу? Даже несмотря на то, что из-за нее ты лишилась всех своих подруг? Представляю, как тебе было плохо.

Н.Э.: Да не так уж и плохо. К тому же теперь у меня уже есть новые подруги.

Р.Г.: Фейт очень переживала по поводу нападения, так?

Н.Э.: Ну да, и что с того?

Р.Г.: Ей очень плохо с тех пор.

Н.Э.: Наверное.

Р.Г.: Уверена, ты этого не хотела.

Н.Э.: Я этого не делала – я вам уже говорила! Я не имею к этому никакого отношения. *(Вот-вот расплачется.)* Почему вы спрашиваете у меня обо всем этом дерьме?

Р.Г.: Мы поговорили у тебя в школе, и нам сказали, что в то утро, когда напали на твою сестру, тебя не было на регистрации. Нам сказали, что в 11:15 ты пришла на урок географии, но никто не знает, где ты была до того. Ты можешь это объяснить?

Н.Э.: *(Молчание.)*

Р.Г.: Надин, ты была на огородах? Ты причастна к тому, что произошло с твоей сестрой?

Н.Э.: *(Молчание.)*

В.Э.: Надин, зачем тебе принимать на себя всю вину? Мы знаем, что был еще кто-то. Тот, кто управлял фургоном. Кто это, Надин? Почему ты его выгораживаешь?

Н.Э.: *(Обращаясь к представителю опеки.)* Я теперь могу идти домой?

Р.Г.: К сожалению, Надин, не можешь. Пока что. Но если ты хочешь, мы можем сделать небольшой перерыв.

С.Р.: По-моему, это очень хорошая мысль.

Допрос прерван в 18:35.

* * *

– Это было все равно что смотреть ту штуку по телику, – говорит Куинн. – Как там она называется? Где нужно определить, кто лжет.

– «Блеф-клуб», – подсказывает Сомер.

– Но я ведь прав, да? – продолжает Куинн, поворачиваясь к ней. – Пусть вслух она ничего не сказала, но зато язык ее жестов работал на полную громкость. Если б она была Пиноккио, черт возьми, ее нос отрос бы до долбаного Бирмингема!

– Пусть так, – мрачно произносит Гислингхэм, – но язык тела не скажет нам, кто сидел за рулем фургона, а нам нужен он.

* * *

В Блэкберд-Лейс идет дождь. Сильный, настойчивый, обескураживающий дождь, от которого окрестности кажутся еще более унылыми. Эверетт оставляет свой «Мини Купер» под фонарным столбом – она знает, что к чему, – затем поднимает воротник и бегом преодолевает несколько ярдов до дома Бразертонов. Дверь долго не открывается.

– Что вам угодно? – спрашивает старик. Он все в тех же бежевых штанах, но теперь у него на поясе фартук, а на левой руке – варежка-прихватка. – Эшли нет дома.

– Извините, мистер Бразертон, что беспокою вас. Я только хотела задать вам один вопрос. Вам – не Эшли.

Старик долго смотрит на нее.

– Это «официальный» вопрос?

Эверетт слегка краснеет. Потому что старик прав: она никому не

сообщила о том, что едет сюда. Констебль печально усмехается.

– Не совсем.

– И ответ на него поможет упрятать Эша за решетку?

– Нет, – поспешно возражает Эверетт. – Нет, уверена в этом. Наоборот, он может ему помочь.

Старик отступает назад.

– В таком случае вам лучше зайти в дом. А то вы встретите здесь свою смерть.

* * *

Сомер не сразу находит нужный адрес. Особенно в темноте, в сильный дождь. Однако в конце концов она подъезжает к современному жилому зданию недалеко от Иффли-роуд. Взглянув на номер квартиры, шлепает по залитой водой дорожке к подъезду. Нажимает кнопку, и с треском оживает домофон.

– Кто там?

– Эрика Сомер. Это Джесс?

Пауза.

– Кто дал вам этот адрес?

– Мать Фейт. Она сказала, что сегодня вечером Фейт отправилась к тебе в гости. Она здесь?

Дверь открывается, и выходят две девушки, укутанные в модные куртки с отороченными мехом капюшонами, в резиновых сапогах. Обе смеются. Сомер так и подмывает проскользнуть в подъезд у них за спиной, пока не закрылась дверь, но она заставляет себя остаться на месте: ей нужно, чтобы Джесс и Фейт были полностью уверены в себе.

Она возвращается к домофону.

– Я просто хотела проверить, как дела у Фейт.

После некоторого молчания щелкает язычок замка.

– Заходите.

Квартира на последнем этаже. Лифт не работает, поэтому Эрика, приближаясь к нужной площадке, сбавляет скорость. Однако дверь впереди уже открыта. Там стоит Джесс. Времени всего девять вечера, но она уже в пижаме и длинном пестром халате, судя по виду, когда-то бывшем мужским.

При виде Сомер Джесс поднимает брови.

– Нам нужно прекратить эти встречи.

В одной руке у нее кружка. Над ней поднимается пар. Однако это не кофе, а какие-то травы, терпкие.

– Как она? – спрашивает Сомер.

– Не очень, – морщится Джесс.

Они говорят вполголоса. Словно в квартире находится больной.

– Минут двадцать назад звонила ее мать, – продолжает Джесс. – Она сказала, что вы задержали Надин – *арестовали* ее.

– Сожалею – у нас не было выбора, – Сомер вздыхает. – С теми уликами, которые у нас теперь есть.

– До этого Фейт была еще ничего, но с тех самых пор она не перестает плакать. Не может поверить в то, что Надин с ней так поступила.

– Мы этого не знаем. Пока что не знаем.

Джесс пожимает плечами.

– Наверное, вы считаете такое возможным, иначе не допрашивали бы ее. У вас есть сестра?

Эрика колеблется, затем кивает.

– Да. Вообще-то есть.

– Ну тогда вы сами все понимаете. Как бы вам понравилось такое?

* * *

– Имени ее я не знаю, – говорит мистер Бразертон, вытаскивая чайный пакетик из кружки и бросая его в мусорное ведро.

– Но у Эшли есть подруга?

Старик презрительно фыркает.

– Скорее, *была*, если хотите знать мое мнение. По-моему, с тех пор как все это началось, он ее больше не видел.

От чуткой «антенны» Эверетт это не укрывается. Возможно, тут ничего нет, но с другой стороны...

– Как ее зовут? – спрашивает она, принимая предложенную кружку.

– Понятия не имею. Сюда он девиц не приводит.

У Эверетт внутри все обрывается.

– Значит, вы ее ни разу не видели?

Старик шарит в буфете и достает печенье с изюмом. Эверетт старается не думать о том, сколько времени пакет пролежал там.

Старик шаркает к столу и садится.

– Если честно, я видел ее раза два, издалека. Где-то пару месяцев назад, точно. Но она стояла спиной ко мне. Темные волосы, длинные.

«То есть это может быть кто угодно, – думает Эверетт. – В том числе и Надин Эпплфорд».

– Но одно я точно помню, – продолжает старик, протягивая ей печенье. – Эш учил ее водить.

* * *

Сомер усаживается в кресло напротив Фейт. Та обхватила колени руками, положив на них щеку. На плечах у нее вафельное полотенце.

– Как ты? – мягко спрашивает Эрика.

Ответа нет. Сомер видит у девушки на лице слезы.

– Я просто пришла проведать, узнать, как у тебя дела. К сожалению, в настоящий момент я мало что могу тебе сказать.

Кажется, только сейчас Фейт замечает ее присутствие. Она поднимает голову и вытирает глаза.

– Мама сказала, пакет был из нашего дома.

– Знаю, – Эрика вздыхает. – Мы по-прежнему не можем это объяснить. К сожалению, Надин почти ничего не говорит.

Фейт снова роняет голову. Сомер даже представить себе не может, что это такое: обнаружить, что человек, который вроде бы любит тебя, тебя предал. Причем так зло, так расчетливо, так жестоко...

– Ты знаешь кого-нибудь из друзей Надин?

Фейт поднимает на нее взгляд и молча качает головой.

– Ты не знаешь, у кого-нибудь из них есть фургон? Любая машина, которая могла быть той, в которой тебя везли?

Еще одно едва заметное покачивание головой, слезы потекли снова. Фейт начинает раскачиваться из стороны в сторону, крепче стиснув колени.

– Извини, Фейт, но я должна была задать этот вопрос.

Джесс подсаживается на диван к Фейт и ласково обнимает ее за плечо.

– Я сейчас приготовлю что-нибудь поесть, – шепчет она. – Гамбургер с сыром, как ты любишь.

Фейт никак не откликается на эти слова, но руку с плеча не сбрасывает.

Когда Сомер несколько минут спустя останавливается у входной двери и оборачивается, подруги по-прежнему сидят в той же самой позе; единственными звуками являются стук дождя в окно и тихое шипение газа в плите.

* * *

Отправлено: пн. 08/04/2018, 21:55

Важность: высокая

От: DCVerityEverett@ThamesValley.police.uk

Кому: DIRuthGallagher@ThamesValley.police.uk

Тема: Эшли Бразертон – СРОЧНО

Что-то не давало мне покоя насчет всей этой штуки с Надин, поэтому я просто снова отправилась к деду Эшли. Он мне сказал, что у Эшли была подруга, которую тот учил водить. На стоянках, на площадках. Имени ее мистер Бразертон не знает, он лишь дал туманное описание ее внешности, но по тому, что он сказал, это определенно могла быть Надин.

Только из того, что ей всего пятнадцать лет и у нее нет прав, еще не следует, что она физически не могла управлять фургоном. А если она подруга Эшли, то также должна была знать о запасном ключе у двери черного входа.

На мой взгляд, возможно, в то утро, когда Фейт подверглась нападению, Надин приехала туда на автобусе и «одолжила» фургон, пока Эшли и его дед были на похоронах. Времени у нее было очень-очень мало, но, полагаю, она могла уложиться. А в тот день мистер Бразертон и Эшли поставили фургон на соседней улице, чтобы оставить место для катафалка, что упростило задачу забрать его незаметно.

Понимаю, все это большая натяжка, но такое осуществимо. Помните, что сказала свидетельница про водителя, низко натянувшего на лицо кепку? Если за рулем сидела Надин, в этом был большой смысл. Она не хотела, чтобы увидели ее возраст.

У нас также будет очевидец. Хорошее объяснение тому, почему Надин отказывается назвать своего сообщника: она просто не может этого сделать, поскольку никакого сообщника не было и в помине.

В. Э.

* * *

– Констебль Эверетт? Это Рут Галлахер. Я только что получила ваше сообщение.

Галлахер стоит на светофоре в Саммертауне. Она не знает, что Эверетт всего в какой-нибудь сотне ярдов от нее, свободной рукой вываливает в миску из банки кошачий корм.

– Это была чертовски остроумная догадка – вы молодец!

– Спасибо. Меня вдруг осенило: если фургон Эшли действительно кто-то брал, почему не его девушка? Почему не Надин?

– Но относительно времени вы правы – ей нужно было просто волшебным образом успеть на автобус. Причем в обе стороны: она должна была не только забрать фургон из Блэкберд-Лейс, но и пригнать его обратно, после чего еще вернуться в школу.

– Понимаю, но там всего пять миль – такое возможно. Впритык.

– Ну, может быть, нам придется проверить это самим, но всему свой черед. Вы уже говорили с Эшли?

Галлахер слышит на заднем плане тихое завывание – но это не ребенок, а, скорее, кошка. И очень настойчивая.

– Я пыталась, – говорит Эверетт, чуть повышая голос, – но поскольку он не может работать с порезанной рукой, он уехал с друзьями в Блэкпул. А на звонки, к сожалению, он не отвечает.

– Вы не просили его деда помочь вам? Эшли скорее ответит ему, чем на звонок с незнакомого номера.

– Да, мы звонили, но попали на голосовую почту. Однако не волнуйтесь, мистер Бразертон обещал завтра утром перезвонить снова. И если понадобится, я отправлюсь к нему и прослежу, как он это сделает.

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

08:25

Когда я приезжаю в больницу, Алекс еще спит. Я сажусь у изголовья ее постели, она шевелится и открывает глаза. И улыбается, той сладостной медленной первой улыбкой нового дня, от которой у меня переворачивается

сердце.

– Разве вы сейчас не должны быть на работе, детектив-инспектор Фаули?

– Полагаю, социальные службы нашего района какое-то время смогут обойтись и без меня.

Вчера было выступление в клубе общества глухих о том, как полиция работает со свидетелями-инвалидами, сегодня будет рассказ о профессии в средней школе Каттлслоу. Все это очень важно, и кто-то должен этим заниматься. Вот только я бы предпочел, чтобы этим занимался кто-нибудь другой.

Алекс медленно усаживается в постели, натягивая на себя одеяло. Инстинктивно, не задумываясь. Словно защищая ребенка, даже от меня. Из коридора доносится грохот тележки с завтраками.

Я наклоняюсь к Алекс и беру ее руку.

– Долго задержаться не смогу, однако еще вернусь, как только освобожусь.

Алекс снова улыбается, но теперь это слабая, грустная улыбка.

– Это просто издевательство, ты не находишь? Все эти годы я хотела, чтобы ты не задерживался на работе допоздна, – и вот ты каждый день возвращаешься домой рано, а виновата в этом я.

– Ты тут *не виновата*, и, если повезет, долго так не продлится. До меня дошли слухи, что Рут Галлахер близка к тому, чтобы задержать виновного в убийстве Саши Блейк. Это один из учителей школы. И даже если это *он*, в конце девяностых он жил на севере Уэльса, поэтому никак не может быть подозреваемым по делу Пэрри, которого мы пропустили. Так что постарайся выбросить это из головы, хорошо?

– Она тебе нравится, да? – спрашивает Алекс. – Эта Рут Галлахер.

– Да, нравится. Она хорошо делает свое дело, но не выставляет это напоказ. И ей удалось заставить ребят делать то, что она хочет, без того, чтобы их ломать. А это непросто.

– Даже Куинна? – спрашивает Алекс.

– Даже Куинна. Вероятно, потому, что дома у Галлахер есть сын-подросток, и она просто перенесла на Куинна технику общения с ним.

Мы обмениваемся улыбками. Я убеждаю себя в том, что на щеках Алекс чуть больше румянца, и, возможно, это действительно так.

Я встаю и напоследок еще раз сжимаю ей руку.

– Адам! – окликает меня Алекс, когда я уже у самой двери. Однако, когда я оборачиваюсь, я вижу, что она передумала. – Так, пустяки. Подождет.

– Вот насколько далеко нам удалось продвинуться, – говорит Рут Галлахер. – Эверетт получает «отлично», однако до тех пор, пока мы не поговорим с самим Эшли, это только предположения.

Идет утреннее совещание, и в оперативном штабе собрались все. Предчувствие чего-то важного буквально осязаемое, как запах кофе из офисной кофеварки. Возможно, наконец удастся расколоть это проклятое дело.

– Что говорит Надин? – спрашивает Гислингхэм.

– Ничего, – отвечает Галлахер. – Тут никаких сюрпризов. Хотя ее мать утверждает, что, во-первых, никогда не слышала ни о каком Эшли Бразертоне, и, во-вторых, никакого кавалера у Надин нет. Что, как подтвердит любой родитель подростка, не имеет никакой доказательной ценности. Однако дело обстоит именно так, и поскольку больше у нас ничего нет, мне не остается ничего другого, кроме как выпустить Надин под поручительство матери и отправить домой.

Куинн поднимается на ноги и проходит к доске. У него единственного настоящего кофе, купленный в кафе, тут также никаких сюрпризов. Он смотрит на фотографии, затем оборачивается к остальным.

– Ну, если хотите знать мое мнение, тут мы поперли не в ту степь.

«У тебя никто не спрашивал», – думает Эверетт, чувствуя, как шерсть у нее встает дыбом. Как это в духе Куинна – ставить палки в колеса, черт побери...

– Почему вы так считаете? – ровным голосом спрашивает Галлахер.

– Ну вы только посмотрите на нее – я имею в виду Надин. Эшли Бразертон превосходит ее на целую голову. Он бы даже взгляд на ней не остановил!

После этих слов в комнате волнение. Наверное, кто-то думал то же самое, однако вслух это высказал только Куинн.

Галлахер поднимает бровь.

– В нашем ремесле я хорошо усвоила одно, констебль Куинн: если в расследовании полагаешься на свои личные предположения, скорее всего, очутишься в полном дерьме.

Сомер и Эверетт переглядываются между собой: им еще не приходилось работать с инспектором-женщиной, но в этом определенно есть свои преимущества.

– Итак, все ясно? – Галлахер обводит взглядом присутствующих. –

Невзирая на сомнения констебля Куинна, мы будем исходить из предположения, что связь между Надин и Эшли Бразертоном *существует*, – до тех пор, пока не будет доказано обратное. И параллельно мы также проверим, могла ли девушка физически добраться первого апреля до Блэкберд-Лейс и обратно и вернуться к уроку географии. Тому, кто сам вызовется проверить автобусы, в награду шоколадное печенье, в противном случае я сама выберу жертву.

* * *

*Адам Фаули
9 апреля 2018 года
10:08*

Я замечаю ее, как только сворачиваю на стоянку. Ее трудно не заметить в любой обстановке, особенно здесь. Она просто стоит у входа, с перекинутой через плечо сумкой, длинные золотисто-каштановые волосы забраны в озорной хвостик. Ботфорты выше колена со шнуровкой спереди и юбка, доходящая лишь до середины бедра. Она дважды смотрит на часы за то время, пока я запираю машину. И затем замечает меня.

– Инспектор Фаули, – говорит она, быстро направляясь ко мне. В ее голосе нет вопроса, повышающегося тона. Она знает, кто я такой.

– Я занят. Поговорите с пресс-секретарем.

Она останавливается, прямо у меня на пути.

– Уже говорила. Он мне ничего не сказал.

– Ну, я также вам ничего не скажу. Я больше даже не веду это дело. Как вам прекрасно известно.

Я иду дальше, и она следует за мной.

– Однако вы по-прежнему к нему причастны – если убийца будет найден, это окажет прямое воздействие на дело Пэрри. Вот над чем я работаю...

– Послушайте, мисс?..

– Боуэн. Николь Боуэн.

– Расследованием занимается инспектор Галлахер. Поговорите с ней.

Она корчит гримасу.

– Говорила. Она послала меня в задницу. Открытым текстом.

Я не могу сдержать скупую улыбку. Затем замечаю за спиной у Николь Боуэн, как включает поворотник и сворачивает с дороги машина. Это

красный «Ягуар»-купе, который, как мне кажется, я уже видел. Догадка перерастает в уверенность, когда я вижу, кто за рулем. Это Виктория Паркер, мать Изабель. И мне не хочется, чтобы чертова Николь Боуэн с ней встретилась.

Я разворачиваюсь и иду дальше, однако Боуэн не отстает от меня.

– До меня дошли слухи, – говорит она. – Говорят, вы кого-то задержали. По делу об убийстве Блейк.

Я останавливаюсь и разворачиваюсь к ней лицом.

– Кто вам это сказал?

Она делает ко мне шаг.

– Говорят, это один из учителей. Грэм Скотт, кажется?

Я не успеваю совладать со своим лицом – Боуэн видит, что удар пришелся в цель. В противоположном конце стоянки Виктория Паркер запирает машину и направляется ко мне.

– Значит, это правда, – говорит Боуэн, глядя мне в глаза. И я мысленно отмечаю: этой женщине нужно научиться сохранять лицо бесстрастным, если она хочет сделать карьеру в криминальной журналистике – эта понимающая усмешка выведет из себя любого полицейского.

– Послушайте, мисс Боуэн, меня ждут дела. Я не могу стоять здесь и выслушивать какие-то дикие, ничем не подкрепленные домыслы. Если вы не хотите лишиться своей работы, даже не думайте о том, чтобы вынести все это на широкую публику или упомянуть в своем долбаном фильме. Я ясно выразился? Вот и хорошо. А теперь прошу меня извинить.

Должно быть, на этот раз в моем лице что-то есть, потому что Боуэн больше не пытается меня преследовать. Виктория Паркер остановилась у входа и поднимает бровь при моем приближении.

– Какие-то проблемы?

– Пресса, – кратко отвечаю я. – К сожалению, в нашем ремесле от этой напасти никуда не деться. Мы чем-нибудь можем вам помочь?

– Это ужасное происшествие с Сашей Блейк – мельница слухов в школе вращается с бешеной скоростью... – Она смущается. – Я хочу сказать, обыкновенно я не сплетничаю у ворот, но я тут говорила с матерью Лии Уэддел и вдруг подумала... хочу сказать, я начисто об этом забыла, но... – Она заливается краской. – Извините, я перескакиваю с одного на другое, да? Вероятно, это ничего не значащий пустяк...

– Миссис Паркер, в своем ремесле я четко уяснил одно: если человек потрудился приехать в полицейский участок, крайне редко речь идет о «ничего не значащем пустяке». Поэтому предлагаю пройти внутрь, вы объясните мне, в чем дело, а я найду, кому вы это расскажете.

– А с вами поговорить я разве не могу? – Виктория Паркер широко раскрывает глаза.

– Официально – нет, – я качаю головой. – Я больше не занимаюсь этим делом. Но есть сержант Гислингхэм, и есть констебль Сомер, если вы предпочитаете говорить с женщиной...

Она колеблется, затем кивает.

– Хорошо. Но у меня есть всего полчаса. Я сказала Изабель, что поеду в супермаркет. Мне не хотелось бы, чтобы она узнала о моем визите сюда.

* * *

В конечном счете Галлахер не приходится ни на кого сваливать проверку автобусов, потому что Асанти вызывается сам. Под волну усмешек и «любимчик», произнесенное Куинном так, что слышно всем. Однако Асанти не обращает на это внимания. Он всегда питал здоровое уважение к свободному от предрассудков эгоизму. К тому же дождь наконец прекратился, и прогулка на свежем воздухе весьма кстати.

Асанти оставляет машину в переулке рядом с саммертаунской средней школой и идет пешком к автобусной остановке. Автобус в город будет через пять минут.

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

10:26

Когда я открываю дверь в оперативный штаб, Гислингхэм стоит у доски, что-то рассказывая. Ребята столпились вокруг него. Все стоят. Поверьте мне – как мгновенный индикатор общего настроения в расследовании, соотношение сидящих и стоящих обыкновенно является очень надежным. «Встать и за дело» – это не просто расхожий штамп. Только не в нашем ремесле.

Головы оборачиваются, ребята понимают, что это я.

– Сэр, мы просто разбирали последние факты... – начинает Гислингхэм.

Я прохожу к доске.

– Прошу прощения за то, что ворвался без приглашения, но это не терпит отлагательств. Внизу ждет свидетельница, которая хочет сделать заявление.

Гислингхэм хмурится.

– Заявление о чем?

– О Саше Блейк. И Грэме Скотте.

* * *

Протокол допроса Грэма Скотта, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 9 апреля 2018 года, 11:52

Присутствуют: детектив-констебль Г. Куинн, детектив-констебль А. Бакстер, миссис Д. Оуэн (адвокат)

Д.О.: Полагаю, у вас было достаточно времени, чтобы проверить алиби моего клиента, поэтому я теряюсь в догадках, что все это значит.

Г.К.: Продуктовый магазин на Черуэлл-драйв предоставил нам чеки за утро 1 апреля, и мы удостоверились в том, что ваш клиент действительно купил там пакет молока в 9:16.

Д.О.: Из чего следует, что он не мог совершить нападение на Фейт Эпплфорд. Вы получили результаты криминалистической экспертизы его машины?

Г.К.: Получили.

Д.О.: И?.. Ради всего святого, констебль, это все равно что вырывать зубы.

Г.К.: В машине мистера Скотта не обнаружено никаких следов Фейт Эпплфорд или Саши Блейк.

Г.С.: *(Хлопает руками по столу.)* Ну вот – что я вам говорил, – я не имею к этому никакого отношения...

Д.О.: В таком случае, может быть, вы сообразовали объяснить, что мы здесь делаем?

Г.К.: Это связано с другим происшествием. Тем, которое произошло за несколько дней до гибели Саши.

Г.С.: Не понимаю, о чем идет речь.

Г.К.: Мистер Скотт, где вы находились утром в субботу, 17 марта, приблизительно в 10:45?

Г.С.: Понятия не имею, черт возьми!

Г.К.: *Вы уверены? Вы не помните, что в то утро находились на Уолтон-стрит, проходящей перед зданием школы Блаватника^[65]? Просто у нас есть свидетельница, которая видела вас там.*

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

12:17

Когда я открываю дверь, Сомер уже в комнате, смотрит на видеомонитор.

– Извини, я не знал, что здесь кто-то есть.

Меня также не должно быть здесь, о чем, уверен, известно Сомер. Кажется, она хочет что-то сказать, однако в последний момент решает промолчать. Я подхожу к монитору и хмурюсь.

– Допрос проводят лишь Куинн с Бакстером? Галлахер не захотела присутствовать?

Я оглядываюсь на Сомер и замечаю, что та стала пунцовой.

– Ой, – говорит она, – разве инспектор Галлахер вам не говорила?

– О чем?

– Мы исключили Скотта. В его машине нет ДНК – ни Фейт, ни Саши. Это был не он.

Я отворачиваюсь к экрану, чтобы Сомер не видела мое лицо. Понимаю, Галлахер сделала это неумышленно, но никому не нравится выглядеть идиотом. Особенно перед своей командой. *Моей* командой. Не командой Галлахер – *моей*. Той, которая должна будет работать под моим началом после того, как она заберет свои папки в отдел особо опасных преступлений.

– Уверена, она собиралась вам сказать. Просто... ну... сегодня с самого утра какое-то сумасшествие.

– Все в порядке, Сомер. Честное слово. – Но я не оборачиваюсь к ней. И не собираюсь оборачиваться. По крайней мере до тех пор, пока не почувствую, как схлынул приливший к лицу жар. Но тут до меня доходит то, что в буквальном смысле у меня перед глазами, и я поворачиваюсь к Сомер.

– Подожди, я что-то не понимаю. Если Галлахер исключила Скотта, с какой стати вы вообще тратите время на допрос?

На этот раз она не отводит взгляд.

– Возможно, инспектор Галлахер решит предъявить ему обвинение в домогательстве.

Я хмурюсь.

– Даже несмотря на то, что девушка, которую он преследовал, умерла? Доказать это будет очень непросто.

– Понимаю, сэр, но инспектор Галлахер обеспокоена тем, что Скотт может снова взяться за это. А если учесть, что он учитель... – Сомер пожимает плечами. – Инспектор Галлахер надеется на то, что показаний миссис Паркер будет достаточно нам для возбуждения дела.

Все это вполне разумно. Вот только слово «нам» по-прежнему причиняет боль. Потому что я не причастен к этому, даже несмотря на то, что Виктория Паркер приехала именно ко мне. Теперь это «они» и «я», а не «мы».

Сомер снова поворачивается к монитору и вздыхает.

– Но даже со свидетельницей дело будет из серии «он сказал – она сказала».

Я по-прежнему не отрываю взгляда от экрана. Затем медленно говорю:

– Позвони в школу Блаватника. И попроси записи камер видеонаблюдения.

* * *

Г.К.: Итак, мистер Скотт, теперь вы вспомнили?

Г.С.: Полагаю, я действительно мог там находиться. Я частенько езжу за покупками в Джерико.

Г.К.: Как я уже говорил, это было перед зданием школы Блаватника. Вы знаете, о чем я говорю, так?

Г.С.: Разумеется, знаю...

Д.О.: Какое это имеет значение, констебль?

Э.Б.: В то утро наша свидетельница видела мистера Скотта перед этим зданием. Он сидел в своей машине.

Д.О.: Закон не запрещает сидеть в своей машине. Или же она стояла под запрещающим знаком? У вас иссякли варианты, и вы опустились до мелких нарушений ПДД?

Г.К.: По словам нашей свидетельницы, в то утро Саша Блейк

также находилась на Уолтон-стрит. Но вам это уже было известно, мистер Скотт, не так ли?

Г.С.: Я же вам сказал – по выходным я частенько бываю там.

Г.К.: Наша свидетельница сидела в кафе прямо напротив школы Блаватника, ждала свою дочь. Она сидела у окна и запомнила, как машина, в точности такая же, как у вас, остановилась на противоположной стороне улицы. И давайте взглянем правде в глаза: речь идет не о каком-нибудь безликом «Форде Мондео», правильно? Вашу машину трудно с чем-нибудь спутать.

Д.О.: И все-таки она не единственная в своем роде. Ваша свидетельница смогла установить личность того, кто сидел за рулем? Потому что, должна вас предупредить, я сильно в этом сомневаюсь.

Г.К.: О, она его узнала, не волнуйтесь. Потому что уже встречалась с ним, и неоднократно. Он преподает ее дочери.

Д.О.: *(Пауза.)* Тем не менее...

Г.К.: Так что давайте вернемся к первому вопросу, мистер Скотт, хорошо? Где вы находились утром в субботу, 17 марта?

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

12:56

– Запись прислали сразу же, – говорит Сомер, открывая файл на компьютере и прокручивая его до нужного места. – Бакстер долго пускал слюнки, увидев это цифровое совершенство.

И я понимаю почему. Изображение не просто с высоким разрешением, оно полноцветное: можно различить черты лица, его выражение. Камера направлена вдоль широкой площадки перед зданием школы Блаватника и участком Уолтон-стрит непосредственно напротив. В нижнем левом углу тикает время – дата 17.03.18.

Сомер включает воспроизведение и перематывает вперед на 10:04. Двое студентов оживленно разговаривают перед дверями школы Блаватника. На противоположной стороне старик толкает по тротуару тележку с покупками. Он буквально согнулся пополам, голова повернута в

сторону, чтобы видеть, куда он идет. А в кафе напротив Виктория Паркер стоит в очереди к стойке, после чего усаживается за столиком у окна. Достает телефон и тычет пальцем в экран, то и дело поднимая взгляд, чтобы осмотреть улицу. В 10:14 на противоположной стороне останавливается светло-синий «Моррис Трэвеллер». Водитель глушит двигатель, но из машины не выходит. Оглядевшись по сторонам, раскрывает журнал.

– Свежий номер «Любительской слежки», вне всякого сомнения, – мрачно бурчу я.

Сомер оглядывается на меня, но ничего не говорит.

Она снова проматывает изображение вперед, затем останавливается. Мы видим, как с левой стороны появляется девушка.

– Это Саша, – говорит Сомер. – Судя по всему, идет из центра.

Мы смотрим, как девушка пересекает улицу напротив кафе, закинув на плечо розовый портфель. На ней отделанная бахромой куртка, небольшая круглая шапочка и черные полусапожки. На таком расстоянии, с волосами, забранными под шапочку, она пугающе напоминает Сомер, что, судя по ее лицу, не укрылось и от самой Эрики. Виктория Паркер поднимает взгляд, и я понимаю, что она сказала нам абсолютную правду: она действительно видела Сашу в тот день и видела Грэма Скотта.

Мы перематываем назад и смотрим снова, затем еще раз. Смотрим, как Саша лавирует между машинами и направляется напрямик в школу Блаватника, полностью исчезая из вида под камерой. И всякий раз мы отчетливо видим, как мужчина в машине опускает журнал и пристально смотрит на девушку. Через какое-то мгновение с той же стороны, откуда пришла Саша, появляются Изабель, Лия и Патси. Они останавливаются перед кафе. Виктория Паркер встает и собирает свои вещи.

Сомер нажимает на паузу и оборачивается ко мне.

– Так, – говорю я. – На месте адвоката Скотта я бы настаивал на том, что это чистая случайность. Он не преследовал ее, даже не подошел к ней, просто невинно покушал продукты и вдруг – бац! – появилась она.

– Но это же не так, – возражает Сомер. – Скотт ничего не покупает. Он даже не выходит из машины. Он здесь с одной-единственной целью – увидеть Сашу Блейк.

– Если это так, все было спланировано заранее, правильно?

Сомер кивает.

– Так откуда Скотт узнал, что Саша будет там? Конкретно в этом месте, конкретно в это время?

– На самом деле у меня, кажется, есть на это ответ. – Она берет

телефон и открывает страничку в Интернете. – Я быстро проверила сайт школы Блаватника и выяснила, что в тот день она была открыта для широкой публики. Семинар «Искусство и власть во Флоренции эпохи Возрождения». Именно о таком событии Скотт мог упомянуть Саше. Он уже признался в том, что «поощрял» ее, чертов извращенец.

Но я слушаю ее рассеянно. Я уже перемотал запись назад и снова ее просматриваю.

– Вот, – говорю, останавливая воспроизведение и указывая на экран. – Видишь?

Судя по всему, Сомер ничего не заметила, потому что склоняется к монитору.

– Прямо перед тем, как Саша переходит улицу. Вот эта женщина, катящая велосипед.

На вид ей лет пятьдесят – пятьдесят пять, у нее длинные светлые волосы и бирюзовая куртка. Она идет навстречу Саше, так что в какой-то момент они непременно должны столкнуться на заполненном людьми тротуаре. Через мгновение женщина внезапно останавливается и куда-то смотрит, удивленная, напуганная, затем оборачивается и оглядывается на Сашу, переходящую улицу. После чего, тряхнув головой, идет дальше.

– Она смотрит на Скотта? – спрашивает Сомер.

– Не думаю. Он на противоположной стороне улицы, и сомнительно, чтобы он находился в поле ее зрения. И он просто сидит в машине – нет ничего такого, чтобы вызвать подобную реакцию.

Сомер пристально всматривается в экран.

– Виктория говорит по телефону... она ничего не видела. Черт!

– Сомневаюсь, чтобы она вообще могла что-либо увидеть – только не из кафе. Ракурс не позволяет.

– Наверное, можно попытаться найти эту женщину с велосипедом, – начинает Сомер, – вот только по прошествии такого времени сделать это будет очень нелегко...

– В этом нет необходимости. Что бы ни видела эта женщина, это должно было быть прямо перед входом в издательство Оксфордского университета. Готов поспорить, там тоже есть камеры видеонаблюдения.

* * *

Впервые за неделю по-настоящему сухо, и Урсула Холлис решает этим воспользоваться. Уже несколько дней она не заходила дальше конца улицы,

и ее начинает мучить клаустрофобия. Ее престарелый лабрадор не то чтобы жаловался, но обоим уже пора сметать с себя паутину. Урсула снимает с вешалки у двери поводок и улыбается, увидев, как собака с трудом поднимается на лапы. Можно услышать, как она тяжело вздыхает.

– Ну же, Бруно, все не так уж и плохо. Просто сходим до «Викки-Армс» и обратно. Если повезет, даже встретим кроликов.

Бруно уже давным-давно ни за кем не гоняется, тем более за кроликами. Его морда цвета шоколада в седых волосах. Урсула чешет ему за ушами и порывисто чмокает в лоб, стараясь не думать о том, что она будет делать, когда его не станет.

Даже несмотря на то, что погода улучшилась, на улице почти никого нет. За пять минут Урсула встречает лишь сотрудника телефонной компании, копающегося в хитросплетении проводов в зеленом ящике на столбе, и Дженни из 4-го дома с двумя переполненными мусорными ведрами.

Дойдя до перекрестка, Урсула до конца застегивает молнию куртки, защищаясь от ветра, и направляется к Милл-лейн.

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

13:13

– Но на камерах издательства Оксфордского университета ничего нет?

К ее чести, Галлахер не выказала ни удивления, ни недовольства, когда Сомер вошла к ней в кабинет, ведя за собой меня. Я не уверен, что на ее месте сам проявил бы такое спокойствие.

Сомер качает головой.

– Это было слишком давно – они не хранят записи камер видеонаблюдения так долго. К тому же они даже не уверены, что камера была направлена в нужную сторону.

Галлахер откидывается назад и вздыхает.

– Итак, мы не сможем установить, что увидела эта женщина, если только не разыщем ее. Но даже если мы ее найдем, возможно, это окажется пшик – человек на моноколесе, утка, попавшая на прошлой неделе в «Оксфорд мейл» – все что угодно, черт возьми...

Такой у нас город: на прошлой неделе я видел на Вудсток-роуд какого-

то парня, наряженного жирафом. Для этого даже есть специальный хештег #ТольковОксфорде. Так что Галлахер права: возможно, это окажется погоня за химерами. И все же что-то подсказывает мне: это не так. Женщина на Уолтон-стрит увидела что-то – что-то такое, что поразило ее, заставив застыть на месте. И у меня в груди вдруг появляется неприятный холодок предчувствия: кажется, я догадался, что это могло быть.

Сомер тоже обреченно вздыхает.

– По-моему, больше нам ничего не остается.

Я смотрю на нее, затем поворачиваюсь к Галлахер.

– Нет, – говорю. – Есть кое-что еще.

* * *

Протокол допроса Грэма Скотта, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 9 апреля 2018 года, 14:05

Присутствуют: детектив-инспектор Р. Галлахер, детектив-констебль Э. Сомер, миссис Д. Оуэн (адвокат)

Р.Г.: Для протокола: этот допрос будут вести инспектор Рут Галлахер и констебль Эрика Сомер. Надеюсь, мистер Скотт, вы насладились перерывом на обед, теперь мы сможем вернуться к теме, которую вы обсуждали с констеблем Куинном. С момента предыдущей беседы в этой комнате мы получили записи камеры видеонаблюдения Школы государственного управления имени Блаватника, сделанные утром указанного дня, и вас на ней видно вполне отчетливо.

Д.О.: Насколько я понимаю, вы предоставите возможность ознакомиться с этой записью?

Р.Г.: Разумеется. Итак, мистер Скотт, теперь вы вспомнили то утро?

Г.С.: Раз вы говорите, что я там был, наверное, я был там.

Э.С.: В тот день в школе Блаватника проходил семинар, на который, как мы считаем, ходила Саша. Семинар о Флоренции эпохи Возрождения – вам эта тема не кажется знакомой?

Г.С.: Теперь, когда вы об этом упомянули, я, кажется, припоминаю, что говорил об этом Саше. Я получаю рассылку от школы Блаватника.

Э.С.: Следовательно, вы знали, что она будет там.

Г.С.: Я не знал, что она будет там. Я просто упомянул ей о семинаре. Мои ученики не ставят меня в известность о своей личной жизни, инспектор.

Р.Г.: Но вы предполагали, что Саша с высокой вероятностью будет там, не так ли? С достаточно высокой вероятностью, чтобы самому отправиться туда. На всякий случай.

Г.С.: Как уже говорил, я частенько езжу за покупками в Джерико.

Э.С.: Вот только в тот день вы ничего не покупали. Вы даже не вышли из машины. Просто сидели. И подсматривали.

Г.С.: Я не подсматривал! Я не какой-то там извращенец...

Р.Г.: Возможно. Но вы все равно наблюдали за Сашей. И теперь я хочу узнать, мистер Скотт, что именно вы видели.

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

14:37

– Мы ему верим? Мы ему *правда* верим?

Кажется, я еще никогда не видел Сомер такой бледной. С тех самых пор, как они с Галлахер вышли из комнаты для допросов, она расхаживает взад и вперед, пытаясь дать выход нервному возбуждению, порожденному невозможностью поверить в услышанное. С Галлахер все с точностью до наоборот: она сидит за столом не шевелясь, но даже в противоположном конце помещения я слышу гул у нее в голове.

Сомер поворачивается к Галлахер и повторяет свой вопрос:

– Так что, верим? Это же безумие...

– Но такое возможно, – тихо говорит Галлахер. – И вы это понимаете.

– Но мы не можем тащить человека на допрос на основании только *этого* – даже если это *действительно* правда, если Скотт не лжет, на что у него сейчас есть *все* основания...

Я собираюсь с духом.

– На мой взгляд, Скотт не лжет. На мой взгляд, он говорит правду.

Галлахер поворачивается ко мне.

– Однако Сомер права. Даже если Скотт говорит правду, нам нужно

нечто большее, чем просто одно его слово. А без записи камеры видеонаблюдения или той свидетельницы... – Она беспомощно пожимает плечами. – Мы застряли, ты не согласен?

Но у меня есть на этот счет другие соображения.

Я встаю и беру пиджак.

– Ты куда?

– Держите Скотта здесь. Мне нужно кое с кем поговорить.

* * *

Когда они оказываются у поворота к пивной, Бруно ускоряет шаг. Много кустов, больше мусора, больше интересных запахов. Урсуле приходится оттаскивать собаку от одного особенно привлекательного фонарного столба, но та сразу же отбегает в противоположную сторону и плюхается в канаву, наполовину заполненную черной водой. Урсула подходит к краю и заглядывает вниз, пытаясь рассмотреть то, что встревожило собаку. Это не похоже на Бруно – так он себя не вел уже несколько месяцев. Сначала Урсула не может разглядеть, что у собаки в зубах, но затем та оборачивается, и она видит что-то розовое. Урсула отшатывается назад – за долгие годы она достаточно насмотрелась на дохлых крыс, но вот цвет, форма...

Через мгновение Урсула достает сотовый телефон.

– Алло, это полиция долины Темзы? Меня зовут Урсула Холлис. Я насчет той девушки – Саша Блейк... Кажется, вам нужно приехать сюда.

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

15:45

Мы снова просматриваем запись, и женщина откидывается назад. Ей уже за семьдесят, у нее короткие густые седые волосы и заметно поблекший темно-синий кардиган. Однако в ее лице нет и тени блеклости. Это самая яркая женщина из всех, что я встречал за последнее время. После первой встречи с ней я сказал Алекс, что она напомнила мне актрису, в восьмидесятых игравшую в телесериале роль мисс Марпл. Тогда я не

предполагал, насколько моя догадка была близка к истине.

– Весьма неплохой результат – для любителя, – говорит женщина, полуобернувшись ко мне. Я ощущаю в ее движениях некоторую скованность, и она подается вперед, чтобы лучше меня видеть. – Вероятно, вам следует подумать о том, чтобы научиться делать это надлежащим образом. Похоже, в вашем ремесле это может пригодиться.

Я улыбаюсь.

– Только если вы обещаете меня учить. Но я был прав, да? Вы ведь это хотите сказать?

Женщина бросает на меня мрачный взгляд.

– Боюсь, что так. Судя по тому, что я увидела, тут что-то не так, инспектор. Что-то совсем не так.

* * *

Дом представляет собой новодел на окраине Марстона, призванный выглядеть старым в духе Паундбери^[66], к чему Сомер всегда испытывает неприязнь. Дом опрятный, ухоженный, но на удивление безжизненный, и то же самое можно сказать про женщину, открывшую дверь.

– Миссис Уэбб? Я констебль Эрика Сомер, а это констебль Эверетт. Мы хотели бы поговорить с Патси. Она дома?

Дениза Уэбб хмурится.

– Разве она не у Блейков?

– Нет. Мы позвонили миссис Блейк, но та ответила, что не видела ее.

– Тогда, наверное, она здесь, – говорит женщина. – Проходите.

– Вы ее сегодня не видели?

Женщина пожимает плечами.

– Вы же знаете, какие эти подростки – если увидишь их за ужином, считай, повезло.

Полицейские следуют за ней по коридору на кухню. В доме звучит эхо, словно он не полностью обставлен, словно в нем не живут. Дом похож на декорации для телешоу, и тщательно подобранные монотонные цветовые гаммы только усиливают это впечатление.

– Давно вы здесь живете? – спрашивает Сомер.

– Уже два года. С тех пор как ушел муж.

Эрика прикусывает губу, в этом ремесле полно скрытых ловушек.

– Извините.

– Жизнь продолжается, – говорит Дениза Уэбб. – Выбора нет.

Особенно если есть дети.

– У Патси есть братья и сестры?

– Только один брат. Олли. Он учится в колледже в Кардиффе. На инженера.

Эверетт оглядывается по сторонам.

– Для двоих дом просторный.

Женщина пожимает плечами.

– Мой ухажер приходит и уходит. Но Патси проводит больше времени у подруг, чем здесь. – В ее голосе звучит мимолетная горечь, которая быстро проходит, и она снова пожимает плечами. – Как я сказала, жизнь продолжается. Комната Патси наверху. Не ошибетесь.

Лестница застелена темно-серой ковровой дорожкой с густым ворсом, в котором тонут ноги. Странное ощущение приглушенности усиливается с каждым беззвучным шагом. Полицейские поднимаются по лестнице мимо картин, представляющих собой неестественное сочетание «ИКЕА» и викторианского китча. Сомер хмурится. Она никак не может составить впечатление об этом доме. С уложенными в изысканную прическу светлыми волосами, в дорогой блузке от «Боден» Дениза Уэбб выглядит типичной молодой мамашей, но когда она оборачивается, Эрика замечает кольца татуированной змеи, выползающей из-под ворота на затылок.

Поднявшись по лестнице наверх, она останавливается и оглядывается по сторонам, но Эв уже трогает ее за плечо и указывает. Дверь в комнату слева полуоткрыта. Судя по размерам, это спальня хозяев дома. Кровать заправлена, но на ней разбросана одежда. Мужская одежда. Но опять же не та, которую ожидала увидеть Сомер. Не костюмы и сорочки, а футболки, джинсы из грубой ткани, пояс для инструментов. А на полу рабочие башмаки с подбитыми железом мысками.

– Похоже, не случайно Патси вдруг стала проводить все свое время где-то в другом месте, – замечает вполголоса Эв.

Подруги переглядываются.

– Будь добра, напомни мне, – тихо произносит Эрика, – проверить, где находился этот тип в тот вечер, когда исчезла Саша.

Эв широко раскрывает глаза.

– Неужели ты думаешь...

– Нет, не думаю. Просто хочу предусмотреть все нюансы, только и всего. Не хотелось бы, чтобы нас донимала какая-нибудь досадная оплошность, только потому что мы в свое время не удосужились провести рутинную проверку.

Сомер не упоминает Фаули. В этом нет необходимости.

С противоположной стороны лестничной площадки дверь, судя по всему, в комнату Патси. С притолоки свисает занавеска из бус, которые слегка позвякивают на сквозняке, вызванном появлением полицейских.

– Никак не ожидала увидеть такое, – замечает Эв. – Такая была у моей бабули. Не думала, что их можно найти сейчас.

Сомер делает шаг и берет один шнурок. Бусы розовые, серебряные, голубые, блестящие, переливающиеся. И тяжелые. Гораздо тяжелее, чем ожидала Сомер.

– Наверное, они жутко грохочут, когда открываешь дверь, – говорит она.

– Возможно, на то оно и рассчитано, – тихо произносит Эв, указывая на дверь. – Замка нет.

Подругам совсем не нравится то, куда все это ведет, но они не могут позволить себе делать поспешные выводы. Сомер поднимает руку и стучит в дверь.

– Патси! Это констебль Сомер, мы можем войти?

Слышатся шаги, и дверь открывается. Патси босиком, в джинсовых шортах и черной футболке. Под глазами у нее мешки.

– Что вам нужно?

– Просто у нас появилась кое-какая новая информация. Которую мы никак не ожидали. Понимаю, это нудно, но мы должны задать тебе несколько вопросов.

Патси прищуривается.

– Это насчет того извращенца Скотта, да?

– Сожалею, Патси, но мы не имеем права обсуждать это здесь. Нам нужно отвезти тебя в полицейский участок Сент-Олдейт, чтобы записать наш разговор.

– Вы это *серьезно*? – Патси закатывает глаза.

– Сожалею. Если б это не было так важно, мы тебя не беспокоили бы.

Девушка вздыхает.

– Да, да, понимаю. Но вы должны обещать мне, что пригвоздите этого извращенца, лады?

* * *

Протокол допроса Патси Уэбб, произведенного в
полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 9 апреля 2018
года, 16:45

Присутствуют: детектив-констебль В. Эверетт, детектив-констебль Э. Сомер, миссис Д. Уэбб (мать)

Э.С.: Итак, Патси, мы надеемся, что ты поможешь нам, ответив еще на несколько вопросов.

П.У.: Я уже рассказала вам все, что помню.

Э.С.: Речь идет о том, что произошло за несколько дней до гибели Саши. Утром в субботу, 17 марта.

П.У.: Не понимаю – какое это имеет отношение?..

Э.С.: Происшествие связано с мистером Скоттом, вашим учителем рисования.

П.У.: А, точно. С этим уроком. Кажется, вы сказали, что арестовали его?

В.Э.: Да, мы его задержали. Кстати, исключительно благодаря тебе – на основании информации, которую ты нам сообщила.

П.У.: Так ему и надо, проклятому подонку!

Д.У.: По-моему, вы должны быть благодарны моей дочери за ту помощь, которую она вам оказала.

В.Э.: О, миссис Уэбб, мы ей очень признательны. На самом деле Грэм Скотт не далее как сегодня прямо здесь вот отвечал на наши вопросы.

П.У.: Он здесь? В смысле, сейчас?

В.Э.: Нет никаких причин для беспокойства. Он не сможет навредить тебе.

Э.С.: Итак, Патси, мы можем поговорить о той субботе? Ты помнишь, где была?

П.У.: *(Пожимает плечами.)* Если честно, не помню. Это же было целую вечность назад.

Э.С.: На самом деле всего две недели, правильно? И если я скажу, что это было на Уолтон-стрит, это оживит твою память? В тот день мать Изабель ждала ее в кафе – вспомнила?

П.У.: Точно! Да, вспомнила.

Э.С.: Там еще была женщина с велосипедом, и мы уверены, что она что-то увидела. Что-то такое, что ее встревожило. Даже напугало. Но мы не смогли поговорить с ней. Больше того, возможно, мы вообще не сможем ее найти.

П.У.: Ну, я ничего не видела, так что...

Э.С.: Но кто-то видел. Ваш преподаватель – мистер Скотт.

Он был там в то утро. И видел вас – всех четверых.

П.У.: *(Молчание.)*

Э.С.: И знаешь, Патси, что он нам рассказал?

П.У.: Что мог вам рассказать этот извращенец? Этот долбаный урод...

Д.У.: Патси, следи за своим языком!

П.У.: *(Поднимается на ноги.)* С меня достаточно. Я уйду домой.

В.Э.: Патси, пожалуйста, сядь. Боюсь, ты никуда не пойдешь.

Э.С.: *(Обращается к миссис Уэбб.)* Похоже, Патси ничего не хочет вам рассказать, миссис Уэбб, так что это сделаю я. Мистер Скотт видел четырех девушек – вашу дочь, Сашу Блейк, Изабель Паркер и Лию Уэддел. Они шли из центра по Уолтон-стрит и остановились на перекрестке с Грейт-Кларендон-стрит, где разговаривали какое-то время. После чего все они обнялись, и Саша, расставшись с остальными, пересекла улицу и направилась к школе Блаватника.

Д.У.: И что? Что тут не так?

Э.С.: По словам мистера Скотта, как только Саша повернулась к подругам спиной, Патси подняла руку и сделала один жест. Остальные девушки рассмеялись. Но Патси не смеялась – она была совершенно серьезной. Вот почему это поразило мистера Скотта – не только то, что она сделала, но и то, каким у нее при этом было лицо. Он сказал, что у него кровь в жилах застыла.

Д.У.: Я по-прежнему не понимаю...

Э.С.: Ваша дочь, миссис Уэбб, изобразила пистолет. Сделала вид, будто стреляет из него. Патси изобразила, что убивает свою подругу. И вот теперь Саша убита.

Д.У.: И поэтому вы притащили нас сюда? Из-за этого? Да девочки просто играли! Даже вы это признали. Они же еще дети, ради всего святого! Вы же знаете, как это у подростков: сегодня лучшие друзья, завтра заклятые враги...

Э.С.: На самом деле, миссис Уэбб, я это прекрасно знаю. И также знаю, какие бурные чувства бывают в этом возрасте. Мелкие разногласия, воображаемые обиды – как стремительно это разрастается.

Д.У.: Саша Блейк была лучшей подругой Патси. Они постоянно были вместе, видит бог – они были знакомы еще с

детского сада! Вы хоть представляете, каким ужасом явилось все это?

В.Э.: Вне всякого сомнения, миссис Уэбб. Особенно для матери Саши.

Э.С.: Патси, твоя мама права? Вы с Сашей были лучшими подругами?

П.У.: Конечно...

Э.С.: Просто я никогда не притворялась, будто убиваю своих подруг. Даже играя.

П.У.: Это была просто шутка – сколько вам повторять – это была просто шутка – мы постоянно прикалывались так друг над другом!

Э.С.: Так все и произошло, Патси? Все тоже началось с такого «прикола»?

П.У.: *(Переводя взгляд с одной женщины-полицейского на другую.)* Что началось? О чем это вы?

Э.С.: Я говорю о том вечере, когда Сашу убили. Это тоже должна была быть «шутка», которая зашла слишком далеко?

П.У.: Какого хрена, мать вашу? Вы что, хотите сказать, что я убила Сашу? Что, серьезно? С какой стати?

Э.С.: Не знаю, Патси, – просвети меня. Вы поссорились? Или виной всему была зависть? То предложение, которое Саша получила от «Вог»? То, как она выглядела? Или просто то, что она пользовалась бо2льшим успехом, чем ты?

П.У.: Да вы просто больная – вы это знаете? Больная на всю голову!

Д.У.: Это возмутительно – как вы смеете...

Э.С.: Патси, ты помнишь реконструкцию на автобусной остановке? Один наш сотрудник увидел этот сюжет по телевизору. Дело было в больнице имени Джона Рэдклиффа, поэтому звук был отключен. А ты знаешь, как бывает в таких случаях – когда звука нет, все внимание сосредоточивается на картинке. И человек замечает гораздо больше. Наш коллега обратил внимание, как вы с Лией что-то говорите друг другу. В тот момент, когда брали интервью у отца Саши. Но вы стояли на заднем плане. Ты что-то говорила Лие, а та была чем-то очень встревожена. Ты это помнишь, Патси?

П.У.: И что с того? Почему бы мне не говорить с Лией? Что тут не так?

Э.С.: Наверное, все зависит от того, что именно ты ей говорила.

П.У.: В любом случае, мы стояли в целой миле от телекамер. Никто не мог нас услышать.

Э.С.: Совершенно верно. То же самое сказал и наш коллега.

П.У.: Что ж, в таком случае это ваша проблема, черт возьми!

Э.С.: Но ему пришла в голову одна мысль. Недавно он имел дело с местным клубом глухонемых, поэтому отвез запись туда и показал ее специалистке по чтению по губам. И у той не возникло никаких сомнений.

Д.У.: О чем это вы? Патси, что они имеют в виду?

Э.С.: *(Протягивает лист бумаги.)* Все здесь, миссис Уэбб. Но главные слова – в середине, выделены маркером. Лия что-то говорит вашей дочери – очевидно, она чем-то встревожена, однако поскольку стоит к телекамере спиной, разобрать, что она говорит, невозможно. Но Патси стоит к камере лицом. Ее видно отчетливо. Она хватается Лию за руку и говорит: «Ну сколько тебе повторять – все будет хорошо, если только ты будешь держать язык за зубами, твою мать!»

П.У.: *(Вскакивает с места и направляется к двери.)* Я ухожу отсюда!

В.Э.: *(Следует за ней и пытается ее остановить.)* Ты отсюда никуда не уйдешь, Патси...

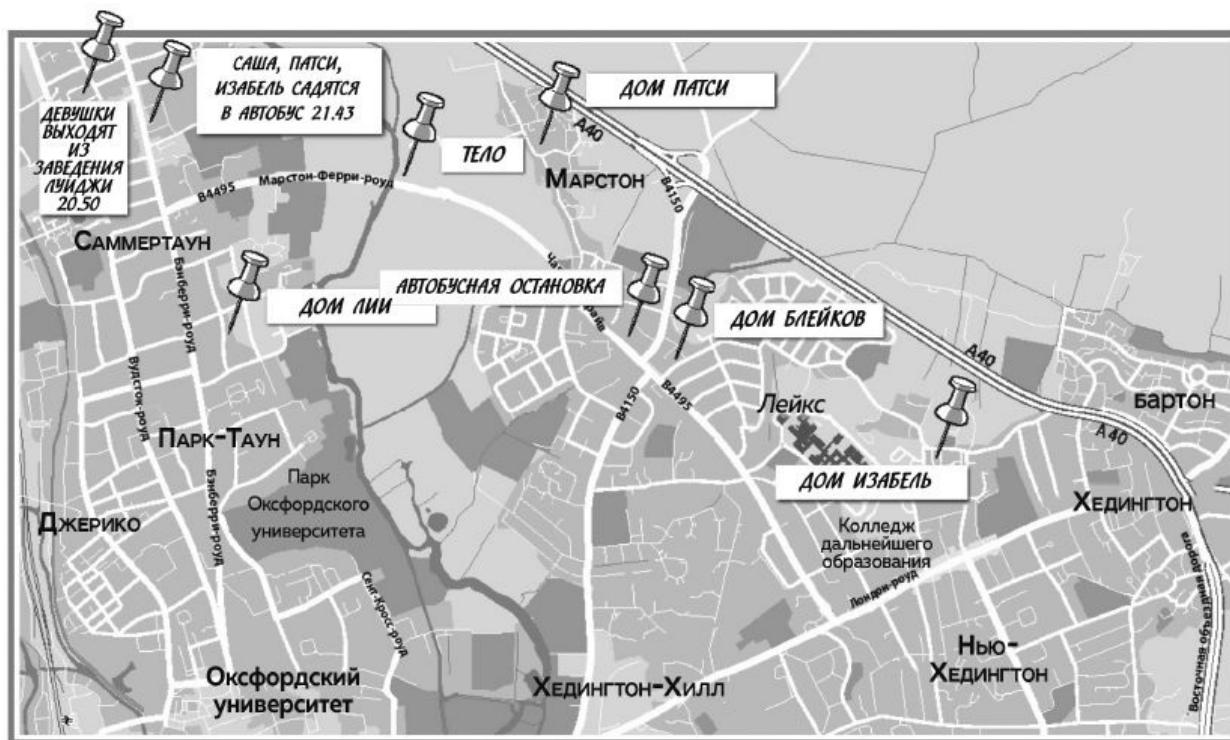
П.У.: *(Отталкивает ее.)* Твою мать, не трогай меня, долбаная уродина!..

Э.С.: Патси, не делай глупостей – тебе это не поможет...

П.У.: *(Кричит и набрасывается на констебля Эверетт.)* Я сказала – убери свои гребаные лапы!..

Э.С.: Патси Белинда Уэбб, я арестовываю вас по подозрению в причастности к смерти Саши Блейк. Вы можете ничего не говорить. Но это повредит вашей защите, если вы сейчас умолчите о чем-то таком, на что впоследствии будете опираться на суде. Все, что вы скажете, может быть использовано в качестве доказательств.

Допрос прерван в 17:06.

***

Адам Фаули
9 апреля 2018 года
17:18

– Я вовсе не хочу сказать, Адам, что ты неправ, – говорит Галлахер. – У меня просто не получается состыковать время.

Мы стоим перед доской в оперативном штабе, смотрим на карту и временную шкалу, нацарапанную кривым почерком Гислингхэма.

20:33 ДЖОНАТАН БЛЕЙК ШЛЕТ ТЕКСТ САШЕ

20:50 ДЕВУШКИ ВЫХОДЯТ ОТ ЛУИДЖИ (оплаченный счет)

21:43 САША, ПАТСИ, ИЗАБЕЛЬ ВЫЕЗЖАЮТ ИЗ С-ТАУНА (автоб. билет) ЛИЯ ИДЕТ ДОМОЙ ПЕШКОМ

21:46 БЛЕЙК ШЛЕТ ТЕКСТ САШЕ (не получен – телефон отключен)

21:50 (прибл). ПАТСИ ВЫХОДИТ В МАРСТОНЕ

22:00 (прибл). САША ВЫХОДИТ НА ЧЕРУЭЛЛ-ДРАЙВ

22:05 (прибл). ИЗАБЕЛЬ ГОВОРIT С ВОДИТЕЛЕМ (Ч. Хиггинс)

22:10 (прибл). ПАТСИ ПРИХОДИТ ДОМОЙ, ГОВОРIT С СОСЕДКОЙ (Л. Чейз)

22:15 (прибл). ЛИЯ ПРИХОДИТ ДОМОЙ, ГОВОРIT С МАТЕРЬЮ

И это все здесь, черным по белому. Автобусный билет, водитель, соседка, мать. То, чего мы не можем обойти. То, что нам известно доподлинно. И с того момента, как девушки покидают Саммертаун, весь этот промежуток времени от начала и до конца занимает не больше получаса.

– Как бы мне ни хотелось возразить, – говорит Галлахер, – времени недостаточно. Прокуратура за такое ни за что не возьмется – позиции обвинения будут разорваны в клочья.

И она права. Я буквально слышу голос защитника, говорящего нам, что мы все перепутали – что должен быть какой-то неизвестный маньяк, какой-то извращенец, случайно встретивший Сашу на автобусной остановке. Или кто-либо, кто ее знал, кто, возможно, следил за ней. Например, чертов Грэм Скотт.

– Но мы знаем, что Патси каким-то образом замешана. – Я наконец отрываюсь от доски и оборачиваюсь к Галлахер. – Ведь так? Или я в этом одинок?

Галлахер качает головой.

– Нет, я полагаю, что ты прав – и не только на основании слов той женщины, читающей по губам, но и по тому, как ведет себя сейчас Патси. Я просто не вижу, как нам решить квадратуру круга вопроса «как». – Она вздыхает. – Что же касается «почему»...

Я снова поворачиваюсь к карте и временно2й шкале.

– Хорошо, начнем с того, что нам известно. Автобус подъехал в двадцать один сорок три. Патси, Изабель и Саша сели в него, а Лия направилась домой пешком.

Галлахер кивает.

– Что подтверждают как билет на автобус Изабель, так и показания матери Лии.

– Верно. Но билет у нас только один, разве не так? Что, если Изабель села в этот автобус одна? Что, если Патси с Сашей уехали гораздо раньше –

может быть, даже в девять, а Лия и Изабель полчаса болтались вдвоем, прежде чем отправиться домой?

Галлахер округляет глаза.

– Ты хочешь сказать, они сделали это умышленно? Чтобы спутать время? – Она тихо присвистывает. – Инспектор Фаули, тут ты начинаешь мыслить как самый настоящий конспиролог... Но хорошо, давай прокрутим это дальше. Мы вообще выясняли, куда направились девушки после того, как вышли из пиццерии?

– Они утверждают, что просто «тусовались». Ну ты знаешь – на скамейках у Саут-Перейд. Очень кстати находящихся вне зоны видеокамер.

Галлахер кивает. Разумеется, ей знакомо это место – она живет в тех краях. Там по вечерам всегда толкуются подростки. Курят, пьют сидр. «Тусуются».

Я делаю шаг к доске, в голове у меня звенит.

– Что, если *все это* ложь? Что, если Патси и Саша отправились домой напрямиком из пиццерии? Но только на автобус они не сели. А пошли пешком. – Я отмечаю маршрут – по Бэнберри-роуд, затем по Марстон-Ферри-роуд в сторону Черуэлл-драйв. Затем останавливаюсь и стучу пальцем по карте. – Здесь, – говорю я, оборачиваясь к Галлахер. – Вот где они остановились. Вот где свернули с дороги.

На тропу, ведущую к пивной «Викки-Армс». В каких-нибудь ста ярдах от того места, где было обнаружено тело Саши.

Галлахер обдумывает мои слова.

– В это время там уже должно было быть довольно темно.

– Патси запросто могла захватить фонарик. Если все это было спланировано заранее.

Галлахер оглядывается на меня.

– Но почему Саша пошла с ней?

Я пожимаю плечами.

– Она же не знала, что Патси замыслила что-то плохое, так? Они вроде бы лучшие подруги – знают друг друга с детского сада... Может быть, Патси сказала, что хочет зайти в пивную. Может быть, они должны были встретиться с какими-то парнями. Мало ли что.

– Хорошо, – соглашается Галлахер. – Что дальше?

– Как только они отошли подальше от дороги, Патси набрасывается на Сашу и убивает ее, после чего сбрасывает ее труп в реку...

– Сашин телефон, – вдруг говорит Галлахер. – Последний сигнал был в двадцать один тридцать пять. Мы полагали, у нее разрядился аккумулятор, но, возможно, дело было вовсе не в этом. Возможно, телефон

отключился, потому что Патси выбросила его в Черуэлл.

Сходится – все сходится.

Галлахер подходит к карте.

– И после этого Патси просто направляется домой пешком, как ни в чем не бывало?

Я киваю.

– А когда подходит к дому, следит за тем, чтобы обязательно поговорить с кем-нибудь на улице, чтобы ее запомнили. Тем временем Изабель садится в автобус, отъезжающий из Саммертауна в двадцать один сорок три, и на подъезде к Хедингтону специально спрашивает у водителя время.

– У всех замечательные алиби, в подарочной упаковке, перевязанной ленточкой, – говорит Галлахер. – И теперь им достаточно только стоять на том, что все трое ехали в одном автобусе.

Почувствовав сзади чье-то появление, я оборачиваюсь и вижу за спиной Гислингхэма.

– Хорошие новости, – говорит он. – Только что позвонила одна женщина – похоже, мы нашли портфель Саши. Он был неподалеку от «Викки-Армс». Куинн уже отправился в лабораторию, чтобы взглянуть на него.

Я смотрю на него.

– Где его нашли – где именно?

Гис подходит к карте и показывает.

– Кажется, где-то здесь – в канаве на углу Милл-лейн.

На полпути от места смерти Саши до дома Патси. Теперь это уже не догадка. Это уже улика, это уже дело. И впервые после того, как это случилось, я смотрю на фотографию Саши, мысленно представляя себе того, кто это сделал. Тело, лежащее головой вниз в воде, связанные руки, рваные порезы. Белое изуродованное лицо.

– Шеф, мне тут пришла в голову еще одна мысль, – тихо добавляет Гислингхэм. – Что вы там говорили про Патси Уэбб – когда она вернулась домой, на ее одежде никто ничего не увидел, так? Возможно, именно для этого она взяла пластиковый пакет. Чтобы сохранить одежду чистой и опрятной, пока она колотила по голове бедняжку Сашу.

– Думаю, вы правы, сержант. – Галлахер поднимает на него взгляд. – Но это, по-моему, не единственная причина. Патси не хотела смотреть на свою подругу. Не хотела видеть ее лицо.

Протокол допроса Патси Уэбб, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 9 апреля 2018 года, 18:45

Присутствуют: детектив-констебль В. Эверетт, детектив-констебль Э. Сомер, миссис Д. Уэбб (мать), Дж. Бек (адвокат)

Э.С.: Допрос возобновился в 18:45. Патси предоставили возможность проконсультироваться с адвокатом, и теперь на допросе присутствует мистер Джейсон Бек.

Д.У.: Я не могу поверить в то, что вы арестовали мою девочку. Неужели вы всерьез думаете...

Э.С.: Мы ничего не «думаем», миссис Уэбб. Мы просто хотим узнать правду. Вот почему мне хотелось бы, чтобы Патси еще раз рассказала нам, что произошло в тот вечер.

П.У.: Что, опять?

Э.С.: Да, опять. Ты сказала, что вы расстались с Лией в Саммертауне примерно в 21:45, когда вы втроем сели в автобус.

П.У.: Я вам это говорила – Из ведь показала вам чертов билет, разве не так?

Э.С.: Да, совершенно верно, показала.

В.Э.: После чего ты сошла на Марстон-Ферри-роуд, а Саша оставалась в автобусе до Черуэлл-драйв, и последним, что видела Изабель, было то, как Саша стояла на автобусной остановке и кого-то ждала?

П.У.: Точно.

В.Э.: А Изабель доехала на автобусе до Хедингтона.

П.У.: Точно.

В.Э.: И она говорила с водителем. Спросила у него время.

Э.С.: Понимаешь, это с самого начала показалось мне странным. Я хочу сказать, то, что она вообще с ним заговорила.

П.У.: Не понимаю почему.

Э.С.: Молодежь вроде вас – вы не заморачиваетесь с часами. Время вы смотрите по телефону. С чего бы это Изабель потребовалось спрашивать время у водителя?

П.У.: А я почему знаю? Может, у нее телефон накрылся.

В.Э.: Хорошее предположение. Ты права, телефон у нее был

отключен. Больше того, мы установили, что все ваши телефоны были отключены между 21:00 и 22:30. Твой, Лии и Изабель. И это также странно.

П.У.: *(Молча пожимает плечами.)*

Э.С.: И тогда мы задалась вопросом, в чем тут дело. А могло ли быть так, что Изабель нужен был предлог поговорить с водителем автобуса – ей было нужно, чтобы тот ее запомнил? В конце концов, внешность у нее бросается в глаза, не так ли, с розовыми-то волосами? Водитель не мог забыть такую.

В.Э.: Патси, когда она их выкрасила?

П.У.: *(Пожимает плечами.)* Не помню.

В.Э.: Должно быть, совсем недавно, потому что когда она встречалась с матерью на Уолтон-стрит, волосы у нее еще не были розовыми.

П.У.: И что с того?

Э.С.: И это просто случайное совпадение, да? То, что Изабель выкрасила волосы прямо перед тем, что произошло с вашей подругой?

П.У.: Не понимаю, к чему вы клоните. Послушайте – какая тут разница? Мы ехали в том автобусе, вам это известно. Из показала свой билет.

Э.С.: Вот именно. Нам известно, что Изабель ехала в автобусе. Тому есть доказательство. Но что насчет тебя, Патси? Где твой билет? Или его у тебя нет?

* * *

– Что мы имеем? – спрашивает Куинн.

Содержимое пакета для улик разложено на лабораторном столе. Портфель. Мягкая кожа, темно-розовая, с темными пятнами, оставшимися от того, что портфель несколько дней пролежал на улице, в сырую погоду. Ручка с закрепленным на конце обтрепанным пером. Кошелек. Косметичка. Прокладка, завернутая в пакет. Коробочка с мятными драже.

– Это определенно портфель Саши, – говорит Нина Мукерджи, открывая кошелек и доставая несколько пластиковых карточек. Она в латексных перчатках. – Все они принадлежат ей.

Большинство людей используют одну и ту же фотографию для всех документов, но только не Саша. С каждой карточки она смотрит чуточку

другая. Больше или меньше улыбки, больше или меньше игривости.

– Телефона точно нет? – спрашивает Куинн.

– Увы. И записной книжки.

– Что насчет автобусного билета?

– Я не нашла.

– Как ты думаешь, мы сможем что-нибудь из этого вытянуть?

Нина кивает.

– Возможно, отпечатки пальцев сохранились снаружи, и есть по крайней мере два вот здесь, – говорит она, открывая портфель и показывая его изнутри. Вот это место под клапаном было защищено от дождя. Нам повезло.

– Но они ведь, скорее всего, принадлежат Саше?

– На самом деле я так не думаю, – Нина качает головой. – По крайней мере, вот эти. Похоже, здесь есть еще следы крови. А если так, отпечатки практически наверняка не Сашины.

– Потому что?.. – Куинн хмурится.

– Потому что у того, кто оставил эти отпечатки, на руках была кровь Саши.

* * *

Э.С.: Разумеется, есть еще одно объяснение того, почему все ваши телефоны в тот вечер были отключены.

П.У.: Никаких комментариев. *(Поворачивается к мистеру Беку.)* Вы говорили, я могу так сказать, да?

Э.С.: Вы понимали, что мы не сможем проследить по вашим телефонам, где вы находились. Вы знали, что для этого их нужно обязательно выключить.

Д.У.: К чему вы ведете? Моя дочь не преступница...

Э.С.: И, насколько я понимаю, у вас, Патси, не было на то никаких хороших причин. Только одна очень-очень плохая.

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

19:15

Новость распространилась еще до того, как мы вошли в оперативный штаб. Мне достаточно одного взгляда на лица присутствующих, чтобы понять это. Куинн стоит впереди, раскрасневшийся, что ему совсем не свойственно; а уж вы поверьте мне, Куинна возбудить непросто.

– Значит, этот портфель определенно Сашин? – спрашивает Галлахер.

– Без вопросов, – кивает Куинн. – И на внутренней стороне клапана по крайней мере два отпечатка пальцев. – Он умолкает, он знает, как завести слушателей. – Отпечатки сделаны *кровью*. А все мы понимаем, *что* это означает. – Он обводит взглядом присутствующих. – В настоящий момент криминалисты сверяют их с отпечатками Патси Уэбб. Мукерджи сказала, что перезвонит в течение часа.

Галлахер поворачивается ко мне. Кровь, портфель, отпечатки пальцев. Ее лицо красноречивее любых слов.

«Мы ее взяли».

* * *

В.Э.: Допрос возобновился в 19:25.

Э.С.: Патси, почему ты была так настроена на то, чтобы заставить нас подозревать мистера Скотта? Ты предприняла столько усилий, чтобы направить наше внимание в эту сторону...

П.У.: Потому что он извращенец – потому что он преследовал Сашу...

Э.С.: Но он ее не убивал, правда? Ты это знаешь, однако из кожи вон лезла, чтобы убедить нас в этом. С какой стати?

П.У.: О чем вы говорите? Откуда мне знать, мать вашу, что он сделал? Меня там не было...

В.Э.: А я думаю, Патси, что ты там была. Я думаю, что ты прекрасно знаешь, что произошло. Так почему бы не рассказать нам? Рассказать правду о том, как умерла Саша...

П.У.: Что вы такое говорите... Мама, они ведь не могут обвинять меня в таком, правда?

Дж. Б.: Констебль, какие у вас имеются доказательства в поддержку этой неслыханной версии?

(В комнату входит сержант Гислингхэм и разговаривает вполголоса с констеблем Сомер.)

П.У.: *(Заливается слезами.)* Мама, я этого не делала, я этого

не делала – Саша была моей лучшей подругой...

Д.У.: Я знаю, дорогая, что ты ни в чем не виновата. Ты ни в чем не виновата. Ты не могла совершить такое, ни за что на свете!

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

20:26

Конечно, откупоривать шампанское еще рано, но в оперативном штабе царит праздничное оживление, порожденное ожиданием почетного гостя. Общее облегчение, смех, кое-кто из ребят ослабляет узлы галстуков.

Когда звонит Мукерджи, Куинн выводит ее на громкоговоритель: это хотят услышать все.

– Итак, есть совпадение?

В линии слышится треск, но голос Нины звучит отчетливо.

– Да, есть.

Кто-то торжественно вскидывает вверх кулак, кто-то радостно кричит, Галлахер улыбается. Кто-то хлопает Куинна по спине, словно это он лично спустился в эту заполненную водой канаву и выловил чертов портфель.

– Это хорошая новость, – продолжает Мукерджи. – Но, боюсь, все не так просто, как вы надеялись.

В комнате наступает тишина. К телефону подходит Галлахер.

– Нина, это инспектор Галлахер. Вы можете объяснить, что имели в виду?

– Я действительно обнаружила на портфеле отпечатки пальцев Патси Уэбб. Вся беда в том, что никакой крови рядом с ними нет и в помине. Они могли быть оставлены в любое время.

А девушки были подругами – Патси запросто могла брать портфель, даже пользоваться им. Этого недостаточно. Совсем недостаточно.

– Отпечатки пальцев со следами крови лишь частичные, – продолжает Мукерджи. – Для того чтобы представить их в суд, они недостаточно четкие.

Галлахер склоняется к телефону.

– Но если это частичные отпечатки пальцев Патси...

На линии снова треск.

– Извините, я неясно выразилась. По этим частичным отпечаткам *есть*

совпадение, но только принадлежат они не Патси Уэбб.

– Тогда кому – Изабель?

– Нет – мы сопоставили их с теми, которые есть на автобусном билете.

Они принадлежат и не Изабель.

Галлахер хмурится – это какая-то бессмыслица.

– В таком случае кому?

– Надин, – отчетливым голосом произносит Мукерджи. – Частичные отпечатки принадлежат Надин Эпплфорд.

* * *

– Вам должно быть *стыдно*, мать вашу! И если вы полагаете, что это сойдет вам с рук, вы глубоко ошибаетесь!

Дениза Уэбб в такой ярости, что говорит, брызжа слюной. Эверетт за годы работы в полиции довелось выслушать тонны праведного негодования, однако то, что происходит сейчас, относится к разряду самого неприятного. Патси стоит в нескольких шагах, опустив голову, волосы закрывают лицо. Разглядеть выражение невозможно. Она не произнесла ни слова с тех самых пор, как вышла из комнаты для допросов.

– Продержали нас здесь несколько часов! – продолжает бушевать Дениза. – Обвинили *пятнадцатилетнюю девочку* в таком... в таком... в таком *отвратительном* поступке – вот что это такое!

Дежурный сержант протягивает Эверетт бумаги об освобождении под подписку о невыезде, которые должна подписать Дениза Уэбб. По его лицу видно, что он старается держаться подальше от происходящего. Эв предоставлена сама себе.

– Я забираю свою дочь отсюда, констебль, – или какое там у вас звание, черт возьми! Но это еще не конец. Далеко не конец!

«Да, – мысленно соглашается Эверетт, провожая взглядом, как женщина обнимает свою дочь за плечо и ведет ее к двери. – Думаю, тут ты попала в самую точку».

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

21:35

Галлахер распахивает дверь оперативного штаба и тяжело опускается на ближайший стул. Она только что докладывала Харрисону. Мне можно не спрашивать, как все прошло: то же самое выражение я уже видел много раз – на своем собственном лице.

– Пожалуйста, кто-нибудь, объясните мне, каким образом отпечатки пальцев Надин Эпплфорд оказались на этой сумке, – устало говорит Галлахер, – потому что все жизнеспособные объяснения у меня иссякли.

Гислингхэм качает головой.

– Мне нет дела до того, что говорят криминалисты: Надин не могла убить Сашу – по крайней мере в одиночку. Начнем с того, что у нее не хватило бы сил, чтобы оттащить труп к реке, не говоря уж про все остальное. Патси могла бы, да, но Надин на добрых три или даже четыре дюйма ее ниже.

– О, не знаю, – говорит Куинн, – может быть, она маленькая, но, на мой взгляд, выглядит крепкой – а поскольку берег отлогий, думаю, она могла просто скатить труп вниз.

– Принадлежащий *пятнадцатилетней* девочке, – кратко напоминает Сомер.

– И Надин тоже пятнадцать, – возражает Гислингхэм. – Но самое главное – с какой стати ей нападать на Сашу? Они даже не были знакомы друг с другом.

– На самом деле были, – Бакстер поднимает взгляд. – Я только что проверил. Они учились на одной параллели в саммертаунской средней школе.

Молчание. Затянувшееся молчание.

– Твою мать! – наконец говорит Галлахер.

– Значит, вот в чем дело, – вздыхает Гислингхэм. – *Вот* что мы пропустили.

– Не вините себя, – быстро говорит Галлахер. – Все мы это пропустили. На самом деле это с самого начала было у нас прямо перед носом. Просто никому в голову не пришло спросить.

– Но даже если они и были знакомы друг с другом, – говорит Сомер, – *подругами* они не были. Не могли быть. Не забывайте, я осмотрела комнату Саши. Там были кучи фотографий ее с подругами, но Надин ни на одной из них не было. Ни на одной. С какой стати Надин убивать человека, которого она едва знала?

– Возможно, в этом-то все дело, – пожимает плечами Эверетт. – У Саши было все, чего не было у Надин, – подруги, внешность...

– Ты что – *серьезно?* – изумляется Куинн.

Эв качает головой.

– Определенно, ты никогда не был пятнадцатилетней девочкой.

Бакстер также не был, но он, похоже, начинает верить в эту теорию.

– Я поддерживаю Эв. И помните, что сказал Гоу – практически наверняка нападения на обеих девушек совершил один и тот же человек. У нас есть улики, привязывающие Надин к нападению на ее сестру, поэтому разве не должна она также быть *главным* подозреваемым и в деле Саши?

– То есть она психопатка? – говорит Сомер. – Серийная убийца, которая внезапно, ни с того ни с сего, без каких-либо явных причин надругалась над одной девушкой и убила другую, и все это на протяжении одной недели? Не говоря уж о том, что она сделала все возможное, чтобы представить оба преступления делом рук сексуального маньяка – я просто не верю, что Надин настолько коварна...

– Но вот Патси именно такая, – тихо замечаю я.

Галлахер разводит руки.

– Так, давайте вспомним, что отпечатки пальцев лишь частичные. Возможно, мы идем по совершенно ложному следу – и Надин тут абсолютно ни при чем. Лично я цепляюсь за эту надежду, какой бы хлипкой она сейчас ни казалась.

– Так что будем делать дальше? – Асанти поворачивается к ней.

Галлахер медленно встает.

– Нам остается только одно. Но сначала мы должны проделать огромную работу.

* * *

Адам Фаули

9 апреля 2018 года

22:09

Времени уже десять вечера. В оперативном штабе не осталось никого, кроме нас с Галлахер. Распределив задания на завтрашний день, она отправила всех домой, и, если честно, я сделал бы то же самое. Адреналин – странная штука: он поддерживает человека до тех пор, пока у того нет выбора, но как только жгучая необходимость исчезает, человек проваливается в бездонную пропасть. Мы сегодня выдохлись. Никто не мог больше трезво рассуждать.

Галлахер выпивает еще один стаканчик кофе. Я постоянно напоминаю ей о ее детях, а она напоминает мне о моей жене, но тем не менее оба мы по-прежнему здесь.

* * *

Утром на следующий день погода ясная и солнечная, дует пронизывающий ветер, высоко по небу плывут облака.

Они договорились встретиться на месте, не заезжая в участок, и когда Гислингхэм приезжает на стоянку, Куинн уже ждет его там.

– Определенно, они получили наше сообщение, – говорит он, когда Гис присоединяется к нему. – Секретарша уже выходила сюда, предупредила меня, что *лично* превратит мою машину в тыкву, если я только соберусь поставить ее на место заместителя директора.

Однако Гис не в том настроении, чтобы воспринимать юмор Куинна.

– Давай поскорее покончим с этим, – говорит он.

* * *

Адам Фаули

10 апреля 2018 года

10:18

Когда появляются Надин с матерью, я в дежурке, однако ни та, ни другая со мной не здороваются. Впрочем, быть может, они просто меня не узнали. Надин в джинсах и свитере, то есть ее мать считает, что в школу она сегодня никак не попадет. Девушка нервно теревит шерстяную ткань, вздрагивая при каждом резком звуке, словно не спала уже несколько дней. Что бы такого она ни сделала, груз для нее слишком тяжелый.

Через десять минут к нам, собравшимся в комнате рядом с комнатой для допросов номер один, присоединяется Брайан Гоу. Таким возбужденным я его еще никогда не видел. Он даже захватил магнитофон. Вероятно, в предвкушении столкнуться с показательным делом.

На экране мы видим, как Сомер садится рядом с Галлахер. Адвокат и представитель опеки – также женщины, поэтому мужчин в комнате вообще нет, что, должен признать, очень тонкий ход со стороны Галлахер. Когда вводят Надин и ее мать, я поражаюсь той перемене, которая произошла с

Дианой за какие-то считанные минуты. Когда она берет стул, руки у нее дрожат, лицо осунулось, безжалостный яркий свет над головой подчеркивает ввалившиеся щеки. Вот что это такое – узнать, что твоя дочь подозревается в убийстве.

Протокол допроса Надин Эпплфорд, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 10 апреля 2018 года, 10:42

Присутствуют: детектив-инспектор Р. Галлахер, детектив-констебль Э. Сомер, мисс С. Роджерс (представитель опеки), миссис П. Маршалл (адвокат)

Э.С.: Допрос возобновляется в 10:42. Надин сопровождают ее мать, миссис Диана Эпплфорд, ее адвокат, миссис Памела Маршалл, и мисс Салли Роджерс, снова назначенная представителем опеки.

Р.Г.: Для протокола: Надин арестована по подозрению в причастности к убийству Саши Блейк, случившемуся вечером 2 апреля 2018 года. Итак, Надин, я хочу начать со следующего вопроса: где ты была в тот вечер? Ты выходила из дома?

Д.Э.: Пожалуйста, объясните мне, что происходит? Во имя всего святого, с чего вы решили, что Надин может иметь какое-либо отношение...

Р.Г.: Мы еще перейдем к этому, миссис Эпплфорд. Надин, пожалуйста, ты можешь ответить на этот вопрос?

Н.Э.: *(Молчание.)* Я не помню.

Д.Э.: Когда я вернулась в одиннадцать, обе девочки были дома, это я вам сама скажу.

Э.С.: Обе? И Фейт, и Надин?

Д.Э.: Кажется, Фейт куда-то выходила, но к тому времени, когда я пришла домой, она уже вернулась. Как я уже говорила.

Э.С.: И в тот вечер не было ничего необычного? Ничего такого, что привлекло ваше внимание?

П.М.: *(Не дает ей ответить.)* Инспектор, какие основания имеются у вас, чтобы привязать Надин к этому преступлению?

Р.Г.: Вчера случайная прохожая обнаружила розовый портфель недалеко от того места, где было найдено тело Саши. Достоверно установлено, что это ее портфель, и на нем следы ее крови.

П.М.: Это ничего не доказывает.

Р.Г.: Боюсь, в крови есть также отпечатки пальцев. Которые, как мы считаем, могут принадлежать Надин.

Д.Э.: Но это же невозможно...

П.М.: Вы сказали, «могут» принадлежать Надин. Совпадение есть или его нет?

Р.Г.: Отпечатки частичные. Совпадающие с отпечатками пальцев Надин.

П.М.: Сколько точек совпадения?

Р.Г.: На одном – пять, на другом – четыре.

П.М.: Инспектор, вам не хуже меня известно, что в суде это не пройдет. Вам нужно нечто гораздо более значительное, чтобы прокуратура отнеслась к вам серьезно. А пока что мне нужно обсудить эти новые улики со своим клиентом. Не сомневаюсь, представитель опеки согласится, что это совершенно разумное требование.

Э.С.: Допрос прерван в 10:53.

* * *

Только что началась большая перемена, поэтому директриса приглашает полицейских к себе в кабинет, чтобы не толкаться в переполненной учительской. Ее кабинет находится в дальнем конце здания. Из окна Гислингхэм видит поле, а вдалеке за ним – цепочку деревьев. Именно там, как ему прекрасно известно, было обнаружено тело Саши. Ему хочется надеяться, что ученики не пришли к такому же выводу.

Куратор класса – мужчина по имени Деннис Вудли. У него золотисто-соломенная борода, прямой искренний взгляд и крепкое рукопожатие, требующее обе руки. Гислингхэм мысленно определяет его как врожденного христианина еще до того, как тот отпускает его руку. Второй учитель – маленькая затравленная женщина, у которой такой вид, будто она постоянно куда-то опаздывает.

Вудли устраивает целое представление, «оказывая гостям честь» и угощая их кофе, не допуская до этого свою коллегу. На стене плакат, провозглашающий ценности школы: коллективизм, многообразие, доброта и равенство; похоже, Вудли нацелен на аншлаги. Гислингхэм соглашается, Куинн отказывается, и наконец все садятся за столик.

– Итак, джентльмены, – говорит Вудли, демонстрируя широкую улыбку, – чем мы можем вам помочь?

* * *

Констебль в форме выводит Надин и двух женщин из комнаты для допросов, однако Сомер по-прежнему сидит за столом.

– В чем дело? – спрашивает Галлахер, собирая бумаги. – Вам не дает покоя какая-то мысль. Выкладывайте.

– Меня задели слова Дианы Эпплфорд, – хмурится Сомер. – Насчет того вечера.

Галлахер отрывается от того, чем занималась, – она уже успела понять, что к интуиции Эрики следует прислушаться.

– Вот как?

– Она очень быстро спохватилась, но было какое-то мгновение, когда она что-то вспомнила, и сразу же сообразила, что нам лучше этого не знать.

Галлахер задумывается.

– Ну, вы общались с ней гораздо больше, чем я. Так что тут вам виднее.

– Но я едва ли могу спросить у нее напрямую, ведь так? Она уже замкнулась – и больше ничего не скажет.

– Однако, как я понимаю, вы довольно неплохо знаете Фейт. Если в тот вечер было что-то странное, она должна знать. Почему бы не спросить у нее?

Сомер морщится.

– Даже не знаю. Когда мы виделись в последний раз, она была в таком состоянии... мне бы не хотелось беспокоить ее...

– Тогда попросите ее подругу. Кажется, Джесс? Может быть, у нее получится.

* * *

Адам Фаули

10 апреля 2018 года

12:18

– Ну, если хотите знать мое мнение, вот вам и мотив как на ладони.

Это Куинн, как обычно, хорохорится. К счастью для него, Сомер здесь нет, так как я сомневаюсь, что она спустила бы ему такое. Однако Эрика сейчас где-то в другом месте.

– Насколько я понимаю, то, что рассказал нам Вудли, это подтверждает – у Надин *был* мотив убить Сашу. А если добавить ее отпечатки на портфеле...

– Мы не можем *утверждать*, что это ее отпечатки, – возражает Эверетт. – Они лишь частичные.

– А чьи еще они могут быть, твою мать?

Атмосфера накаляется, и Галлахер вмешивается, чтобы всех успокоить.

– Хорошо, констебль Куинн, мы выслушали вашу точку зрения. Сержант, вы что скажете?

Гислингхэм поднимает голову.

– Ну, по-моему, очевидно, что Надин отчаянно хотелось примкнуть к шайке Патси. Вудли сказал, что она добивалась этого с самого своего появления в школе. Хотя, наверное, бедняге было несладко: оказаться в новой школе, где у всех уже есть друзья...

– Но Надин определенно хотела попасть именно в группу Патси?

Гислингхэм кивает.

– Судя по всему, классные девочки. «ГУБЫ». Все хотели быть в их компании.

– Но теперь этого никто не хочет, – бормочет Бакстер, однако поскольку он, как и я, стоит сзади, слышу его я один.

– И они ее отвергли?

Гислингхэм угрюмо кивает.

– Хуже того. Судя по всему, они начали над ней издеваться. Насмехаться над ее волосами, полнотой и тому подобным. Хотя по большей части это делали остальные трое – похоже, Саша старалась держаться в стороне.

– И учителя это терпели?

– По словам Вудли, всякий раз, когда Надин прижимали, она заявляла, будто ничего не произошло. А у девиц хватало ума следить за тем, чтобы их не поймали.

– Тут нет ничего странного, – мрачно замечает Эверетт.

Галлахер поворачивается к Гоу.

– А вы что думаете, Брайан?

Психолог смеется.

– О мозгах подростков? На этот счет я могу распространяться до бесконечности. Послушайте, любой родитель подтвердит вам: их мозги работают не так, как у нас. Надин Эпплфорд пребывала в постоянном стрессе, причем не имела умственных способностей осмыслить

происходящее и житейской мудрости, чтобы не обращать на это внимания. Все это давление сверстников насчет внешности, мальчиков и определения понятия «успех», вдобавок полное отсутствие какой-либо поддержки в школе и дома. На протяжении последних нескольких месяцев вся ее жизнь перевернулась.

Эверетт чувствует себя неловко.

– Фейт не хотела никому доставлять неудобств...

– Согласен, – Гоу кивает. – Но тем не менее доставила. Надин вынуждена была терпеть брата, ставшего сестрой, ей пришлось переехать в новый дом, перейти в другую школу; мать, что вполне понятно, не могла уделять ей должного внимания. И то, что ее отвергла компания Патси, причем с таким презрением, так демонстративно, вполне могло стать последней каплей.

– Однако учителям она говорила, что все в порядке.

– У детей бывает именно так, – Гоу пожимает плечами. – Вероятно, Надин твердила себе, что все переменится – что если она будет терпеть и не заложит своих обидчиц, те в конце концов примут ее в свой круг. А тем временем все эти мелкие жестокие обиды накапливаются, и в какой-то момент она не выдерживает и срывается.

– Но где тут возникает Саша? – спрашивает Галлахер. – Если это компания Патси, почему Надин выместила свою злость на Саше? Особенно если учесть, что та единственная старалась обходиться с ней хорошо?

– Возможно, Саша просто оказалась не в том месте не в то время, – говорит Куинн. – Надин в тот вечер случайно оказывается на Черуэлл-драйв, видит на автобусной остановке Сашу и решает разобраться с ней. Быть может, она подошла к Саше именно *потому*, что та была с ней не такой сволочью, как остальные. Но что-то идет не так, Надин теряет выдержку...

– Ну, а проволока? – спрашивает Эв. – Нож? Все это совершенно случайно оказалось при ней?

– Я совершенно согласна с вами, Эверетт. – Галлахер чернее тучи. – Я пытаюсь разобраться в этом. Единственное возможное объяснение – Надин спланировала все заранее. Но это же какая-то бессмыслица: как она могла узнать, что Саша в тот вечер окажется там?

– И даже если бы Надин это знала, как она перетащила труп от дороги к реке? – подхватывает Бакстер. – Потому что я не могу представить, как Саша согласилась в крошечной темноте пойти по той тропинке вместе с Надин, какой бы повод та ни придумала. Лично я ни за что не согласился бы, черт возьми, это точно.

– Послушайте, мы даже не знаем, где в тот вечер была Надин, – говорит Эв. – Может быть, у нее железное алиби...

– Никакого алиби у нее нет.

Это Сомер. Она стоит в дверях, с сотовым телефоном в руке.

– Я только что говорила с Джесс Бердсли, подругой Фейт. В тот вечер Фейт ходила в кино. На «Призрачную нить»^[67] в «Фениксе» на Уолтон-стрит. Она ушла из дома в девятнадцать сорок пять и вернулась лишь в двадцать два сорок пять.

– То есть больше трех часов Надин могла находиться практически где угодно, – устало говорит Галлахер.

– Боюсь, тут дело даже хуже. Фейт сказала, что, когда она вернулась домой, работала стиральная машина.

– И?.. – Куинн хмурится.

– Вот почему Фейт абсолютно уверена, что это был тот самый вечер. Это поразило ее, потому что мать все время пристает к Надин, чтобы та сама стирала свои вещи, а она этого никогда не делает. На памяти Фейт тот вечер единственный, когда Надин сама без понукания взялась за стирку.

Галлахер печально качает головой. Она собирается что-то сказать, но тут дверь снова распахивается. На пороге стоит Тони Асанти. Он обводит взглядом присутствующих и останавливается на Эв.

– А, констебль Эверетт... Там внизу человек, хочет поговорить с вами. Он какой-то дерганный, так что, наверное, лучше поскорее спуститься туда, пока он не передумал.

* * *

Он по-прежнему нервничает, даже спустя час после того, как они уже закончили. Даже несмотря на то, что ему повторяли снова и снова, что он поступил совершенно правильно – что правда рано или поздно все равно всплыла бы, а в таких делах лучше прыгнуть самому, чем ждать, когда тебя толкнут.

Эверетт провожает его к выходу и, как ей хочется думать, подбадривает улыбкой.

– Все будет хорошо. Честное слово. Хотя сейчас, наверное, вам так не кажется.

– Да, знаю. Просто помните, что я сказал, да?

– Не беспокойтесь, – она кивает. – Я готова.

Протокол допроса Патси Уэбб, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 10 апреля 2018 года, 15:19

Присутствуют: детектив-констебль В. Эверетт, детектив-констебль Э. Сомер, миссис Д. Уэбб (мать), Дж. Бек (адвокат), миссис М. Чандлер (назначенная представитель опеки)

Э.С.: Для протокола: Патси сопровождают ее мать, ее адвокат, мистер Бек, и миссис Моника Чандлер, представитель опеки.

Д.У.: Я не могу поверить в то, что вы притащили нас сюда! Патси уже сто раз говорила вам, что не имеет никакого отношения к тому, что произошло с Сашей Блейк, и даже ваши чертовы криминалисты признали, что отпечатки пальцев на портфеле принадлежат не ей. Я подам официальную жалобу – вы меня слышите, официальную жалобу! Это оскорбление, это запугивание...

Э.С.: Уверяю вас, миссис Уэбб, все совсем не так. И мы здесь будем говорить не о Саше. Только не сейчас. Итак, Патси, ты помнишь, чем занималась 1 апреля?

П.У.: Какого черта?..

Д.У.: 1 апреля? Это же был прошлый понедельник, так? Я могу вам ответить. Патси была дома, лежала в кровати. Ее свалила эта зараза. Когда человека выворачивает наизнанку.

Э.С.: Это так, Патси? Ты проболела тот день?

П.У.: *(Пожимает плечами, затем кивает.)*

Э.С.: Мы связались с саммертаунской средней школой, и нам подтвердили, что в тот день ты действительно числилась заболевшей. Как и Изабель. И Лия.

Д.У.: Этим болела вся школа – к чему вы клоните?

Э.С.: В котором часу вы утром уходите на работу, миссис Уэбб?

Д.У.: Без четверти восемь, самое позднее в восемь ровно. А что?

Э.С.: То есть на самом деле вы не можете утверждать, что Патси провела весь день дома, правильно? Со стопроцентной

уверенностью? Если только, конечно, вашего приятеля не было дома.

Д.У.: *(Колелется.)* Нет, его дома не было... он пришел только вечером...

Э.С.: Вы в тот день звонили Патси на сотовый?

Д.У.: *(Пауза.)* Я решила, что она будет отсыпаться. Ее тошнило всю ночь. Я слышала, как ее рвало, но к себе в комнату она меня не пустила.

В.Э.: Вы не звонили на городской?

Д.У.: Нет. Как я уже сказала, Патси заболела – она спала. Я не хотела ее разбудить. А когда вернулась домой в половине седьмого вечера, Патси смотрела телевизор, закутавшись в одеяло.

Э.С.: Но это ведь еще не означает, что она провела так весь день, правда, Патси?

П.У.: Вы просто пытаетесь убедить меня в том, будто вам что-то известно, но на самом деле вы ни хрена не знаете. Потому что знать нечего.

Дж. Б.: Констебль, тут вы ступаете по тонкому льду. Если у вас есть веские основания подозревать моего клиента в совершении преступления, вы должны тщательно формулировать вопросы. Как вам то хорошо известно.

Э.С.: В таком случае, Патси Белинда Уэбб, я арестовываю вас по подозрению в совершении нападения с нанесением телесных повреждений, совершенного 1 апреля 2018 года. Вы можете ничего не говорить. Но это повредит вашей защите, если вы сейчас умолчите о чем-то таком, на что впоследствии будете опираться на суде. Все, что вы скажете, может быть использовано в качестве доказательств. Итак, Патси, когда инспектор Фаули 4 апреля разговаривал с Изабель, та сказала, что не знает никакой Фейт Эпплфорд. Но это не так. Вы ведь ее знаете, вы все. Вы знаете ее сестру Надин.

П.У.: Надин учится в параллельном классе. Но я ее не знаю.

Э.С.: То, что произошло с Фейт, – во многом это похоже на то, что произошло с Сашей. Настолько похоже, что мы были убеждены в том, что это дело рук одного и того же преступника. Фейт похитили, связали и отвезли в сарай в огородах на Марстон-Ферри-роуд. Бедная девочка была в ужасе – она решила, что ее убьют. С нее стащили трусики...

М.Ч.: Послушайте, есть необходимость озвучивать все это?

Э.С.: И нападавшие действовали очень хитро. Они натянули на голову Фейт пластиковый пакет, чтобы та ничего не видела. Все это время они молчали, чтобы она не смогла узнать их по голосам. Единственной уликой был тот факт, что Фейт увезли в каком-то фургоне. Но хотя мы искали вдоль и поперек, просто не смогли его найти. И тогда мы подумали: а что, если это все-таки был не фургон – может быть, это был внедорожник или даже просто старенький универсал...

В.Э.: И тут именно ты, Патси, рассказала нам про Грэма Скотта, разве не так? Про его нездоровый интерес к Саше. Мы выяснили, что он ездит на «Моррис Трэвеллере», и задумались – а что, если он тот самый, кого мы ищем? Быть может, это он напал на Фейт и на Сашу?

Э.С.: Но затем эксперты определили, что на пакете, который был надет на голову Фейт, есть следы ДНК ее матери и сестры. Если честно, в этот момент мы не знали, что и думать. Мы представить себе не могли, каким образом этот пакет мог попасть к Грэму Скотту. На самом деле был только один человек, кто мог завладеть этим пакетом: сама Надин.

В.Э.: Но даже тут у нас ничего не получилось. Потому что мы знали, что Надин не могла управлять фургоном. Ей всего пятнадцать – я хочу сказать, это было бы незаконно, так?

П.У.: *(Молчание.)*

Э.С.: И тут мы подумали: постойте-ка, только из того, что это незаконно, еще не следует, что этого не может быть. В конце концов, человек может уметь управлять машиной, даже не имея прав.

П.У.: *(Ерзает на стуле, но ничего не говорит.)*

Э.С.: Мы даже проверили эту гипотезу – наш коллега констебль Асанти проехал по маршруту, убеждаясь в том, что Надин могла участвовать в нападении на сестру и при этом успеть в школу к 11:15. И, как тебе известно, такое действительно возможно. Хотя ей нужно было постараться, чтобы успеть на автобус до Блэкберд-Лейс...

П.У.: *(Поднимает взгляд и тотчас же снова опускает голову.)*

Э.С.: О, разве я не говорила? Мы думаем, что фургон, причастный к нападению, принадлежит одному человеку,

проживающему в Блэкберд-Лейс. Больше того, мы не думаем, а знаем это наверняка. Потому что сегодня утром он пришел к нам и дал показания. Отпираться дальше бессмысленно.

П.У.: *(Молчание.)*

Д.У.: Патси! Это правда?

П.У.: Послушайте, это была просто шутка, понятно? Первоапрельская. Не понимаю, с какой стати все так завелись, мать вашу...

Э.С.: Не понимаешь? Ты правда хочешь убедить нас в том, что не понимаешь, почему полиция отнеслась к этому серьезно?

П.У.: *(Угрюмо.)* Мы ей ничего не сделали.

В.Э.: Нет, сделали. Вы вырвали Фейт волосы. А это уже нанесение телесных повреждений. А также вы причинили ей серьезную психологическую травму. Фейт думала, что ее убьют – изнасилуют...

П.У.: Каким это образом ее могли изнасиловать? Да она даже не девка, твою мать...

Д.У.: Патси!..

Э.С.: Значит, ты признаёшься в причастности к похищению Фейт Эпплфорд, совершенному утром 1 апреля 2018 года?

П.У.: Мать вашу за ногу, никакое это было не похищение! Это была шутка!

В.Э.: Только что ты сказала: «мы» ничего не сделали. Кто еще был с тобой?

П.У.: Из. И Лия. Мы встретились на огородах.

Э.С.: То есть на самом деле все вы были здоровы. Вы только сказали родителям, что больны.

П.У.: *(Молчание.)*

В.Э.: И ты приехала на фургоне Эшли Бразертон. Фургоне твоего возлюбленного.

Д.У.: Какого еще возлюбленного? С каких это пор у тебя есть возлюбленный?

П.У.: *(Своей матери.)* С тех самых пор, как ты стала все свое время проводить с этим недоноском Ли и перестала обращать внимание на меня, вот с каких!

Э.С.: Эшли дал показания, что понятия не имел о том, что ты собираешься позаимствовать у него фургон.

П.У.: Ну да, так я ему и сказала! Он бы спрятал чертовы ключи. Потом он столько дерьма вывалил на меня из-за этого...

Э.С.: Значит, ты спланировала все заранее. Ты знала о похоронах и все спланировала.

П.У.: Вы че, совсем тупая, что ли? Это же было первое апреля! Мы решили приколоться!

В.Э.: Эшли собирался обратиться в полицию сразу же, как только все узнал, но ты пригрозила, что расскажешь, что он спал с тобой, хотя ты несовершеннолетняя. Эшли испугался, что его выгонят с работы...

П.У.: Ну да, он такой тупой!

Э.С.: Патси, почему вы выбрали Фейт? Почему именно ее?

П.У.: *(Пожимает плечами.)* Не знаю.

Э.С.: А мне кажется, знаешь, и очень хорошо. Понимаешь, когда мы только приступили к расследованию того, что произошло с Фейт, мы предположили, что имеем дело с преступлением на почве ненависти. Мы решили, что нападавший знал ее тайну и именно поэтому выбрал ее своей жертвой. Однако, как ни старались, мы не смогли установить, кому это было известно. За исключением ближайших родственников Фейт, этого не знал никто.

П.У.: *(Молчание.)*

Э.С.: Но в этом-то все дело, Патси, правильно? Надин знала. И она рассказала вам.

Д.У.: Вы ничего не сможете доказать.

Э.С.: Патси сама только что это доказала. Она сказала, что Фейт «даже не девка». Узнать это она могла одним-единственным способом.

П.У.: Как я уже сказала, это был первоапрельский розыгрыш...

В.Э.: Патси, почему Надин выдала вам тайну своей сестры? Потому что хотела войти в вашу компанию? Хотела понравиться вам?

П.У.: Да мы просто решили приколоться, понятно? Сказали ей, что будем с ней дружить, если она расскажет нам какой-нибудь секрет. О котором не знает больше никто.

Д.У.: Господи!..

Э.С.: Но вы не собирались дружить с Надин, так? Вы просто ее использовали. Вы использовали ее тайну для того, чтобы предать ее. Самым жестоким, самым бесчувственным способом.

П.У.: Глупая сучка просто взбеленилась! Вопила про свою

чертову сестру, про то, что ни за что не сказала нам бы, если б знала... Услышав сирены, мы решили, что она вызвала полицию, твою мать!

В.Э.: Как у вас оказался пластиковый пакет с отпечатками Надин? Где вы его достали?

П.У.: Из стацила его у нее. Сонная корова даже ничего не заметила.

Э.С.: А как насчет Саши?

П.У.: Я же вам говорила, мы тут ни при чем.

В.Э.: Даже несмотря на то, что обстоятельства нападения практически такие же? Пластиковый пакет, обрезки проволоки... Вы сделали это сознательно, так, чтобы полиция решила, будто здесь орудует сексуальный маньяк...

Дж. Б.: Если позволите, констебль, все, что вы только что сказали, дает очень убедительную базу обвинить в убийстве Саши Блейк Надин Эпплфорд. Ей было известно в деталях, что произошло с Фейт, и, следовательно, она имела идеальную возможность повторить это преступление. У нее была возможность, и у нее был очень мощный мотив: месть. Она хотела свалить вину на Патси и других девушек, расквитаться с теми, кто отверг ее и надругался над ее сестрой.

П.У.: Да, совершенно верно. Должно быть, именно так все и произошло...

В.Э.: То есть ты утверждаешь, что Надин спланировала свое преступление – сознательно решила убить Сашу под копирку с того, что произошло с Фейт, чтобы подставить тебя и твоих подруг?

Дж. Б.: Вы можете доказать обратное?

Э.С.: В таком случае почему Надин с самого начала не сказала нам, что именно Патси с подругами напала на Фейт? Почему все это время она ждала, что мы сами до всего дойдем, хотя вероятность этого была не так уж и велика?

Дж. Б.: Это вы спросите у нее самой, констебль. Как знать, что происходило у нее в голове? Очевидно, Надин Эпплфорд – крайне неуравновешенный подросток.

П.У.: Точно – Надин просто психанутая, твою мать...

Д.У.: Патси, пожалуйста!..

Дж. Б.: Начнем с того, есть ли у Надин алиби? Потому что у моей клиентки алиби есть. Как вам прекрасно известно, Саша,

Патси и Изабель вместе ехали в автобусе, и у вас есть билет, доказывающий это.

Э.С.: Это замечательная теория, мистер Бек. Вот только в ней есть один существенный изъян. Каким образом Надин могла узнать, где в тот вечер окажется Саша? Конкретное время, конкретное место – как она могла это узнать?

П.У.: Запросто! Она следила за нами, блин – вот как!

* * *

Адам Фаули

10 апреля 2018 года

17:05

– Ты думаешь, это правда – то, что сказала Патси?

Галлахер не отрывает взгляд от экрана, крепко стиснув руки, постукивая ногой по полу.

– То, что Надин следила за ними? Боюсь, такое более чем возможно. Надин отчаянно жаждала влиться в компанию – я запросто могу представить, как она подслушивала, выясняя намерения Патси и ее подруг.

– Давай послушаем, что скажут на этот счет Изабель и Лия. Куинн и Гислингхэм допрашивают их по отдельности, так что они не смогут сверить свои показания.

Это должно было бы обнадежить меня, но не обнадеживает.

– Я могу сказать точно одно: девицы заготовили свои рассказы заранее. Изабель и Лия поддержат все, что скажет Патси. Из чего следует, что слово Надин, что бы она ни сказала, будет против слова Патси и ее подруг. А в настоящий момент мы пока даже не можем вставить их в общую картину, не говоря уж о том, чтобы предъявить им обвинение.

– За этих пятнадцатилетних девиц взялась половина криминального отдела Управления полиции долины Темзы, – вздыхает Галлахер, – а мы даже не можем разбить их алиби, черт побери!

* * *

– Констебль Сомер?

Это Нина Мукерджи, стоящая в дверях кухни дома Эпплфордов.

Криминалисты начали сверху. Комната Надин, комната Дианы, комната Фейт, ванная. Собирая улики в пакеты, помечая их бирками. И вот теперь они на кухне, в каких-нибудь двадцати шагах от Сомер, сидящей рядом с Дианой Эпплфорд, которая отчаянно старается притвориться, будто с интересом смотрит древнюю серию «Закона и порядка».

– Можно вас на минутку?

Нина старается сохранить тон небрежным, однако Эрика сразу же понимает, что дело серьезное. В противном случае ее не позвали бы.

Диана встревоженно оборачивается.

– Все в порядке, миссис Эпплфорд, я сейчас вернусь.

Нина проводит Сомер на кухню. Там на столе разложено содержимое ящичка со столовыми приборами.

– Я как раз собиралась обработать это, но решила, что ты должна сначала взглянуть.

У ножей металлические рукоятки и зазубренные лезвия.

– Что тут происходит? – Диана Эпплфорд переминается на пороге, ее лицо бледно-зеленое в свете люминесцентной лампы под потолком. – Это же просто кухонные ножи, черт возьми, – говорит она. – В этом проклятом городе таких сотни. Тысячи!

– Знаю, – говорит Сомер, – просто так положено...

– Что я скажу Фейт? – дрожащим голосом спрашивает Диана. – Она отказывается возвращаться домой. Не желает даже говорить со мной.

– Послушайте, возможно, так оно и к лучшему, – говорит Эрика, подходя к ней. – Дайте ей время. Ей сейчас тяжело – как и всем вам.

На лестнице слышны шаги, в коридоре звучат приглушенные голоса. Негромкие, но все же достаточно отчетливые, чтобы разобрать слова.

– Вы собрали всю одежду? – Это голос Клайва Конвея, он говорит с экспертом-лаборантом.

– Да, вот список. Я также упаковал обувь. На одной кроссовке засохшая грязь, и, кажется, есть и другие следы, так что, быть может, нам повезет.

– Что они имеют в виду – какие еще «следы»? – выпучив глаза, оборачивается к Сомер Диана. – О чем это они?

Констебль кусает губу.

– Как я уже говорила, так положено. Давайте не будем торопить события...

Адам Фаули
11 апреля 2018 года
10:08

Звонок поступает в оперативный штаб на следующий день в десять утра. Пятна на кроссовках Надин – это кровь. Сашина кровь. Мы до сих пор не можем в это поверить. Но, как любит повторять Алан Чаллоу, криминалистическая экспертиза не лжет.

– Это сразит ее мать, – печально говорит Сомер. Словно об этом нужно было говорить.

– Я по-прежнему считаю, что тут нечто большее, чем кажется на первый взгляд, – говорит Галлахер. – Эта тройца – она тут явно как-то замешана...

Эв корчит гримасу.

– Изабель и Лия твердили на все наши вопросы, как попугаи: «Никаких комментариев», словно это какая-то дурацкая игра.

– Так, хорошо, – говорит Гис. – Но я все равно считаю, что они повсюду тут наследили. *Особенно* Патси.

– Вот только не в буквальном смысле, – замечает Бакстер. – Частичные отпечатки пальцев на портфеле не принадлежат ни одной из подруг.

– А жаль, черт возьми! – бормочет Куинн.

Однако слова Бакстера наводят меня на одну мысль, и когда совещание заканчивается, я аккуратно отвожу его в сторону. Потому что незачем устраивать по этому поводу прилюдно пляски с песнями. Особенно если я ошибаюсь.

* * *

Протокол допроса Надин Эпплфорд, произведенного в полицейском участке Сент-Олдейт, г. Оксфорд, 11 апреля 2018 года, 11:55

Присутствуют: детектив-констебль В. Эверетт, детектив-констебль Э. Сомер, миссис Д. Эпплфорд (мать), мисс С. Роджерс (представитель опеки), миссис П. Маршалл (адвокат)

В.Э.: Допрос продолжен 11 апреля 2018 года в 11:55.

Э.С.: Так, Надин. После нашей последней беседы мы поговорили с Патси Уэбб, и та призналась, что именно она с

подругами напала на твою сестру. Мы также допросили Изабель и Лию, и всем им предъявят обвинение в нанесении телесных повреждений. Ты понимаешь, Надин? Нам известно, что это были они. Известно, что они сделали и как обманули тебя.

Н.Э.: *(Обращается к своей матери.)* Я же говорила, мама, я тут ни при чем... это была не я...

Д.Э.: Знаю, милая, знаю.

Э.С.: И ты по-прежнему утверждаешь, что в ночь гибели Саши тебя не было возле реки?

Н.Э.: Нет, я же вам говорила.

В.Э.: Ты ее не видела – не говорила с ней...

Н.Э.: Да нет же – я не выходила на улицу. Весь вечер просидела дома.

Э.С.: Твоя сестра говорит, что, когда она вернулась домой, работала стиральная машина. Ты можешь это объяснить?

Н.Э.: *(Пожимает плечами.)* Не знаю. Не помню.

В.Э.: Как тебе известно, вчера мы произвели обыск в вашем доме. Забрали различные вещи и отправили их на криминалистическую экспертизу. В том числе и кроссовки, спрятанные под одеждой в твоём гардеробе.

Д.Э.: Никто их не прятал – просто Надин неаккуратная, она еще подросток...

В.Э.: Надин, ты пыталась спрятать кроссовки?

Н.Э.: *(Молчание.)*

Э.С.: Криминалистическая экспертиза этих кроссовок показывает, что их пытались отмыть с помощью отбеливателя, что для обуви весьма необычно. Это сделали вы, миссис Эпплфорд?

Д.Э.: *(Пауза.)* Нет. Не я.

Э.С.: Это сделала ты, Надин? Ты пыталась смыть что-то со своих кроссовок?

Н.Э.: Не буду говорить.

В.Э.: Ты не могла бы говорить погромче, пожалуйста? Для записи?

Н.Э.: *(Громче.)* Я отказываюсь отвечать.

Э.С.: *(Протягивает лист бумаги.)* Это результаты анализа кроссовок, Надин. На них следы крови. Совсем немного. Но они есть. И это кровь Саши.

Н.Э.: *(Молчание.)*

Э.С.: Но это доказывает только то, что ты присутствовала при смерти Саши. Это еще не свидетельствует о том, что ты сама что-то сделала. Так что же там произошло, Надин? Как ты в тот вечер оказалась там?

Н.Э.: *(Молчание.)*

В.Э.: Патси утверждает, что ни ее самой, ни ее подруг там не было – и это ты убила Сашу, одна. Она утверждает, что ты знала, что в тот вечер Саша будет возвращаться домой именно этой дорогой, поскольку следила за подругами. Подслушивала их разговоры. Это правда?

Н.Э.: Все было совсем не так!

В.Э.: А как все было?

Н.Э.: *(Молча качает головой.)*

Э.С.: Надин, почему ты не хочешь говорить с нами? Патси снова тебя обманула, ведь так? Ты не должна брать на себя чужую вину, если Патси тебя обманула.

Н.Э.: На самом деле...

П.М.: *(Перебивает ее.)* Надин, ты можешь не отвечать на этот вопрос.

Н.Э.: Нет, я хочу на него ответить. На самом деле меня никто не обманывал.

В.Э.: Что же произошло?

Н.Э.: Она сказала, чтобы я была там, в тот вечер. У реки.

В.Э.: Патси?

Н.Э.: *(Молча кивает.)*

Э.С.: Вы условились встретиться?

Н.Э.: Не только с ней. И с остальными. Патси сказала, что сожалеет насчет Фейт и хочет искупить свою вину. Мы должны были стать сестрами по крови.

Э.С.: Сестрами по крови?

Н.Э.: Знаете, как показывают по телику... Они сказали захватить нож. Все должны были принести свои ножи.

Э.С.: И ты взяла нож дома на кухне?

Н.Э.: *(Кивает, избегая смотреть на свою мать.)*

В.Э.: Что произошло, когда ты пришла на место?

Н.Э.: Я должна была ждать на автобусной остановке рядом с «Викки-Армс». Они пришли пешком со стороны Саммертауна.

В.Э.: Кто они, Надин?

Н.Э.: Патси, Изабель и Саша. Втроем. Лии с ними не было.

В.Э.: В котором это было часу?

Н.Э.: Где-то в четверть девятого. Мне сказали быть на остановке в девять вечера. У Патси в сумке были фонарики и все остальное.

Э.С.: Саша ничего не сказала, когда вы встретились?

Н.Э.: Нет. Но она была чем-то недовольна. По-моему, она не хотела сюда приходить. То и дело смотрела на часы, словно ей нужно было куда-то в другое место.

В.Э.: Что произошло дальше?

Н.Э.: Мы пошли по тропинке к реке. Первой шла Изабель, затем Саша, затем Патси, я последней. Вдруг Патси схватила Сашу сзади, Изабель натянула ей на голову пакет, потом они достали куски проволоки и связали ее. Саша упала в грязь, она пыталась кричать, но было видно, что ей не хватает воздуха. Потом Патси достала свой телефон и начала все снимать, но это получалось у нее плохо, потому что она давилась со смеху, и потом Изабель сказала: «Не забудь про волосы».

Э.С.: «Не забудь про волосы»?

Н.Э.: *(Молча кивает.)*

Э.С.: Почему она так сказала – ты знаешь?

Н.Э.: *(Молча качает головой.)*

В.Э.: Что сделала Патси после этих слов Изабель?

Н.Э.: Схватила Сашу за голову и выдернула клок на затылке. Саша плакала. У нее были такие красивые волосы...

Э.С.: Что дальше?

Н.Э.: Патси сказала мне взять нож и порезать Сашу. Я не хотела, мне было страшно, меня тошнило, но она сказала, что я должна, а если я этого не сделаю, мы не станем сестрами по крови и следующей буду я. И я ее порезала. Совсем немного. Ногу. Патси и Изабель смеялись – они были словно в истерике, словно наглotalись наркотиков. Потом Патси посмотрела на тот порез, который я нанесла, и сказала, что этого недостаточно. Я должна нанести еще один. Я так и сделала, и на этот раз крови было больше. Из выпачкала ею мне лицо... *(Начинает всхлипывать.)* Саша громко кричала. Звала свою маму. Но они только смеялись и говорили «это тебя научит», «заносчивая сучка» и тому подобное. *(Вытирает глаза.)* Саша даже не догадывалась, как они ее ненавидели. Она думала, они ее любят, но я слышала, как они говорили о ней, когда ее не было рядом. Их

просто бесило, что Саша красивее, а Патси решила, что она хочет увести у нее парня. *(Поочередно смотрит на констеблей.)* Правда, я не выдумываю – я не знаю, как его зовут, но я слышала, как Патси говорила об этом. Она... ну, просто взбесилась.

В.Э.: Знаем, Надин. Мы уже говорили с ним, и он сказал нам то же самое.

Э.С.: Что произошло дальше?

Н.Э.: Изабель начала бить Сашу ногами, и Патси присоединилась к ней. Я пыталась остановить их, но Патси пригрозила, что они поступят так же и со мной, если я не заткнусь.

В.Э.: Долго это продолжалось?

Н.Э.: Не знаю. Мне казалось, прошла целая вечность, но, наверное, это не так. Потом Патси обозвала меня никчемной неудачницей, дала мне Сашин портфель и сказала, чтобы я проваливала. Проваливала домой и по дороге выбросила его.

Э.С.: Что стало с телефоном Саши?

Н.Э.: Патси выбросила его в реку. Там еще была записная книжка, и ее она тоже выбросила.

В.Э.: А ты пошла домой.

Н.Э.: *(Молча кивает.)*

Э.С.: Саша тогда еще была жива?

Н.Э.: *(Кивает.)* Что было дальше, я не знаю. Я думала, что они разойдутся по домам. По дороге меня вырвало, одежда моя была перепачкана кровью и грязью, поэтому я положила все в стиральную машину. *(Снова начинает всхлипать.)* Извините! Я готова сделать все что угодно, чтобы это исправить. Я не перестаю думать об этом...

Э.С.: Что произошло на следующий день?

Н.Э.: Придя в школу, я увидела Патси и Из, но Саши с ними не было, и она не пришла на построение. Тогда мне стало совсем плохо. Потом Патси сказала, что если я кому-нибудь расскажу об этом, они покажут полиции видео на телефоне, и я сяду в тюрьму. Потому что на видео есть только одна я.

Э.С.: Они также отправились бы за решетку. Поскольку видео явилось бы доказательством того, что они были там.

Н.Э.: *(Молчание.)* Я об этом не подумала.

Адам Фаули

11 апреля 2018 года

12:19

Галлахер присоединяется ко мне перед экраном в соседней комнате.

– Сомер работает просто отлично, – говорю я, оборачиваясь к ней. – Надеюсь, ты ей это скажешь. У нее недостаточно уверенности в собственных способностях.

Галлахер бросает на меня выразительный взгляд.

– Уже говорила, но спасибо за напоминание, непременно скажу еще раз. Я также посоветую ей отдохнуть денек. Вид у нее абсолютно измученный.

На экране Надин плачет в объятиях матери, а остальные встают. Похоже, они решили прерваться.

– Есть новости от криминалистов?

Галлахер кивает.

– На одном ноже с кухни Эпплфордов есть незначительные следы ДНК Саши. Что стыкуется с рассказом Надин, но, как сразу же укажет адвокат Патси, это также может подтвердить ее версию событий. А без орудия убийства будет очень трудно доказать, кто в действительности убил Сашу.

– Что нового про сотовый Патси? Есть какие-нибудь следы того видео, о котором говорила Надин?

– Телефон отправлен в лабораторию, вместе с ее компьютером. Подозреваю, видео, снятое Патси, давно удалено, но если нам повезет, стерла она его не настолько тщательно, чтобы нашим экспертам не удалось ничего найти.

Я качаю головой.

– А что, если никакого видео не было? Потому что все телефоны были выключены – это нам известно. Так что тут что-то не сходится.

Галлахер хмурится: очевидно, она об этом не подумала.

– А если она перевела телефон в режим полета?

– Такое возможно. Но эти девицы умные, особенно Патси. Она должна понимать, как трудно удалить что-то так, чтобы не осталось никаких следов. Особенно если имеешь дело с Интернетом.

– Значит, ты полагаешь, что Надин лжет?

– Нет, – говорю я. – Я думаю, Патси блефовала – она только делала вид, будто снимает Надин на видео, чтобы потом шантажом заставить ее молчать.

Галлахер вздыхает.

– А если никакого видео нет, адвокат Патси заявит, что это лишь еще одно доказательство того, что лжет именно Надин. – Она подсаживается ко мне. – Меня беспокоит вот что: даже если нам удастся доказать присутствие Патси и Изабель, те заявят, что, с их точки зрения, это был лишь очередной «прикол». Что они оставили Сашу живой и здоровой, а Надин, должно быть, окончательно спятила и убила ее. Патси уже громкогласно говорит всем и вся, что Надин психопатка.

Я киваю.

– А у Надин был гораздо более правдоподобный мотив. Даже несмотря на то, что в ее поддержку имеются показания Бразертон, будет крайне нелегко убедить присяжных в том, что эти девицы убили Сашу из-за такого пустяка. Особенно если они вроде как были ЛПН^[68].

– Удивлена, что ты знаком с этой аббревиатурой. – Галлахер снова поворачивается к экрану. Мать выводит Надин в дверь. – Нам нужно придумать, Адам, как помочь этой девочке, потому что в настоящий момент все против нее. И, как не перестает напоминать мне сержант Гислингхэм, эти девицы развели нас как дураков.

Стук в дверь, и появляется Бакстер.

– А, шеф, вот вы где... Я отослал эти отпечатки криминалистам, как вы просили, и попросил их поторопиться. Только что пришел ответ. Думаю, вам будет интересно взглянуть – похоже, вы были правы.

Когда за ним закрывается дверь, Галлахер оборачивается ко мне и вопросительно поднимает брови.

– Не желаешь поделиться?

* * *

Похоже, мне удастся освободиться пораньше – я оставлю ключи у консьержки, на тот случай если ты придешь раньше меня. Жду не дождусь встречи. Целую, Э

Замечательно – думаю, смогу вырваться примерно через час. Целую, Дж

* * *

Адам Фаули
11 апреля 2018 года
12:25

В оперативном штабе полно народу. Люди сидят на столах, жуют сэндвичи из кафе напротив. А впереди у доски стоит Бакстер.

– Итак, – спрашивает Галлахер, – что там у вас?

Бакстер оборачивается и указывает на увеличенное изображение автобусного билета Изабель Паркер.

– Инспектор Фаули попросил меня изучить его более внимательно, и, получается, его догадка была верной. На билете действительно два отпечатка пальцев.

Куинн хмурится.

– Разве не водитель выдает билеты? Второй принадлежит ему, верно?

Очевидно, он редко пользуется услугами общественного транспорта. Как будто это и так не было понятно.

– Билет вылезает прямым из автомата, – негромко произносит Асанти. – К нему прикасается только пассажир.

– Итак, одни отпечатки принадлежат Изабель Паркер, – начинает Галлахер. – А другие...

– Другие, – говорит Бакстер, – полностью соответствуют отпечаткам Лии Уэддел.

Но народ не понимает – по крайней мере, не сразу. Я вижу это по недоуменным лицам. Встаю и выхожу к доске.

– Так. Вот как, на мой взгляд, все произошло. В тот вечер Патси, Саша и Изабель покинули Саммертаун пешком, как и сказала Надин. Они встретились с той на тропинке и все вместе направились к реке. Одному богу известно, что они сказали Саше, чтобы убедить ее пойти с ними, но, как бы там ни было, она им поверила. Тем временем Лия Уэддел осталась в Саммертауне одна, дождалась автобуса, отходящего в двадцать один сорок три, и села на него. Вот этот билет – это *ее* билет.

– Но это же билет до Хедингтона, – говорит Эверетт, очевидно, все еще сбитая с толку.

– Верно. *Совершенно верно.* Лия купила билет до *Хедингтона*. Но только так далеко она не поехала. Сошла на следующей остановке и оттуда вернулась домой, придя, как нам известно, в двадцать два пятнадцать. А на следующий день в школе она передала билет Изабель, чтобы та в случае необходимости могла подтвердить свое алиби.

Куинн медленно выдыхает и качает головой.

– Изворотливые стервы!..

– Однако водитель автобуса *разговаривал* с Изабель, – настаивает Эверетт, по-прежнему ничего не понимая. – Он опознал ее. Не понимаю – она *должна* была ехать в том автобусе.

– И она в нем действительно ехала, – я киваю. – Патси от реки направились домой, но *Изабель* вернулась к дороге и там села на автобус до Хедингтона. На *тот самый* автобус, с которого Лия сошла всего несколько минут назад. Полагаю, Изабель, скорее всего, садясь в автобус, надела капюшон, чтобы водитель не обратил внимания на ее волосы, но затем сняла его. Ей обязательно было нужно, чтобы он ее запомнил.

– Твою мать, – вполголоса произносит Гислингхэм. – Пожалуйста, напомните мне об этом, когда я в следующий раз скажу, что хочу иметь дочь.

* * *

Квартира Сомер не располагает просторностью дома Сомареса. И обстановкой. И видом из окон. Гостиная крошечная, спальня всего одна, а в ванной даже нет окна. Однако Джайлса, похоже, это нисколько не волнует. Эрика никак не может решить эту загадку. Для человека, потратившего уйму денег и времени на то, чтобы сделать свое собственное жилище

именно таким, каким хочет, Джайлс обладает каким-то даром чувствовать себя непринужденно в любой обстановке. Как, например, в настоящий момент, развалившись на диване перед телевизором в гостиной у Сомер.

Увидев ее, Джайлс не выключает телевизор, но он встает, заключает ее в объятия и погружает лицо в ее волосы.

– Я по тебе соскучился, – говорит он.

– Мы не виделись всего несколько дней, – смеется Эрика, но эти дни были просто дерьмовыми, и она внезапно ловит себя на том, что вот-вот расплечется. Она жадно вдыхает в себя Джайлса – его тепло, запах морского воздуха, чистой кожи и свежевывстиранного белья. Ей вдруг приходит мысль, что, наверное, это и есть любовь. Быть может, это – именно это – она искала всю свою взрослую жизнь. Но просто этого не знала.

Освободившись от объятий, Сомер снимает куртку.

– Я пойду заварю чай, – говорит она, направляясь на кухню. – А потом приму душ. Ты ничего не хочешь?

– Нет, все в порядке.

Джайлс падает на диван и закидывает ноги на кофейный столик. Если бы так поступил любой из ее бывших кавалеров, Сомер вскипела бы в гнев. Но их отношения с Джайлсом еще в младенческом возрасте, не перестают напоминать себе она. Подобные вещи начинают действовать на нервы не раньше чем через полгода.

Джайлс смотрит передачу про преступность – кто бы удивился. Эрика узнает женщину, читающую текст за кадром. Богатый, выраженный американский акцент, который Сомер никак не может привязать географически. Западное побережье?

Когда она разливает чай по кружкам, у нее пищит телефон. Сообщение от Эв. Сомер ставит чайник и открывает сообщение.

– Блин! – говорит она. – Блин, блин, блин!

* * *

Адам Фаули

11 апреля 2018 года

13:35

– Ты все собрала?

– Господи, Адам, я жду не дождусь, когда вернусь домой... – Алекс

вздыхает. – Я не буду сильно переживать, если до конца жизни больше никогда не увижу картофельную запеканку.

Я беру с кровати ее пальто и протягиваю его ей. После столького времени, проведенного в постели, Алекс держится на ногах нетвердо. Когда я помогаю ей найти рукав, она заваливается на меня. От ее волос пахнет по-другому. Больничным шампунем.

– Кстати, я заказал на вечер курицу с жареной картошкой. Из французского заведения.

Это вызывает у нее улыбку. Курица с картошкой – слабость Алекс. Как и шардоне, которое она временно не может себе позволить.

Алекс берет свою сумочку и напоследок еще раз оглядывает палату.

– О'кей, приятель. Нам с тобой пора уносить ко всем чертям ноги из Додж-Сити^[69].

* * *

– Покажи мне еще раз это «мыло».

Сомер протягивает телефон Джайлсу и смотрит, как тот листает страницы.

– Мы думали, что они у нас в руках, – говорит она. – Фаули предположил, что это Лия купила билет на автобус, а потом передала его Изабель. И он был прав – на билете ее отпечатки. И все мы решили: ну вот, это неопровержимое доказательство.

– Вот только теперь Лия заявляет, что может объяснить, как ее «пальчики» попали на билет, – говорит Джайлс, возвращая ей телефон.

– Точно. Она говорит, что на следующий день в школе искала что-то в портфеле Изабель и, наверное, тогда и взяла в руку этот билет. Во что я не верю ни одной наносекунды.

Джайлс с сочувствием смотрит на нее.

– Вот только доказать это вы не можете. И в этом вся проблема.

– Нам уже и так предстоит непростая задача убедить присяжных. Защита позовет кучу свидетелей, которые подтвердят, какими хорошими подругами были Саша и остальные. И у каждого присяжного будет дочь, сестра или племянница, похожая на этих девиц. Как они смогут поверить в то, что такие милые с виду подростки оказались способны на столь жестокое преступление?

– Меня ты убедишь в этом без труда – такое случается гораздо чаще, чем ты думаешь. Взять хотя бы то жуткое дело в Штатах, когда две

шестнадцатилетние девицы изрезали ножами свою лучшую подругу просто потому, что та им «больше не нравилась».

Сомер обнимает себя за плечи.

– У меня это просто из головы не выходит, Джайлс. Я имею в виду Сашу – как она в какой-то момент вдруг поняла, что они не остановятся, что ее *лучшие подруги* собираются ее убить... Ты только представь – только представь такое!

Джайлс кладет руку ей на плечо.

– Ты делаешь все, что в твоих силах.

– Но что, если этого недостаточно? Что, если нам даже не удастся убедить прокуратуру взяться за это дело? Потому что в настоящий момент у меня такое ощущение, будто у нас нет никакой надежды. И в конечном счете всех собак спустят на беднягу Надин. А все это время злобная тварь Патси ластилась к матери Саши, жрала ее еду, спала в Сашиной кровати – и бедная женщина даже не догадывалась...

– Так, постой-ка, – Сомарес пристально смотрит на нее, – повтори это еще раз.

– После исчезновения Саши Патси практически безотлучно находилась у нее дома. Мы полагали, она просто хотела хоть как-то утешить Фиону, поддержать ее, – но теперь, разумеется, все выглядит совсем иначе... – Сомер умолкает. Джайлс достал телефон и тычет пальцем в экран. – Ты что?

Он показывает ей телефон.

– Это было в конце девяностых, в Лос-Анджелесе. Дело Мишель Авилы. Ты с ним знакома?

Сомер читает то, что на экране, и поднимает взгляд на Сомареса. Краска схлынула с ее лица.

– Это же...

Он кивает.

– Две подруги Авилы забили ее до смерти просто потому, что та была более привлекательной и пользовалась успехом у парней. И все то время, пока полиция искала преступника, одна из убийц находилась у нее дома, «утешала» мать. И им также это едва не сошло с рук.

Эрика широко раскрывает глаза.

– Ты хочешь сказать, Патси и ее подруги могли *знать* об этом деле? Что они *повторили* его?

– Такая возможность существует.

Сомер берет свой телефон.

– Я попрошу Бакстера проверить их телефоны и компьютеры...

Но Сомарес качает головой.

– Эрика, Патси слишком умна, чтобы совершить такую оплошность. То же самое относится и к школьным компьютерам – там ведется журнал того, что дети ищут в Интернете.

– Только не говори, что это снова тупик, – удрученно вздыхает Эрика.

– Нет, необязательно. Такую информацию можно узнать не только в Сети. Ты говорила, что Патси и ее подруги подкованы насчет криминалистики, глобальной навигации и прочего? Ну, возможно, не я один смотрю криминальные передачи по телевизору...

Он умолкает и снова смотрит на свой телефон, теперь хмурясь.

– Что – в чем дело?

– Я тут подумал, а что, если дело Авилы не единственное, которое прилежно вызубрила Патси? – Он смотрит на нее. – Кажется, Фаули говорил, что это может быть подражатель?

Сомер молча кивает.

Сомарес снова протягивает ей свой телефон.

– Ну, глядя вот на это, я прихожу к выводу, что он, возможно, прав.

* * *

Голосовая почта

Констебль Эндрю Бакстер

Мобильный телефон

Расшифровка

«Получил твое сообщение – встречаемся на месте. И я снова перепроверил все телефоны и компьютеры: на них ничего нет, но, как ты сказала, это неудивительно. Да, не знаю, сказала ли ты что-нибудь Галлахер, но я ей ничего не говорил. Наверное, лучше сначала посмотреть, что у нас получится. До встречи».

0.23

-0.07

Динамик

Перезвонить

Удалить

* * *

Бакстер не узнает его – по крайней мере, не сразу. Однако он довольно быстро соображает, что это, скорее всего, новый кавалер Сомер. Бакстер вспоминает язвительные замечания Гиса насчет Сомареса, когда Эрика только начала с ним встречаться. Достаточно только раз взглянуть на него, чтобы понять, в чем дело. И к тому же он детектив-инспектор. Да, кому-то везет по полной...

Бакстер открывает дверь и выходит из машины, Сомер идет к нему навстречу, ее кавалер следует за ней в паре шагов.

– Это Джайлс, – представляет она. – Он мне здорово помог.

Сомарес улыбается и протягивает руку.

– Рад с вами познакомиться. Эрика много о вас рассказывала. Она говорит, что вы компьютерный гений.

– Джайлс также смылит в компьютерах, – поспешно говорит Сомер.

Бакстер внимательно разглядывает ее – щеки у нее горят, и он еще никогда не видел ее такой дерганой, такой усердной. Как будто Эрика представляет Сомареса своему отцу, а не просто товарищу по работе.

– Вот как? – мрачно говорит Бакстер, поворачиваясь к Сомаресу. – Кибербезопасность, да?

Сомарес снова улыбается. Улыбка его чистая, без сарказма. Сомер должна отдать ему должное: он просто поразительно сдержан.

– Нет, обыкновенный «фараон» с улицы.

Сомер переводит взгляд с него на Бакстера.

– Итак, мы готовы идти?

* * *

Адам Фаули

11 апреля 2018 года

15:15

– Ты сегодня вообще не собираешься идти на работу? – спрашивает Алекс, когда я ставлю на прикроватный столик кружку с зеленым чаем.

– Я уже внес свою лепту, – я качаю головой. – А пока что собираюсь потратить небольшой кусочек из причитающегося мне времени и побаловать тебя.

У нее дрожат губы, я вижу, что она вот-вот расплчется.

– Так, – говорю я, подсаживаясь к ней на кровать, – эта перспектива не такая уж и ужасная, правда?

Но я не могу заставить ее улыбнуться.

– Мне нужно поговорить с тобой, – дрогнувшим голосом шепчет Алекс. – Я должна была сделать это раньше – я это прекрасно понимаю. Но все никак не удавалось выбрать подходящий момент. – Слезы текут по щекам. – А потом все пошло наперекосяк, и я решила, что *не смогу* тебе признаться. Решила, что так только станет в десять раз хуже.

Я беру ее руку и тихо спрашиваю:

– Ты насчет суда, да? Насчет своих показаний в суде?

Она удивленно смотрит на меня.

– Но откуда...

– Я все знаю. Алекс, дорогая, я все знаю.

* * *

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУД

Олд-Бейли
Лондон EC4M 7EN

Судья Верховного суда
Досточтимый мистер Хили

К О Р О Н А
против
Гэвина Фрэнсиса Пэрри

Мистер Р. Барнс, королевский адвокат, и мисс С. Грей
представляют обвинение

Миссис Б. Дженкинс, королевский адвокат, и мистер Т.
Катберт
представляют защиту обвиняемого

Расшифровка стенограммы, выполненной
компанией «Чапмен Дэвисон»,
официально уполномоченной для работы
на судебных заседаниях

Вторник, 16 ноября 1999 года
(23-й день)

АЛЕКСАНДРА ШЕЛДОН, вызванная повторно
Вопросы задает МИССИС ДЖЕНКИНС

В.: Мисс Шелдон, я хотела бы задать вам еще кое-какие вопросы, если вы ничего не имеете против, относительно событий, случившихся 3 января сего года. Я прошу прощения за то, что вынуждена снова втягивать вас во все это, но, как вы должны понимать, речь идет об основополагающем факторе позиции обвинения. Можно сказать, пожалуй, единственном серьезном факторе. И вы как юрист-стажер должны это понимать.

МИСТЕР БАРНС: Ваша честь, если позволите вмешаться, нельзя требовать от свидетельницы комментариев по таким вопросам.

ДОСТОЧТИМЫЙ ХИЛИ: Миссис Дженкинс, пожалуйста, продолжайте.

МИССИС ДЖЕНКИНС: Благодарю вас, ваша честь. Итак, мисс Шелдон, вы по-прежнему настаиваете на том, что в тот день не заходили в гараж мистера Пэрри, не так ли?

О.: Совершенно верно.

В.: Вы не подергали дверь до прибытия полиции, просто чтобы убедиться в том, что она заперта?

О.: Нет.

В.: На самом деле, как мы уже установили, дверь действительно была заперта, однако мистер Пэрри хранил запасный ключ над притолокой – и случайный свидетель мог видеть, как в тот день он доставал этот ключ, чтобы открыть дверь.

О.: Я уже сказала, что не заходила внутрь. В противном случае мои отпечатки были бы на дверной ручке. И на ключе.

В.: Необязательно, мисс Шелдон. Их не было бы, если бы вы были в перчатках. А согласно метеорологической сводке, день 3 января выдался ясным, но очень холодным – температура едва поднималась до шести градусов.

О.: Я была без перчаток.

В.: Значит, вы не заходили в гараж и ничего не оставили внутри?

О.: Я уже вам говорила.

В.: Например, прядь своих волос? Которую впоследствии обнаружила полиция?

О.: Нет, как я уже говорила. И я остригла волосы за несколько недель до того. Откуда у меня могла взяться такая длинная прядь?

В.: Может быть, лежала у вас в сумочке? Или осталась на щетке для волос?

О.: А вы сами как часто чистите щетку для волос?

В.: Это не имеет отношения к делу...

О.: Я чищу свою раз в несколько дней. Как и большинство женщин. Нападение произошло четыремя месяцами раньше.

МИСТЕР БАРНС: Ваша честь, если позволите, мы уже услышали показания полицейского эксперта-криминалиста о том, что волосы, извлеченные из щетки, были бы спутаны в комок, а не оставались бы длинной «ровной» прядью, которая была обнаружена в гараже.

МИССИС ДЖЕНКИНС: И один последний вопрос, мисс Шелдон. Суд уже выслушал, что вы никогда не встречались с детективом-сержантом Фаули до вечера 4 сентября 1998 года, когда на вас было совершено нападение. Это так?

О.: Да, это действительно так.

МИССИС ДЖЕНКИНС: У меня больше нет вопросов, ваша честь.

* * *

Дверь открывает мужчина. Волосы у него влажные, пояс обмотан полотенцем, другое полотенце он держит в руке.

– Кто вы такие, черт возьми?

– Детектив-констебль Эрика Сомер, Управление полиции долины Темзы, и детектив-констебль Эндрю Бакстер. А это детектив-инспектор Джайлс Сомарес. Миссис Уэбб дома?

Мужчина придиричиво разглядывает полицейских.

– Нет. Ушла в магазин, купить что-нибудь для Патси. Чтобы «взбодрить» ее, эту избалованную тварь.

Его презрение буквально осязаемо. Когда Сомер приходила сюда в предыдущий раз, у нее мелькнула мысль: возможно, этот мужчина жестоко обращался с дочерью Денизы Уэбб. Настолько сильная, что она проверила

его местонахождение в ночь гибели Саши. Однако в тот день он был совершенно в другом месте.

– Мы можем войти?

– Что все это значит? Опять насчет этой девчонки Блейк?

– Мистер Райли, вы были знакомы с Сашей?

Если он и удивлен тем, что ей известно, как его зовут, то не показывает этого.

– Да, мы встречались два-три раза. Милая девочка. Тихая. Вежливая. Никогда не мог взять в толк, что она нашла в этой долбаной Патси.

Он отступает назад, и трое полицейских гуськом заходят в прихожую. На полу у лестницы ящик с инструментом, через перила перекинута рабочая куртка.

– Вы ведь строитель, мистер Райли, не так ли?

Он ухмыляется.

– Твою мать, а вы действительно сыщик!

– Вы знакомы с неким Эшли Бразертоном?

Он удивленно вздрагивает, на лице у него появляется тревога.

– Да. Пару раз работали вместе. А что?

– Вы знаете, что Патси встречалась с ним?

– «Встречалась» в смысле трахалась? Да, я думал, что у них что-то есть. Я как-то видел их вместе.

«Господи, – думает Сомер, – если бы нам раньше пришло в голову поговорить с этим кретином...»

– Матери ее вы ничего не сказали? Ей же всего *пятнадцать*...

Губы Райли скривляются в отвратительной усмешке.

– И что с того, твою мать? В любом случае Ден ясно дала понять, что Патси – ее забота, не моя. Поэтому что до меня, так мне *абсолютно* по барабану, чем занимается эта стерва.

Он вытирает голову. На одном плече у него татуировка, извивающаяся змея – как вдруг отмечает Сомер, такая же, как у Денизы Уэбб.

– Разве вы недавно не делали обыск у Патси? – говорит Райли. – Ден сказала, приходили ваши ребята и забрали ее компьютер.

Сомерес делает шаг вперед.

– Мистер Райли, у Патси в комнате есть телевизор?

– Нет, – Райли хмурится. – Только здесь, в гостиной.

– И какой у вас провайдер? «Скай»? «Верджин»?

– «Скай», – отвечает Райли. – Из-за спортивных каналов. – Он смотрит на Сомер, затем на мужчин. – Так вы ради этого пришли? Чтобы посмотреть *телик*?

– Если вы не возражаете, – говорит Сомер.

Он снова усмехается.

– Валяйте – делайте что хотите. Если вы обнаружите какие-нибудь улики, обличающие эту маленькую дрянь, то окажете мне огромную услугу. А я тем временем поднимусь наверх.

* * *

28 августа 1998 года, 22:45

Ночной клуб «Кубла», Хай-стрит, Оксфорд

В баре многолюдно. Вечер пятницы, все на взводе. Все, кроме молодого темноволосого мужчины, сидящего за стойкой, перед которым вот уже больше часа выдыхается одна и та же кружка пива. Он не был один все это время – лишь несколько минут назад ушел его приятель; однако обсуждали они, похоже, что-то серьезное, поскольку мужчина почти не улыбался. Но теперь, после ухода приятеля, развернулся на табурете, чтобы видеть то, что происходит в баре. Он хорошо владеет этим искусством – наблюдать за людьми, оценивать их. Тут и там парочки – кто сидит за столиками, кто танцует. Одна пара, ссорившаяся на протяжении всего вечера, сейчас на грани крупного скандала; другая делает робкие шаги первого свидания. Группа подростков, которые крепко сжимают горлышки бутылок с пивом и смеются чересчур громко. А вот группа молодых женщин в дальнем углу, устроили девичник. Не подростки – всем им уже за двадцать. И никаких помпезных нарядов – атласные сердечки, диадемы и воздушные шарики, привязанные к спинке стула будущей невесты. Впрочем, мужчина понял бы и без этого: на ней розовая заколка для волос, на которой большими блестящими стразами выложено слово «ЗАНЯТА»; девушка несколько раз уже порывалась снять украшение, но подружки останавливали ее.

У стойки распорядительница девичника заказывает коктейли для всех и нечто в бокале в форме тюльпана, включающее в себя вишенку на палочке и бенгальский огонь. Очевидно, это предназначается для будущей невесты, та замечает происходящее и поднимается на ноги. Молодой мужчина у стойки не

единственный, кто обращает на нее внимание: трудно не заметить длинные темные волосы, красные туфли на шпильках, о которых она, вероятно, уже сожалеет, и фиолетово-голубые глаза.

На вид она не пьяна, в отличие от кое-кого из своих спутниц, но молодой мужчина предполагает, что вино тем не менее возымело свое действие. Она подходит к стойке, избежав несколько попыток пригласить ее на танец, и садится на табурет рядом со своей подругой. Теперь она всего в шести шагах от него.

Она указывает на бокал в форме тюльпана.

– Если ты думаешь, что я стану пить такое, ты глубоко ошибаешься.

Раздражение в ее голосе едва заметное – молодой мужчина ожидал услышать нечто большее.

Она смотрит на свою подругу, затем переводит взгляд на бармена.

– Она что, собирается меня напоить? Собирается меня напоить, да? Чтобы я выкинула какую-нибудь глупость вроде танца на столе без трусиков?

Бармен ухмыляется и пожимает плечами. Это грузный, коренастый мужчина.

– То, что происходит на девичнике, не выходит за стены заведения.

Она громко смеется, затем снова поворачивается к подруге.

– Хло, вы ведь не пригласили стриптизершу, да? Черт возьми, успокой меня, вы ведь не пригласили стриптизершу?

Хло широко раскрывает глаза, выражая благородное негодование: что, мы?

Молодая женщина, прищурившись, смотрит на нее.

– Ну да, точно. Ладно, скажем так: я буду держаться подальше от всех.

Она протягивает руку к бокалу в форме тюльпана и вытаскивает из него бенгальский огонь, после чего торжественно вручает его подруге. Все это чересчур театрально. Словно она чувствует, что на нее смотрят. Впрочем, она прекрасно все понимает.

Она берет бокал и отпивает глоток.

– На самом деле, не так уж и плохо.

Подруга улыбается и показывает бармену большой палец.

– Отлично сработано, Джерри!

– Хотя все равно не надейтесь, что я это выпью.

Подруга довольно неуклюже сползает с табурета.

– Я отнесу коктейли девочкам. Эми лихорадочно подает мне сигналы бедствия.

Оставшись одна, женщина поднимает руку к заколке для волос, чтобы снять ее. Но заколка запуталась в волосах. Молодой мужчина вынужден сделать над собой усилие, чтобы не предложить свою помощь. Наконец женщина выдергивает заколку, убирает ее в сумочку и проводит рукой по голове.

Должно быть, краем глаза она заметила молодого мужчину со стаканом, потому что поворачивается к нему. Вспыхнув, улыбается, несколько смущенно.

– Проклятая штуковина – от нее весь вечер болела голова...

От столика с ее подругами доносится взрыв хохота, и Хло нетвердой походкой направляется назад к стойке.

– Извините, если мы ведем себя слишком шумно, – говорит невеста. – Всему виной наша работа. Господь судил нам служить в юридической фирме. На работе нам и улыбнуться нельзя.

– Вы адвокат? – спрашивает молодой мужчина.

Она смотрит ему в лицо, затем отпивает еще глоток. Глаза у нее очень яркие.

– Нет, пока что только секретарь по юридическим вопросам. Очень, очень, очень скучная работа. А вы чем занимаетесь?

– Я? О, я просто госслужащий. Тоже скучная работа.

Женщина смеется и приветственно поднимает бокал.

– Да погрузится весь мир в скуку!

Подошедшая Хло обнимает подругу за плечо. Она определенно с трудом держится на ногах.

– Санди, ну ты идешь? Девочки хотят перебраться куда-нибудь в другое место.

– Минуточку. Где именно госслужащий?

Мужчина колеблется, возможно, в его работе есть что-то такое, о чем он предпочел бы не распространяться.

– В муниципальном совете. В отделе строительства.

Ее губы изгибаются в улыбке.

– Понятно. Значит, это к вам нужно будет обратиться, если я захочу пристроить к своему дому террасу?

Хло давится смехом.

– О господи! Не могу поверить, что ты сказала такое!

Невеста тоже улыбается, но игриво, словно подшучивая над мужчиной. Словно она раскусила его ложь.

– Знакомство с вами может пригодиться, мистер «из отдела строительства». У вас есть визитная карточка?

Его черед покраснеть.

– К сожалению, нет.

Ее улыбка становится шире, и она берет салфетку.

– Но телефон-то у вас точно есть, уверена, – говорит женщина. – Телефон есть даже у очень скучных людей. Можете его записать. На всякий случай.

Хло смотрит на подругу, выпучив глаза. Молодой мужчина достает ручку и записывает свой телефон.

Женщина берет салфетку, смотрит на нее, затем переводит взгляд на мужчину.

– Адам Фаули, – тихо говорит она. – Для человека скучного имя у вас определенно интересное.

* * *

– В записях ничего нет, – говорит Сомарес, уставившись на телевизор, огромный, с плоским экраном, в углу гостиной. Экран настолько огромный, что трудно отойти от него на достаточное расстояние, чтобы сфокусировать взгляд. – Но давайте взглянем на то, что было удалено. Возможно, нам повезет – мало кто знает, что на этих штуковинах стирать нужно дважды.

Он начинает прокручивать список: «Футбольный понедельник», «Бокс в прямом эфире».

– Все в порядке? Просто мне нужно идти.

Это Райли, стоит в дверях. Он оделся, через плечо перекинута кожаная куртка.

– Да, мистер Райли, спасибо. Нам осталось еще совсем чуть-чуть.

– А это что еще такое? – спрашивает Райли, подходя к телевизору.

Сомарес перестал листать список, он внимательно смотрит на экран.

– Да так, просто хотим кое-что проверить, – поспешно говорит Сомер, слегка смущенная.

– Патси обожает этот вздор, – говорит Райли, указывая на список. – Смотрит его постоянно, твою мать. «Блеф-клуб», «Идеальное убийство», «Первые сорок восемь часов». Я как-то спросил у нее, зачем она тратит время на такое дерьмо, а она просто смерила меня презрительным взглядом

и сказала: «Изучаю». – Увидев лица полицейских, он смеется. – Ну да, серьезно, *так она и сказала*. Я спросил у нее, она что, собирается меня убить, а она просто как-то странно улыбнулась. У меня мурашки по спине пробежали, точно вам говорю. – Райли накидывает куртку на плечи. – Конечно, когда Ден сказала мне, что вы допрашиваете Патси по делу Саши Блейк, я чуть в штаны не наделал. Я хочу сказать – такое не придумаете. Это долбаное шоу она смотрела всего два дня назад.

– Я не совсем вас понимаю, – Сомер хмурится. – Какое шоу?

Сомарес поворачивается к ней.

– Я знаю, что он имел в виду, – тихо говорит он. – Оно называлось «Я убила ЛПН».

* * *

Адам Фаули

11 апреля 2018 года

15:40

Я вижу это, вижу в мыслях. Краски слишком яркие, фокусировка слишком резкая, как это бывает во сне – или в бреду. В тот день я поставил машину перед кооперативным продуктовым магазином. Из переполненного бака вываливается мусор, на краю сидит сорока, держа в клюве что-то розовое и блестящее, сверкающее в лучах зимнего солнца. Еще тогда мне показалось, что я узнал этот предмет. Помню, я замедлил шаг, всего на какое-то мгновение; помню, удивился совпадению, если это действительно было то, что я подумал. Но я не сопоставил одно с другим – только не в тот момент. Ни в тот момент, ни через пять минут, когда вошел внутрь, увидел ее и понял, что она остригла волосы.

Ну а потом, спросите вы, когда криминалисты нашли то, что нашли? Если б они обратились ко мне, если б показали, *что* в пакете для улик, понял бы я, в чем дело?

Да. Без вопросов.

И что бы я сказал? Что бы сделал? Поступил бы я иначе?

Думаю, да, но, если честно, не знаю. До сих пор не знаю, даже сейчас. Потому что мы знали, что это он. Я знал, что это он. И только так мы могли заставить его заплатить за содеянное.

Но все это чисто гипотетические рассуждения, потому что криминалисты обратились не ко мне. Они обратились к Осборну, и тот

сразу же понял, что у них в руках и какое это имеет значение, а к тому моменту, как об этом сообщили мне, было уже очень поздно, слишком поздно.

* * *

Когда Галлахер поднимает взгляд и видит Сомер, первая ее реакция – нахмуриться.

– Разве у вас сегодня не выходной?

Но затем она замечает стоящего за ней мужчину, и у нее мелькает рассеянная мысль, что это тот самый приятель, о котором все говорят, однако тут Сомер протягивает ей свой телефон, и выражение ее лица красноречивее любых слов.

Галлахер смотрит на экран телефона, затем поднимает взгляд и недоуменно морщит лоб.

– Прошу прощения, я не понимаю – что это такое?

– Это с телевизора в доме Патси Уэбб. Программа, которую она смотрела шесть месяцев назад – которую, как она думала, она стерла. Вот почему эти девицы вырвали Саше волосы, вот почему то же самое они сделали и с Фейт. Им было прекрасно известно про Придорожного Насильника. Они хотели, чтобы мы думали, будто он вернулся, – хотели, чтобы мы полностью сосредоточились на нем и больше нигде не искали.

РЕАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТВ

Новинка: Отъявленные душегубы Британии

1 час 3 мин HD

® † Записать, пн, 23:00

Придорожный Насильник: корреспондент «Реальных преступлений» Уолтер Селник подробно изучает дело Гэвина Пэрри, в 1999 году осужденного в Великобритании за семь жестоких преступлений на сексуальной почве. Что, если настоящий преступник до сих пор на свободе? (3 сезон, 8 серия)

* * *

Адам Фаули
11 апреля 2018 года
15:45

– Ты знал про заколку.

Алекс смотрит на меня, лицо у нее бледное как полотно.

– Я вспомнил, что она была на тебе. Что она запуталась в волосах. Вспомнил, как ты засунула ее в боковой кармашек своей сумки. Я потом думал, как легко было бы забыть о ней – могли пройти недели, прежде чем ты о ней вспомнила... Даже месяцы.

– Почему ты ничего не сказал?

– Знать наверняка было невозможно. – Однако по правде, я не хотел спрашивать – не хотел видеть лицо Алекс, когда она будет решать, солгать ли ей. Потому что к тому времени уже любил ее. – И, как ты сама сказала, чем дальше, тем труднее было признаться.

– Тебя могли бы выгнать с работы.

Я беру ее за руку.

– Знаю.

Наступает тишина.

– Я жутко боялась, – начинает Алекс, – на протяжении всего процесса. Я думала, что бармен из «Кублы» вспомнит, что в тот вечер мы оба были там... и выяснится, что я солгала.

Я ничего не говорю. Не говорю, что встретился с барменом. И разрешил эту проблему – рассказал ему о той девушке из Манчестера, которая подверглась нападению со стороны Пэрри, объяснил, что тому снова все сойдет с рук, потому что мы не сможем сослаться на это в суде, а больше у нас практически ничего не было. Этот человек отслужил в армии – он все понял. Но Алекс не нужно знать об этом. Только не сейчас.

– Это был он, – выдыхает она голосом чуть громче шепота. – Пэрри. Я знала, что это он. Я бы ни за что... – Судорожно переводит дыхание и заставляет себя продолжить, мне в глаза она не смотрит: – Я бы ни за что так не поступила, если б не была уверена. Абсолютно уверена.

– Знаю.

Алекс поднимает на меня взгляд.

– Ты понимаешь, да? Почему я так поступила? Я должна была его остановить. Газеты писали, что никаких следов ДНК нигде нет – что он слишком хитер и нигде не оставлял никаких следов. Та бедняжка, покончившая с собой, – она ведь была еще *ребенком*. И тут я оказываюсь в той очереди и понимаю, что это тот же самый запах, а он просто стоял за

мною, как *самый обычный человек*, но я поняла, я просто *поняла*, что это он, и я подумала: вот мой шанс... вот мой шанс заставить его заплатить...

Я крепче сжимаю ей руку. Пальцы у нее ледяные.

– Я думала, что все осталось в прошлом... что все кончено, Пэрри получил по заслугам, и с годами мне удалось убедить себя, что я поступила правильно. Что на моем месте любой здравомыслящий человек сделал бы то же самое. И тут вдруг ты сказал мне, что Пэрри, возможно, выйдет по УДО... окажется на свободе... и все началось снова. Я думала, что тебя выгонят с работы... все это всплывет, а виновата одна я, и я... я...

Алекс всхлипывает. Я заключаю ее в объятия и целую в волосы.

– Ну, с работы меня не выгнали и не выгонят. Все кончено – это правда. Все будет хорошо. Ты, я, наш ребенок. Только это и имеет значение. И я обещаю тебе, что никто – *никто* не сможет у нас это отнять!

* * *

Фиона Блейк просыпается от звонка в дверь. Она вслепую шарит в поисках будильника – 7:35. Проспала меньше часа. Веки ее словно облеплены мокрой грязью, а конечности тяжелые, но податливые, будто незастывший цемент.

Они – женщины-полицейские – обещали, что сделают все возможное, чтобы оградить ее от журналистов, и все же, наверное, ей лучше куда-нибудь уехать, пожить у кого-нибудь. Но Фиона им ничего не сказала. Она никуда не хочет ехать, никого не хочет видеть. Она просто хочет, чтобы ее оставили в покое. Чтобы *они* оставили ее в покое. В конце концов ей даже стало их жалко, когда она наконец выпроводила их из дома. Особенно ту, которая привлекательная. Сомер, кажется, так. Похоже, она искренне переживала. Как будто знала Сашу – как будто могла понять, на что это похоже, понять...

В дверь снова звонят. Фиона трет лицо, чувствуя пальцами грубую, сухую кожу. Она берет халат – тот самый, в котором ходит уже несколько дней. Даже она понимает, что от него пахнет.

Фиона не смеет взглянуть на себя в зеркало в прихожей, но ей все равно. Если за дверью эти треклятые журналисты – пусть видят ее такой. Пусть видят, как она выглядит – каково потерять свою единственную дочь.

Но это не журналисты. Это Виктория Паркер. В руке у нее букет цветов. Лилии. Такие же, как те, что принесла ее дочь. От них исходит сильный аромат. Фиона внезапно чувствует тошноту.

– Миссис Блейк... я хочу сказать, Фиона, – начинает Виктория, с трудом вытаскивая свой голос из глотки. Лицо у нее бледное, осунувшееся. – Я не знала, как быть. Все это так ужасно... я просто не могу взять в толк... они же были подругами... такими замечательными подругами...

Виктория судорожно переводит дыхание. Лилии она стискивает с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Какой-то крохотный участок отмершего мозга Фионы замечает пятнышко оранжевой пылицы на бежевом пиджаке Виктории. «Она ее не отстирает», – рассеянно думает она. Есть вещи, которые невозможно исправить.

– Простите... – говорит Виктория. Она моргает – слишком быстро. Стараясь прогнать слезы, к которым, она понимает, у Фионы Блейк не будет сочувствия. – Простите... простите ради бога...

Фиона долго-долго смотрит на нее, затем медленно, молча закрывает дверь.

* * *

**«Дейли телеграф»
13 февраля 2019 года**

***ОКСФОРДСКИЕ ПОДРОСТКИ ПРИЗНАНЫ ВИНОВНЫМИ
В ЖЕСТОКОМ И БЕСЧЕЛОВЕЧНОМ УБИЙСТВЕ***

Лица Гривз

Сегодня Королевский суд Оксфорда вынес решение по обвинению четырех девушек-подростков в убийстве Саши Блейк, пятнадцатилетней девушки из Марстона. После процесса, продолжавшегося восемь недель, Патси Уэбб и Изабель Паркер были признаны виновными в убийстве, а Лия Уэддел – в соучастии в убийстве. Четвертая девушка, имя которой нельзя раскрыть по юридическим причинам, была признана виновной в нанесении телесных повреждений. Всем четверым на момент совершения преступления было по пятнадцать лет.

Суд установил, что Уэбб и Паркер планировали убийство на

протяжении нескольких недель, изучая схожие преступления и сосредоточившись на деле осужденного в 1999 году Гэвина Пэрри, так называемого Придорожного Насильника. Представитель обвинения королевский адвокат Николас Фокс указал на то, что некоторые детали жестокого и бесчеловечного убийства Саши Блейк сознательно были подстроены так, чтобы полиция решила, что имеет дело с подражателем серийному насильнику. Девушки дошли даже до того, что совершили практически идентичное нападение на другую молодую женщину за несколько дней до убийства, чтобы придать вес своему обману.

3 апреля 2018 года Уэбб и Паркер заманили Сашу Блейк в заросли неподалеку от Марстон-Ферри-роуд, Оксфорд, где подвергли ее жестокому избиению, приведшему к смерти. Присяжные узнали о том, как Уэбб прониклась лютой иррациональной ненавистью к Блейк, несмотря на то что они дружили с раннего детства. Уэбб также вообразила, что ее приятель Эшли Бразертон хотел завершить их отношения и переключиться на Блейк. Бразертон дал показания в суде, рассказав о вспыльчивом характере Уэбб и описав многочисленные угрозы, которые она делала ему в связи с его предполагаемым увлечением Блейк. Мистер Фокс рассказал присяжным, что Уэбб остановилась на деле Придорожного Насильника не только потому, что те преступления происходили в окрестностях Оксфорда, но и потому, что мистер Бразертон работал штукатуром, и она знала, что следы цементной пыли, попавшие из его фургона на место преступления, лишь укрепят уверенность полиции в том, что нападения связаны с делом Пэрри. Несколько свидетелей подтвердили интерес Уэбб к телевизионным программам, посвященным реальным уголовным делам и полицейскому расследованию.

На допросах Лия Уэддел расплакалась и заявила, что ее «запугали и заставили» участвовать в преступлении, а Уэбб и Паркер вели себя «нагло»: «Я просто не могла отказаться – я испугалась, что они и со мной сделают то же самое». После убийства Саши Блейк Уэбб приложила все силы, чтобы отвести подозрения от себя и Паркер, в том числе подбросила презервативы в дом жертвы, чтобы убедить следователей в том, будто у той был возлюбленный. Случайно услышав, как сотрудник криминального отдела полиции говорит миссис Блейк,

что смерть ее дочери никак не связана с делом Пэрри, Уэбб тотчас же предложила другого подозреваемого. Полиция изучала его действия, но впоследствии сняла все подозрения в причастности к преступлению.

Приговор всем четверем девушкам будет вынесен в следующем месяце. Уэбб, Паркер и Уэддел также будут предъявлены обвинения в причастности к предыдущему нападению.

тыдолжнаиметь

Подписаться

745 постов 267000 подписчиков 629 подписок

Ф Е Й Т

Мода | Красота | Стиль

Делюсь увлечением, учусь любить себя

Выложено 16 февраля 2019 года, 10:27

(Крупным планом лицо, обращено к камере).

Всем привет! Девочки, сегодня утром до меня вдруг дошло, что вот уже шесть месяцев, как я разделяю с вами свое путешествие. У меня не было мужества, чтобы говорить об этом, когда я только начинала свой видеоблог, и, наверное, я так и не решилась бы, если б не моя потрясающая подруга Джесс и моя поразительная мама, которой самой в последнее время пришлось очень нелегко, но она всегда была рядом со мной и любила меня такой, какая я есть. Я сейчас говорю эмоционально, потому что последние несколько месяцев получились тяжелыми, но я просто от всего сердца хочу поблагодарить их обеих.

И еще я хочу поблагодарить вас, поскольку с прошлого лета получила сотни и сотни новых подписчиков. И я получаю от вас потрясающую поддержку – как от тех, кто разделяет мое увлечение модой, так и от девушек-транс, подписанных на меня. Я люблю вас всех и я ТАК счастлива, что мой личный опыт помогает другим чувствовать себя такими же красивыми внешне,

какие они красивые внутри.

(Приглашает кого-то в кадр; появляется Джесс, улыбается и машет рукой. Она держит торт со свечками.)

Итак, на сегодня это все. Получилось чуть короче, чем обычно, но сегодня у Джесс день рождения, и у нас уже накрыт праздничный стол – вау!

С вами была Фейт. Как всегда, заканчиваю тем же пожеланием: выглядите хорошо, будьте добрыми и любите себя такими, какие вы есть.

Эпилог

Тюрьма Уэндсуорт

23 мая 2018 года

Машина ждет его за воротами. Его мать. Он не хотел никакой шумихи, черт возьми, и уж определенно никаких долбанных детей. Что касается прессы, для этого еще будет достаточно времени. Адвокат сказал, что они толпятся перед его домом. Вопрос только в том, сколько денег они готовы заплатить. Такой рассказ – это же чистая золотая жила.

Мать выходит из машины. Из того же самого сраного «Фиата». Вот еще один вопрос, которым нужно будет заняться.

– Как ты? – спрашивает мать, когда он подходит к ней.

Начинается дождь. У нее на плаще появляются пятна от капель.

– Садись в машину, мама, – говорит он. – Незачем мокнуть.

Она не обнимает его. Просто смотрит ему в лицо и протягивает ключи.

– Я подумала, ты захочешь сесть за руль сам.

Он улыбается.

– Ага, – говорит он. – Почему бы и нет? Вернуться в струю и все такое...

Он садится в машину, затем наклоняется и открывает дверь матери. В салоне чувствуется запах ее дешевого курева, плохо заглушенный ароматом искусственной хвои. Освежитель стоит на приборной панели. Ему хочется блевануть. Долгие годы за решеткой обострили обоняние.

Мать закрывает за собой дверь и поворачивается к нему.

– Ну?

– Я не допущу, чтобы это сошло им с рук, ты знаешь.

Он ждет, что мать скажет ему оставить все в прошлом. И двигаться дальше. Но она молчит.

– Этот долбанный «фараон»! – говорит он. – И его стерва-жена! Они меня подставили – ты же это понимаешь, да?

Мать смотрит на него, затем кивает.

– Давай поедем, хорошо? Вернемся домой. У тебя еще будет время обо всем подумать.

Но он еще не закончил.

– Я знаю, мама, что никаких волос в этом долбаном шкафу не было! Их подбросила туда эта гребаная сучка. Подбросила, чтобы меня

подставить!

Мать вздыхает. Все это она уже слышала: он твердил одно и то же вот уже без малого двадцать лет.

– Я совершенно серьезно. Подождите, сволочи, – вы у меня дорого заплатите!

Они заплатят за все эти долгие годы за решеткой.

Заплатят за то, что он не видел, как вырастут его дети.

Заплатят в первую очередь за то, что его обыграли в его же собственной игре.

Он знает, что никаких волос в шкафчике не было, потому что он не настолько глуп, чтобы оставлять их там. Потому что знает, где хранить подобные сокровища. Потому что ему известны места, где полиции и в голову не придет искать.

И то, что он спрятал, столько лет назад, по-прежнему лежит там, дожидается его. Длинные золотисто-каштановые пряди, вырванные из головы у этой стервы. Светлые волосы Эммы. Рыжие волосы Элисон. Драгоценности, шелковые трусики и все остальное, что он забрал у этих девок. От одной только мысли об этом он ощущает приятный зуд в паху. Но всему свой черед. Спешить незачем. Только не сейчас. Благодаря Джослин Нейсмит, ее «Всей правде» и безмозглым адвокатам ему теперь принадлежит все время на свете.

Какое-то время он сидит, сжимая и разжимая кулаки, давая сердцу возможность немного успокоиться. После чего вставляет ключ в замок зажигания и заводит двигатель.

Благодарности

В «Команде Фаули» столько людей, которые помогли мне сделать эту книгу такой, какая она есть!

Во-первых, мои коллеги в издательстве «Пингвин», начиная с блистательного редактора Кэти Лофтус. На этот раз ей особая благодарность за то, что заставила меня сделать еще две правки, когда я уже была совершенно без сил и ничего не хотела делать. Но она была права, и в результате книга получилась гораздо лучше (клятвенно обещаю, что впредь такое не повторится!). Также спасибо помощнику редактора Розанне Форте и моей замечательной команде по маркетингу и связям с общественностью в лице Джейн Джентл, Оливии Мид, Элли Хадсон и Линдси Террел, творцов электронной новостной рассылки от Кары Хантер.

Я также в неоплатном долгу перед Карен Уитлок за ее несравненный труд в качестве ответственного редактора. И перед Эммой Браун и техническим отделом «Пингвин» – в своих рукописях я ставлю перед ними неразрешимые задачи перехода от текста к картам, от карт к сообщениям в «Твиттере», но они неизменно справляются с ними! И вам огромное спасибо, Джон Гамильтон и художественный отдел, разработавшие такой броский и неповторимый дизайн для обложек, спасибо команде «Дэд Гуд», Джеймсу Кити и всем, кто связан с аудиокнигами, в особенности Эмме Канниф и Ли Инглби, так потрясающе оживляющим мои тексты.

Также спасибо моему агенту Анне Пауэр из агентства «Джонсон и Элкок» за поддержку, вдохновение и терпение! И еще Хелен Батлер – именно благодаря ей книги о Фаули изданы более чем в двадцати странах мира.

Моя команда профессионалов дала мне неоценимые советы относительно технических и процедурных сторон полицейского расследования, встречающихся в романе, как и во всех предыдущих книгах: детектив-инспектор Энди Томпсон, Джои Гиддингс, королевский адвокат Николас Сайфрет и Энн Робинсон. Все ошибки, которые могли остаться, всецело на мне.

Теперь ближе к дому: я хочу поблагодарить своего мужа Саймона и великодушных друзей, своих «первых читателей» – Сару, Питера, Элизабет, Стивена, Энди, Ричарда, Ниру и Дебору.

Спасибо за внимательное чтение и Кученге^[70].

И наконец, я хочу поблагодарить вас – моих читателей. В издательстве

«Пингвин» мне сказали, что книга Кары Хантер покупается в среднем каждые пятьдесят секунд (невероятно!), и люди каждый день выходят в «Твиттер» и «Инстаграм», чтобы передать мне, как им понравились мои творения. Не могу выразить словами, как это здорово, быть писателем, – и все же ничто не сравнится с читательской благодарностью. Я так признательна всем, кто за эти два года купил или взял в библиотеке книги серии про Адама Фаули, особенно тем, кто не пожалел времени, чтобы выложить рецензию в «Нетгэлли»^[71] или «Амазон», и блогерам, оказывающим моим книгам такую поддержку в Интернете.

И напоследок несколько слов о самом романе. Как и прежде, здесь есть реальные места и улицы Оксфорда, но тут и там я позволила себе небольшие вольности по части географии, и некоторые места являются исключительно плодом моего воображения. Например, нет никаких «саммертаунской средней школы», «Уиндермер-авеню» и «Райдал-уэй». Все новостные сообщения также полностью выдуманы, и ни один из персонажей книги не списан с реального человека, а все совпадения книжных пользовательских имен в Сети с никами реальных людей являются случайными.

В заключение обращаюсь к самым зорким среди вас: в 2018 году 1 апреля в действительности пришлось на воскресенье, но мне ради сюжета пришлось перенести дату на понедельник. Молодцы все, кто это заметил!

---

notes

Примечания

1

Вирусная инфекция, более известная в России как желудочный, или кишечный, грипп.

Столичная полиция (*англ.* Metropolitan Police), отвечающая за территорию Большого Лондона, кроме района Сити.

Имеется в виду английская пословица «Горшок над котлом смеется, а оба черны»; русские эквиваленты «Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала» или «В чужом глазу соринку заметно, в своем – бревна не видать».

4

Lakes (*англ.*) – озера.

5

Фейт (*англ.* Faith) – вера.

Дальнейшее образование – в Великобритании среднее профессиональное обучение учащихся от 16 лет, предоставляемое на базе высших учебных заведений.

Бора-Бора – остров в южной части Тихого океана, во Французской Полинезии.

В предыдущем романе К. Хантер «Выхода нет» рассказано, что родители Асанти официально назвали его Антони, хотя в основном все используют более распространенную форму его имени, Энтони.

Джон Китс (1795–1821) – великий английский поэт.

Из сонета Китса «Яркая звезда», пер. Г. Филимонова.

Бейлиол-колледж – один из старейших и самых престижных колледжей Оксфордского университета, основан в 1263 году.

Джордж Майкл (наст. имя Йоргос Кириакос Панайоту; 1963–2016) – популярный британский певец.

«Шоу Джереми Кайла» – провокационное развлекательное ток-шоу, выходило на британском телевидении с 2005 по 2019 г. и было закрыто в связи с тем, что один из его участников предположительно покончил с собой по итогам съемок.

Обозначение поцелуев.

«Подозрения» – французский телесериал о судебном процессе по делу Майкла Петерсона, обвинявшегося в убийстве своей жены.

«*Жены с ножами*» – американский документальный сериал о женщинах, совершивших преступление в отношении своих пар.

«*Жаркие южные преступления*» – американский документальный сериал о загадочных преступлениях, совершенных в южных штатах США.

Данни Миноуг (наст. имя Даниэль Джейн Миноуг; р. 1971) – популярная австралийская певица, актриса, модель, младшая сестра еще более популярной Кайли Миноуг.

«Уэйтроуз и партнеры» – сеть британских супермаркетов.

«Берберри» – знаменитая марка люксовой одежды, обуви, аксессуаров и косметики. Известна в том числе фирменным клетчатым орнаментом в шотландском стиле.

21

Презрительное обозначение лиц женского пола.

Название форума переводится как «Солидарность инцелов»; про инцелов см. ниже по тексту. Говорящие ники некоторых пользователей можно перевести как «джентльмен высшей пробы», «соси черный шест», «среднестатистическая обезьяна», «горжусь, что я самизнаетекто», «разъяренный бешеный мексониггер», «долой женовластие».

По-английски: incel – involuntary celibate.

Алан Йентоб (р. 1947) – один из членов высшего руководства Би-би-си, ныне в отставке.

Англ. уоб – подонок, отморозок.

По-английски spot.

Patsy (*англ.*) – недотепа, простофиля.

Общеобязательным (фр.).

Территориальное отделение полиции Великобритании в графствах Бэкингемшир, Беркшир и Оксфордшир. Штаб-квартира в поселке Кидлингтон вблизи Оксфорда.

Т. е. «белый молодой мужчина» (о подозреваемом).

31

Стоун – английская мера веса; равен 14 фунтам, или 6,35 кг.

Бенедикт Тимоти Карлтон Камбербэтч (р. 1976) – популярный британский актер театра, кино и телевидения.

Александр Маккуин (1969–2010) – известный британский модельер.

События излагаются в романе К. Хантер «Скрытые в темноте».

Тюрьма Ее Величества.

Британский женский размер 6 соответствует 40-му российскому размеру.

«Кактус-джек» – коктейль на основе текилы.

LIPS (*англ.*) (по первым буквам английских имен девушек) – губы.

Банджи-джампинг – прыжок с большой высоты с эластичным тросом, обвязанным вокруг щиколотки.

Серийный убийца Питер Сатклифф (р. 1946), убивавший, как и его более известный «тезка», проституток.

«*Райанэйр*» – ирландская авиакомпания, крупнейший лоукостер в Европе.

999 – телефон службы спасения в Великобритании.

43

188 см, 100 кг.

44

177 см, 72,5 кг.

Сеть фаст-фудов южноафриканского происхождения; основу меню составляют пряные блюда из курятины.

«*Ловец снов*» – небольшой обруч с натянутой на него сеткой, украшенный перьями и бусами, который, согласно верованиям индейцев, приносит обладателю хорошие сны, так как плохие «запутываются» в этой конструкции.

«Гордость и предубеждение» – классический роман великой английской писательницы Джейн Остин (1775–1817), показывающий быт и нравы провинциального дворянства и духовенства; «Крылья голубки» – психологический роман американо-британского писателя Генри Джеймса (1843–1916); «Оглянись во гневе» – пьеса английского драматурга Джона Осборна (1929–1994), выразившая настроения послевоенного поколения «рассерженных молодых людей».

«Стилетом» на Западе часто называется каблук, который у нас принято обозначать как «шпилька».

Френология – лженаука о якобы взаимосвязи психики со строением черепа.

Томас Харди (1840–1928) – великий английский писатель и поэт, мастер социально-психологического романа.

«Оксфордские новости онлайн» и «Би-би-си, срочные новости Центральных графств».

Управление по стандартам образования.

«Счастливая долина» – английский телевизионный сериал, действие которого происходит в Северном Йоркшире. Кэтрин Кейвуд (роль исполняет Сара Ланкашир) – волевая, целеустремленная сержант полиции.

Флит-стрит – центральная британская пресса (по названию улицы в Лондоне, где до недавнего времени располагались редакции главных британских газет).

«*Волшебная карусель*» – детский мультипликационный сериал, одним из персонажей которого является улитка Брайан.

Энид Блайтон (1897–1968) – английская писательница для детей и юношества.

Должность начальника полиции города (за исключением Лондона) или графства.

«*Однорукий бандит*» – жаргонное прозвище игровых автоматов для азартных игр, когда-то вместо кнопки для запуска игры имевших боковой рычаг.

«*Мария Целеста*» – американский корабль, обнаруженный в декабре 1872 г. в Атлантическом океане на полпути в Европу с приемлемыми неисправностями и без экипажа (а также жены и дочери, сопровождавших капитана). Судьба людей и причина, по которой они оставили судно, до сих пор остаются загадкой.

Ли́я Уи́льямс (р. 1964) – известная английская актриса театра, ТВ и кино.

Служба огласки и пресечения – британская государственная служба, сотрудничающая с Министерством внутренних дел; ее задачей является распространение информации о криминальном прошлом людей с целью оказать помощь различным организациям в отборе кандидатов на ту или иную должность.

«Маноло Бланик» – марка дорогой модной обуви.

Эйлсбери – городок на северо-востоке Англии, административный центр графства Бакингемшир.

Валлийский язык – в оригинале Ffrwdgrech.

Школа государственного управления им. Блаватника – учебное заведение в составе Оксфордского университета, основанное на деньги сэра Леонарда Блаватника (выходца из СССР Леонида Блаватника), одного из богатейших людей Британии.

Паундбери – экспериментальный город в предместье Дорчестера на юго-западе Англии, призванный показать пример противоположности «автомобильным пригородам»: здесь архитектура опирается на исторические стили, избегая техноориентированного функционализма, все объекты застройки рассчитаны так, чтобы выглядеть дружелюбно для всех категорий горожан, необходимые службы находятся в пешей (или велосипедной) доступности, активно применяются «зеленые» технологии.

Фильм (2018) известного режиссера Пола Томаса Андерсона, главный герой которого – люксовый модельер.

ЛПН – лучшие подруги навечно (распространенная в англоговорящих странах аббревиатура BFF – best friends forever).

Фразеологизм, появившийся под влиянием киновестернов первой половины XX в. Додж-Сити – город в южной части штата Канзас, символ необузданных нравов и разгула преступности эпохи освоения Дикого Запада. В оригинале автор показывает, что Алекс имитирует американский акцент.

Видимо, имеется в виду популярный блогер, чернокожая женщина-трансгендер, так как один из персонажей романа обладает схожей самоидентификацией.

Буквально – «Сетевые гранки» (англ. NetGalley); сайт для «профессиональных читателей» (издательских работников, журналистов, блогеров, книготорговцев), куда некоторые издательства выкладывают готовые верстки бумажных версий еще не вышедших официально книг.